

История рыцарей-тамплиеров, храмовой церкви и храма

С. Г. Аддисон

The History of the Knights Templars, the Temple Church, and the Temple

C. G. Addison

Электронная книга проекта "Проект Гутенберг" "История рыцарей-тамплиеров, храмовой церкви и храма".

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История рыцарей-тамплиеров, храмовой церкви и храма

Автор: К. Г. Эддисон

Дата выхода: 17 января 2012 [eBook #38593]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных Интернет-архивом/канадскими Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF THE KNIGHTS TEMPLARS, THE TEMPLE CHURCH, AND THE TEMPLE ***

ИСТОРИЯ РЫЦАРЕЙ ТАМПЛЕРОВ, ХРАМОВОЙ ЦЕРКВИ И ХРАМА.

BY CHARLES G. ADDISON, ESQ. ИЗ ВНУТРЕННЕГО ХРАМА.

TESTIS SVM AGNI.

ЛОНДОН:
ЛОНГМАН, БРАУН, ГРИН И ЛОНГМАНС,
PATERNOSTER ROW.
1842.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО Г. ДЖ. ПАЛМЕРОМ, САВОЙ-СТРИТ, СТРЭНД.

МАГИСТРАМ СКАМЬИ ДОСТОПОЧТЕННЫХ ОБЩЕСТВ
Inner and Middle Temple, THE RESTORERS OF THE Antient Church of the Knights Templars,
THIS WORK IS RESPECTFULLY DEDICATED BY THE AUTHOR.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Необыкновенная и романтическая карьера рыцарей-тамплиеров, их подвиги и несчастья делают их историю предметом особого интереса.

Родившись во время первого пыла крестовых походов, они были польщены и возвеличены до тех пор, пока их огромная военная мощь и религиозный фанатизм могли быть использованы для поддержки восточной церкви и удержания Святой земли, но когда полумесяц в конце концов одержал победу над крестом, и военно-религиозный энтузиазм христианства угас, они встретили самую низкую неблагодарность в ответ на услуги, которые они оказали христианской вере, и были разграблены, преследуемы и осуждены на жестокую смерть теми, кто по справедливости должен был быть их защитниками и сторонниками. Память об этих святых воинах запечатлена во всех наших воспоминаниях о крестовых войнах; они были оплотом латинского Иерусалимского королевства в течение короткого периода его существования и последним отрядом европейского воинства, боровшегося за обладание Палестиной.

К монашеским обетам и строгой жизни в монастыре тамплиеры добавили дисциплину лагеря и суровые обязанности военной жизни, присоединившись к ним.

"Прекрасное призвание меча и копья,
с грубыми целями и трудом, сгибающим тело.
Бедного братства, что ходит по земле
Жалеют".

Вульгарное представление о том, что тамплиеры были настолько же *злыми*, насколько бесстрашными и храбрыми, еще не полностью разрушено; но хочется надеяться, что

подробный отчет о судебных разбирательствах против ордена в этой стране, приведенный в девятой и десятой главах следующего тома, развеет многие необоснованные предрассудки, все еще существующие против братства, и вызовет эмоции восхищения их постоянством и мужеством, а также жалости к их незаслуженной и жестокой судьбе.

Мэтью Пэрис, писавший в *Сент-Олбанс* о событиях в *Палестине*, рассказывает, что вражда между тамплиерами и госпитальерами часто переходила в открытую войну к большому скандалу и ущербу для христианства, и что в одной из битв между ними тамплиеры были убиты до единого человека. Одинокое свидетельство Мэтью Париса, который не был другом двух орденов, опровергается молчанием современных историков, писавших об этом событии; а из писем папы, адресованных госпитальерам в год после даты предполагаемой битвы, совершенно очевидно, что такое событие никогда не могло произойти.

Рассказы даже лучших античных писателей не следует принимать без изучения и тщательного сравнения с другими источниками информации. Например, Вильгельм Тирский рассказывает, что *Насср-эд-Дин*, сын султана *Аббаса*, был взят в плен тамплиерами и, находясь в их руках, обратился в христианскую религию; Он выучил зачатки латинского языка и искренне желал креститься, но тамплиеры были подкуплены шестьюдесятью тысячами золотых, чтобы выдать его врагам в Египте, где его ждала верная смерть, и что они стояли и смотрели, как его связывают по рукам и ногам цепями и помещают в железную клетку, чтобы везти через пустыню в Каир. Арабские историки того времени рассказывают, что *Насср-эд-Дин* и его отец убили халифа и бросили его тело в колодец, а затем бежали со своими приближенными и сокровищами в Палестину; Сестра убитого халифа немедленно написала коменданту Газы, где находился гарнизон рыцарей-тамплиеров, предлагая хорошую награду за поимку беглецов; их перехватили, и *Насср-эд-Дин* был отправлен в Каир, где родственники халифа приказали разрубить его тело на мелкие кусочки в серале. Вышеупомянутое деяние постоянно выдвигалось в качестве серьезного обвинения против тамплиеров; но как же по-другому выглядит дело, если судить по показаниям арабских властей!

Следует помнить, что Вильгельм архиепископ Тирский враждебно относился к ордену из-за его огромных полномочий и привилегий и довел свои жалобы до генерального собора церкви в Риме. От него отказывается во всем, что он говорит в ущерб братству, Иаков Витрийский, епископ Акко, ученый и талантливый прелат, писавший в Палестине впоследствии Вильгельма Тирского и во многом скопировавший историю последнего. Епископ Акко отзывался о тамплиерах в самых высоких выражениях и утверждает, что они были любимы всеми людьми за их благочестие и смирение. "*Nulli molesti erant!*" - говорит он, - "*sed ab omnibus propter humilitatem et religionem amabantur*".

Знаменитый востоковед *фон Хаммер* недавно выдвинул против тамплиеров различные необычные и необоснованные обвинения, лишённые всякого авторитета; а *Вильке*, написавший немецкую историю ордена, похоже, впитал в себя все вульгарные предрассудки против братства. Я мог бы добавить интереса к последующей работе, сделав тамплиеров ужасными и зверскими злодеями; но я постарался написать справедливый и беспристрастный рассказ об ордене, не рабски перенимая все, что я нахожу подробным у древних писателей, а только то, что, по моему мнению, после тщательного изучения лучших авторитетов, *соответствует действительности*.

Нас можно поздравить с тем, что в лондонской церкви Темпл мы обладаем самым прекрасным и совершенным памятником ордена рыцарей-тамплиеров из ныне существующих. Никто из тех, кто видел это здание в его позднем одеянии из штукатурки и

побелки, не узнает его, когда оно будет восстановлено в своем древнем великолепии. Это почтенное сооружение было одной из главных церковных построек рыцарей-тамплиеров в Европе и стояло рядом с Иерусалимским храмом. Совершив паломничество в Святой город и побродив по дворам древнего храма рыцарей-тамплиеров на горе Мориа, я не мог не отнестись с более чем обычным интересом к восстановлению обществами Внутреннего и Среднего храма их прекрасной Храмовой церкви.

В этом похвальном деле они проявили величайшее рвение и энергию, и не пожалели средств, чтобы исправить разрушения времени и вернуть строение *к тому виду, каким оно было* во времена тамплиеров.

Летом я имел удовольствие сопровождать одного из главных и наиболее энергичных сторонников восстановления церкви (мистера Буржа, Q.C.), который осмотрел интересную ткань, и по его предложению была начата нынешняя работа. Боюсь, что она вряд ли оправдает его ожидания, и мне жаль, что за эту интересную задачу не взялись более умелые руки.

Темпл, 17 ноября 1841 года.

P.S. Мистер Уиллемент, который готовит несколько изысканных витражей для церкви Темпл, только что обратил мое внимание на девятнадцатый том "Mémoires de la Société Royale des Antiquaires de France", опубликованный в прошлом году. В нем содержится любопытный и интересный рассказ шевалье дю Фреманвиля о церкви Брелевеннез в департаменте Кот-дю-Норд, которая, как предполагается, ранее принадлежала ордену Храма. Среди различных любопытных приспособлений, крестов и символов, найденных на окнах и гробницах церкви, есть медный медальон, который, похоже, был подвешен к шее на цепочке. Это украшение состоит из небольшого круга, внутри которого вписаны два равносторонних треугольника, расположенных один на другом так, что образуют шестиконечную звезду. В центре звезды находится второй круг, внутри которого изображен Агнец ордена Храма, держащий в передней лапе знамя, подобное тому, что мы видим на старинной печати ордена, изображенной на титульном листе этой работы. Мистер Уиллемент сообщил мне, что получил предложение от одного джентльмена из Бретани прислать слепки с украшений и приспособлений, недавно обнаруженных в этой церкви. Он любезно передал это письмо мне на рассмотрение, но я не счел целесообразным откладывать публикацию настоящего труда ради их получения.

Мистер Уиллемент также обратил мое внимание на очень четкий оттиск оборотной стороны печати Храма, описанный на странице 106, на котором я очень ясно прочитал интересный девиз: "TESTIS SVM AGNI".

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

которым подвергались паломники - Образование братства бедных соратников Иисуса Христа для их защиты - Их местонахождение в Храме - Описание Храма - Происхождение названия тамплиеров - Хью де Пайенс выбран магистром Храма - Отправлен в Европу королем Болдуином - Представлен Папе - Собрание Совета в Труа - Образование правила для управления тамплиерами

1

ГЛАВА II.

Regula Pauperum Commilitonum Christi et Templi Salomonis.

Самые любопытные части правила - подтверждение правила Папой - визит Хью де Пайенса, магистра Храма, в Англию - его радушный прием - основание ордена в этой стране - земли и деньги, пожалованные тамплиерам - их популярность в Европе - быстрый рост братства - Святой Бернард берет за перо от их имени - он показывает их доблесть и благочестие

15

ГЛАВА III.

Де Пайенс возвращается в Палестину - его смерть - Роберт де Краон становится магистром - успех неверных - второй крестовый поход - тамплиеры принимают Красный крест - их доблестные действия и высокая дисциплина - земли, поместья и церкви, пожалованные им в Англии - Бернард де Тремелей становится магистром - его убивают неверные - Бертран де Бланкефор становится магистром - его берут в плен, Папа пишет письма с похвалой тамплиерам - их религиозный и военный энтузиазм - их боевое знамя под названием *Бозант* - появление конкурирующего военно-религиозного ордена Госпиталя Св. Иоанна

36

ГЛАВА IV.

Состязания между Саладином и тамплиерами - огромные привилегии тамплиеров - издание буллы "*omne datum optimum*" - папа объявляет себя непосредственным епископом всего ордена - различные классы тамплиеров - рыцари - священники - служащие братья - наемные солдаты - великие офицеры Храма - наказание за трусость - магистр Храма попадает в плен, и умирает в темнице - большие успехи Саладина - христиане заключают перемирие - магистр Храма и патриарх Ираклий отправляются в Англию за помощью - освящение храмовой церкви в Лондоне

60

ГЛАВА V.

Храм в Лондоне - обширные владения тамплиеров в Англии - территориальное деление ордена - различные прецеденты в этой стране - привилегии, дарованные тамплиерам королями Англии - магистры Храма в Лондоне - их власть и значение

81

ГЛАВА VI.

Патриарх Ираклий ссорится с английским королем - возвращается в Палестину без помощи - разочарования и мрачные предчувствия тамплиеров - они готовятся противостоять Саладину - поражение и резня - доблестные подвиги

114

маршала Храма - роковая битва при Тиберии - пленение Великого магистра и истинного Креста - пленным тамплиерам предлагают Коран или смерть - они выбирают последнее, Падение Иерусалима - мусульмане овладевают Храмом - очищают его розовой водой, читают молитвы и слушают проповедь - тамплиеры удаляются в Антиохию - их письма королю Англии и магистру Храма в Лондоне - их подвиги при осаде Акры

ГЛАВА VII.

Ричард Кер де Лев присоединяется к тамплиерам перед Акко - город сдается, Тамплиеры основывают в нем главный дом своего ордена - Кёр де Лев поселяется у них - Он продает им остров Кипр - Тамплиеры составляют основу его армии - Их фуражирские экспедиции и великие подвиги - Кёр де Лев покидает Святую землю под видом рыцаря-тамплиера - Тамплиеры строят замок Пилигримов в Палестине - Состояние ордена в Англии - Король Джон живет в Храме в Лондоне - Бароны приходят к нему в это место, и требуют Магна Чарта - подвиги тамплиеров в Египте - письма Великого магистра магистру Храма в Лондоне - тамплиеры отвоевывают Иерусалим

141

ГЛАВА VIII.

Завоевание Иерусалима каризмийцами - резня тамплиеров и смерть Великого магистра - подвиги тамплиеров в Египте - король Франции Людовик посещает тамплиеров в Палестине - помогает им привести страну в обороноспособное состояние - Генрих II., король Англии посещает храм в Париже - великолепное гостеприимство тамплиеров в Англии и Франции - Бенокдар, султан Египта, вторгается в Палестину - он побеждает тамплиеров, берет их сильные крепости и обезглавливает шестьсот их братьев - Великий магистр прибывает в Англию за помощью - возобновление войны - падение Акры и окончательное исчезновение тамплиеров в Палестине

165

ГЛАВА IX.

Падение тамплиеров - причины этого - Великий магистр приезжает в Европу по просьбе Папы Римского - по приказу короля Филиппа он вместе со всеми тамплиерами во Франции заключен в тюрьму - их подвергают пыткам и добиваются от них признания вины в ереси и идолопоклонстве - Эдуард II. король Англии выступает в защиту тамплиеров, но затем преследует их по приказу папы - заключение магистра Храма и всех его братьев в Англии - их допрос по восьмидесяти семи ужасным и нелепым статьям обвинения перед иностранными инквизиторами, назначенными папой - церковный собор собирается в Лондоне, чтобы вынести им приговор - любопытные свидетельства о способе приема в орден, а также об обычаях и обыкновениях братства

193

ГЛАВА X.

Тамплиеры во Франции отказываются от своих признаний, сделанных на дыбе, их судят как еретиков и сжигают на костре - ход расследования в Англии - любопытные свидетельства о способе проведения глав ордена - о покаянии, наложенном на них, и об отпущении грехов, произносимом магистром -

239

тамплиеры составляют письменную защиту, которую представляют церковному совету - их помещают в отдельные темницы, Двое служащих братьев и капеллан ордена делают признания - многие другие тамплиеры признают себя виновными в ереси в отношении их веры в религиозный авторитет их магистра - они заявляют о своем отречении, и примиряются с церковью перед южной дверью собора Святого Павла - Орден Храма упраздняется Папой Римским - Последний из магистров Храма в Англии умирает в Тауэре - Распоряжение имуществом ордена - Замечания о падении тамплиеров

ГЛАВА XI.

ЦЕРКОВЬ ХРАМА.

Восстановление Храмовой церкви - красота и великолепие почтенного здания - различные архитектурные стили, представленные в нем - открытия, сделанные во время недавней реставрации - сакрариум - мраморная писцина - ниши для причастия - покаянная келья - древняя часовня Святой Анны - исторические вопросы, связанные с Храмовой церковью - святые мощи, хранившиеся в ней в древности - интересные монументальные останки

289

ГЛАВА XII.

ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ.

Памятники крестоносцам - Гробница и чучело сэра Джеффри де Магнавила, графа Эссекса и констебля Тауэра - Его жизнь и смерть, знаменитые подвиги - Уильям Маршалл, граф Пембрук, Протектор Англии - О лорде де Росссе - Об Уильяме и Гилберте Маршаллах, графах Пембрук - Об Уильяме Плантагенете, пятом сыне Генриха Третьего - Тревожное желание, проявленное королем Генрихом Третьим, королевой Элеонорой и различными высокопоставленными лицами, быть похороненными в церкви Темпл

309

ГЛАВА XIII.

ХРАМ.

Древности Храма - история этого места после распада ордена рыцарей-тамплиеров - создание в Храме общества юристов - древность этого общества - его связь с древним обществом рыцарей-тамплиеров - орден рыцарей и служащих братьев, учрежденный в области права - степень *frere serjen* или *frater serviens*, заимствованная у древних тамплиеров - современные тамплиеры делятся на два общества - Внутреннего и Среднего Храма

342

ГЛАВА XIV.

ХРАМ.

Сад Темпла - Возведение новых зданий в Темпле - Роспуск ордена госпиталя Святого Иоанна - Юридические общества становятся арендаторами короны - Возведение великолепного зала Среднего Темпла - Перестройка старого зала в палаты - Передача наследства Темпла двум юридическим обществам - Их великолепный подарок Его Величеству - Их старинные порядки и обычаи, Их старинные порядки и обычаи, и старинное гостеприимство - Их грандиозные

373

развлечения - Читательские пиры - Великие рождественские праздники и
реверансы - Охота на лис в зале - Спор с лордом-мэром - Ссора с *попечителем*
храмовой церкви

ОШИБКА.

В примечании, стр. 6, *для infinitus следует читать infinitis.*
29, для carrissime, читайме carissime.
42, для Angli, читайме Anglia.
79, для promptia, читайме promptior.
79, для principos, читайме principes.
80, для Patriarcha, читайме patriarcham.

РЫЦАРИ-ТЕМПЛИЕРЫ.

ГЛАВА I.

Происхождение тамплиеров - паломничество в Иерусалим - опасности, которым подвергались паломники - создание братства бедных соратников Иисуса Христа для их защиты - их размещение в Храме - описание Храма - происхождение названия тамплиеров - Хью де Пайенс, избранный магистром Храма - отправлен в Европу королем Болдуином - представлен Папе Римскому - сбор Совета в Труа - создание правил управления тамплиерами.

"И все же среди ее возвышающихся вееров лежат руины,
Святой пилигрим отслужил вечерню с ропотом;
Он взошел на скалы и бродил по ним.
В сумерках оливковых рощ:
'Twas his to bend under the sacred gloom,
И гробницу Мессии целовать".

Необычный и романтический институт рыцарей-тамплиеров, этих военных монахов, так странно сочетавших в себе характер монаха и солдата, берет свое начало следующим образом:...

После чудесного открытия Святого Гроба императрицей Еленой, матерью Константина, примерно через 298 лет после смерти Христа, и последующего возведения, по повелению первого христианского императора, великолепной церкви Воскресения, или, как ее теперь называют, церкви Гроба Господня, над священным памятником, в Иерусалим устремился поток паломничества, который все усиливался по мере распространения христианства по всей Европе. После сдачи Святого города победоносным арабам (637 г. н. э.) привилегии и безопасность христианского населения были закреплены в следующей гарантии, данной рукой и печатью халифа Омара патриарху Софронию.

"От Омара Эбно 'л Алхитаба жителям Илии".

"Они будут защищены и обеспечены как в жизни, так и в богатстве, и их церкви не будут снесены или использованы кем-либо, кроме них самих"[1].

При правлении аравийцев паломничество продолжало неуклонно расти; старики и молодежь, женщины и дети толпами стекались в Иерусалим, и в 1064 году Гроб Господень посетила восторженная группа из семи тысяч паломников во главе с архиепископом Менца и епископами Утрехта, Бамберга и Ратисбона.[2] На следующий год, однако, Иерусалим был завоеван дикими туркоманами. Три тысячи горожан были без разбора истреблены, а наследственная власть над Святым городом и территорией была передана эмиру Ортоку, вождю дикого пастушеского племени.

Под железным игом этих свирепых северных чужеземцев христиане подвергались страшным притеснениям; их изгоняли из их церквей, богослужение высмеивалось и прерывалось, а патриарха Святого города за волосы тащили по священной мостовой церкви Воскресения и бросали в темницу, чтобы вымогать выкуп у сочувствующих его пастве. Паломников, которые через бесчисленные опасности достигали ворот Святого города, грабили, заключали в тюрьмы, а зачастую и убивали; За вход в святую усыпальницу требовали *ауреус*, или кусок золота, и многие, не имея возможности заплатить налог, были изгнаны мечами туркоманов с самого порога объекта всех их надежд, места их долгого паломничества, и были вынуждены в печали и страданиях возвращаться по своим измученным шагам в свои далекие дома.[3] Меланхоличное известие об осквернении святых мест, о притеснениях и жестокости туркоманов пробудило религиозное рыцарство христианства; "был затронут нерв изысканного чувства, и это ощущение пронеслось до сердца Европы".

Затем возник дикий энтузиазм крестовых походов; люди всех сословий, даже монахи и священники, воодушевленные увещаниями папы и проповедями Петра Отшельника, бросились к оружию и с энтузиазмом взялись за "благочестивое и славное дело" спасения святого гроба Христова от нечестивых мерзостей язычников.

Когда весть о взятии Иерусалима крестоносцами (А. Д. 1099 г.) дошли до Европы, рвение паломничества разгорелось с еще большей силой; оно набрало интенсивность за время подавления его дикими туркоманами, и беспорядочные толпы обоих полов, стариков и детей, девственников и девственниц, считая тогда дорогу открытой, а путешествие осуществимым, последовательно устремились к Святому городу, горя желанием созерцать подлинные памятники искупления.[4] Неверные действительно были изгнаны из Иерусалима, но не из Палестины. В горах, примыкающих к морскому побережью, жили смелые и воинственные отряды беглых мусульман, которые держались в различных неприступных замках и крепостях, откуда выходили на большие дороги, прерывали сообщение между Иерусалимом и морскими портами и мстили за потерю своих жилищ и имущества безразборным грабежом всех путешественников. Кроме того, бедуинские всадники, совершая стремительные набеги из-за Иордана, часто вели беспорядочные и

нерегулярные войны на равнинах; поэтому паломники, независимо от того, приближались ли они к Святому городу по суше или по морю, подвергались почти ежедневной вражде, грабежу и смерти.

Чтобы облегчить опасности и страдания, которым подвергались эти благочестивые энтузиасты, защитить честь святых дев и матрон[5] и уберечь седины почтенных пальмеров, девять благородных рыцарей образовали святое братство по оружию и заключили торжественный договор о взаимной помощи в очистке дорог от неверных и разбойников и защите паломников, проходящих через горные проходы и дефиле к Святому городу. Согретые религиозным и военным пылом того времени и воодушевленные святостью дела, которому они посвятили свои мечи, они назвали себя *Бедными воинами Иисуса Христа*. Они отреклись от мира и его удовольствий и в святой церкви Воскресения Христова, в присутствии патриарха Иерусалимского, приняли обеты вечного целомудрия, послушания и бедности, по примеру монахов.[6] Объединив в себе два самых популярных качества эпохи, преданность и доблесть, и используя их в самом популярном из всех предприятий, защите паломников и дороги к святому гробу, они быстро приобрели огромную репутацию и великолепную славу.

Сначала, как нам рассказывают, у них не было ни церкви, ни определенного места жительства, но в 1118 году нашего Господа (через девятнадцать лет после завоевания Иерусалима крестоносцами) они оказали христианам столь добрую и приемлемую услугу, что Балдуин Второй, король Иерусалима, предоставил им место жительства в священной ограде Храма на горе Мориа, среди этих священных и великолепных сооружений, частично воздвигнутых христианским императором Юстинианом, а частично построенных халифом Омаром, которые в то время выставлялись монахами и священниками Иерусалима, чье неумное рвение заставляло их упражняться в легковерии паломников и умножать реликвии и все предметы, которые могли быть священными в их глазах, как *Храм Соломона*, откуда бедные соратники Иисуса Христа стали впредь известны под именем "*рыцарства Храма Соломона*". "[7]

Несколько замечаний, разъясняющих название "тамплиеры", или "рыцари Храма", могут оказаться совершенно неуместными.

Мусульмане всегда с особым почтением относились к месту, где стоял великий иудейский храм на горе Мориа. Магомет, в первый год публикации Корана, предписывал своим последователям во время молитвы поворачиваться к нему лицом, и набожные мусульмане постоянно совершали паломничество к этому священному месту. После завоевания Иерусалима арабами халиф Омар первым делом взялся за восстановление "Храма Господня". В сопровождении главных вождей своей армии командующий правоверными взял на себя благочестивую обязанность своими руками расчистить площадку и заложить фундамент великолепной мечети, которая сегодня венчает своим темным и вздымающимся куполом возвышенную вершину горы Мориа[8].

Этот великий дом молитвы, самый святой мусульманский храм в мире после храма в Мекке, воздвигнут на том месте, где "Соломон начал строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мориа, где Господь явился Давиду, отцу его, на месте, которое Давид приготовил на гумне Орнана, иевусеянина". Он сохранился до наших дней в идеальном состоянии и является одним из лучших образцов сарацинской архитектуры. В него ведут четыре просторных дверных проема, каждый из которых обращен к одной из кардинальных точек: *Баб-эль-Джаннат*, или ворота сада, на севере; *Баб-эль-Кебла*, или ворота молитвы, на юге; *Баб-ибн-эль-Дауд*, или ворота сына Давида, на востоке; и *Баб-эль-Гарби*, на западе. Арабские

географы называют его *Бейт Аллах*, дом Божий, также *Бейт Альмокаддас*, или *Бейт Альмакдес*, святой дом. От него Иерусалим получил свое арабское название: *Эль-Кодс* - святой, *Эль-Шериф* - благородный, *Эль-Мобарек* - благословенный; а правители города, вместо привычных высокопарных титулов суверена и власти, носят простой титул *Хами*, или защитники.

При завоевании Иерусалима крестоносцами полумесяц был сорван с вершины этого знаменитого мусульманского храма и заменен огромным золотым крестом, после чего здание было освящено для богослужений христианской религии, но сохранило свое простое название "Храм Господень". Вильгельм, архиепископ Тирский и канцлер Иерусалимского королевства, дает интересный рассказ об этом знаменитом сооружении, как оно существовало в его время, во времена латинского владычества. Он говорит о великолепной мозаичной работе, об арабских иероглифах, указывающих имя основателя и стоимость проекта, и о знаменитой скале под центром купола, которую мусульмане и по сей день показывают как место, где стоял ангел-разрушитель, "с занесенным мечом в руке, простертой над Иерусалимом"[9]. "Эта скала, как сообщает, оставалась открытой и непокрытой в течение пятнадцати лет после завоевания святого города крестоносцами, но после этого была обнесена красивым алтарем из белого мрамора, на котором священники ежедневно совершали мессу.

К югу от этого священного мусульманского храма, на самом краю вершины горы Мориа, упираясь в современные стены города Иерусалима, стоит почтенная христианская церковь Богородицы, возведенная императором Юстинианом, чей колоссальный фундамент, сохранившийся до наших дней, полностью оправдывает удивительное описание здания, данное Прокопием. Этот писатель сообщает нам, что для того, чтобы получить ровную поверхность для возведения здания, необходимо было на восточной и южной сторонах холма поднять стену из каменной кладки из долины внизу и построить огромный фундамент, частично состоящий из цельного камня, а частично из арок и столбов. Камни были такой величины, что каждый блок требовалось перевозить в грузовике, запряженном сорока самыми сильными волами императора; чтобы обеспечить проезд этих грузовиков, необходимо было расширить дороги, ведущие в Иерусалим. Ливанские леса дали свои лучшие кедры для брёвен крыши, а карьер разноцветного мрамора, обнаруженный в соседних горах, украсил здание великолепными мраморными колоннами.[10] Интерьер этого интересного сооружения, которое до сих пор, по прошествии более чем тринадцати веков, находится в Иерусалиме в прекрасной сохранности, украшен шестью рядами колонн, из которых выходят арки, поддерживающие кедровые балки и бревна крыши; а в конце здания находится круглая башня, увенчанная куполом. Огромные камни, каменные стены и подземная колоннада, поднятая для поддержки юго-восточного угла платформы, на которой возведена церковь, поистине удивительны, и их все еще можно увидеть, проникнув через небольшую дверь и спустившись по нескольким ступеням в юго-восточном углу корпуса. Рядом со священным зданием император возвел больницы, или дома-убежища, для путешественников, больных и нищенствующих всех народов; их фундаменты, сложенные из красивой римской кладки, до сих пор видны по обе стороны от южного конца здания.

После завоевания Иерусалима мусульманами эта почтенная церковь была превращена в мечеть и названа *Д'джаме аль-Акса*; вместе с великим мусульманским храмом Господним, возведенным халифом Омаром, она была заключена в обширное пространство высокой каменной стеной, которая проходит по краю вершины горы Мориа и охраняет от оскверняющих шагов неверных всю эту священную землю, на которой когда-то стоял великолепный храм мудрейшего из царей[11].

Когда Святой город был взят крестоносцами, *Д'джаме-аль-Акса* с различными зданиями, построенными вокруг него, перешла в собственность иерусалимских королей; Вильгельм Тирский называет ее "дворцом" или "королевским домом к югу от Храма Господня, который в народе называют *Храмом Соломона*". "[12] Именно это здание или храм на горе Мориа было выделено в пользование бедным соратникам Иисуса Христа, поскольку у них не было *церкви* и определенного места обитания, и от него они получили свое название рыцарей-тамплиеров[13].

Иаков Витрийский, епископ Акко, который дает интересный рассказ о святых местах, так говорит о храме рыцарей-тамплиеров. "Кроме того, в Иерусалиме есть еще один храм огромного размера и протяженности, от которого братья рыцарства Храма получили свое название тамплиеров, который называется Храмом Соломона, возможно, чтобы отличить его от вышеописанного, который специально называется Храмом Господа." "[14] Кроме того, он сообщает нам в своей восточной истории, что "в Храме Господнем есть аббат и каноники; и да будет известно, что один - это Храм *Господень*, а другой - Храм *рыцарства*. Эти - *клерки*, другие - *рыцари*"[15].

Каноники Храма Господня уступили бедным соратникам Иисуса Христа большой двор, простирающийся между этим зданием и Храмом Соломона; король, патриарх, прелаты Иерусалима и бароны Латинского королевства выделили им различные дары и доходы для их содержания и поддержки[16], и теперь орден обосновался на постоянном месте жительства, а рыцари вскоре стали строить более широкие планы и искать более просторный театр для осуществления своей святой профессии.

Их первой целью, как уже говорилось, была защита бедных паломников на их пути от морского побережья до Иерусалима и обратно;[17] но поскольку враждебные племена мусульман, повсюду окружавшие Латинское королевство, постепенно оправлялись от оцепенения, в которое их повергла успешная и истребительная война первых крестоносцев, и становились агрессивными и угрожающими, было решено, что святые воины Храма должны, помимо защиты паломников, сделать защиту христианского королевства Иерусалим, восточной церкви и всех святых мест частью своей особой профессии.

Двумя наиболее выдающимися членами братства были Хью де Пайенс и Джеффри де Сент-Альдемар, или Сент-Омер, два доблестных воина креста, которые с большим успехом и славой сражались при осаде Иерусалима. Хью де Пайенс был избран рыцарями на должность начальника нового религиозного и военного общества, получив титул "Магистр Храма", и поэтому его принято называть основателем ордена.

Имя и репутация *рыцарей-тамплиеров* быстро распространились по всей Европе, и различные прославленные паломники с далекого Запада стремились стать членами святого братства. Среди них был Фульк, граф Анжуйский, который вступил в общество в качестве женатого брата (1120 г. н. э.) и ежегодно перечислял ордену тридцать фунтов серебра. Балдуин, король Иерусалима, предвидя, что увеличение силы и численности этих святых воинов принесет латинскому королевству огромные выгоды, постарался распространить орден по всему христианству, чтобы с помощью такого политического учреждения поддерживать святой энтузиазм Запада и черпать постоянную помощь от смелых и воинственных рас Европы для поддержки своего христианского трона и королевства.

Святой Бернар, святой аббат из Клерво, был большим поклонником тамплиеров. Он написал письмо графу Шампани по поводу его вступления в орден (1123 г. н. э.), в котором восхвалял этот поступок, как имеющий выдающиеся заслуги перед Богом; и было решено заручиться всемогущим влиянием этого великого церковника в пользу братства. "Дав обет бедности и

покаяния, закрыв глаза на видимый мир, отказавшись от всех церковных достоинств, аббат Клервоский стал оракулом Европы и основателем ста шестидесяти монастырей. Князья и понтифики трепетали перед свободой его апостольских порицаний: Франция, Англия и Милан советовались с ним и повиновались его суду в церковном расколе: долг был погашен благодарностью Иннокентия Второго; а его преемник, Евгений Третий, был другом и учеником святого Бернарда"[18].

К этому ученому и благочестивому прелату были отправлены два рыцаря-темплара со следующим письмом:

"Балдуин, милостью Господа Иисуса Христа, короля Иерусалимского и князя Антиохийского, почтенному отцу Бернару, аббату Клервоскому, здоровья и уважения.

"Братья Храма, которых Господь соизволил воздвигнуть и которых по особому Промыслу сохраняет для защиты этого королевства, желая получить от Святого Престола подтверждение их учреждения и правило для их особого руководства, мы решили послать к вам двух рыцарей, Андрея и Гондемара, людей, отличающихся своими военными подвигами не меньше, чем блеском своего рождения, чтобы получить от Папы одобрение их ордена и расположить его святейшество послать помощь и субсидии против врагов веры, объединившихся в своем намерении уничтожить нас и вторгнуться на наши христианские территории.

"Хорошо зная вес вашего посредничества перед Богом и его наместником на земле, а также перед князьями и державами Европы, мы сочли нужным доверить вам эти два важных дела, успешное решение которых не может быть иным, чем наиболее благоприятным для нас. Уставы, о которых мы просим вас, должны быть так упорядочены и организованы, чтобы их можно было согласовать с шумным лагерем и воинским делом; они должны быть такого характера, чтобы добиться благосклонности и популярности у христианских князей.

"Так распорядитесь же, чтобы мы через вас имели счастье наблюдать успешное завершение этого важного дела, и вознесите за нас к небу фимиам ваших молитв"[19].

Вскоре после того, как вышеупомянутое письмо было отправлено святому Бернарду, Хью де Пайенс сам отправился в Рим в сопровождении Жоффрея де Сент-Альдемара и еще четырех братьев ордена: брата Пайена де Мондидье, брата Горалла, брата Жоффрея Бизоля и брата Арчамбаульда де Сент-Аманда. Они были с большим почетом и отличием приняты папой Гонорием, который горячо одобрил цели и замыслы святого братства. Тем временем святой Бернар принял дело близко к сердцу; он договорился с папой, легатом и епископами Франции и добился созыва большого церковного собора в Труа (1128 г. н. э.), на который были приглашены Хью де Пайенс и его братья. Этот совет состоял из нескольких архиепископов, епископов и аббатов, среди которых был и сам святой Бернард. Магистр описал правила, которым подчинялись тамплиеры, и святому аббату из Клерво было поручено пересмотреть и исправить эти правила, а также составить свод уставов, подходящих для управления великим религиозным и военным братством Храма.

ГЛАВА II.

Regula Pauperum Commilitonum Christi et Templi Salomonis[20].

Самые любопытные части правила - подтверждение правила Папой Римским - визит Хью де Пайенса, магистра Храма, в Англию - его радушный прием - основание ордена в этой стране - земли и деньги, пожалованные тамплиерам - их популярность в Европе - быстрый рост их братства - Святой Бернар берет за перо от их имени - он показывает их доблесть и благочестие.

"Среди противоречий, которые возникают в правительстве этого мира, нет ни одного более мелкого, чем это учреждение, состоящее *из множества вооруженных людей*, которые имеют право жить здесь как в *анакоретах*, так и в *солдатах*" - Вольтер о нравах и нравах народов.

"Правило бедных соратников Иисуса Христа и Храма Соломона", составленное святым Бернаром и одобренное святыми отцами Собора в Труа для управления и регулирования монашеского и военного общества Храма, имеет в основном религиозный характер, строгий и мрачный. Он разделен на семьдесят две главы, и ему предшествует короткий пролог, обращенный "ко всем, кто не желает следовать своей собственной воле и хочет с чистотой духа сражаться за самого высокого и истинного короля", увещевая их облечься в броню послушания и объединиться с благочестием и смирением для защиты святой католической церкви; и проявлять чистое усердие и неуклонное упорство в исполнении своей священной профессии, чтобы они могли разделить счастливую судьбу, уготованную святым воинам, отдавшим жизнь за Христа.

Правило предписывает суровые благочестивые упражнения, самоисцеление, пост и молитву, постоянное посещение утрени, вечерни и всех церковных служб, "чтобы, будучи освежены и насыщены небесной пищей, наставлены и утверждены небесными заповедями, после совершения Божественных тайн", никто не боялся *борьбы*, но был готов к *венцу*. Если он не может присутствовать на регулярном богослужении, то отсутствующий брат должен за утреней произнести тринадцать патер-ностеров, за каждым часом - *семь*, а за вечерней - *девять*. Когда кто-либо из темпларов приближается к смерти, капелланы и клерк должны собраться и совершить торжественную мессу за его душу; окружающие братья должны провести ночь в молитве, а за умершего брата должно быть повторено сто патер-ностеров. "Кроме того, - говорят святые отцы, - мы строго предписываем вам, чтобы вы с божественным и нежнейшим милосердием ежедневно давали столько мяса и питья, сколько было дано этому брату при жизни, какому-нибудь нищему в течение сорока дней". Братья должны во всех случаях говорить скупой, носить серьезный и серьезный вид. Они должны быть постоянны в проявлении благотворительности и милостыни, бдительно следить за всеми больными братьями, поддерживать и поддерживать всех стариков. Они не должны получать письма от своих родителей, родственников или друзей без разрешения мастера, а все подарки должны немедленно относиться к последнему или казначею, чтобы он распорядился ими по своему усмотрению. Кроме того, они не должны принимать от женщин никаких услуг или прислуживать им, и им предписано, прежде всего, избегать *женских поцелуев*.

В этом правиле много достойного похвалы, и некоторые выдержки из него будут прочитаны с интересом.

"VIII. В одной общей зале, или трапезной, мы желаем, чтобы вы вместе принимали мясо, где, если ваши желания не могут быть известны знаками, вы можете тихо и приватно попросить то, вы хотите. Если же в какое-либо время требуемое вами не будет найдено, вы должны искать его со всей кротостью, с покорностью и благоговением перед советом, помня слова апостола: *Ешь хлеб твой в молчании*, и в подражание псалмопевцу, который говорит: *Я поставил стражу на устах моих*, то есть я общался с самим собой, чтобы не оскорбить, то есть с языком моим, то есть я охранял уста мои, чтобы не говорить дурного.

"IX. За обедом и ужином пусть всегда будет какое-нибудь священное чтение. Если мы любим Господа, мы должны страстно желать и с самым серьезным вниманием слушать Его полезные слова и наставления.....

"X. Пусть вам будет достаточно плотской трапезы три раза в неделю, за исключением Рождества, Пасхи, праздника Пресвятой Богородицы или Всех Святых..... В воскресенье мы считаем вполне уместным и целесообразным, чтобы рыцарям и капелланам подавалось по два куска плоти. Остальные же, то есть эсквайры и свита, пусть довольствуются одним и будут благодарны за это.

"XI. Двое и двое вообще должны есть вместе, чтобы один мог присматривать за другим.....

"XII. Во второй и четвертый день недели, а также в субботу, мы думаем, что двух или трех блюд из бобовых или других овощей будет достаточно для всех вас, и поэтому мы предписываем соблюдать это; и кто не может есть одно, может питаться другим.

"XIII. В шестой же день (пятницу) мы рекомендуем всем вам постную пищу, в знак почитания Страстей, за исключением больных; и с праздника Всех Святых до Пасхи ее следует есть только один раз в день, если только не случится Рождества, или праздника Святой Марии, или Апостолов, когда они могут есть ее дважды; и так в другое время, если не случится общего поста.

"XIV. После обеда и ужина мы настоятельно повелеваем благодарить Христа, великого Подателя всех благ, со смиренным сердцем, как вам угодно, в церкви, если она находится поблизости, а если нет, то в том месте, где была съедена пища. Части (целые хлеба оставляются) должны быть отданы с братским милосердием домашним или бедным людям. И так мы предписываем.

"XV. Хотя награда за бедность, которая есть Царство Небесное, несомненно, причитается бедным, все же мы повелеваем вам ежедневно отдавать десятую часть вашего хлеба на раздачу алмонеру, что христианская религия безусловно рекомендует в отношении бедных.

"XVI. Когда солнце покидает восточную область и опускается на запад, по звону колокола или по другому обычному сигналу, вы все должны отправиться к ужину (вечерней молитве), но мы желаем, чтобы вы заранее приняли общую трапезу. Но эту трапезу мы оставляем на усмотрение и суд хозяина, чтобы, когда ему будет угодно, вы пили воду, а когда он прикажет, вы могли принимать ее с вином: но это должно быть сделано не слишком обильно, а экономно, потому что мы видим, как даже мудрые люди отпадают от вина".

"XVII. По окончании обедни вы должны лечь спать. После того как братья покинут зал, никому не должно быть позволено говорить публично, кроме как по настоятельной необходимости. Но все, что говорится, должно быть сказано рыцарем своему оруженосцу сдержанным

тоном. Возможно, однако, что в перерыве между молитвой и сном, по настоятельной необходимости, поскольку днем не было возможности, вы сможете поговорить по какому-нибудь военному вопросу или о состоянии вашего дома с какой-нибудь частью братьев, или с магистром, или с тем, кому доверено управление домом: это мы приказываем делать в соответствии с тем, что было написано: *Многословием не избежишь греха*; и в другом месте: *Жизнь и смерть в руках языка*. Итак, в этой беседе мы категорически запрещаем злословие и пустые слова, переходящие в смех, а ложась спать, если кто из вас произнес глупость, мы повелеваем ему со смирением и чистой набожностью повторить молитву "Отче наш".

"XVIII. Мы не требуем, чтобы утомленные воины вставали на утреню, как очевидно, что остальные должны, но с согласия Мастера или того, кто уполномочен Мастером, они могут отдохнуть; тем не менее они должны петь тринадцать назначенных молитв, чтобы их мысли были в унисон с их голосами, в соответствии со словами пророка: *Пой Господу разумно*, и еще раз: *Я буду петь тебе перед ангелами*. Это, однако, всегда должно оставаться на усмотрение Мастера.....

"XX. ... Всем исповедующим рыцарям, как зимой, так и летом, мы дарим, если их можно достать, белые одежды, чтобы те, кто оставил позади себя темную жизнь, знали, что они должны прославлять себя перед своим Создателем чистой и белой жизнью. Ибо что такое белизна, как не совершенное целомудрие, а целомудрие - это безопасность души и здоровье тела. И если каждый рыцарь не будет целомудренным, он не придет к вечному покою и не увидит Бога, как свидетельствует апостол Павел: *Идите за миром со всеми людьми и целомудрием, без которого никто не увидит Бога*.....

"XXI. ... Пусть все эскавайры и свиты будут одеты в черные одежды; если же таковых не найдется, то пусть они имеют то, что можно достать в провинции, где они живут, чтобы они были одного цвета, и такого, который имеет более низкий характер, то есть коричневый.

"XXII. Никому не дозволяется носить белые мундиры или иметь белые мантии, за исключением вышеупомянутых рыцарей Христа.

"XXIII. Мы постановили на общем совете, что ни один брат не должен носить шкуры или плащи, или что-либо, служащее для покрытия тела зимой, даже рясу из шкур, если только это не *шкуры ягнят или баранов*.

"XXV. Если кто-либо из братьев пожелает по праву или из гордости иметь самую красивую или лучшую привычку, то за такое самомнение, без сомнения, он заслуживает самого худшего.....

"XXX. Каждому из рыцарей пусть будет выделено по три лошади. Отмеченная бедность Дома Божьего и Храма Соломона не позволяет в настоящее время увеличить их число, если только это не будет сделано с разрешения Мастера.....

"XXXI. По той же причине мы предоставляем каждому рыцарю только одного эскавайра; но если этот эскавайр служит какому-либо рыцарю безвозмездно и из милосердия, то не вправе ни укорять его, ни бить за какую-либо провинность.

"XXXII. Мы приказываем вам приобрести для всех рыцарей, желающих служить Христу в чистоте духа, лошадей, пригодных для их повседневных дел, и все, что необходимо для надлежащего исполнения их профессии. И мы считаем уместным и целесообразным, чтобы лошади были оценены обеими сторонами поровну, и пусть цена будет зафиксирована в письменном виде, чтобы она не была забыта. А все, что потребуется для рыцаря, или его лошадей, или его эскавайра, добавив к этому мебель, необходимую для лошадей, пусть

выдается из того же дома, в соответствии с возможностями этого дома. Если же по какому-либо несчастью рыцарь потеряет своих лошадей на службе, то обязанность хозяина и дома найти ему других; но если это будет сделано, то сам рыцарь, из любви к Богу, должен заплатить половину цены, а остальное, если ему будет угодно, он может получить от общины братьев.

"XXXIII. ... Следует придерживаться того, что когда что-либо предписано Мастером или тем, кому Мастер дал власть, не должно быть никаких колебаний, но дело должно быть сделано без промедления, как если бы оно было предписано с небес: как говорит сама истина: *"В слухе ухо повиновалось мне"*.

"XXXV. ... Находясь в поле, после того как они будут отправлены в свои покои, ни один рыцарь, ни эсквайр, ни слуга не должен заходить в покои других рыцарей, чтобы увидеть их или поговорить с ними, без приказа вышеупомянутого начальника. Кроме того, мы, собравшись на совет, строго повелеваем, чтобы в этом доме, установленном Богом, никто не затевал войну или мир по своей воле, но всецело склонялся к воле господина, дабы следовать изречению Господа: *Я пришел творить не свою волю, но волю Пославшего Меня*.

"XXXVII. Мы не желаем, чтобы на ваших уздечках, нагрудниках и шпорах было золото или серебро, являющееся признаком личного богатства, и не позволим никому из братьев покупать их. Если же подобная утварь будет благотворительно дарована вам, то золото и серебро должны быть такого цвета, чтобы их великолепие и красота не придавали носителю вида высокомерия по сравнению с его собратьями.

"XL. Сумки и сундуки с замками и ключами не выдаются, и никто не может иметь их без разрешения хозяина или того, кому после хозяина поручено ведение дел в доме. В это постановление, однако, не включаются ни прокураторы (прецепторы), управляющие в различных провинциях, ни сам магистр.

"XLI. Никому из братьев ни в коем случае не дозволяется получать письма от своих родителей или от кого бы то ни было, а также отправлять письма без разрешения магистра или прокуратора. После того как брат получит разрешение, они должны быть прочитаны в присутствии магистра, если это будет ему угодно. Если же что-либо будет направлено ему от родителей, пусть он не смеет принимать это, пока не сообщит об этом магистру. Но в это предписание не включены магистр и прокуроры домов.

"XLII. Поскольку известно, что всякое праздное слово рождает грех, то что могут сказать перед строгим Судьей те, кто хвалится своими недостатками? Пророк мудро показывает, что если мы должны иногда молчать и воздерживаться от добрых речей ради молчания, то тем более мы должны воздерживаться от злых слов из-за наказания за грех. Поэтому мы запрещаем и решительно осуждаем все рассказы любого брата о глупостях и нарушениях, в которых он был виновен в мире или в военных делах, как со своим братом, так и с любым другим человеком. Не дозволяется ему говорить со своим братом ни о нарушениях других людей, ни о наслаждениях плоти с несчастными женщинами; а если случайно услышит, как другой говорит о таких вещах, пусть заставит его замолчать или быстрыми ногами

послушания отойдет от него, как только сможет, и не будет внимать ухом сердца распространителю пустых рассказов.

"XLIII. Если брату будет сделан какой-либо подарок, пусть отнесет его мастеру или казначею. Если же его друг или родитель согласится сделать подарок только при условии, что он будет пользоваться им сам, он не должен получать его, пока не получит разрешения от Мастера. И тот, кто получил подарок, пусть не огорчается, если он будет передан другому. Да, пусть он твердо знает, что если он гневается на это, то он противится Богу.

"XLVI. Мы все придерживаемся мнения, что никто из вас не должен осмеливаться следовать спорту ловли одной птицы другой: ведь религии не подобает, чтобы вы увлекались мирскими удовольствиями, а лучше охотно слушать наставления Господа, постоянно преклонять колени для молитвы и ежедневно исповедовать свои грехи перед Богом со вздохами и слезами. Пусть никто из братьев, по вышеуказанной особой причине, не осмелится пойти с человеком, преследующим подобные развлечения с ястребом или с какой-либо другой птицей".

"XLVII. Поскольку в религии принято вести себя прилично и смиренно, без смеха, и говорить скупое, но разумное, а не громким тоном, мы особо повелеваем и предписываем каждому исповедующему брату не осмеливаться стрелять в лесу ни из длинноствольного лука, ни из арбалета; И по той же причине, чтобы он не осмеливался сопровождать другого, который будет делать то же самое, кроме как для защиты от вероломного неверного; он не должен осмеливаться кричать или разговаривать с собакой, или подстегивать свою лошадь, желая добыть дичь".

"LI. По Божественному Провидению, как мы верим, этот новый вид религии был введен вами в святых местах, то есть соединение войны с религией, так что религия, будучи вооруженной, прокладывает себе путь мечом и поражает врага без греха. Поэтому мы справедливо постановляем, что, поскольку вы называетесь рыцарями Храма, за ваши известные заслуги и особый дар благочестия вы должны иметь земли и людей, владеть мужьями и справедливо управлять ими, и обычные услуги должны быть оказаны вам особо.

"LII. Прежде всего, следует проявлять бдительную заботу о больных братьях, и пусть их нужды удовлетворяются так, как если бы страждущим был Сам Христос, помня благословенные слова Евангелия: *"Я был болен, и вы посетили меня"*. Таких братьев нужно заботливо и терпеливо опекать, ибо через них приобретается небесная награда.

"LIII. Мы предписываем присматривать за больными со всяким вниманием и самым бдительным попечением, усердно и верно подавать им все, что необходимо для их недугов, в соответствии с возможностями домов, например, плоть и птицу и прочее, пока они не восстановятся в здравии.

"LV. Мы разрешаем вам иметь женатых братьев таким образом, если таковые пожелают участвовать в благах вашего братства; пусть как муж, так и его жена передадут с момента и после своей смерти свои соответствующие части имущества и все, что они приобретут в последующей жизни, в единство общей главы; а в промежутке пусть они ведут честную жизнь и трудятся, чтобы делать добро братьям; но им не разрешается появляться в белом

одеянии и белой мантии. Если муж умрет первым, он должен оставить свою часть наследства братьям, а жена пусть получает свое содержание из остатка, и пусть она немедленно уйдет; ибо мы считаем крайне неуместным, чтобы такие женщины оставались в одном доме с братьями, которые обещали целомудрие Богу.

"LVI. Кроме того, крайне опасно соединять сестер с вами в вашем святом исповедании, ибо древний враг увлек многих с верного пути в рай через общество женщин; поэтому, дорогие братья, чтобы среди вас всегда расцветал цветок праведности, пусть этот обычай отныне будет полностью отменен.

"LVIII. Если какой-нибудь рыцарь из массы погибели или какой-нибудь светский человек пожелает отречься от мира и избрать вашу жизнь и общение, то он не должен быть сразу принят, но, согласно изречению Павла, *испытайте духов, от Бога ли они*; и если да, то пусть он будет принят. Итак, пусть правило будет прочитано в его присутствии; и если он обязуется усердно исполнять его предписания, то, если Мастеру и братьям будет угодно принять его, пусть братья будут созваны вместе, и пусть он с искренностью души объявит всем свое желание и прошение. Тогда, действительно, срок испытательного срока должен полностью зависеть от рассмотрения и предвидения Мастера, в соответствии с честностью жизни просителя.

"LIX. Мы не предписываем в каждом случае призывать на совет всех братьев, но только тех, кого Мастер сочтет осмотрительными и способными дать совет; Однако, когда речь идет о важных делах, таких, как предоставление земли братству, или когда обсуждаемый вопрос непосредственно затрагивает сам орден, или когда нужно принять брата, тогда следует созвать все общество, если это угодно магистру, и, выслушав совет общей главы, сделать то, что магистр считает лучшим и наиболее полезным, что пусть он и сделает....

"LXII. Хотя правило святых отцов разрешает посвящать детей в религиозную жизнь, однако мы не потерпим, чтобы вы были обременены ими, но тот, кто по доброй воле желает отдать своего сына или своего родственника в военную религию, пусть воспитывает его до тех пор, пока он не достигнет возраста, когда сможет вооруженной рукой мужественно искоренить врагов Христа из Святой земли. Тогда, в соответствии с нашим правилом, пусть отец или родители поставят его среди братьев и откроют им всем его прошение. Ибо лучше не давать обета в детстве, чтобы потом взрослый человек не отступил от него.

"LXIII. Должно благочестиво поддерживать всех стариков, по их немощи и слабости, и покорно почитать их, и ни в коем случае не ограничивать их в пользовании тем, что необходимо для тела; авторитет правила, однако, сохраняется.

"LXIV. Братья, путешествующие по разным провинциям, пусть соблюдают правило, насколько могут, в еде и питье, и пусть следят за ним в других делах, и живут безупречно, чтобы получить доброе имя за дверями. Пусть они не запятнают свою религиозную цель ни словом, ни делом; пусть подают всем, с кем они могут быть связаны, пример мудрости и упорства во всех добрых делах. Пусть тот, с кем они поселятся, будет человеком с наилучшей репутацией, и, если возможно, пусть в доме хозяина в эту ночь не будет света, чтобы темный враг (от которого храни нас Бог) не нашел возможности. Но если они услышат, что рыцари, не отлученные от церкви, собираются вместе, мы приказываем им поспешить туда, не считаясь не столько с временной выгодой, сколько с вечной безопасностью своих душ.....

"LXVII. Если кто-либо из братьев провинится в разговоре, или в ссоре, или в каком-либо другом легком деле, пусть добровольно покажет свою вину магистру в виде удовлетворения. Если нет обычного наказания за легкие проступки, пусть будет легкая епитимья; но если, если он будет молчать, проступок станет известен через другого, он должен быть подвергнут более и более суровой дисциплине и исправлению. Если проступок действительно серьезен, пусть он удалится от общения со своими товарищами, пусть не ест с ними за одним столом, но принимает пищу в одиночестве. Все это оставляется на усмотрение и суд Учителя, чтобы спасти его душу в день суда.

"LXVIII. Но, прежде всего, следует позаботиться о том, чтобы ни один брат, сильный или слабый, крепкий или немощный, желающий возвеличить себя, возгордиться или защитить свою вину, не остался не наказанным. Если он проявляет склонность к исправлению, то пусть применяется более строгая система исправления; если же благочестивым наставлением и серьезным вразумлением он не исправляется, но продолжает все более и более возвышать себя гордостью, то пусть он будет изгнан из святого стада в послушание апостолу: *"Удалите зло от себя"*. Необходимо, чтобы из общества верных братьев удалялись гибнущие овцы. Наставник же, которому *надлежит держать в руке посох и жезл*, то есть посох, чтобы поддерживать немощи слабых, и жезл, чтобы с ревностью праведности поражать пороки провинившихся, пусть учится, с советом патриарха и с духовной осмотрительностью, действовать так, чтобы, как говорит блаженный Максим, грешника не поощрять легкой снисходительностью, а грешника не ожесточать в его беззакониях неумеренной строгостью.....

"LXXI. Соперничества, зависти, злобы, ропота, злословия, клеветы повелеваем вам, с благочестивым наставлением, избегать, и бегите от них, как от чумы. Итак, дорогие братья, пусть каждый из вас внимательно следит за тем, чтобы не клеветать тайно на брата своего и не обвинять его, но пусть внимательно размышляет над словами апостола : *"Не будь обвинителем и не шепчи в народе"*. Но когда узнает ясно, что брат его провинился, пусть кротко и с братскою добротою обличит его наедине, по заповеди Господней; а если не послушает его, пусть возьмет к себе другого брата, и если не послушает обоих, пусть публично обличит его в собрании пред всеми. Ибо воистину слепы те, кто мало заботится о том, чтобы уберечься от злобы, а затем погрязает в древней злобе коварного противника".

"И наконец. Мы считаем опасным для всей религии слишком часто смотреть на женские лица; поэтому ни один брат не должен осмеливаться целовать ни вдову, ни девственницу, ни мать, ни сестру, ни тетку, ни любую другую женщину. Пусть рыцарство Христа избегает *женских поцелуев*, через которые мужчины очень часто попадали в опасность, чтобы каждый, с чистой совестью и безопасной жизнью, мог вечно ходить перед Богом"[21].

Вышеупомянутое правило было подтверждено папской буллой, Хью де Пайенс отправился во Францию, а оттуда прибыл в Англию, и о его прибытии в Саксонскую хронику рассказывается следующее.

"В этом же году (1128 г. н. э.) Хью из Храма прибыл из Иерусалима к королю в Нормандии, и король принял его с большим почетом и дал ему много сокровищ из золота и серебра, после чего отправил его в Англию, и там его хорошо приняли все добрые люди, и все дали ему сокровища, и в Шотландии тоже, и в целом они отправили большую сумму из золота и серебра в Иерусалим, и с ним и за ним отправилось такое большое количество людей, какого не было со времен папы Урбана."^[22] В то же время Хью де Пайенсу и его братьям были сделаны земельные и денежные пожалования, некоторые из которых вскоре были подтверждены королем Стефаном при его восшествии на престол (1135 г. н. э.). Среди них -

пожалование поместья Бистелешэм, сделанное тамплиерам графом Робертом де Феррара, и пожалование церкви Лангефорд в Бедфордшире, сделанное Симоном де Ваулом, Сибиллой, его женой, и Вальтером, их сыном.

Перед своим отъездом Хью де Пайенс поставил во главе ордена в этой стране рыцаря-тамплиера, который назывался приором Храма и был прокуратором и наместником магистра. В его обязанности входило управление владениями, пожалованными братству, и передача доходов в Иерусалим. Ему также было поручено принимать членов в орден под контролем и руководством магистра, а также предоставлять средства передвижения для вновь принятых братьев на дальний Восток, чтобы они могли исполнять обязанности своей профессии. По мере увеличения числа домов Храма в Англии стали назначаться субприоры, а настоятель ордена в этой стране стал называться Великим приором, а затем Магистром Храма.

Многие прославленные рыцари из лучших семей Европы стремились принять обряд и обеты, но каким бы возвышенным ни было их звание, их не принимали в лоно братства, пока они не доказывали своим поведением, что достойны такого общения. Так, когда Хью д'Амбуаз, притеснявший и угнетавший жителей Мармонтье несправедливыми поборами и отказавшийся подчиниться судебному решению графа Анжуйского, пожелал вступить в орден, Хью де Пайенс отказался принять его в обеты, пока тот не смиритсся, не откажется от своих притязаний и не даст полного удовлетворения тем, кого он обидел.^[23] Кроме того, от кандидатов до их принятия требовали возмещения и компенсации за весь ущерб, нанесенный ими в любое время церквям, общественному или частному имуществу.

Тамплиеры вызвали удивительный энтузиазм во всем христианстве; принцы и вельможи, государи и их подданные наперебой осыпали их подарками и льготами, и едва ли было составлено важное завещание, в котором не было бы статьи в их пользу. Многие выдающиеся личности на смертном одре давали обеты, чтобы быть похороненными в одежде ордена; а государи, оставляя управление своими королевствами, зачисляли себя в святое братство и завещали магистру и братьям Храма даже свои владения.

Так, Раймонд Беренгер, граф Барселоны и Прованса, в весьма преклонном возрасте, отрекшись от престола и сбросив с себя знаки королевской власти, удалился в дом тамплиеров в Барселоне и произнес свои обеты (1130 г. н. э.) перед братом Хью де Ригольдом, приором. Недуги не позволили ему лично отправиться в главный дом ордена в Иерусалиме, он послал туда огромную сумму денег и, поселившись в небольшой келье при храме в Барселоне, оставался там в постоянном исполнении религиозных обязанностей своей профессии до дня своей смерти.^[24] В тот же период император Лотарь подарил ордену большую часть своего вотчины Суплинбург; а в следующем году (А. Д. 1131) Альф. 1131 г.) Альфонсо Первый, король Наварры и Арагона, также называемый императором Испании, один из величайших воинов эпохи, в своем завещании объявил рыцарей Храма своими наследниками и преемниками короны Наварры и Арагона, а за несколько часов до смерти он заставил ратифицировать это завещание и подписать его большинство баронов обоих королевств. Действительность этого документа, однако, была оспорена, и притязания тамплиеров успешно сопротивлялись наваррской знати; но в Арагоне они получили в качестве компромисса земли, замки и значительные зависимости, часть таможенных и пошлин, взимаемых по всему королевству, и контрибуции, собираемые с мавров^[25].

Чтобы усилить энтузиазм в пользу тамплиеров и еще больше пополнить их ряды лучшими и храбрейшими представителями европейского рыцарства, святой Бернар, по просьбе Хью де Пайенса,^[26] взялся за свое мощное перо в их защиту. В знаменитой речи "В похвале новому

рыцарству" святой аббат в красноречивых и восторженных выражениях излагает духовные преимущества и благословения, которыми пользуются военные монахи Храма по сравнению со всеми остальными воинами. Он рисует любопытную картину относительного положения и обстоятельств *светских* солдат и солдат *Христа* и показывает, насколько отличаются в глазах Бога кровопролитие и резня, совершаемые одними, от тех, что совершают другие.

Это необычное рассуждение написано с большим настроением; оно адресовано "Хью, рыцарю Христа и магистру рыцарства Христа", разделено на четырнадцать частей или глав и начинается с короткого пролога. Она любопытно иллюстрирует дух времени, и некоторые из ее наиболее ярких отрывков будут прочитаны с интересом.

Святой аббат проводит сравнение между воином мира и воином Христа - *светским* и *религиозным* воином.

"Как бы часто ни выходил на битву тот, кто стремится к мирской войне, следует сильно опасаться, чтобы, убив врага телом, он не погубил тебя духом, или чтобы не случилось так, что ты будешь убит им сразу и телом, и душой. От расположения сердца, а не от того, как произойдет бой, зависит опасность или победа христианина. Если, сражаясь с желанием убить другого, ты случайно будешь убит сам, то умрешь человекоубийцей; если же, напротив, одержишь верх и из желания завоевать или отомстить убьешь человека, то будешь жить человекоубийцей..... О несчастная победа, когда, одолев противника, ты впадаешь в грех, и гнев или гордость, одержав верх над тобой, напрасно превозносится над побежденным.....

"Итак, каков плод этого мирского, не скажу "*ополчения*", но "*злодейства*", если убивающий совершает смертный грех, а убитый погибает в вечности? Воистину, говоря словами апостола, тот, кто пашет, должен пахать в надежде, а тот, кто молотит, должен быть причастен своей надежде. Откуда же, о воины, берется это чудовищное заблуждение? Что это за невыносимое безумие - вести войну с такими большими затратами и трудом, но не иметь за это никакой платы, кроме смерти или преступления? Вы покрываете своих коней шелковыми попонами, и я не знаю, сколько тонкой ткани свисает с ваших плащей. Вы раскрашиваете свои копья, щиты и седла; ваши уздечки и шпоры украшены со всех сторон золотом, серебром и драгоценными камнями, и со всей этой пышностью, с постыдной яростью и безрассудным бесчувствием вы мчитесь на смерть. Военные ли это знаки, или скорее женские украшения? Может ли случиться так, что остроконечный меч врага будет уважать золото, пощадит драгоценные камни, не сможет пробить шелковую одежду? Наконец, как вы сами не раз убеждались, для успеха воина необходимы три вещи: он должен быть смелым, активным и осмотрительным; быстрым в беге, стремительным в ударах; вы же, к отвращению глаз, укладываете волосы на женский манер, собираете вокруг своих ног длинные и струящиеся одеяния, укрываете свои нежные и тонкие руки в широкие и объемные рукава. Среди вас нет ничего, что могло бы спровоцировать войну или пробудить распри, кроме неразумного порыва гнева, или безумной жажды славы, или жадного желания завладеть чужими землями и имуществом. В таких случаях небезопасно ни убивать, ни быть убитым.....

III. "Но воины Христовы надежно сражаются в битвах своего Господа, нисколько не опасаясь греха ни от убийства врага, ни от опасности собственной смерти. Когда смерть отдается или принимается за Христа, в ней нет ничего преступного, но много славы.....

"А теперь для примера или для того, чтобы сбить с толку наших солдат, сражающихся не явно за Бога, а за дьявола, мы кратко покажем образ жизни рыцарей Христа, такой, какой он есть

в поле и в монастыре, посредством чего станет ясно, до какой степени солдаты Бога и солдаты МИРА отличаются друг от друга..... Воины Христовы живут вместе в согласии, но экономно, без жен и детей; и чтобы ничто не было недостатком в евангельском совершенстве, они живут вместе без всякого имущества, [27] в одном доме, под одним правилом, заботясь о сохранении единства духа в узах мира. Можно сказать, что у всего множества одно сердце и одна душа, поскольку каждый не следует своей воле или желанию, но старательно исполняет волю Учителя. Они никогда не бездельничают и не шатаются по окрестностям, но когда они не в поле, чтобы не есть свой хлеб в праздности, они подгоняют и ремонтируют свои доспехи и одежду или занимаются такими делами, каких требует воля Владыки, или какие требуют их общие нужды. Среди них нет различий между людьми; уважение оказывается лучшим и добродетельным, а не самым знатным. Они участвуют в чести друг друга, несут тяготы друг друга, чтобы исполнить закон Христа. Дерзкое выражение, бесполезная затея, неумеренный смех, малейший шорох или шепот, если их обнаружат, не проходят без сурового упрека. Они ненавидят карты и кости, сторонятся полевых игр и не испытывают никакого удовольствия от смехотворной ловли птиц (hawking), которой любят предаваться мужчины. Шутов, прорицателей, рассказчиков, сквернословов, песни, зрелища и игры они презирают и отвергают как суету и безумные глупости. Они стригут свои волосы, зная, что, по словам апостола, не подобает человеку иметь длинные волосы. Они никогда не расчесываются, редко моются, но появляются скорее с грубыми запущенными волосами, покрытыми пылью, с кожей, подрумяненной солнцем, и в своих почтовых плащах.

"Кроме того, при приближении битвы они укрепляют себя верой внутри и сталью снаружи, а не золотом, чтобы, будучи вооруженными и не украшенными, навести ужас на врага, а не пробудить в нем жажду грабежа. Они стараются обладать сильными и быстрыми конями, но не украшенными орнаментом или атрибутами, думают о битве и победе, а не о пышности и показухе, и стараются внушать страх, а не восхищение.....

"Таких избрал Бог для Себя и собрал в служители Свои от концов земли, из храбрейших Израиля, которые действительно бдительно и верно охраняют святой гроб, все вооруженные мечом и наиболее сведущие в военном искусстве.....".

"О Храме".

"В Иерусалиме действительно есть Храм, в котором они обитают вместе, не равный, правда, как здание, тому древнему и самому знаменитому, Соломонову, но не уступающий ему в славе. Ибо действительно, все великолепие того состояло из тленных вещей, золота и серебра, резного камня и разнообразных пород дерева; но вся красота этого покоится в украшении приятной беседы, в благочестивой преданности его обитателей и их прекрасно организованном образе жизни. Тот храм восхищался различными внешними красотами, этот же почитается за различные добродетели и священные действия, как и подобает святости дома Божьего, который восхищается не столько полированными мраморами, сколько упорядоченным поведением, и считает чистые помыслы важнее золоченых стен. Лицо этого храма также украшено оружием, а не драгоценными камнями, а стена, вместо древних золотых чаш, покрыта вокруг подвесными щитами. Вместо древних канделябров, кадилъниц и умывальников дом со всех сторон обставлен уздечками, седлами и копьями, что ясно показывает, что воины горят тем же рвением к дому Божьему, которое прежде одушевляло их великого вождя, Когда, сильно разгневанный, он вошел в Храм и этой священной рукой, вооруженной не сталью, а бичом, который он сделал из маленьких ремешков, изгнал торговцев, вылил деньги менял и опрокинул столы тех, кто продавал голубей; Он с

величайшим негодованием осудил загрязнение молитвенного дома, превратив его в место торговли."

"Итак, благочестивое воинство Христово, побуждаемое примером своего царя, полагая, что святые места гораздо более нечестиво и невыносимо загрязнены неверными, чем оскверненные купцами, пребывает в святом доме с конями и с оружием, чтобы из него, как и из всех других святых мест, изгнав все грязное и дьявольское безумие неверности, днем и ночью заниматься почетными и полезными делами. Они с усердием и искренностью почитают Храм Божий, принося в нем жертвы с постоянной преданностью, не плоть скота, как древние, но мирные жертвы, братскую любовь, благочестивое послушание, добровольную бедность".

"Эти вещи постоянно совершаются в Иерусалиме, и мир пробуждается, острова слышат, а народы внимают издалека....".

Затем святой Бернард поздравляет Иерусалим с приходом воинов Христовых и заявляет, что святой город будет радоваться с удвоенной радостью, избавившись от всех своих притеснителей, нечестивцев, грабителей, богохульников, убийц, лжесвидетелей и прелюбодеев, и получив своих верных защитников и сладких утешителей, под сенью защиты которых "гора Сион будет ликовать, а дочери Иуды петь от радости".

"Радуйся, Иерусалим, - говорит он словами пророка Исаии, - и знай, что наступило время посещения твоего. Встань, отряхнись от пыли, о пленная дева, дочь Сиона; встань, говорю я, и встань среди сильных, и увидишь благоволение, которое придет к тебе от Бога твоего. Ты не будешь более называться *оставленной*, и земля твоя не будет более называться опустошенной. Подними глаза твои кругом, и вот, все они собрались и пришли к тебе. Это помощь, посланная тебе свыше. Через них исполняется древнее обещание, данное тебе. "Я сделаю тебя вечной радостью, славой из рода в род".

"Радуйся, святой город, освященный скинией Всевышнего! Радуйся, город великого Царя, в котором постоянно совершается столько чудесных и отрадных явлений. Радуйся, госпожа народов, княгиня провинций, владение патриархов, мать пророков и апостолов, инициаторница веры, слава христианского народа, которому Бог с самого начала разрешил всегда подвергаться скорбям, чтобы таким образом ты могла послужить причиной добродетели и спасения для храбрых людей. Славься, земля обетованная, которая, прежде текущая молоком и медом только для твоих обладателей, теперь протягивает пищу жизни и средство спасения всему миру. Превосходная и счастливая земля, говорю я, которая, получив небесное зерно из глубины отцовского сердца в этом плодотворнейшем лоне твоём, произвела столь богатый урожай мучеников из небесного семени, и чья плодородная почва не менее многообразно породила плод в тридцатую, шестидесятую и стократную долю в оставшемся роде всех верных по всему миру. И вот, пресыщенные и обильно напитанные великим запасом приятности твоей, видевшие тебя распространяют вокруг себя во всех местах воспоминание об обильной сладости твоей, рассказывают о великолепии славы твоей до самого конца земли тем, кто не видел тебя, и повествуют о чудесных делах, совершаемых в тебе".

"О тебе, город Божий, говорят славные вещи!"

ГЛАВА III.

Хью де Пайенс возвращается в Палестину - его смерть - Роберт де Краон становится магистром - успех неверных - второй крестовый поход - тамплиеры принимают Красный крест - их доблестные действия и высокая дисциплина - земли, поместья и церкви, пожалованные им в Англии - Бернард де Тремелей становится магистром - его убивают неверные - Бертран де Бланкефор становится магистром - его берут в плен, Папа пишет письма с похвалой тамплиерам - их религиозный и военный энтузиазм - их боевое знамя под названием *Бозант* - появление конкурирующего военно-религиозного ордена Госпиталя св. Иоанна.

"Мы слышали *"текбир"*, как называют арабы
Их крики наступления, когда с громким призывом
Они бросают вызов *небесам*, как бы требуя завоевания".

Хью де Пайенс.
A. D. 1129.

Хью де Пайенс, заложивший в Европе основы великого монашеского и военного института Храма, которому вскоре суждено было распространить свои ветви в самые отдаленные уголки христианства, вернулся в Палестину во главе доблестного отряда новоизбранных тамплиеров, набранных в основном из Англии и Франции.

По прибытии в Иерусалим они были с большим почетом приняты королем, духовенством и баронами Латинского королевства, был созван большой совет, на котором присутствовал Хью де Пайенс, и были предприняты различные военные меры для расширения и защиты христианских территорий.

Роберт де Краон.
A. D. 1136.

Однако Хью де Пайенс умер вскоре после своего возвращения, и его сменил (1136 г. н. э.) лорд Роберт, прозванный Бургундским (зять Ансельма, архиепископа Кентерберийского), который после смерти своей жены принял обеты и привычку тамплиеров. [28\]](#) Он был доблестным и искусным полководцем, [29\]](#) но все усилия его и его монахов оказались недостаточными для поддержания колеблющейся империи латинских христиан.

Яростный религиозный и военный энтузиазм мусульман вновь пробудили воинственный Зингис и его сын Нуреддин, два самых знаменитых вождя эпохи, которых ученики Магомета считали чемпионами, способными отомстить за дело пророка и вернуть гражданской и религиозной власти халифа потерянный город Иерусалим и все святыне места, столь глубоко почитаемые мусульманами. Один из них был назван *Эмод-эд-дином*, "столпом религии", а другой *Нур-эд-дином*, "светом религии", в просторечии - Нуреддином. В нескольких битвах тамплиеры потерпели поражение от превосходящих сил; в одной из них был убит доблестный тамплиер, брат Одо де Монфокон. [\[30\]](#) Эмодеддин взял Тэнзу, Эстарель, Хизам, Хесн-Аррук, Хесн-Коллис и т. д. и т. п., а завершил свою победоносную карьеру взятием

важного города Эдессы. Нуреддин пошел по стопам отца: он овладел крепостями Арлен, Мамула, Басарфонт, Кафарлата и с ужасающей резней уничтожил молодого Жоселина де Куртенэ, предпринявшего опрометчивую попытку вернуть себе Эдесское княжество[31]. Латинское королевство Иерусалим было потрясено до основания, и восточное духовенство в трепете и тревоге отправило папе срочные письма с просьбой о помощи. Святой понтифик поручил святому Бернарду проповедовать второй крестовый поход.

Эверард де Баррес.
A. D. 1146.

В этот период (1146 г. н. э.) лорда Роберта, магистра Храма, сменил Эверард де Баррес, приор Франции, который созвал общий собор ордена в Париже, на котором присутствовали папа Евгений Третий, Людовик Седьмой, король Франции, и многие прелаты, принцы и дворяне со всех концов христианства. Там было принято решение о втором крестовом походе, а тамплиеры с санкции папы приняли кроваво-красный крест, символ мученичества, в качестве отличительного знака ордена, который было предписано носить на их мундирах и мантиях на левой стороне груди над сердцем, откуда впоследствии они стали известны под именами *Красных монахов* и *Рыцарей Красного Креста*[32].

На этом знаменитом собрании тамплиерам были сделаны различные пожертвования, чтобы они могли более эффективно защищать Святую землю. Бернард Балиол, из любви к Богу и ради блага своей души, подарил им свое поместье Уэдли в Хартфордшире, которое впоследствии стало частью прецептории Темпл-Диннесли. Это пожалование было сделано на капитуле, состоявшемся на Пасху в Париже в присутствии Папы, короля Франции, нескольких архиепископов и ста тридцати рыцарей-тамплиеров в белых мантиях.[33] Незадолго до герцоги Бретани и Лотарингии, графы Брабанта и Фуркалькье передали ордену различные земли и поместья; владения и власть братства продолжали быстро расти во всех уголках Европы.[34]

A. D. 1147.

Брат Эверард де Баррес, новоизбранный магистр Храма, собрав всех братьев из западных провинций, присоединился к штандарту Людовика, французского короля, и сопровождал крестоносцев в Палестину.

Во время похода по Малой Азии тыл христианской армии охраняли тамплиеры, которые при каждом удобном случае проявляли себя с лучшей стороны. Одо из Дойля или Дьяголума, капеллан короля Людовика и его постоянный сопровождающий в этой экспедиции, сообщает нам, что королю нравилось видеть бережливость и простоту тамплиеров и подражать им; он восхвалял их единство и бескорыстие, восхищался прежде всего вниманием, которое они уделяли своему снаряжению, и их заботой о сохранении снаряжения и боевой амуниции: Он предложил их в качестве образца для остальной армии, и на военном совете было торжественно приказано, чтобы все солдаты и офицеры связали себя узами братства с тамплиерами и маршировали под их командованием.[35]

Конрад, император Германии, предшествовал королю Людовику во главе мощной армии, которая была разбита на куски неверными на севере Азии; он бежал в Константинополь, сел на торговые суда и прибыл с несколькими сопровождающими в Иерусалим, где был принят и развлечен тамплиерами и поселился в Храме в Святом городе.[36] Вскоре после этого прибыл король Людовик в сопровождении нового магистра Храма Эверарда де Барреса, и тамплиеры впервые развернули на поле брани знамя с красным крестом. Это был белый штандарт из шерстяной ткани, в центре которого находился кроваво-красный крест,

дарованный папой Евгением. Два монарха, Людовик и Конрад, вышли на поле боя, поддерживаемые тамплиерами, и осадили великолепный город Дамаск, "королеву Сирии", который защищали великий Нуреддин, "свет религии", и его брат *Сейф-Эддин*, "меч веры".

A. D. 1148.

Услуги, оказанные тамплиерами, с благодарностью отражены в следующем письме, отправленном Людовиком, французским королем, своему министру и наместнику, знаменитому Шугеру, аббату Сен-Дени.

"Людовик, милостью Божьей король Франции и Аквитании, своему возлюбленному и вернейшему другу Шугеру, весьма преподобному аббату Сен-Дени, здоровье и добрые пожелания.

"... Я не представляю, как мы могли бы продержаться в этих краях хотя бы самое малое время, если бы не их (тамплиеров) поддержка и помощь, которые никогда не подводили меня с первого дня, когда я ступил на эти земли, и до момента отправки этого письма - помощь, которую мне умело оказывали и щедро продолжали оказывать. Поэтому я искренне умоляю вас, чтобы, как до сих пор эти братья Храма были благословлены любовью Божьей, так и теперь они могли радоваться и поддерживаться нашей любовью и благосклонностью.

"Я должен сообщить вам, что они одолжили мне значительную сумму денег, которую необходимо быстро вернуть им, чтобы их дом не пострадал, а я мог сохранить свое слово...."[37].

Среди английских дворян, записавшихся во второй крестовый поход, были два знаменитых воина, Роджер де Моубрей и Уильям де Уорренн.[Роджер де Моубрей был одним из самых могущественных и воинственных баронов Англии и одним из победоносных вождей в знаменитой битве при штандарте: он отправился с королем Людовиком в Палестину, сражался под знаменами Храма против неверных и, восхищенный благочестием и доблестью святых воинов ордена, по возвращении в Англию подарил им множество ценных поместий и владений. Среди них были поместья Килеби и Витли, различные земли на острове Акшолм, город Балшалл в графстве Уорик и различные места в Йоркшире; И столь щедрыми были его пожертвования, что тамплиеры предоставили ему и его наследникам особую привилегию: как только упомянутый Роджер или его наследники найдут какого-либо брата ордена Храма подвергнутому публичному покаянию, согласно правилу и обычаю религии тамплиеров, упомянутый Роджер и его наследники будут иметь право освободить этого брата от наказания за публичное покаяние, без вмешательства или противоречия со стороны любого брата ордена.[39]

A. D. 1149.

Примерно в тот же период Стефан, король Англии, ради здоровья своей собственной души и души королевы Матильды, его жены, и ради блага душ короля Генриха, его деда, и Юстаса, его сына, и всех остальных его детей, даровал и подтвердил Богу и Пресвятой Деве Марии, а также братьям рыцарства Храма Соломона в Иерусалиме, все поместье Крессинг с приходом церкви того же поместья, а также поместья Эгл и Витэм.[40] Королева Матильда, также, ради блага душ графа Юстаса, ее отца, лорда Стефана, короля Англии, ее мужа, и всех остальных ее детей, даровала "братьям Иерусалимского храма" поместье Ковел или Коули в Оксфордшире, две мельницы в том же графстве, общее пастбище в Шотоверском лесу и церковь Стреттон в Ратленде.[41] Ральф де Гастингс и Уильям де Гастингс в то же царствование (1152 г. н. э.) подарили тамплиерам земли в Херсте и Уикшеме в Йоркшире,

впоследствии образовавшие прецепторию Темпл-Херст. Уильям Эшби пожаловал им поместье, на котором впоследствии были возведены дом и церковь Темпл-Брюэр;^[42] и орден продолжал быстро увеличивать свою власть и богатство в Англии и во всех частях Европы благодаря благотворительным пожертвованиям благочестивых христиан.

После жалкого провала второго крестового похода^[43] брат Эверард де Баррес, магистр Храма, вернулся в Париж вместе со своим другом и покровителем Людовиком, французским королем; и тамплиеры, лишившись своего вождя, остались одни и без помощи, чтобы противостоять победоносной карьере фанатичных мусульман. Их жалкое положение описывается в меланхолическом письме казначея ордена, написанном магистру Эверарду де Барресу во время его пребывания при дворе короля Франции.

"С тех пор как мы лишились вашего любимого присутствия, мы имели несчастье потерять в битве принца Антиохийского^[44] и все его дворянство. За этой катастрофой последовала другая. Неверные вторглись на территорию Антиохии; они гнали всех перед собой и поставили гарнизоны в нескольких сильных местах. При первом же известии об этом бедствии наши братья собрались с оружием в руках и в согласии с иерусалимским царем отправились на помощь опустевшей провинции. Мы смогли собрать для этой экспедиции только сто двадцать рыцарей и тысячу слуг-братьев и наемных солдат, на снаряжение которых мы потратили семь тысяч крон в Акко и тысячу в Иерусалиме. Вашему отцу известно, на каком условии мы согласились на ваш отъезд, и о нашей крайней нужде в деньгах, коннице и пехоте. Мы убедительно просим вас как можно скорее вернуться к нам со всеми необходимыми средствами для Восточной Церкви, нашей общей матери".

"... Едва мы прибыли в окрестности Антиохии, как нас настигли туркоманы с одной стороны и султан Алеппо (Нуреддин) с другой, которые блокировали нас в окрестностях города, в то время как наши виноградники были уничтожены, а урожай - сведены на нет. Переполненные горем из-за жалкого состояния, в которое мы попали, мы призываем вас бросить все и без промедления отправиться в путь. Никогда еще ваше присутствие не было так необходимо вашим братьям; ни в какой момент ваше возвращение не было бы более благоприятным для Бога..... большая часть тех, кого мы привели на помощь Антиохии, мертвы.....

"Мы призываем вас привести с собой из-за моря всех наших рыцарей и служивых братьев, способных носить оружие. Возможно, увы, при всем вашем усердии вы не найдете ни одного из нас в живых. Поэтому проявите всю возможную расторопность; не забывайте о нуждах нашего дома: они таковы, что ни один язык не в силах их выразить. Также крайне важно объявить Папе, королю Франции и всем принцам и прелатам Европы о приближающемся запустении Святой Земли, чтобы они помогли нам лично или прислали субсидии. Какие бы препятствия ни чинились вашему отъезду, мы уповаем на ваше рвение преодолеть их, ибо настало время в полной мере исполнить наши обеты, пожертвовав собой ради наших братьев, ради защиты восточной церкви и святого гроба.

"Для вас, наши дорогие братья в Европе, которых те же обязательства и те же клятвы должны были бы сделать живыми к нашим несчастьям, присоединитесь к нашему вождю, войдите в его взгляды, поддержите его замыслы, не забудьте продать все; придите на помощь; именно от вас мы ждем свободы и жизни!"^[45]

Получив это письмо, магистр Храма, вместо того чтобы отправиться в Палестину, отрекся от своей власти и удалился в монастырь Клерво, где посвятил остаток своих дней самому строгому покаянию и моциям.

Бернар де Тремеле.

A. D. 1151.

A. D. 1152.

Его сменил (1151 г. н. э.) Бернар де Тремеле, дворянин из знатного рода в Бургундии, во Франции, доблестный и опытный воин[46].

Неверные постоянно вторгались на христианские территории, а вскоре после его прихода к власти они перешли Иордан и приблизились к Иерусалиму. Их желто-зеленые знамена развевались на вершине Елеонской горы, а воинственные звуки их барабанов и труб были слышны в священных стенах святого города. Они расположились лагерем на горе, напротив Храма, и имели возможность издалека наблюдать *Бейт-Аллах*, или Храм Господень, их священный дом молитвы. Однако во время ночного нападения они были разбиты со страшной резней, и их преследовали до самого Иордана, пять тысяч из их числа были оставлены мертвыми на равнине[47].

Вскоре после этого дела тамплиеры потеряли своего великого покровителя, святого Бернарда, который умер 20 апреля 1153 года, на шестьдесят третьем году жизни. На смертном одре он написал три письма от имени ордена. Первое было адресовано патриарху Антиохии, увещевая его защищать и поощрять тамплиеров, что, по заверениям святого аббата, окажется наиболее приемлемым для Бога и людей. Второе было написано Мелесинде, королеве Иерусалима, восхваляя ее величество за благосклонность, проявленную ею к братьям ордена; а третье, адресованное брату Андре де Монбарду, рыцарю-тамплиеру, передает ласковые приветствия святого Бернарда магистру и братьям, молитвами которых он себя рекомендует[48].

В том же году, при осаде Аскалона, магистр Храма и его рыцари попытались в одиночку и без посторонней помощи взять этот важный город штурмом. На рассвете они ворвались в пролом, проделанный в стенах, и проникли в центр города. Там их окружили неверные и одолели, и, по свидетельству очевидца, который был в кампании от ее начала до конца, ни один тамплиер не спасся: они были перебиты до единого человека, а мертвые тела магистра и его злосчастных рыцарей были с триумфом выставлены со стен[49].

Бертран де Бланкефор.

A. D. 1154.

A. D. 1156.

Де Тремеле сменил (1154 г. н. э.) брат Бертран де Бланкефор, рыцарь из знатного гиеннского рода, которого Вильгельм Тирский называл благочестивым и богобоязненным человеком.

Тамплиеры продолжали быть первыми во всех столкновениях с мусульманами, и монашеские писатели превозносят число неверных, которых они отправили в ад. Соразмерное число членов братства, должно быть, в то же время вознеслось на небеса, поскольку резня среди них была ужасающей. Во вторник, 19 июня 1156 года, они попали в засаду во время похода с Балдуином, королем Иерусалима, недалеко от Тиберии; триста братьев были убиты на поле боя, а восемьдесят семь попали в руки врага, среди которых был сам Бертран де Бланкефор и брат Одо, маршал королевства.[Вскоре после этого тридцать рыцарей-тамплиеров обратили в бегство, зарубили и взяли в плен двести неверных;[51] а во время ночного нападения на лагерь Нуреддина они заставили знаменитого вождя бежать без оружия и полуголым с поля боя. В этом последнем деле с честью упоминаются имена Роберта Мэнсела, англичанина, и Жильбера де Лейси, прецептора храма в Триполи.[52] Заслуги тамплиеров были с

благодарностью отмечены в Европе, и Папа в письме, написанном от их имени архиепископу Реймскому, своему легату во Франции, характеризует их как "новых Маккавеев, далеко прославленных и самых доблестных поборников Господа". "Помощь, - говорит Папа, - оказанная этими святыми воинами всему христианству, их рвение, доблесть и неустанные усилия в защите от преследований и коварства грязных язычников тех святынь, которые были просвещены телесным присутствием нашего Спасителя, мы не сомневаемся, распространилась по всему миру и известна не только соседним народам, но и всем тем, кто живет в самых отдаленных уголках земли". Святой понтифик увещевает архиепископа оказать им всю возможную помощь, как людьми, так и лошадьми, а также оказать содействие в их пользу среди всех своих епископов-суффраганов[53].

Пламенное рвение и воинственный энтузиазм тамплиеров были уравнены, если не превзойдены, суровым фанатизмом и религиозным пылом последователей Магомета. "Нуреддин сражался, - говорит его восточный биограф, - как самый жалкий из своих солдат, говоря: "Увы! Уже долгое время я ищу мученической смерти, но не могу ее получить". Имаум Котеб-ед-дин, услышав однажды от него эти слова, воскликнул: "Во имя Бога, не подвергай свою жизнь опасности, не подвергай таким образом опасности ислам и мусульман. Ты - их опора и поддержка, и если (да сохранит нас от этого Бог) тебя убьют, то все будет зависеть от нас". "Ах! Котеб-ед-дин, - сказал он, - что ты сказал, кто может спасти *ислам*[54] и нашу страну, кроме великого Бога, которому нет равных?" "Что, - сказал он в другой раз, - разве мы не заботимся о безопасности наших домов от грабителей и разбойников, и разве мы не защищаем религию?"[55]

Как и тамплиеры, Нуреддин постоянно сражался духовным и плотским оружием. Он противостоял миру и его соблазнам постом и молитвой, ежедневным исполнением моральных и религиозных обязанностей и добродетелей, привитых Кораном. Он сражался мечом с врагами ислама и до последнего часа своей жизни отдавал все свои силы энтузиазму и фанатизму в борьбе за возвращение Иерусалима[56].

Сходство между религиозным фанатизмом тамплиеров и мусульман поразительно. В мусульманском лагере, как сообщают нам арабские писатели, были строго запрещены все светские и легкомысленные разговоры; усердно соблюдались религиозные обряды, а перерывы между действиями посвящались молитве, медитации и изучению Корана.

Тамплиеры называют себя "Мстителями Иисуса Христа", "орудиями и служителями Бога для наказания неверных", а папа и святые отцы церкви провозглашают, что им специально поручено "стереть с лица земли всех неверующих", и предлагают райские радости в качестве славной награды за опасности и трудности задачи.[57] "Сражаясь за Христа, - заявляет святой Бернар в своем обращении к тамплиерам, - Царство Христово обретается..... Итак, идите, о воины, ни в чем не сомневаясь, и с неустрашимым духом повергайте врагов креста Христова, в уверенности, что ни в жизни, ни в смерти вы не можете быть отделены от любви Божией, которая во Христе Иисусе, повторяя себе в каждой опасности, живем ли мы или умираем мы принадлежим Господу. Как славно возвращаются из боя победители, как счастливо умирают в бою мученики! Радуйся, доблестный чемпион, если ты жив и побеждаешь в Господе, но больше радуйся и славься, если ты умрешь и соединишься с Господом..... Если счастливы те, кто умирает в Господе, то тем более счастливы те, кто умирает за Господа!... Драгоценной в очах Божьих будет смерть Его святых воинов".

"Меч, - говорит пророк Магомет, - это ключ от рая и ада; капля крови, пролитая за дело Божье, ночь, проведенная в оружии, приносит больше пользы, чем два месяца поста и молитвы. Кто бы ни пал в бою, его грехи будут прощены ему в день суда. Его раны будут сиять,

как киноварь, и благоухать, как мускус, а потерю конечностей восполнят крылья ангелов и херувимов".

Так пишет аравийским племенам знаменитый халиф Абубекер, преемник Магомета:

"Во имя самого милосердного Бога, *Абдолла Атих Иб'н Аби Кохафа*, остальным истинно верующим".... "Это для того, чтобы сообщить вам, что я намерен послать истинных верующих в Сирию, чтобы вырвать ее из рук неверных, и я хотел бы, чтобы вы знали, что *борьба за религию - это акт повиновения Богу*".

"Помните, - сказал тот же преемник пророка и военачальник верующих святым воинам, собравшимся по его приказу, - что вы всегда находитесь в присутствии Бога, на пороге смерти, в уверенности суда и надежде рая..... Когда вы сражаетесь *в битвах Господних*, ведите себя как люди и не отступайте".

Доблесть и воинственная смелость тамплиеров на поле боя описаны святым Бернардом следующим образом.

"Когда начинается конфликт, то, отбросив прежнюю кротость и мягкость, они восклицают: *"Не ненавижу ли я, Господи, ненавидящих Тебя, и не скорблю ли я о тех, кто восстает против Тебя?* Они бросаются на своих противников, они разбегаются, как овцы, нисколько не боясь, хотя их и мало, свирепого варварства или огромного множества врагов. Они научились полагаться не на свои силы, а рассчитывать на победу благодаря помощи Господа Бога Саваофа, которому, по словам Маккавеев, легко покончить со многими руками немногих, ибо победа в битве зависит не от многочисленности войска, а от силы, данной свыше, что они, действительно, часто испытывали, поскольку один из них преследует тысячу, а двое обращают в бегство десять тысяч. Да, и наконец, удивительным и примечательным образом замечено, что они одновременно кротки, как *ягнята*, и свирепы, как *львы*, так что я почти сомневаюсь, как их лучше называть: монахами-форсунами или солдатами, хотя, возможно, как более подходящее, я должен называть их и теми, и другими".

В более поздний период кардинал де Витри, епископ Акко, частый спутник рыцарей-тамплиеров в их военных походах, так описывает религиозный и военный энтузиазм тамплиеров: "Когда их призывают к оружию, они никогда не требуют назвать число врагов, но где они? Львы на войне, нежные агнцы в монастыре; свирепые воины в поле, отшельники и монахи в религии; к врагам Христа свирепые и неумолимые, а к христианам добрые и милостивые. Они несут перед собой, - говорит он, - на битву знамя, наполовину черное и белое, которое они называют *Beau-seant*, то есть, на галльском языке, *Bien-seant*, потому что они справедливы и благосклонны к друзьям Христа, но черны и ужасны к его врагам"[58].

A. D. 1158.

Среди многочисленных примеров фанатичного пыла мусульманских воинов можно привести следующие, взятые из истории *Абу Абдоллаха Альвакиди*, кади Багдада. "Мне кажется, - сказал доблестный сарацинский юноша в пылу сражения с христианами под стенами Эмесы, - мне кажется, я вижу, как на меня смотрят черноглазые девушки, одна из которых, появившись она в этом мире, все человечество умерло бы от любви к ней; и я вижу в руке одной из них платок из зеленого шелка и шапочку из драгоценных камней, и она манит меня и зовет: "Иди сюда скорее, ибо я люблю тебя". С этими словами, обвиняя неверных, он творил бесчинства, куда бы ни шел, пока наконец не был сражен копьем. "Не это, - сказал умирающий арабский воин, в последний раз обнимая сестру и мать, - не увядающие удовольствия этого мира побудили меня посвятить свою жизнь делу религии, я ищу

благосклонности Бога и его апостола, и я слышал от одного из спутников пророка, что духи мучеников поселятся в посевах зеленых птиц, которые вкушают плоды и пьют воды рая. Прощайте; мы еще встретимся среди рощ и фонтанов, которые Бог приготовил для своих избранных"[59].

A. D. 1159.

Магистр Храма, брат Бертран де Бланкефор, был освобожден из плена по приказу Мануила Комнина, императора Константинополя.[60] После освобождения он написал несколько писем Людовику VII, королю Франции, описывая состояние и перспективы Святой земли, растущую силу и дерзость неверных, а также разруху и запустение, вызванные страшным землетрясением, которое снесло множество замков, разрушило стены и оборонительные сооружения нескольких городов и поглотило жилища жителей. "Гонители церкви, - говорит он, - поспешили воспользоваться нашими несчастьями; они собрались со всех концов земли и выступили как один человек против святилища Божьего"[61].

Именно во время его правления Джеффри, рыцарь-тамплиер, и Хью из Кесарии были отправлены с посольством в Египет и имели беседу с халифом. Их ввели во дворец фатимитов через ряд мрачных переходов и сверкающих портиков, среди пения птиц и журчания фонтанов; сцена была дополнена демонстрацией дорогой мебели и редких животных, а длинный порядок раскрывающихся дверей охраняли чернокожие солдаты и домашние евнухи. Святилище палаты присутствия было занавешено занавесом, и визирь, который вел послов, отложил свой сциметар и трижды преклонил колени на землю; затем занавес был снят, и они увидели командующего верующими[62].

Брат Бертран де Бланкефор в своих письмах к королю Франции рассказывает о военных операциях, предпринятых орденом Храма в Египте, и о взятии многолюдного и важного города Белбейс, древнего Пелусия.[63] Во время отсутствия магистра с большей частью братства в этой экспедиции султан Нуреддин вторгся в Палестину; он разбил со страшной резней служивых братьев и туркополов, или легких лошадей ордена, которые остались защищать страну, а шестьдесят рыцарей, командовавших ими, были оставлены мертвыми на равнине[64].

A. D. 1164.

Рвение и преданность тамплиеров в служении Христу продолжали быть предметом похвалы и восхищения как на Востоке, так и на Западе. Папа Александр III в своих письмах характеризует их как стойких поборников Иисуса Христа, которые ведут божественную войну и ежедневно отдают свои жизни за своих братьев. "Мы умоляем и наставляем ваше братство, - говорит он, обращаясь к архиепископам и епископам, - чтобы из любви к Богу, из почтения к блаженному Петру и нам, а также ради спасения собственных душ вы оказывали им благосклонность, поддержку и почет, сохраняли все их права в целостности и сохранности и предоставляли им свое покровительство и защиту"[65].

Амальрик, король Иерусалима, преемник Балдуина Третьего, в письме "своему дорогому другу и отцу" Людовику Седьмому, королю Франции, умоляет о добрых услугах этого монарха от имени всех благочестивых христиан Святой земли; "Но прежде всего, - говорит он, - мы убедительно просим Ваше Величество постоянно оказывать максимальное расположение и уважение Братьям Храма, которые постоянно отдают свои жизни за Бога и веру, и через которых мы делаем то небольшое, что в наших силах, ибо на них, после Бога, возлагается вся надежда всех тех в восточных областях, кто ступает по правильному пути". "...[66]

Филипп Неаполитанский.

A. D. 1167.

Магистра, брата Бертрана де Бланкефора, сменил (1167 г. н. э.) Филипп Наплузский, первый магистр Храма, родившийся в Палестине. Он был лордом крепостей Крак и Монреаль в Аравии Петреа и принял обеты и обычай ордена Храма после смерти своей жены[67].

Теперь мы должны сделать паузу, чтобы взглянуть на становление еще одного великого военно-религиозного института, который отныне играет ведущую роль в обороне Латинского королевства.

В XI веке, когда паломничество в Иерусалим значительно возросло, несколько итальянских купцов из Амальфи, которые вели выгодную торговлю с Палестиной, купили у халифа *Монстасер-биллаха* участок земли в христианском квартале Святого города, недалеко от церкви Воскресения, где были построены две больницы, одна из которых предназначалась для приема паломников-мужчин, а другая - для женщин. Несколько благочестивых и благотворительных христиан, в основном из Европы, посвятили себя в этих больницах постоянному уходу за больными и обездоленными. Были возведены две часовни, одна из которых, пристроенная к женскому учреждению, была посвящена святой Марии Магдалине, а другая - святому Иоанну Елемосинарию, канонизированному патриарху Александрии, отличавшемуся необычайной благотворительностью. Благочестивые и добросердечные люди, которые здесь ухаживали за больными паломниками, одевали нагих и кормили голодных, были названы "Госпитальерами святого Иоанна".

После завоевания Иерусалима крестоносцами эти благотворители, естественно, пользовались величайшим уважением и почтением своих собратьев с запада; многие воины Креста, пораженные их благочестием и рвением, пожелали участвовать в их добрых делах, а госпитальеры, воодушевленные религиозным энтузиазмом того времени, решили отречься от мира и посвятить остаток своей жизни благочестивым обязанностям и постоянному уходу за больными. Они приняли обычные монашеские обеты послушания, целомудрия и бедности, а в качестве отличительной привычки - *черную* мантию с *белым* крестом на груди. Владыки и князья, участвовавшие в крестовом походе, даровали им различные земли и владения как в Палестине, так и в Европе, и орден госпитальеров Святого Иоанна быстро превратился в великое и могущественное учреждение[68].

Жерар, уроженец Прованса, в этот период возглавлял общество с титулом "Хранитель бедных". Его сменил (1118 г. н. э.) Раймон Дюпюи, рыцарь из Дофине, который разработал ряд правил для руководства и управления своими братьями. В этих правилах нет и следа того военного духа, который впоследствии одушевлял орден Госпиталя Святого Иоанна. Аббат де Верто, желая, вероятно, оказать знаки внимания Мальтийскому ордену, относит принятие оружия госпитальерами к 1119 году и описывает их как ожесточенных бойцов под командованием Раймона Дюпюи в битве между христианами и Доль де Кувином, султаном Дамаска; но никто из историков того времени не упоминает о госпитальерах в этой битве. Де Верто не приводит никаких авторитетов в поддержку своего заявления, и оно представляется просто выдумкой.

Первое достоверное упоминание о намерении госпитальеров заниматься военными делами содержится в булле папы Иннокентия Второго, датированной 1130 годом. Эта булла адресована архиепископам, епископам и духовенству вселенской церкви и сообщает им, что в то время госпитальеры содержали за свой счет корпус всадников и пеших воинов для защиты паломников при следовании к святым местам и при возвращении из них; Папа замечает, что средств госпитальеров было недостаточно, чтобы они могли эффективно

выполнять благочестивую и святую задачу, и увещевает архиепископов, епископов и духовенство оказывать помощь в нуждах ордена из своего богатого имущества.^[69] Следовательно, в этот период госпитальеры решили добавить задачу по *защите* к задаче по уходу и помощи паломникам.

После вступления (1168 г. н. э.) Жильбера д'Ассалита в должность опекуна Госпиталя - человека, которого де Верто описывает как "смелого и предприимчивого, обладающего экстравагантным гением", - в госпитальеров вселился военный дух, который быстро возобладал над их благочестивым и благотворительным рвением в заботе о бедных и больных. Жильбер д'Ассалит был другом и доверенным лицом Амальрика, короля Иерусалима, и вместе с ним планировал нечестивое вторжение в Египет вопреки договорам. Магистр Храма, с которым посоветовались по поводу этой экспедиции, категорически отказался иметь к ней какое-либо отношение или позволить хоть одному брату ордена Храма сопровождать короля с оружием в руках; "Ибо тамплиерам, - говорит Вильгельм Тирский, - казалось тяжелым делом вести войну без причины, вопреки договорам, против чести и совести, против дружественного народа, хранящего с нами веру и полагающегося на нашу собственную веру"^[70]. "Поэтому Жильбер д'Ассалит решил добиться для короля помощи от своих братьев, в которой ему отказывали тамплиеры; а чтобы склонить госпитальеров вооружиться в целом как великое военное общество, подражая тамплиерам^[71], и присоединиться к экспедиции в Египет, Жильбер д'Ассалит был уполномочен пообещать им от имени короля владение богатым и важным городом Бельбейс, древним Пелузием, под вечным суверенитетом^[72].

По словам де Верто, старшие госпитальеры были крайне не согласны с военными проектами своего вождя: "Они настаивали, - говорит он, - что являются религиозным орденом и что церковь не давала им в руки оружие для завоеваний"^[73], но более молодые и пылкие братья, горящие желанием сменить монотонную жизнь монастыря на предприимчивость и активность лагеря, восприняли предложения своего начальника с энтузиазмом, и большинство членов капитула приняли решение в пользу планов и проектов своего гвардейца. Они разрешили ему занимать деньги у флорентийских и генуэзских купцов, брать наемных солдат на жалованье ордена и организовать госпитальеров как большое военное общество.

Жильбер д'Ассалит с большой энергией принялся за осуществление этих планов; он писал письма королю Франции с просьбой о помощи и содействии^[74] и занимал деньги у константинопольского императора. "Ассалит, - говорит де Верто, - на эти деньги собрал большое войско, которое взял на жалованье; а поскольку его воображение было полностью занято льстивыми надеждами на завоевание, он привлек своими неосмотрительными либеральными действиями большое количество добровольцев на свою службу, которые, как и он, уже разделяли в воображении все богатства Египта".

1168 Г. Н.Э.

Именно в первый год правления Филиппа Неаполитанского (1168 г. н. э.) король Иерусалима и госпитальеры отправились в свою памятную и злополучную экспедицию. Египтяне были захвачены врасплох; город Белбейс был взят штурмом, а беззащитные жители подверглись варварской резне; "они не пощадили, - говорит де Верто, - ни стариков, ни женщин, ни грудных детей", после чего опустошенный город был передан братьям из госпиталя Святого Иоанна. Однако они удерживали его очень недолго: безнравственность, жестокость и несправедливость христиан быстро понесли заслуженное наказание. Иерусалимский король был изгнан обратно в Палестину, Бельбейс с досадой покинул город, а госпитальеры

в печали и разочаровании бежали в Иерусалим, на глазах у неверных. Там они выплеснули свое негодование и досаду на несчастного Жильбера д'Ассалита, своего начальника, который втянул орден в долги на 100 000 золотых; они заставили его сложить свои полномочия, и несчастный хранитель госпиталя бежал из Палестины в Англию и утонул в Ла-Манше[75].

С этого времени, однако, характер ордена Госпиталя Святого Иоанна полностью изменился; Госпитальеры отныне предстают как великое военное тело; их начальник называет себя магистром и лично ведет братьев на поле боя. Уход за бедными и больными по-прежнему оставался одной из обязанностей братства, но он, должно быть, слабо осуществлялся среди лязга оружия и возбуждения войны.

ГЛАВА IV.

Состязания между Саладином и тамплиерами - обширные привилегии тамплиеров - издание буллы "*omne datum optimum*" - Папа объявляет себя непосредственным епископом всего ордена - различные классы тамплиеров - рыцари - священники - служащие братья - наемные солдаты - великие офицеры Храма - наказание за трусость - магистр Храма попадает в плен, Саладин добивается больших успехов - христиане заключают перемирие - магистр Храма и патриарх Ираклий отправляются в Англию за помощью - освящение храмовой церкви в Лондоне.

"Крепчайший оплот Иерусалима был основан рыцарями госпиталя Святого Иоанна и храма Соломона; странное соединение монашеской и военной жизни, которое фанатизм мог бы предположить, но политика должна одобрить. Цветок дворянства Европы стремился носить крест и исповедовать обеты этих уважаемых орденов; их дух и дисциплина были бессмертны, а быстрое пожертвование двадцати восьми тысяч ферм или поместий позволило им содержать регулярные силы кавалерии и пехоты для защиты Палестины" - Гиббон.

Одо де Сент-Аманд.
A. D. 1170.

Магистр, Филипп Наплузский, сложил с себя полномочия после недолгого трехлетнего правления, и его сменил брат Одо де Сент-Аманд, гордый и пламенный воин, непоколебимой храбрости и решимости; по словам Вильгельма, архиепископа Тирского, перед его глазами не было страха ни перед Богом, ни перед человеком[76].

Теперь тамплиерам суждено было встретиться с более грозным противником, чем все, с кем они до сих пор сталкивались на поле боя, с тем, кто снова должен был заставить полумесяц восторжествовать над крестом и водрузить штандарт пророка на стены святого города.

Когда фатимидский халиф получил сведения о вторжении Амальрика в Египет, он послал волосы своих женщин, один из величайших знаков беды, известных на Востоке, благочестивому Нуреддину, который немедленно отправил ему на помощь отряд во главе с Шееркохом и его племянником Юсеф-бен-Акуб-бен-Шади, знаменитым Саладином. Шееркох умер сразу после прибытия, а Юсеф принял командование и был назначен визирем халифа. Молодость Юсефа прошла в удовольствиях и разврате, лени и праздности: он с сожалением покинул прелести Дамаска ради пыльных равнин Египта; и если бы не неоправданная экспедиция короля Амальрика и госпитальеров против неверных, могучие таланты и скрытая энергия молодого курдского вождя, полностью изменившие лицо дел на Востоке, по всей вероятности, так и не получили бы развития.

Как только Саладин овладел силой меча и получил право командовать армией, он отбросил глупости своей юности и начал новую жизнь. Он отказался от мирских удовольствий и принял облик святого. Его одеждой была грубая шерстяная одежда, единственным напитком - вода, и он тщательно воздерживался от всего, что не одобряла мусульманская религия. Пять раз в день он совершал публичную молитву в окружении своих друзей и последователей, а его облик стал серьезным, серьезным и задумчивым. Он энергично боролся духовным оружием с соблазнами мира; его ночи часто проходили в бдениях и размышлениях, он всегда был усерден в посте и изучении Корана. С тем же рвением он сражался плотским оружием против врагов ислама, и восхищенные братья дали ему имя *Салах-эд-Дин*, "Целомудрие религии", в просторечии называемое Саладином.

Во главе сорока тысяч конных и пеших он пересек пустыню и опустошил границы Палестины; дикие бедуины и восторженные арабийцы далекого юга собрались под его знамена и со святым рвением поспешили получить мученический венец, защищая веру. Давно запомнившийся и вызывавший большой страх у арабов крик "*Аллах акбар*, Бог победил!" снова раздался по равнинам и горам Палестины, и грандиозная религиозная борьба за обладание святым городом Иерусалимом, одинаково почитаемым и мусульманами, и христианами, снова началась с новой силой. Саладин осадил укрепленный город Газа, принадлежавший рыцарям-тамплиерам и считавшийся ключом от Палестины к Египту. Роскошные сады, пальмовые и оливковые рощи этого города пустыни были уничтожены дикой конницей пустыни, а бесчисленные шатры арабского войска расположились густой группой на соседних песчаных холмах. Воинственные монахи храма постились и молились, призывая на помощь Бога битв; ворота города были открыты, и во время неожиданного нападения на вражеский лагерь они проявили такие доблести, что Саладин, отчаявшись взять город, отказался от осады и отступил в Египет[77].

A. D. 1172.

В следующем году в Англии была опубликована знаменитая булла папы Александра, *omne datum optimum*, подтверждающая прежние привилегии тамплиеров и наделяющая их дополнительными полномочиями и иммунитетами. Она начинается в следующих выражениях:

"Александр, епископ, слуга рабов Божьих, своим возлюбленным сыновьям, Одо, магистру религиозного рыцарства Храма, который находится в Иерусалиме, и его преемникам, и всем регулярно исповедуемым братьям.

"Всякое даяние доброе и всякое воздаяние совершенное[78] нисходит свыше, от Отца света, у Которого нет ни перемены, ни тени разнообразия. Поэтому, о возлюбленные дети в Господе, мы прославляем Всемогущего Бога в отношении вашего святого братства, поскольку ваша религия и почитаемый институт празднуются во всем мире. Ибо хотя по

природе вы - дети гнева и рабы удовольствий этой жизни, но по благосклонной благодати вы не остались глухими слушателями Евангелия, но, отбросив все земные блага и удовольствия и отвергнув широкую дорогу, ведущую к смерти, смиренно избрали трудный путь к вечной жизни. Верно исполняя характер воинов Господа, вы постоянно носите на груди знак животворящего креста. Более того, подобно истинным израильтянам и самым обученным бойцам божественной битвы, воспламененные истинным милосердием, вы своими делами исполняете слово Евангелия, которое гласит: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих";, так что, повинувшись голосу великого Пастыря, вы нисколько не боитесь положить свои жизни за своих братьев и защитить их от набегов язычников; и вы вполне можете быть названы святыми воинами, поскольку вы были назначены Господом защитниками католической церкви и борцами с врагами Христа."

После этой преамбулы папа убедительно призывает тамплиеров с неустанным усердием следовать своему высокому призванию, защищать восточную церковь всем сердцем и душой и поражать врагов креста Христова. "Властью Бога и благословенного Петра, князя апостолов, - говорит святой понтифик, - мы постановили и постановляем, что храм в , в котором вы собрались во славу и хвалу Божию, для защиты верных и освобождения Церкви, навсегда останется под охраной и защитой святого апостольского собора, вместе со всеми благами и имуществом, которыми вы ныне пользуетесь по праву, и всем тем, что вы сможете получить в будущем по праву, благодаря щедрости христианских королей и князей, а также милостыни и пожертвований верующих.

"Кроме того, мы настоящим постановляем, что регулярная дисциплина, которая по Божьей милости была установлена в вашем доме, должна неукоснительно соблюдаться, и что братья, посвятившие себя служению всемогущему Богу, должны жить вместе в целомудрии и без имущества; и, исполняя свое исповедание как словом, так и делом, они должны оставаться во всем послушными и покорными Мастеру или тому, кого Мастер поставит над ними во власть.

"Более того, поскольку главный дом в Иерусалиме был источником и истоком вашего священного учреждения и порядка, его хозяин всегда должен считаться главой и начальником всех домов и мест, относящихся к нему. И мы далее постановляем, что после смерти Одо, нашего возлюбленного сына в Господе, и каждого из его преемников, ни один человек не будет поставлен во власть над братьями одного дома, если он не принадлежит к религиозному и военному ордену; и регулярно исповедовал вашу привычку и общение; и был избран всеми братьями единогласно, или, во всяком случае, большей частью их.

"И отныне ни одному церковному или светскому лицу не будет позволено нарушать или умалять обычаи и обряды вашей религии и профессии, установленные Магистром и общими братьями; и те правила, которые были записаны и соблюдались вами в течение некоторого времени, не должны быть изменены или переделаны иначе как властью Магистра, с согласия большинства главы.

"... Ни один церковный или светский человек не смеет требовать от Мастера и Братьев Храма клятв, поручительств или каких-либо подобных гарантий, которые обычно требуются от мирян".

"Поскольку ваше священное учреждение и религиозное рыцарство были установлены Божественным Провидением, не следует вступать в какой-либо другой орден с целью вести более религиозную жизнь, ибо Бог, неизменный и вечный, не одобряет непостоянного сердца; но желает, чтобы добрая цель, начатая однажды, сохранялась до конца жизни.

"Сколько великих личностей угодили владыке земной империи под воинским поясом и привычкой! Сколько выдающихся людей, собравшись вместе, храбро сражались в наше время за Евангелие Божье и в защиту законов Отца нашего; и, освятив свои руки в крови неверующих в Господа, после трудов и страданий в этой земной войне получили награду в виде вечной жизни! Итак, рыцари и братья по служению, усердно внимайте своей профессии, и в соответствии с изречением апостола: "Пусть каждый из вас стойко пребывает в том призвании, к которому призван". Поэтому мы постановляем, что, когда ваши братья однажды дадут обеты, будут приняты в ваш священный колледж и возьмут на себя вашу войну и привычку вашей религии, они больше не будут иметь возможности вернуться в мир; Ни один из них, после того как он исповедался, не может отказаться от креста и привычки вашей религии, чтобы поступить в другой монастырь или обитель с более строгой или более слабой дисциплиной, без согласия братьев, или Мастера, или того, кого Мастер поставил над ними; и никому из церковных или светских лиц не будет позволено принимать или удерживать их.

"И поскольку защитники Церкви должны поддерживаться и содержаться за счет церковных благ, мы запрещаем всяким людям требовать с вас десятину с вашего движимого или недвижимого имущества, или любого из товаров и имущества, относящегося к вашему почтенному дому.

"И чтобы ничего не было недостатком для полноты вашего спасения и заботы о ваших душах, и чтобы вы могли более удобно слушать богослужение и принимать таинства в вашем священном колледже, мы таким же образом постановляем, что для вас будет законным принимать в ваше братство честных и благочестивых священников и священниц, столько, сколько вы можете потребовать по совести; и принимать их, откуда бы они ни приходили, как в вашем главном доме в Иерусалиме, так и во всех других домах и местах, зависящих от него, чтобы они не принадлежали ни к какому другому религиозному исповеданию или ордену, и чтобы вы просили их у епископа, если они приходят из окрестностей; но если вдруг епископ откажет, все же вы имеете разрешение принимать и удерживать их властью святого апостольского собора.

"Если кто-либо из них после исповедания окажется бесполезным или станет нарушителем порядка в вашем доме и религии, вы вправе, с согласия большей части главы, удалить их и предоставить им возможность вступить в любой другой орден, где они пожелают жить в служении Богу, и заменить их другими, которые пройдут годичный испытательный срок в вашем обществе; По истечении этого срока, если их нравственность сделает их достойными вашего общества и они будут признаны годными и подходящими для вашего служения, то пусть они сделают обычное исповедание жизни по вашему правилу, и послушания своему господину, так чтобы они имели свою пищу и одежду, а также жилье в братстве.

"Но им не следует самонадеянно принимать участие в консультациях вашего капитула или в управлении вашим домом; им разрешается делать это лишь в той мере, в какой это предписано вами самими. Что же касается лечения душ, то они должны заниматься этим делом лишь по мере необходимости. Кроме того, они не должны подчиняться никаким лицам, силам и властям, за исключением вашего собственного капитула, но пусть оказывают совершенное послушание во всех делах и при любых обстоятельствах тебе, возлюбленный сын наш в Господе, Одо, и твоим преемникам, как их *господину* и *епископу*.

"Кроме того, мы постановляем, что вы вправе посылать ваших клириков, когда они будут приняты в священный сан, для рукоположения к любому католическому епископу, какому вам будет угодно, который, облеченный нашей апостольской властью, даст им то, что они

требуют; но мы запрещаем им проповедовать с целью получения денег или для какой-либо мирской цели, если только, возможно, нынешний магистр храма не разрешит это делать для какой-то особой цели. И кто бы из них ни был принят в ваш колледж, они должны дать обещание о твердости намерений, об исправлении нравов, о том, что будут сражаться за Господа во все дни своей жизни и оказывать строгое послушание Хозяину Храма; книга, в которой записаны эти вещи, должна быть помещена на алтарь.

"Кроме того, не умаляя прав епископов в отношении десятин, пожертвований и погребений, мы предоставляем вам право строить в местах, отведенных для священного дома Храма, оратории, в которых вы и ваши помощники и слуги могли бы жить; чтобы и вы, и они могли прислуживать на богослужениях и принимать там обряд погребения; ибо было бы неподобающе и весьма опасно для душ религиозных братьев, если бы они смешивались с толпой светских людей и попадали в общество женщин по случаю посещения ими церкви. Что же касается десятины, которую, по совету и с согласия епископов, вы сможете своим усердием вырвать из рук духовенства или мирян, и той, которую с согласия епископов вы сможете приобрести у их собственного духовенства, то мы подтверждаем вам это нашей апостольской властью".

Вышеупомянутая булла далее различными способами обеспечивает временную и духовную выгоду тамплиеров и прямо распространяет милости и индульгенции, а также апостольские благословения на всех служащих братьев, а также на рыцарей. Кроме того, братство наделяется важной привилегией - раз в год открывать церкви городов и деревень, находящихся под интердиктом, и совершать в них богослужение[79].

Булла, в точности похожая на вышеупомянутую, была издана папой Александром седьмого ида. Оба вышеупомянутых документа в значительной степени лишь подтверждают привилегии, ранее предоставленные тамплиерам.

Использование или злоупотребление этими полномочиями и иммунитетам быстро привело тамплиеров к столкновению с епископами. На общем церковном соборе, состоявшемся в Риме (1179 г. н. э.) и названном третьим Латеранским, святые отцы обратились к ним с серьезным порицанием. "Мы обнаруживаем, - говорят они, - по частым жалобам епископов, наших коллег, что тамплиеры и госпитальеры злоупотребляют привилегиями, предоставленными им Святым Престолом; что капелланы и священники их правила передают себе приходские церкви без согласия епископов; что они совершают таинства над отлученными от церкви людьми и хоронят их со всеми обычными церковными церемониями; что они также злоупотребляют предоставленным братьям разрешением совершать богослужение раз в год в местах, находящихся под интердиктом, и что они принимают в свое братство светских людей, притворяясь, что тем самым дают им такое же право на их привилегии, как если бы они были действительно исповедуемыми." Чтобы устранить эти нарушения, собор запретил военным орденам получать в будущем какие-либо передачи церквей и десятин без согласия епископов; что касается церквей, не основанных ими самими и не обслуживаемых капелланами ордена, то они должны представлять священников, которых они назначают для их лечения, епископу епархии и не оставлять за собой ничего, кроме управления принадлежащими им временными владениями; Они не должны совершать богослужения в церквях, находящихся под интердиктом, чаще одного раза в год, и не должны хоронить там кого бы то ни было; и никому из их братства или соратников не должно быть позволено пользоваться их привилегиями, если они не исповедуют их на самом деле.[81]

На этом соборе присутствовали несколько епископов из Палестины, а также архиепископ Кесарии и Вильгельм архиепископ Тирский, великий историк Латинского королевства.

Орден Храма в этот период делился на три великих сословия - рыцарей, священников и служащих братьев, связанных между собой клятвой послушания магистру Храма в Иерусалиме, главе всего братства. Каждый кандидат на вступление в первый класс должен был получить рыцарскую честь в надлежащей форме, в соответствии с законами рыцарства, прежде чем он мог быть допущен к обету; и поскольку никто из людей низкого происхождения не мог быть продвинут к рыцарским почестям, братья первого класса, то есть рыцари-тамплиеры, были все люди благородного происхождения и высокой храбрости. До собора в Труа в ордене состояли только рыцари, но правило, составленное святыми отцами, предписывает принимать в обеты оруженосцев и ретейнеров, причем в следующих выражениях.

"LXI. Мы знаем многих из различных провинций, как кавалеров, так и эсквайров, горячо желающих ради спасения своих душ быть принятыми на всю жизнь в наш дом. Поэтому целесообразно, чтобы вы приняли их в обеты, дабы старый враг не подсказал им что-нибудь, пока они служат Богу тайком или неподобающим образом, и не сбил их внезапно с правильного пути". Отсюда возникло великое сословие служилых братьев (*fratres servientes*), которые сопровождали рыцарей в поле как пешком, так и верхом, и значительно увеличили мощь и военную репутацию ордена. Служилые братья были вооружены луками, билами и мечами; их обязанностью было всегда находиться рядом с рыцарем, в случае необходимости снабжать его свежим оружием или свежим конем, а также оказывать ему всяческую помощь в схватке. Эсквайрами рыцарей обычно были служилые братья ордена, но могли быть приняты и светские люди.

Орден Храма всегда имел на своем содержании большое количество отставников и наемных войск, как кавалерии, так и пехоты, которые служили рыцарям. Они были одеты в черные или коричневые одежды, чтобы, повинаясь правилу,^[82] их можно было легко отличить от исповедующих Христа воинов, которые были одеты в белое. Черную или коричневую одежду предписывалось носить всем связанным с тамплиерами людям, не принявшим обета, дабы святые воины не страдали характером или репутацией от нарушений светских людей, от которых они зависят^[83].

Белая мантия тамплиеров была обычной монашеской привычкой, с красным крестом на левой груди; она надевалась поверх доспехов из цепной почты, и ее можно было закрепить петлей, чтобы оставить рукоять меча на полной свободе. На голове тамплиер носил белый льняной кафтан, а поверх него - маленькую круглую шапочку из красной ткани. В полевых условиях к ней, вероятно, добавлялся железный колпак. Теперь мы должны взглянуть на военную организацию ордена Храма и на главных офицеров общества.

Следующим по силе и власти после магистра был маршал, на которого возлагалось выполнение военных мероприятий на поле боя. Он был вторым по старшинству, и в случае смерти магистра управление орденом переходило к нему до избрания нового начальника. В его обязанности входило обеспечение оружием, палатками, лошадьми и мулами, а также всеми необходимыми принадлежностями для войны.

Приор или прецептор Иерусалимского королевства, также называемый "Великим прецептором Храма", осуществлял непосредственное руководство главным домом ордена в святом городе. Он был главным казначеем общества и ведал всеми поступлениями и расходами. Во время отсутствия Мастера в Иерусалиме на него возлагалось все управление Храмом.

Драперу поручили отдел одежды, и он должен был распределять одежду "без подозрений в высокомерии и излишестве" между всеми братьями. Ему было предписано особенно тщательно следить за тем, чтобы одежда была "не слишком длинной и не слишком короткой, но правильно отмеренной для носящего, с равной мерой и с братским вниманием, чтобы глаз шептуна или обвинителя не смел ничего заметить"[84].

Знаменосец (*Balcanifer*) нес на поле боя славный *Beauseant*, или боевое знамя; его поддерживало определенное число рыцарей и эскайров, которые поклялись защищать цвета ордена и никогда не позволять им попадать в руки врага.

Туркопилар был командиром легкого конного корпуса, называемого туркополами (*Turcopuli*). Это были уроженцы Сирии и Палестины, часто потомство турецких матерей и христианских отцов, воспитанные в религии Христа и содержащиеся на жалованье ордена Храма. Они были легко вооружены, одеты в азиатском стиле и, будучи привычными к климату, хорошо знакомыми со страной и мусульманским способом ведения войны, оказались чрезвычайно полезными в качестве легкой кавалерии и скирмишеров, и их всегда прикрепляли к военным батальонам тамплиеров.

Хранитель часовни (*Custos Capellæ*) отвечал за переносную часовню и украшения алтаря, которые тамплиеры всегда брали с собой в поле. Эта переносная часовня представляла собой круглую палатку, которую ставили в центре лагеря; вокруг нее располагались покои братьев, чтобы они могли наиболее удобным и быстрым образом участвовать в богослужениях и исполнять религиозные обязанности своей профессии.

Помимо Великого прецептора Иерусалимского королевства, существовали Великие прецепторы Антиохии и Триполи, а также приоры или прецепторы различных домов Храма в Сирии и Палестине; все они командовали в поле и выполняли различные военные обязанности под присмотром магистра.

Тамплиеры и госпитальеры стали хранителями истинного креста, когда его вынесли из священного хранилища в церкви Воскресения, чтобы поставить во главе христианской армии. Тамплиеры маршировали справа священной эмблемы, а госпитальеры - слева; в боевой линии оба ордена занимали одинаковые позиции[85].

Свидетель поведения тамплиеров в поле рассказывает, что они всегда были первыми в бою и последними в отступлении; что они шли в бой с величайшим порядком, тишиной и осмотрительностью и тщательно выполняли приказы своего магистра. Когда их вождь подавал сигнал к бою, и трубы ордена звучали для заряда, "тогда, - говорит он, - они смиренно пели псалом Давида: *Non nobis, non nobis, Domine, sed nomini tuo da gloriam*, "Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему дай хвалу"; и, поставив свои копья в покое, они либо ломали строй противника, либо умирали. Если кто-либо из них случайно повернет назад или будет держаться менее мужественно, чем следовало бы, белая мантия, эмблема их ордена, бесславно срывается с его плеч, крест, который носит братство, отбирается у него, и он изгоняется из общества братьев; он вынужден есть на земле без салфетки или скатерти в течение года; а собак, которые собираются вокруг него и мучают его, ему не разрешается прогонять. По истечении года, если он действительно раскаивается, магистр и братья возвращают ему воинский пояс, его первоначальную привычку и крест и снова принимают его в сообщество и общину братьев. Тамплиеры действительно исповедуют суровую религию, живут в смиренном послушании своему магистру, не имеют имущества и проводят почти все дни своей жизни под палатками в открытом поле." [86] Такова картина тамплиеров, нарисованная одним из ведущих сановников Латинского королевства.

Теперь мы должны возобновить наше повествование о главных событиях, связанных с орденом.

В 1172 году рыцарь-тамплиер Вальтер дю Месниль был виновен в жестоком убийстве, которое произвело большую сенсацию на Востоке. Отвратительная религиозная секта, предположительно происходящая от персидских исмаилитов, обосновалась в горах над Триполи. Они посвятили свои души и тела слепому повиновению вождю, которого авторы крестовых походов называют "стариком горы", и были задействованы им в самой обширной системе убийств и покушений, известной в мировой истории. И христианские, и мусульманские писатели с ужасом перечисляют множество прославленных жертв, павших под их кинжалами. Для осуществления своих смертоносных замыслов они принимали любую форму и маскировку и, как правило, не имели при себе никакого оружия, кроме маленького пистолета, спрятанного в складках их платья, называемого на персидском языке *хассисин*, откуда эти несчастные стали называться *убийцами*, а их глава - принцем убийц; само слово, во всем его одиозном значении, перешло в большинство европейских языков[87].

Раймонд, сын графа Триполи, был убит этими фанатиками, стоя на коленях у подножия алтаря в церкви Пресвятой Девы в Карчuze или Тортосе; тамплиеры бросились к оружию, чтобы отомстить за его смерть; они проникли в крепости и укрепления "горного вождя" и наконец вынудили его купить мир уплатой ежегодной дани в две тысячи крон в казну ордена. На девятом году правления Амальрика *Синан бен Сулейман*, имаун убийц, отправил в Иерусалим доверенного советника, предлагая именем себя и своего народа принять христианскую религию, если тамплиеры освободят их от уплаты дани. Предложение было принято благосклонно; посланника с почетом принимали несколько дней, а при отъезде король предоставил ему проводника и эскорт, чтобы безопасно проводить его до границы. Исмаилит достиг границ Латинского королевства и был уже почти в виду замков своих братьев, когда был жестоко убит рыцарем тамплиеров Вальтером дю Меснилем, который напал на эскорт с телом вооруженных последователей[88].

Король Иерусалима, справедливо разгневанный этим вероломным поступком, собрал баронов королевства в Сидоне, чтобы определить наилучшие средства для получения компенсации за нанесенный ущерб; и было решено, что двое из них должны отправиться к Одо де Сент-Аманду, чтобы потребовать выдачи преступника. Надменный магистр Храма велел им сообщить его величеству королю, что члены ордена Храма не подчиняются ни его юрисдикции, ни юрисдикции его офицеров; что тамплиеры не признают никакого земного начальника, кроме папы; и что только святому понтифику принадлежит рассмотрение дела о преступлении. Однако он заявил, что преступление должно понести должное наказание; что он приказал арестовать преступника, заковать его в кандалы и немедленно отправить в Рим, но до вынесения решения по его делу он запретил всем лицам любого ранга вмешиваться в его дела[89].

Вскоре, однако, магистр счел целесообразным изменить свое решение и менее решительно настаивать на привилегиях своего братства. Брат Вальтер дю Месниль был передан королю и заключен в одну из королевских тюрем, но о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

После смерти Нуреддина, султана Дамаска, (1175 г. н. э.) Саладин возвысил себя до суверенитета Египта и Сирии. Он собрал огромную армию и, пройдя через пустыню из Каира, вновь водрузил штандарт Магомета на священной территории Палестины. Его войска состояли из двадцати шести тысяч легкой пехоты, восьми тысяч всадников, множества лучников и копьеносцев, сидящих на дромадерах, и восемнадцати тысяч простых солдат.

Лицо Саладина окружал телохранитель из тысячи мамлюкских эмиров, одетых в желтые плащи, накинутые поверх почтовых рубашек.

A. D. 1177.

В великой битве, разыгравшейся под Аскалоном (1 ноября 1177 года), Одо де Сент-Аманд, магистр храма, сразился с Аскалоном. Аманд, магистр Храма, во главе восьмидесяти своих рыцарей прорвался через гвардию мамлюков, убил их командира и проник в императорский шатер, откуда султан с большим трудом, почти голый, бежал на дромадере; неверные, приведенные в смятение, были зарублены или изгнаны в пустыню, где погибли от голода, усталости или непогоды.[В следующем году Саладин собрал огромную армию в Дамаске, а тамплиеры, чтобы защитить и прикрыть дорогу, ведущую из этого города в Иерусалим, начали возводить сильную крепость на северной границе Латинского королевства, недалеко от брода Иакова на реке Иордан, в том месте, где сейчас стоит *Джис'р Бени Якоб*, "мост сыновей Иакова". Саладин во главе своих войск выступил против хода работ, а король Иерусалима и все рыцарство Латинского королевства собрались на равнине, чтобы защитить тамплиеров и их рабочих. Крепость была возведена несмотря на все усилия неверных, и тамплиеры ввели в нее сильный гарнизон. После этого Саладин предпринял удвоенные усилия, чтобы разрушить это место.

A. D. 1179.

По сигналу мусульманских труб "защитники ислама" бежали перед "мстителями Христовыми"; христианские войска расстроились во время преследования, и быстрая конница пустыни, налетев с двух сторон, разгромила с огромной резней всю армию креста. Тамплиеры и госпитальеры вместе с графом Триполи твердо стояли на вершине небольшого холма и долгое время представляли смелый и непоколебимый фронт перед победоносным врагом. Наконец граф Триполи пробил себе путь через неверных и бежал в Тир; магистр Госпиталя, увидев большинство своих братьев убитыми, переплыл Иордан и бежал, покрытый ранами, в замок Бофор; а тамплиеры, сражаясь с обычным рвением и фанатизмом вокруг знамени с красным крестом, которое до последнего развевалось над полем крови, были все убиты или взяты в плен, а магистр Одо де Сент-Аманд пал живым в руки. Аманд, пал живым в руки врага.[91] Затем Саладин осадил только что возведенную крепость, которая была довольно прочной и защищалась толстыми стенами, фланкированными большими башнями, оснащенными военными механизмами. После галантного сопротивления гарнизона она была подожжена, а затем взята штурмом. "Тамплиеры, - говорит Абульфарадж, - бросились кто в огонь, где и сгорели, кто в Иордан, кто спрыгнул со стен на камни и разбился вдребезги: так был убит враг". Крепость превратилась в груды развалин, и разгневанный султан, как говорят, приказал распилить надвое всех тамплиеров, взятых в плен, за исключением самых выдающихся рыцарей, которых оставили для выкупа и отправили в цепях в Алеппо[92].

Арнольд де Торрож.

A. D. 1180.

Саладин предложил Одо де Сент-Аманду свободу в обмен на свободу его собственного племянника, который был пленником в руках тамплиеров; но магистр Храма надменно ответил, что никогда своим примером не побудит никого из своих рыцарей к подлости, чтобы сдаться, что тамплиер должен либо победить, либо умереть, и что ему нечего дать в качестве выкупа, кроме своего пояса и ножа.[93] Гордый дух Одо де Сент-Аманд плохо переносил

заточение; он томился и умер в подземельях Дамаска, и его сменил брат Арнольд де Торрож, занимавший главные посты ордена в Европе[94].

A. D. 1184.

Дела латинских христиан в этот период находились в плачевном положении. Саладин расположился лагерем у Тивериады и распространил свои опустошения почти на все районы Палестины. Его легкая кавалерия пронеслась по долине Иордана до Иерусалима на расстоянии одного дня марша, и вся страна до Паниаса с одной стороны и Бейсана, Д'Дженнина и Себасте с другой была уничтожена огнем и мечом. Дома тамплиеров были разграблены и сожжены; различные замки, принадлежавшие ордену, были взяты штурмом;[95] но немедленное уничтожение латинской державы было задержано некоторыми частичными успехами, достигнутыми христианскими воинами, и умелым полководческим искусством их лидеров. Саладин был вынужден отступить в Дамаск, после того как он сжег Наплус и обезлюдил всю страну вокруг Тивериады. Было предложено перемирие (1184 г. н. э.), и поскольку внимание султана было отвлечено интригами туркоманских вождей на севере Сирии, а сам он был снова вовлечен в военные действия в Месопотамии, он согласился на приостановку войны на четыре года в обмен на выплату христианами крупной суммы денег.

Этим перемирием немедленно воспользовались, чтобы обеспечить безопасность Латинского королевства. В Иерусалиме был созван большой совет, на котором было решено, что Ираклий, патриарх Святого города и магистры храма и госпиталя должны немедленно отправиться в Европу, чтобы получить помощь от западных князей. Больше всего на помощь рассчитывал Генрих Второй, король Англии, внук Фулька, покойного короля Иерусалима, и двоюродный брат Болдуина, царствовавшего в то время государя. Генрих получил отпущение грехов за убийство святого Фомы Бекета при условии, что он лично отправится во главе мощной армии на помощь Палестине и за свой счет будет содержать двести тамплиеров для защиты святой территории[97].

A. D. 1185.

Патриарх и два магистра высадились в Италии и, снабдив себя письмами папы, угрожавшими английскому монарху карами небесными, если он немедленно не исполнит предписанную ему епитимью, отправились в Англию. В Вероне магистр Храма заболел и умер,[98] но его спутники продолжили свой путь и в начале 1185 года благополучно высадились в Англии. Они были приняты королем в Рединге и, бросившись к ногам английского монарха, с плачем и рыданиями приветствовали его от имени короля, принцев и народа Иерусалимского королевства. Они объяснили цель своего визита и вручили ему письма папы, ключи от святого гроба, от башни Давида и от города Иерусалима, а также королевское знамя Латинского королевства.[Их красноречивый и патетический рассказ о свирепых набегах Саладина и о бедственном положении Палестины вызвал слезы у короля 1600 Генриха и всего его двора. 100] Английский государь дал ободряющие заверения патриарху и его спутникам и обещал вынести все это дело на рассмотрение парламента, который должен был собраться в первое воскресенье Великого поста.

Патриарх тем временем отправился в Лондон и был принят рыцарями-тамплиерами в Храме этого города, главном доме ордена в Британии, где в феврале он освятил только что возведенную прекрасную церковь Храма, посвященную Пресвятой Деве Марии[101].

ГЛАВА V.

Храм в Лондоне - обширные владения тамплиеров в Англии - территориальное деление ордена - различные прецептории в этой стране - привилегии, дарованные тамплиерам королями Англии - магистры Храма в Лондоне - их власть и значение.

Ли фьер, ли Местре дю Темпл
Qu'estoient rempli et ample
D'or et d'argent et de richesse,
Et qui menoient tel noblesse,
Ou sont-il? que sont devenu?
Que tant ont de plait maintenu,
Que nul a elz ne s'ozoit prendre
Tozjors achetoient sans vendre
Nul riche a elz n'estoit de prise;
Tant va pot a eue qu'il brise.
Chron. à la suite du Roman de Favel.

Рыцари-тамплиеры впервые основали главный дом своего ордена в Англии без Холборн-Барса, на южной стороне улицы, где ранее стоял Саутгемптон-Хаус, к которому впоследствии были возведены Саутгемптон-Билдингс;^[102] и утверждается, что около полутора веков назад при сносе нескольких старых домов рядом с Саутгемптон-Билдингс на Чансери-Лейн была обнаружена часть древней часовни круглой формы, построенной из канского камня.^[103] Этот первый дом Храма, основанный самим Хью де Пейенсом перед его отъездом из Англии, по возвращении в Палестину, был приспособлен к нуждам и потребностям ордена в его младенческом состоянии, когда рыцари, вместо того чтобы задерживаться в прецепториях Европы, сразу же отправлялись в Палестину, и когда все средства общества строго и верно направлялись в Иерусалим, чтобы быть потраченными на защиту веры; Но когда орден значительно увеличился в численности, силе и богатстве и

несколько отошел от своей первоначальной чистоты и простоты, мы видим, что настоятель и рыцари, проживающие в Лондоне, начали искать за границей более обширное и удобное место для проживания. Они приобрели большой участок земли, простирающийся от Уайт Фрайерс на запад до Эссекс Хаус без Темпл Бара,[104] и начали возведение монастыря, по масштабам величия соизмеримого с достоинством и важностью главного дома великого военно-религиозного общества Темпл в Британии. Он был назван *Новым* храмом, чтобы отличить его от первоначального заведения в Холборне, которое отныне стало называться *Старым* храмом[105].

Новый храм был приспособлен для проживания многочисленных военных монахов и послушников, служащих братьев, прислужников и прислужниц. В нем находились резиденции настоятеля и рыцарей, кельи и квартиры капелланов и служилой братии, зал совета, где проходили соборы, и трапезная или столовая, которая была соединена рядом красивых клуатров с великолепной церковью, освященной патриархом. Вдоль реки простиралась просторная площадка для отдыха братии, которой не разрешалось выходить в город без разрешения магистра. Здесь же проводились военные учения и тренировки лошадей.

В год освящения храмовой церкви Джеффри, настоятель ордена в Англии, провел расследование земель тамплиеров в этой стране и имен их дарителей,[106] из которого следует, что крупные территориальные подразделения ордена назывались тогда бейливиками, основными из которых были Лондон, Уорвик, Коуэл, Меритун, Гутинг, Вестун, Линкольншир, Линдсей, Уидин и Эборасисир (Йоркшир). Поражает количество поместий, ферм, церквей, адвокатов, земельных владений, деревень, хуторов, ветряных и водяных мельниц, арендных платежей, прав на общий и свободный варрен, а также сумма всех видов собственности, которой тамплиеры владели в Англии на момент проведения этой инквизиции. В больших поместьях, принадлежавших ордену, были возведены дома приоров, где жили прокураторы или управляющие, которым поручалось управлять поместьями и фермами в их окрестностях, а также собирать ренту. Эти приорские дома стали обычными монашескими заведениями, в которых жили в основном больные и престарелые тамплиеры, удалившиеся в них, чтобы провести остаток своих дней после долгой службы против неверных в Палестине. Они являлись кельями главного дома в Лондоне. При них также существовали небольшие администрации, созданные для управления фермами, состоявшие из рыцаря-тамплиера, к которому были прикреплены несколько служащих братьев ордена, и священника, выполнявшего функции алмонера. Поручения или мандаты, направляемые магистрами Храма офицерам, стоящим во главе этих учреждений, назывались наставлениями, от их начала: "*Præcipimus tibi*", мы предписываем или направляем вас, и т. д. и т. п. Рыцари, к которым они были обращены, назывались *Præceptores Templi*, или прецепторами Храма, а районы, которыми они управляли, - *Præceptoria*, или прецепториями.

Теперь будет не лишним сделать общий обзор владений и организации ордена как в Европе, так и в Азии, "обстоятельства которых, - пишет Уильям архиепископ Тирский, пишущий из Иерусалима о периоде освящения в Лондоне церкви Храма, - находятся в столь процветающем состоянии, что в настоящее время в их монастыре (Храме на горе Мориа) более трехсот рыцарей, облаченных в белые одежды, помимо служащих братьев, которых бесчисленное множество. Их владения как за морем, так и в этих краях, как говорят, столь обширны, что в настоящее время в христианстве не найдется провинции, которая не участвовала бы в поддержке вышеупомянутых братьев, чье богатство, как говорят, равно богатству суверенных принцев"[107].

Восточными провинциями ордена были: 1. Палестина, правящая провинция. 2. Княжество Антиохия. 3. Княжество Триполи.

1. Палестина. О храме в Иерусалиме, главном доме ордена и резиденции магистра, уже было сказано выше. Помимо содержащегося там сильного гарнизона, тамплиеры располагали многочисленными силами, распределенными по различным крепостям и опорным пунктам для сохранения и защиты святой территории.

Историки Латинского королевства перечисляют следующие замки и города Палестины, принадлежавшие ордену Храма.

Укрепленный город Газа, ключ Иерусалимского королевства со стороны Египта, древняя одна из пяти сатрапий владыки филистимлян и оплот Камбиза, когда он вторгся в Египет.

"Расположен там, где простираются пределы Иудеи,
В сторону прекрасного Пелусия возвышаются башни Газы.
На ветреном берегу город стоит
Среди бескрайних равнин бесплодных песков,
Над которыми высоко в воздухе проносятся яростные вихри,
как горные буруны на бурной глубине,
Что едва ли испуганный путник, измученный трудом,
Спасается от бури на зыбкой почве".

Он был пожалован тамплиерам в вечное владение иерусалимским королем Балдуином^[108].

Замок Сафет, на территории древнего колена Неффалима; великий оплот северной границы Латинского королевства со стороны следующего Дамаска. Замок пилигримов в окрестностях горы Кармель. Замок Ассура близ Яффы и Дом Храма в Яффе. Крепость Фаба, или Ла-Фе, древний Апхек, недалеко от Тира, на территории древнего колена Ашера. Городище Док, между Вефилом и Иерихоном. Замки Ла-Каве, Марле, Ситерн-Руж, Кагель-Блан, Трапезаш, Соммеллерия Храма, в окрестностях Акки, ныне Сент-Джон-д'Акр. Каструм Планорум и место под названием Геринум Парвум.^[109] Тамплиеры приобрели замок Бофор и город Сидон;^[110] они также получили в свои руки большую часть города Сен-Жан-д'Акр, где они возвели свой знаменитый храм, и почти вся Палестина была в конце концов разделена между ними и госпитальерами Святого Иоанна.

2. Княжество Антиохия. Главные дома Храма в этой провинции находились в самой Антиохии, в Алеппо, Хараме и т. д.

3. Княжество Триполи. Главные учреждения здесь находились в Триполи, в Тортосе, древнем Антараде, в Кагель-Блане в том же районе, в Лаодикее и Бейруте, - все под непосредственным руководством триполийского прецептора. Помимо этих замков, домов и крепостей, тамплиеры владели фермами и большими участками земли как в Сирии, так и в Палестине.

С другой стороны, западными народами или провинциями, откуда орден черпал свою главную силу и богатство, были,

1. Апулия и Сицилия, главные дома которых находились в Палермо, Сиракузах, Лентини, Бутере и Трапани. Дом храма в этом последнем месте был передан в пользование некоторым монахам ордена святого Августина. В одной из церквей города до сих пор можно увидеть знаменитую статую Девы Марии, которую брат Гереге и еще три рыцаря-тамплиера привезли с Востока, намереваясь поставить ее в храмовой церкви на Авентинском холме в Риме, но

были вынуждены оставить на острове Сицилия. Эта знаменитая статуя из прекраснейшего белого мрамора изображает Деву с младенцем Иисусом, лежащим на ее левой руке; она примерно естественной высоты, и, судя по надписи на подножии фигуры, она была выполнена уроженцем острова Кипр в 733 году н. э.[111].

Тамплиеры владели ценными поместьями на Сицилии, вокруг основания горы Этна, и большими участками земли между Пьяццей и Калатаджироне, в пригороде которого находился дом-храм, церковь которого, посвященная Деве Марии, сохранилась до сих пор. Они также владели многими церквями на острове, ветряными мельницами, правами на рыбную ловлю, пастбища, рубку леса и многими важными привилегиями и иммунитетами. Главный дом находился в Мессине, где проживал Великий приор[112].

2. Верхняя и центральная Италия. Дома или прецептории ордена Храма в этой провинции были очень многочисленны, и все они находились под непосредственным руководством Великого приора или прецептора Рима. Крупные заведения были в Лукке, Милане и Перудже, в последней из которых на башне святого креста до сих пор можно увидеть герб Храма. В Плаценции находился великолепный и обширный монастырь под названием Санта-Мария-дель-Темпио, украшенный очень высокой башней. В Болонье также был большой дом-храм, а на часах в городе есть следующая надпись: "*Magister Tosseolus de Miolâ me fecit ... Fr. Petrus de Bon, Procur. Militiæ Templi in curiâ Romanâ, МСССIII*". В церкви Святой Марии в том же месте, которая ранее принадлежала рыцарям тамплиеров, находится интересный мраморный памятник Питеру де Ротису, священнику этого ордена. Он изображен на своей могиле, держащим в руках потир с возвышающимся над ним воинством, а под монументальным изображением находится следующая эпитафия:...

"Stirpe Rotis, Petrus, virtutis munere clarus,
Strenuus ecce pugil Christi, jacet ordine charus;
Veste ferens, menteque crucem, nunc sidera scandit,
Exemplum nobis spectandi cælica pandit:
Annis ter trinis viginti mille trecentis
Sexta quarte maii fregit lux organa mentis." [113]

Португалия. В провинции или государстве Португалия военная мощь и ресурсы ордена Храма использовались в почти постоянной войне с маврами, и Европа получила существенное преимущество от энтузиазма воинственных монахов в этом квартале против неверных. В каждой битве, которая велась на юге Европы после 1130 года против врагов креста, рыцари-тамплиеры принимали активное и выдающееся участие, и во всех конфликтах против неверных, как на западе, так и на востоке, они всегда были в первых рядах, благородно сражаясь в защиту христианской веры. Среди всех принцев и государей великого испанского полуострова они пользовались огромной популярностью, их наделяли городами, селами, владениями и великолепными доменами. Многие из важнейших крепостей и замков страны были доверены им на хранение, а некоторые переданы им в вечное владение. В Португалии им принадлежали замки Монсенто, Иданья и Томар, цитадель Лангровия в провинции Бейра, на берегу Риописко, и крепость Миравель в Эстремадуре, отнятая у мавров, - сильное место на вершине возвышенности. У них были большие поместья в Кастромарине, Алмурале и Тавире в Алгарве, а также дома, ренты, доходы и владения во всех частях страны. Великий приор или прецептор Португалии проживал в замке Томар. Он расположен на реке Нарбоан в Эстремадуре, и его до сих пор можно увидеть возвышающимся в мрачном великолепии на холме над городом. В настоящее время замок принадлежит ордену Христа, а в прошлом был одним из самых грандиозных и

богатых заведений в Португалии. В нем есть великолепная библиотека и красивый монастырь, архитектура которого вызывает восхищение[114].

Кастилия и Леон. Наиболее известными в этой провинции или стране ордена домами или прецепториями Храма были Куэнка и Гуадалфагиара, Тине и Авилес в епархии Овьедо, а также Понтевреда в Галисии. Говорят, что только в Кастилии орден владел двадцатью четырьмя бейликами[115].

Арагон. Арагонские государи, сильно пострадавшие от набегов мавров, первыми из европейских князей признали полезность ордена Храма. Они наделили братство огромными доходами и уступили ему несколько самых сильных крепостей в королевстве. В Арагоне рыцари-тамплиеры владели замками Думбель, Кабанос, Азуда, Гранена, Шалоньер, Ремолинс, Корбинс, Ло Мас де Барбаран, Монкон и Монтгаузи с их территориями и зависимыми территориями. Они были сеньорами городов Борджиа и Тортоса; им принадлежала десятая часть доходов королевства, налоги городов Уэска и Сарагосса, а также дома, владения, привилегии и иммунитеты во всех частях[116].

Тамплиеры также владели землями и поместьями на Балеарских островах, которые находились под управлением приора или прецептора острова Майорка, подчинявшегося Великому прецептору Арагона.

Германия и Венгрия. Наиболее известными в этом территориальном подразделении ордена являются дома в курфюршестве Майенс, в Гомбурге, Ассенхайме, Ротгене в Рейнгау, Монгберге в Бранденбургском марше, Ньюце на Рейне, Тиссиа Альтмунстер близ Ратисбона в Баварии, Бамберге, Миддлбурге, Холле, Брунsvике и т. д. и т. п. Тамплиеры владели вотчинами Рорих, Паузин и Вильденхой в *Померании*, учреждением в Бахе в *Венгрии*, несколькими владениями в *Богемии* и *Моравии*, а также землями, десятинами и большими доходами, подаренными благочестивыми немецкими крестоносцами[117].

Греция. Тамплиеры владели землями и имели учреждения в Морее и в нескольких частях Греческой империи. Их главный дом находился в Константинополе, в квартале под названием Ορόνοια, где у них была оратория, посвященная святым мученикам Марину и Пенталеону[118].

Франция. Главные прецептории и дома Храма в нынешнем королевстве Франция находились в Безансоне, Доле, Салине, в Романье, в Вилле-Дье, в Арбуа во *Франш-Конте*[119].

Бомгартен, храм Савинье близ Корбейля, Дорлесхайм близ Молсхайма, где до сих пор сохранилась часовня под названием Темплехофф, Рибавилье и дом-храм на равнине близ Берхайма в *Эльзасе*.

Бурес, Вулен-ле-Тамплиер, Виль-су-Жеври, иначе Сен-Филиберт, Дижон, Фоверни, где часовня, посвященная Деве Марии, до сих пор сохранила название Храма, Дез-Фей, расположенный в приходе Виллет, недалеко от замка Верней, Сен-Мартен, Ле-Шастель, Эспесс, Тессон близ Буржа, и Ла-Мюз, расположенный между Бауже и Маконом в *Бургундии*[120].

Монпелье, Сертелаж, Ногарад близ Памье, Фальгайрас, Нарбонн, Сент-Эулали де Безье, Пругнанас и приходская церковь Сен-Мартен д'Убертас в *Лангедоке*[121].

Темпль Кагор, Темпль Мариньи, Аррас, Ле-Парк, Сен-Вобур и Руан в *Нормандии*. В Руане было два дома Храма; один из них занимал место нынешнего дома консула, а другой стоял на улице, которая сейчас называется *Рю дез Эрмит*. [122] Прецептории и дома Храма во

Франции, действительно, были настолько многочисленны, что повторять их названия было бы утомительным и бесконечным занятием. Сотни мест в различных провинциях упоминаются французскими писателями как принадлежавшие тамплиерам. Между Жоинвилем и Сен-Дизье до сих пор можно увидеть остатки Темпл-Руэ, старого замка, окруженного рвом; а в епархии Мо находятся руины большого поместья Шуази-ле-Тампл. Здесь можно увидеть множество интересных гробниц, а также трапезную рыцарей, которая была превращена в овчарню.

Главным домом ордена во Франции, а также в Голландии и Нидерландах был Храм в Париже, обширное и великолепное сооружение, окруженное стеной и рвом. Он занимал все большое пространство, ныне покрытое улицами и зданиями, которое находится между улицей дю Тампл, улицей Сен-Круа и окрестностями де ла Веррери, вплоть до стен и фоссе порта дю Тампл. Она была украшена большой башней, с флангов которой возвышались четыре башни поменьше, возведенные братом-тамплиером Гербертом, алмонером короля Франции, и была одним из самых прочных сооружений в королевстве.^[123] Многие из современных парижских улиц, которые сейчас проходят через место этого интересного сооружения, сохранили в своих названиях некоторую память о древнем Храме. Например, *La rue du Temple*, *La rue des fossés du Temple*, *Boulevard du Temple*, *Faubourg du Temple*, *rue de Faubourg du Temple*, *Vieille rue du Temple* и т. д. и т. п.

Все дома Храма в Голландии и Нидерландах находились под непосредственной юрисдикцией магистра Храма в Париже. Прецептории в этих королевствах были очень многочисленны, а имущество, зависящее от них, представляло большую ценность. Наиболее известны прецептории Тревес и Дитрих на Суре, руины которых сохранились до сих пор; Коберн, на левом берегу Мозеля, в нескольких милях от Кобленца; Белиш, Темпл Спеле, Темпл Родт близ Виандена и храм в Люксембурге, где во времена Бровера сохранились значительные остатки трапезной, церкви и несколько каменных стен, покрытых росписью; Темплехуис близ Гента, прецепторий Альфена, Бракеля, дом Слипов близ Остенде, основанный графами Фландрии; Темпле Кестре близ горы Кассель; Вилье-ле-Темпле-ан-Кондрос, между Льежем и Гюи; Вайленпон, Вальсберге, Хаут-Авенес близ Арраса; Темплу близ Флёру в департаменте Намюр; Верной в Хайно; Темпле-Дье в Дуэ; Марль близ Валансьена; Св. Symphonier около Монса, и т. д. и т. п.^[124]

В этих странах, а также во всех частях Европы, где бы они ни селились, тамплиеры обладали огромными привилегиями и иммунитетами, которые им предоставляли папы, короли и князья.

Англия В прежние времена на территории нынешнего королевства Англия существовали следующие прецептории рыцарей-тамплиеров.

Эслэйкби, Темпл Бруэр, Эгл, Малтби, Мере, Уилкетон и Витэм, в *Линкольншире*.

Норт-Фериби, Темпл-Херст, Темпл-Ньюсом, Паффлет, Флаксфлет и Рибстейн в *Йоркшире*.

Темпл-Камбе в *Сомерсетшире*.

Юэлл, Строуд и Свингфилд, близ Дувра, в *Кенте*.

Хейдескоу, в *Норфолке*.

Балсолл и Уорик в *Уорикшире*.

Темпл-Ротли, в *Лестершире*.

Уилбургхэм-Магна, Дейни и Доксворт, в *Кембриджшире*.

Халстон, в *Шропшире*.

Темпл Диннесли, в *Хартфордшире*.

Темпл-Крессинг и Саттон, в *Эссексе*.

Сэддлскомб и Чэплэй, в *Сассексе*.

Шепли, в *Суррее*.

Темпл Коули, Сэндфорд, Бистлешем и Чейлси, в *Оксфордшире*.

Темпл-Рокли, в *Уилтшире*.

Упледен и Гарви, в *Херефордшире*.

Саут-Бейдисли, в *Хэмпшире*.

Гетингес, в *Вустершире*.

Гизелингем и Данвич в *Саффолке*[\[125\]](#).

Кроме того, как уже упоминалось, было создано несколько более мелких администраций для управления фермами и землями, сбора ренты и десятины. Среди них были Лиддел и Куили в епархии Чичестера; Экен в епархии Линкольна; Адингдон, Уэсдалл, Аупледина, Котона и т. д. Различные прецепторы Храма в Англии имели под своим управлением земли и имущество в каждом графстве королевства[\[126\]](#).

В *Лестершире* тамплиеры владели городом и селением Ротли; поместьями Ролле, Бэббегрейв, Гэддесби, Стоунсби и Мелтон; лесом Ротли, что близ Лестера; деревнями Бомонт, Баресби, Далби, Северный и Южный Мардефельд, Саксби, Стоунсби и Уолдон, а также землями в более чем *восемидесяти* других местах! Им также принадлежали церкви Ротли, Бэббегрейв и Ролле; часовни Гэддесби, Гримстона, Вартнаби, Коудвелла и Уайкема[\[127\]](#).

В *Хартфордшире* им принадлежали город и лес Броксборн, поместье тамплиеров Челсин (*Chelsin Templariorum*), поместья Лаугенок, Броксборн, Летчворт и Темпл-Диннесли; земли в Стэнхо, Престоне, Чарлтоне, Уолдене, Хиче, Челлесе, Левекампе и Бенигхо; церковь Броксборна, две водяные мельницы и замок на реке Лиа: также владения в Хичене, Пиртоне, Икилфорде, Оффели Магна, Оффели Парва, Уолден Реджис, Фурнивейле, Иполице, Вандсмилле, Уоттоне, Терлтоне, Вестоне, Грейвеле, Вилиене, Лекчуорте, Балдоке, Датворе, Рассендене, Кодпете, Сумершейле, Бантинфорде и др. &c., и церковь Уэстона[\[128\]](#).

В графстве *Эссекс* им принадлежали поместья Темпл-Крессинг, Темпл-Ройдон, Темпл-Саттон, Одуэлл, Чингелфорд, Лидли, Кварсинг, Бервик и Витэм; церковь Ройдона, дома, земли и фермы в Ройдоне, Ривенхолле и в приходах Притлуолл, Большой и Малый Саттон; старый особняк и часовня в Саттоне и поместье под названием Финчинфелд в сотне Хинкфорд.[\[129\]](#)

В *Линкольншире* тамплиеры владели поместьями Ла Бруэр, Ростон, Киркеби, Брансуэлл, Карлетон, Акел, с соком Линдерби, Аслакеби и церквями Бруэр, Ашеби, Акел, Аслакеби, Донингтон, Эле, Суиндерби, Скарле и др. В графстве насчитывалось около тридцати церквей, которые вносили ежегодные платежи в орден Храма, и около сорока ветряных

мельниц. Орден также получал ренту с земель в Брейсбриге, Брансетоне, Скапвике, Тимберленде, Велебурне, Дирингтоне и сотне других мест; а с некоторых земель в графстве ежегодно взимались денежные суммы на поддержание вечно горящих огней на алтарях церкви Темпл.[Уильям Лорд из Эшби передал тамплиерам вечное владение церковью Эшби в Линкольншире, а они в ответ согласились найти ему священника, который бы вечно пел дважды в неделю в его часовне Святой Маргариты][131].

В *Йоркшире* тамплиеры владели поместьями Темпл Верреби, Флаксфлет, Эттон, Саут-Кейв и т. д.; церквями Уитчерч, Келинтун и т. д.; многочисленными ветряными мельницами, землями и рентами в Нехусе, Скелтуре, Пеннеле и более чем в шестидесяти других местах[132].

В *Уорикшире* они владели поместьями Барстон, Ширбурн, Балшейл, Вулфхей, Черлекот, Хербебур, Стодлей, Фечхемпстед, Кобингтон, Тышо и Уорик; земли в Челверскотоне, Хердвике, Мортоне, Уорике, Хетерберне, Честертоне, Авене, Дерсете, Стодли, Наптоне и более чем тридцати других местах, несколько доноров которых указаны в "Истории Уорикшира" Дагдейла (стр. 694;) также церкви Сиребурна, Кардинтона и т. д., и более тринадцати ветряных мельниц. В 12 году Хен. II. Уильям граф Уорик построил для них новую церковь в Уорике[133].

В *Кенте* они владели поместьями Лиллестон, Хечвейтон, Сонфорд, Саттон, Дартфорд, Хэлгел, Юэлл, Коклескомб, Строуд, Свинкфилд-Меннс, Вест-Гринвич и поместьем Лидден, которое сейчас принадлежит архиепископу Кентерберийскому; приделами церквей Вест-Гринвич и Кингсвод juxta Waltham; обширными участками земли на болоте Ромни, фермами и ассизными рентами во всех частях графства[134].

В *Сассексе* им принадлежали поместья Сэддлскомб и Шипли; земли и владения в Комптоне и других местах; приходы церквей Шипли, Водманкот и Лушвайк[135].

В *Суррее* им принадлежала ферма Темпл Элфанд или Элфанте, а также поместье в Мерроу в сотне Уокинга. В *Глостершире* - поместья Лоуэр-Доудсвелл, Пегсворт, Амфорд, Нишандж и пять других, принадлежавших им полностью или частично, церковь Даун-Амми и земли в Фрэмтоне, Темпл-Гутинге и Литтл-Риссингтоне. В *Вустершире* - поместье тамплиеров Лоуэрн и земли в Флейвеле, Темпл-Броутоне и Хэнбери.[136] В *Нортгемптоншире* - поместья Эшби, Торп, Уотервилл и т. д. и т. п.; им принадлежала церковь поместья Хардвик в сотне Орлингтон, и мы находим, что "Роберт Сонфорд, магистр солдат Храма в Англии" подарил ее в 1238 г.[В *Ноттингемшире* тамплиеры владели церковью Марнхэм, землями и рентами в Греттоне и Норт-Карлетоне; в *Уэстморленде* - поместьем Темпл-Соуэрби; на острове Уайт - поместьем Уггетон и землями в Керне.[138] Но было бы утомительно продолжать сухое перечисление древних имен и мест; сказанного достаточно, чтобы дать представление об огромном богатстве ордена в этой стране, где, как известно, он владел сотнями маноров, адвоусонами или правом представления церквей в бесчисленном количестве, тысячами акров пахотной земли, пастбищ и лесов, помимо деревень, ферм, мельниц и десятин, правами на общее пользование, на рыбную ловлю, на рубку дров в лесах и т. д. и т. п.

Также существовало несколько прецепторий в Шотландии и Ирландии, которые зависели от лондонского Храма.

Годовой доход ордена в Европе, по приблизительным оценкам, составлял шесть миллионов стерлингов! По словам Мэтью Париса, тамплиеры владели *девятью тысячами* поместий

или лордств в христианстве, кроме того, они имели большой доход и огромные богатства, возникавшие благодаря постоянным благотворительным завещаниям и пожертвованиям денежных сумм от благочестивых людей.[139] "Они также были наделены, - говорит Иаков Витрийский, епископ Акко, - фермами, городами и деревнями, в огромном количестве как на Востоке, так и на Западе, из доходов которых они ежегодно посылают определенную сумму денег на защиту Святой Земли своему главному магистру в главном доме их ордена в Иерусалиме". Тамплиеры, подражая другим монашеским учреждениям, получали от благочестивых и благотворительных людей все доступные им пожалования и часто оставляли десятину и глебу в своих собственных руках, назначая священника ордена для совершения богослужения и таинств.

Поместья тамплиеров приносили им ренту либо деньгами, либо кукурузой, либо скотом, а также обычными продуктами земли. По обычаю некоторых из этих поместий, арендаторы должны были ежегодно косить три дня урожай, один из которых оплачивался домом; пахать три дня, один из которых оплачивался домом; жать один день, в это время они должны были получить барана от дома, восемь пенсов, двадцать четыре хлеба и сыр из лучших в доме, вместе с ведерком питья. Арендаторы не должны были продавать своих жеребят-лошадей, если они были выжереблены на земле, принадлежащей тамплиерам, без согласия братства, а также выдавать замуж своих дочерей без его разрешения. Были также различные предписания, касающиеся петухов, кур и молодых цыплят[141].

Ранее мы уже рассказывали о королевских пожертвованиях короля Генриха Первого, короля Стефана и его королевы в пользу ордена Храма. Их намного превзошли благочестивые пожертвования короля Генриха Второго. Этот монарх, ради блага своей души и благополучия своего королевства, пожаловал тамплиерам место на реке Флит, неподалеку от замка Бейнард, со всем течением этой реки в Лондоне, для возведения мельницы;[142] также поместье вблизи Флит-стрит; церковь св. Климента, "quæ dicitur Dacorum extra civitatem Londoniæ"; церкви Элль, Свиндерби и Скарл в Линкольншире, Кингсвод juxta Waltham в Кенте, манор Стродер в сотне Скамел, вилла Келе в Стаффордшире, скит Фликемстеде и все его земли в Ланге Кьюрвей, дом в Бросале и рынок в Уизаме; земли в Бергхотте, мельницу у моста замка Пембрук, деревню Финчингфельд, поместье Ротли с приданными ему землями, церковью и несколькими часовнями, поместье Блалколвесли, парк Халешолл и три *жирных* бакса в год либо из Эссекса, либо из Виндзорского леса. Он также предоставил им ежегодную ярмарку в Темпл-Брюере и добавил множество богатых пожалований в Ирландии[143].

Главными благотворителями тамплиеров среди знати были Уильям Маршалл, граф Пемброк, и его сыновья Уильям и Гилберт; Роберт, лорд де Рос; граф Херефорд; Уильям, граф Девон; король Шотландии; Уильям, архиепископ Йоркский; Филипп Харкорт, декан Линкольна; граф Корнуолл; Филипп, епископ Байе; Симон де Сенлис, граф Нортгемптон; Летиция и Уильям, граф и графиня Феррары; Маргарет, графиня Уорика; Симон де Монфорт, граф Лестера; Роберт де Харекур, лорд Роузварден; Уильям де Вернон, граф Девона, и т. д. &c.[144]

Тамплиеры, в дополнение к своему удивительному богатству, пользовались огромными привилегиями и иммунитетом в пределах этого королевства. В правление короля Иоанна они были освобождены от всех амерсментов в казначействе и получили привилегию не быть принужденными к выступлению в суде, кроме как перед королем или его главным судьей. Король Генрих Третий даровал им свободный варрен во всех их земельных владениях; а своей знаменитой хартией от 9 февраля одиннадцатого года правления он подтвердил им все пожертвования своих предшественников и других их благодетелей; с soc[145] и sac,[146] tol[147] и theam,[148] infangenethef,[149] и unfangenethef,[150] и hamsoca,

и grithbrich, и blodwite, и flictwite, и hengewite, и learwite, и flemenefrith, murder, robbery, forestal, ordel, and oreste; И он оправдал их от королевских и шерифских пособий, и от укрывательства, карукажа, данегельда и хорнегельда, и от военной и вапентаке службы, скутажа, таллажа, ластажа, стойлажа, от ширсов и сотен, от тяжб и ссор, от вардов и вардпени, и аверпени, и стопени, и боретальпени, и тэтингпени, и от работ парков, замков, мостов, строительства королевских домов и всех других работ; а также с отхожих промыслов и с лесоводов, и с пошлин на всех рынках и ярмарках, и на всех мостах, и на всех дорогах по всему королевству. И еще он отдал им имущество преступников и беглецов, а также всех бродяг в пределах их податей"[151].

В дополнение к этим особым привилегиям тамплиеры пользовались, согласно папским буллам, различными иммунитетами и преимуществами, которые вызывали большое возмущение духовенства. Они были освобождены, как уже говорилось, от обязанности платить десятину и могли, с согласия епископа, получать ее. Ни один брат Храма не мог быть отлучен от церкви ни епископом, ни священником, ни одна из церквей ордена не могла быть подвергнута интердикту, кроме как на основании специального мандата святого престола. Когда какой-либо брат Храма, назначенный для сбора благотворительных средств на помощь Святой Земле, прибывал в город, замок или деревню, на которые был наложен интердикт, церкви при его появлении должны были открываться (один раз в течение года) и совершалось богослужение в честь Храма и в знак почтения к его святым воинам. Вокруг их жилищ была установлена привилегия святилища; в различных папских буллах торжественно предписывалось, чтобы никто не налагал насильственных рук ни на людей, ни на имущество тех, кто бежит в поисках убежища в храмовые дома[152].

Сэр Эдвард Кок во второй части "Института законов Англии" отмечает, что "тамплиеры так распространились по всему христианству и так сильно увеличили свои владения, доходы и богатства, и особенно в Англии, что вы удивитесь, прочитав об этом в утвержденных историях, и в целом получили такие большие и значительные привилегии, свободы и иммунитеты для себя, своих арендаторов и фермеров и т. д., что ни один другой орден не имел подобных." [153] Далее он отмечает, что рыцари-тамплиеры были *cruce signati*, и поскольку крест был знаком их профессии, а их арендаторы пользовались большими привилегиями, они воздвигали кресты на своих домах, чтобы живущие в них люди могли быть известны как арендаторы ордена и тем самым освобождались от многих обязанностей и услуг, которым подвергались другие арендаторы; "и многие арендаторы других лордов, видя состояние и величие рыцарей упомянутого ордена, а также видя большие привилегии, которыми пользовались их арендаторы, устанавливали кресты на своих домах, как это делали их собственные арендаторы, к ущербу своих лордов."

Эти злоупотребления привели к принятию Вестминстерского статута, второго, гл. 33, [154] в котором говорится, что многие арендаторы устанавливали кресты или заставляли их устанавливать на своих землях в ущерб своим лордам, чтобы арендаторы могли защищаться от главного лорда с помощью привилегий тамплиеров и госпитальеров, и постановляется, что такие земли должны быть конфискованы в пользу главных лордов или короля.

Сэр Эдвард Коук отмечает, что тамплиеры были освобождены от десятых и пятнадцатых пеней, которые должны были выплачиваться королю; что они были освобождены от уплаты податей; что они не могли быть судимы ни по какому церковному делу перед ординарием, *sed coram conservatoribus suorum privilegiorum*; и что в давние времена они утверждали, что преступник может попасть в их дома, имея их кресты для своей безопасности, так же как и в любую церковь. [155] А по поводу этих хранителей или блюстителей их привилегий он замечает, что тамплиеры и госпитальеры "держали церковный суд перед канонистом ,

которого они называли *conservator privilegiorum suorum*, этот судья действительно имел больше власти, чем было удобно, и ежедневно, в отношении высоты этих двух орденов, по их просьбе и указанию, вторгался в дела, определяемые общим правом, и занимался их разрешением, ибо *cui plus licet quam par est, plus vult quam licet*; и это было одним большим несчастьем. Другая беда заключалась в том, что этот судья, также по их просьбе, в делах, где он имел юрисдикцию, делал общие ссылки, как *pro salute animæ*, и тому подобное, не выражая вопроса, на основании которого была сделана ссылка, что также было против закона, и вело к тяжкому беспокойству субъекта."Чтобы исправить это зло, был принят еще один акт парламента, запрещающий госпитальерам и тамплиерам приводить кого-либо в суд к хранителям их привилегий по любому делу, знание которого принадлежит королевскому суду, и повелевающий таким хранителям их привилегий впредь не выносить никаких приговоров по просьбе госпитальеров и тамплиеров, прежде чем не будет указано, по какому поводу должен быть вынесен приговор"[157].

Описав в общих чертах обширные территориальные владения ордена Храма в Европе, теперь нам остается дать очерк его организации и управления. Магистр Храма, глава всего братства, приравнивался к суверенному князю и имел преимущество перед всеми послами и пэрами в общих советах церкви. Он избирался на свой высокий пост капитулом Иерусалимского королевства, состоявшим из всех рыцарей Востока и Запада, которые могли присутствовать. У магистра были общие и особые главы. Первые состояли из великих приоров восточных и западных провинций, а также всех рыцарей, присутствовавших на святой территории. Собрать эти общие собрания в далекой Палестине было бесполезным и почти невыполнимым делом, и только во время путешествий магистра в Европу мы слышим о созыве великих приорств Запада, чтобы присутствовать на встрече со своим шефом. Генеральные главы, созываемые магистром в Европе, проходили в Париже, и Великий приор Англии всегда получал повестку о своем присутствии. Обычные дела и управление братством в светских вопросах велись магистром при содействии его отдельной главы Латинского королевства, которая состояла из таких великих приоров и главных сановников Храма, которые случайно оказывались на Востоке, и таких рыцарей, которые считались наиболее мудрыми и пригодными для дачи советов. В этих последних главах были назначены генеральные посетители для изучения управления западными провинциями.

Западными странами или провинциями ордена управляли провинциальные магистры,[158] иначе великие приоры или великие прецепторы, которые первоначально назначались главным магистром в Иерусалиме, а в теории были просто доверенными лицами или простыми администраторами доходов братства, подотчетными генеральному казначею в Иерусалиме и смещаемыми по желанию главного магистра. Однако по мере роста численности, владений и богатства тамплиеров возникали различные злоупотребления. Члены ордена, после принятия обетов, очень часто, вместо того чтобы отправиться прямо в Палестину на войну с неверными, оседали на своих владениях в Европе и потребляли дома значительную часть тех доходов, которые должны были честно и строго направляться в общую казну в Святом городе. Они возвели множество монастырей или прецепторий с церквями и часовнями и создали в каждой западной провинции структуру управления, подобную той, что была в правящей провинции Палестины.

Например, главный дом Храма в Англии, после его переноса из Холборн-Барса на берег Темзы, был регламентирован и организован по образцу дома Храма в Иерусалиме. Настоятель всегда именуется "магистром Храма", проводит свои главы и имеет своих служителей, соответствующих главному магистру в Палестине. Последний, следовательно, стал называться *Magnus Magister*, или Великий магистр,[159] у наших английских писателей,

чтобы отличать его от магистра в Лондоне, и впредь он будет описываться этим титулом, чтобы избежать путаницы. Титулы, присвоенные начальникам различных народов или провинций, на которые делился орден Храма, многочисленны и вызывают некоторое недоумение. На Востоке эти должностные лица были известны только, в первую очередь, под титулом приор, как приор Англии, приор Франции, приор Португалии и т.д., а затем прецептор Англии, прецептор Франции и т.д.; но в Европе их называли Великими Приорами и Великими Прецепторами, чтобы отличить их от субприоров и субпрецепторов, а также магистров Храма. Таким образом, настоятель и прецептор Англии и Великий приор, Великий прецептор и магистр храма в Англии были одним и тем же лицом. В Новом храме в Лондоне, в подражание учреждению при главном доме в Палестине, помимо магистра, прецептора храма, были также приор Лондона, казначей и хранитель церкви, имевший при себе трех капелланов, называемых чтецами[160].

У магистра в Лондоне были общая и особая, или обычная и чрезвычайная главы. Первые состояли из великих прецепторов Шотландии и Ирландии, а также всех провинциальных приоров и прецепторов трех королевств, которые созывались раз в год, чтобы обсудить состояние Святой земли, передать помощь, дать отчет о своем управлении и разработать новые правила и положения для управления мирскими делами. [161] Обычные главы проводились в различных прецепториях, которые магистр Храма посещал последовательно. На этих собраниях в орден принимались новые члены; земли покупались, продавались и обменивались; магистр представлял вакантные бенефиции. Многие гранты и другие акты этих глав с приложенной к ним печатью ордена Храма можно встретить в государственных и частных коллекциях рукописей в этой стране. Одним из самых интересных и лучше всего сохранившихся является Харлейская грамота (83, с. 39), хранящаяся в Британском музее, которая представляет собой пожалование земли, сделанное братом Уильямом де ла Мором, мучеником, последним магистром Храма в Англии, лорду Мило де Стэплтону. В ней говорится, что она была составлена им с общего согласия и совета его главы, состоявшегося в прецептории Диннесли в праздник святого апостола Варнавы, и завершается словами: "В подтверждение этого мы приложили к настоящему договору печать нашей главы"[162] Факсимиле этой печати приведено выше. На ее обороте изображена мужская голова, украшенная длинной бородой и увенчанная маленькой шапочкой, а вокруг нее - буквы TESTISVMAGI. Такую же печать можно встретить на различных других договорах, заключенных магистром и капитулом храма.[163] Более ранние печати окружены надписью "Sigillum Militis Templi", "Печать рыцаря Храма", как в случае с договором обмена земель в Нормантоне в приходе Ботисфорд в Лестершире, заключенным между братом Амадеем де Морестелло, магистром рыцарства Храма в Англии, и его капитулом, с одной стороны, и лордом Генри де Колевилем, рыцарем, с другой стороны. На печати, приложенной к этому акту, добавлено слово *Militis*, но в остальном она похожа на вышеописанную[164].

Магистра Храма контролировали генеральные посетители ордена,[165] которые были рыцарями, специально назначенными Великим магистром и монастырем Иерусалима для посещения различных провинций, исправления злоупотреблений, принятия новых правил и прекращения споров, которые обычно оставались на усмотрение Великого магистра. Эти генеральные визитеры иногда удаляли рыцарей из их прецепторий и даже отстраняли самих магистров, а их обязанностью было отправлять на Восток всех рыцарей, которые были молоды, энергичны и способны сражаться. В течение года под руководством тамплиеров и госпитальеров совершались два регулярных путешествия из Европы в Палестину, называемые *passagium Martis* и *passagium Sancti Johannis*, которые происходили соответственно весной и летом, когда вновь принятые рыцари покидали прецептории Запада, беря с собой наемных пехотинцев, вооруженных паломников и большие суммы

денег, добытых в европейских владениях братства, благодаря чему христианскому Иерусалимскому королевству оказывалась постоянная помощь. Один из великих приоров или великих прецепторов обычно брал на себя командование этими экспедициями, и его часто сопровождало множество доблестных светских рыцарей, которые просили разрешения присоединиться к его штандарту и платили большие суммы денег за проход на далекий Восток. В промежутках между этими путешествиями молодые рыцари усердно занимались в различных прецепториях религиозными и военными упражнениями, необходимыми для того, чтобы подготовить их к высокому призванию.

При любой внезапной необходимости или когда ряды ордена сильно поредели из-за военных потерь, Великий магистр рассылал циркулярные письма великим прецепторам или магистрам западных провинций, требуя немедленной помощи и содействия, по получении которых в церквях проводились сборы, и все рыцари, которых можно было пощадить, немедленно отправлялись в Святую землю.

Магистр Храма в Англии заседал в парламенте как первый барон королевства (*primus baro Angliæ*), но это следует понимать только в отношении приоров. На парламент, состоявшийся в двадцать девятом году правления короля Генриха Третьего, были созваны шестьдесят пять аббатов, тридцать пять приоров и магистр Храма.^[166] Клятва, приносимая великими приорами, великими прецепторами или провинциальными магистрами в Европе при вступлении в обязанности их высокого административного поста, была составлена в следующих выражениях:...

"Я, А. Б., рыцарь ордена Храма, только что назначенный магистром рыцарей, находящихся в..., обещаю Иисусу Христу, Спасителю моему, и его наместнику, суверенному понтифику и его преемникам, вечное послушание и верность. Клянусь, что буду защищать не только устами, но и силой оружия и всеми своими силами таинства веры; семь таинств, четырнадцать артикулов веры, вероучение апостолов и святого Афанасия; книги Ветхого и Нового Завета с комментариями святых отцов, как они приняты Церковью; единство Бога, множественность лиц Святой Троицы; что Мария, дочь Иоакима и Анны, из колена Иудина и из рода Давидова, всегда оставалась девой до родов, во время и после родов. Обещаю также быть покорным и послушным генерал-магистру ордена в соответствии с уставом, предписанным нашим отцом святым Бернардом; что в случае необходимости я всегда буду переходить моря, чтобы идти и сражаться; что я всегда буду оказывать помощь неверным королям и князьям; что в присутствии трех врагов я не буду бежать, а справлюсь с ними, если они неверные; что я не буду продавать имущество ордена, не дам согласия на его продажу или отчуждение; что я всегда буду хранить целомудрие; что я буду верен королю; что я никогда не сдам врагу города и места, принадлежащие ордену; и что я никогда не откажу религиозным людям в помощи, которую я могу им оказать; что я буду помогать и защищать их словом, оружием и всеми видами добрых услуг; и в искренности и по собственной воле я клянусь, что буду соблюдать все эти вещи."^[167]

Среди самых ранних магистров, великих приоров или великих прецепторов Англии, чьи имена вошли в историю, - Ричард де Гастингс, который возглавил орден в этой стране после восшествия на престол короля Генриха Второго^[168] (1154 г. н. э.) и был привлечен этим монархом к участию в различных важных переговорах. В 1160 году он сильно обидел короля Франции. Принцесса Маргарита, дочь этого монарха, была обручена с принцем Генрихом, сыном Генриха Второго, короля Англии; в мирном договоре, заключенном между двумя государями, было оговорено, что Гизор и два других места, часть приданого принцессы, должны быть переданы под опеку тамплиеров, чтобы быть переданными в руки короля Генриха после празднования бракосочетания. Король Англии (1160 г. н. э.) обвенчал принца

и принцессу, обе из которых были младенцами, в присутствии Ричарда де Гастингса, Великого приора или магистра Храма в Англии, и двух других рыцарей-тамплиеров, которые сразу после завершения церемонии передали крепости в руки короля Генриха.[Король Франции был крайне возмущен этим поступком, и некоторые авторы обвиняют тамплиеров в вероломстве, но из копии договора, опубликованной лордом Литтлтоном[170], не следует, что они действовали недобросовестно.

Вышеупомянутый Ричард де Гастингс был другом и доверенным лицом Томаса à Бекета. Во время споров между этим надменным прелатом и королем архиепископ, как нам рассказывают, удалился из зала совета, где собрались все его братья, и отправился посоветоваться с Ричардом де Гастингсом, настоятелем Храма в Лондоне, который бросился перед ним на колени и со слезами умолял его отказаться от приверженности знаменитым Кларендонским советам[171].

Ричарда де Гастингса сменил Ричард Маллебенч, который подтвердил договор о мире и согласии, заключенный между его предшественником и аббатом Киркестеда;[172] а следующим магистром Храма стал Джеффри сын Стефана, который принял патриарха Ираклия в качестве гостя в новом Храме по случаю освящения храмовой церкви. Он называет себя "*министром солдат Храма в Англии*"[173].

Вследствие высокой оценки, которой пользовались тамплиеры, и привилегии святилища, которым они пользовались, лондонский Храм стал "хранилищем сокровищ". Богатства короля, дворян, епископов и богатых лондонских мещан обычно хранились в нем под охраной и защитой монахов.[174] Деньги, собранные в церквях и часовнях для помощи Святой Земле, также вносились в сокровищницу Храма, чтобы быть отправленными по назначению: в разные времена казначей был уполномочен получать налоги, наложенные на движимое имущество церковников, а также большие суммы денег, требуемые алчными папами у английского духовенства, и ренты, пожалованные королем дворянам королевства.[Деньги и драгоценности Губерта де Бурга, графа Кента, главного судьи и в свое время наместника короля и королевства Англии, хранились в Храме, и когда этот дворянин был опозорен и заключен в Тауэр, король попытался завладеть его сокровищами.

Мэтью Пэрис приводит следующий любопытный рассказ об этом деле:

"Королю было высказано предположение, - говорит он, - что у Губерта есть немалые сокровища, хранящиеся в Новом храме под опекой тамплиеров. Король, призвав к себе магистра Храма, коротко спросил у него, так ли это. Тот, не осмеливаясь отрицать правду, признался, что у него есть деньги упомянутого Губерта, которые он доверительно передал на хранение себе и своим братьям, но о количестве и сумме их он совершенно ничего не знает. Тогда король попытался угрозами добиться от братьев выдачи ему вышеупомянутых денег, утверждая, что они были обманным путем вычтены из его казны. Но они ответили царю, что *деньги, доверенные им на хранение, они не отдадут никому без разрешения того, кто поручил их хранить в храме*. И царь, поскольку вышеупомянутые деньги были переданы под их защиту, не решился взять их силой. Поэтому он послал казначея своего двора с судебными исполнителями казначейства к Губерту, который уже был заключен в кандалы в лондонском Тауэре, чтобы они потребовали от него уступки всей суммы королю. Но когда эти посланцы объяснили Губерту цель их прихода, он немедленно ответил, что подчинит себя и все принадлежащее ему благоволению своего государя. Поэтому он обратился к братьям рыцарства Храма с просьбой, чтобы они от его имени вручили все его ключи его господину королю, дабы тот мог делать все, что ему угодно, с вещами, хранящимися в Храме. Так и было сделано, король приказал все эти деньги, верно сосчитанные, поместить в свою казну, а

сумму всех найденных вещей записать и представить ему. Королевские клерки и действующий вместе с ними казначей нашли в Храме золотые и серебряные вазы неоценимой стоимости, деньги и множество драгоценных камней, перечисление которых, по правде говоря, поразило бы слушателей"[176].

Короли Англии часто останавливались в Храме, как и надменные легаты римских понтификов, которые делали там взносы от имени папы на английские епископства. Мэтью Парис подробно рассказывает о поборах нунция Мартина, который много лет прожил в Храме и прибыл туда, вооруженный папой такими полномочиями, какими до него не обладал ни один легат. "Он, - говорит он, - проживая в Лондоне в Новом храме, совершал неслыханные вымогательства денег и ценностей. Он властно внушал аббатам и приорам, что они должны присылать ему богатые подарки, желанных телят, роскошные сервизы к столу и богатые одежды; что и было сделано, тот же Мартин прислал назад известие, что присланных вещей недостаточно, и велел дарителям под страхом отстранения и отлучения прислать ему вещи получше"[177].

Соборы духовенства и большие церковные соборы часто проводились в Храме, и там же епископы и аббаты принимали законы для управления церковью и монастырями в Англии[178].

ГЛАВА VI.

Патриарх Ираклий ссорится с английским королем - возвращается в Палестину без помощи - разочарования и мрачные предчувствия тамплиеров - они готовятся противостоять Саладину - их поражение и резня - доблестные подвиги маршала Храма - роковая битва при Тивериаде - пленение Великого магистра и истинного Креста - пленным тамплиерам предлагают Коран или смерть - они выбирают последнее, Падение Иерусалима - мусульмане овладевают Храмом - очищают его розовой водой, читают молитвы и слушают проповедь - тамплиеры удаляются в Антиохию - их письма королю Англии и магистру Храма в Лондоне - их подвиги при осаде Акко.

"Gloriosa civitas Dei Jerusalem, ubi dominus passus, ubi sepultus, ubi gloriam resurrectionis ostendit, hosti spurio subicitur polluenta, nec est dolor sicut dolor iste, cum sepulchrum possideant qui sepulchrum persequuntur, crucem teneant qui crucifixum contemnunt." - *Плач Джеффри де Винисауфа по поводу падения Иерусалима.*

"Земля дрожит и трепещет, потому что царь небесный потерял свою землю, землю, на которой когда-то стояли его ноги. Враги Господа врываются в его святой город, даже в ту славную гробницу, где девственный цветок Марии был завернут в виссон и специи, и где вновь взошел первый и величайший цветок на земле" - Святой *Бернар*, epist. cccxxii.

Жерар де Ридерфор.
A. D. 1185.

Великого магистра Арнольда де Торрожа, умершего во время путешествия в Англию, как уже говорилось, сменил брат Жерар де Ридерфор[179].

В десятых числах апреля, через месяц после освящения патриархом Ираклием храмовой церкви, большой совет или парламент королевства, состоящий из епископов, графов и баронов, собрался в доме госпитальеров в Клеркенвелле в Лондоне. На нем присутствовали Вильгельм, король Шотландии, и Давид, его брат, а также многие графы и бароны этой далекой страны. [180] Августейшее собрание было ознакомлено от имени короля с целью торжественного посольства, только что отправленного к нему из Иерусалима, и с желанием королевского кающегося исполнить свой обет и совершить покаяние; в то же время баронам напомнили о преклонном возрасте их государя, о плохом состоянии его здоровья и о необходимости его присутствия в Англии. Они, соответственно, представили королю Генриху, что торжественная клятва, данная им при коронации, является обязательством, предшествующим епитимье, наложенной на него папой; что по этой клятве он обязан оставаться дома и управлять своими владениями, и что, по их мнению, для души короля полезнее защищать свою страну от варварских французов, чем покидать ее ради защиты далекого Иерусалимского королевства. Они, однако, предложили собрать пятьдесят тысяч марок на сбор войск для отправки в Азию и рекомендовали разрешить всем прелатам и дворянам, пожелавшим принять крест, свободно покинуть королевство ради столь благочестивого предприятия[181].

Фабиан приводит следующий причудливый рассказ об ответе короля патриарху, взятый из Chron. Джоан Бромтон: "Ластели, король ответил и сказал, что он не может отдать свою землю в залог, а также отдать ее на растерзание и разбой Френчменов. Но он хотел бы отдать большую часть своей собственности тем, кто возьмет на себя эту виагру. В ответ на это патриарх засомневался и сказал: "Нам нужен человек, а не деньги; все кристенские регионы посылают нам деньги, но ни одна земля не посылает нам князя. Поэтому мы просим у нас принца, который не требует денег, а не деньги, которые не требуют принца". Но Кинге привел для него такие оправдания, что Патриарх ушел от него подавленным и неутешенным, и Кинге, будучи обеспокоенным, намереваясь как-то утешить его приятными словами, пошел за ним в Сид. Но чем больше кинж думал о том, чтобы насытить его своими прекрасными словами, тем больше Патриарх был недоволен, да так, что в последний раз сказал ему: "До сих пор ты был славен, но после этого ты будешь оставлен тем, кого ты в свое время оставил. Выслушай от него то, что он тебе сказал, и то, что ты успел сказать ему за это: как ты был лжив по отношению к кингу Фраунса, а после убил святого человека Фому Кантерберийского, и в последний раз ты оставил защиту веры Кристеса". Киндж был поражен этими словами и сказал патриарху: "Хотя все люди моей земли были одним телом и говорили одними устами, они не могли бы сказать мне таких слов". "Неудивительно, - сказал патриарх, - ведь они любят тебя, а не себя; то есть они любят твои блага временные и жаждут потерять выгоду, но не любят твою душу". И когда он так сказал, он предложил свою голову кингу, говоря: "Поступи со мной так же, как ты поступил с тем блаженным Томасом из Кантербери, ибо я хотел быть убитым из сарасинцев, а потом из сарасинцев, ибо ты хуже любого сарасинца". Но кинг продолжал держать себя в руках и сказал: "Я не могу покинуть свою землю, потому что мои собственные сыновья будут нападать на меня, когда я буду отсутствовать". "Неудивительно, - сказал патриарх, - ибо из земли они приходят, и в землю они уйдут", и так покинул кинж в великом гневе"[182].

Однако, по словам Роже де Ховедена, 17 мая патриарх сопровождал короля Генриха в Нормандию, где состоялась конференция между государями Франции и Англии по поводу предлагаемой помощи Святой Земле. Оба монарха были либеральны в обещаниях и честных

речах; но поскольку ничто, кроме присутствия короля Англии или одного из его сыновей в Палестине, не могло удовлетворить патриарха, этот надменный церковник потерпел неудачу в своих переговорах и вернулся в Святую землю в отвращении и разочаровании.[По прибытии в Иерусалим с известием о его неудачном исходе среди латинских христиан воцарилось величайшее смятение, и было принято считать, что истинный крест, отвоеванный у персов императором Ираклием, вот-вот будет утрачен при понтификате и по вине патриарха того же имени.

Один из жителей Палестины дал нам несколько любопытных биографических сведений об этом достойном освятителе нашей храмовой церкви в Лондоне. Он рассказывает, что был очень красивым пастором, и, благодаря его красоте, мать иерусалимского короля влюбилась в него и сделала его архиепископом Кесарии (*biau clerc estoit, et par sa beauté l'ama la mere de roi, et le fist archevesque de Cesaire*). Затем он описывает, как его сделали патриархом и как его заподозрили в отравлении архиепископа Тирского. После возвращения из Рима он влюбился в жену галантерейщика, жившего в Наплусе, в двенадцати милях от Иерусалима. Он часто навещал ее, и вскоре после начала знакомства муж умер. Тогда патриарх привез госпожу в Иерусалим и купил для нее очень красивый каменный дом. "*Le patriarche la fist venir en Jerusalem, et li acheta bonne maison de pierre. Si la tenoit voiant le siecle ausi com li hons fait sa fame, fors tant que ele n'estoit mie avec lui. Quant ele aloit au mostier, ele estoit ausi atornée de riches dras, com ce fust un emperres, et si serjant devant lui. Quant aucunes gens la veoient qui ne la connoissoient pas, il demandoient qui cele dame estoit. Te, кто знал, не понимали, что это за слава патриарха. Ele avoit nom Pasque de Riveri. Enfans avoit du patriarche, et les barons estoient, que là où il se conseilloyent, vint un fol ou patriarche, si li dist; "Sire Patriarche, dones moi bon don, car je vous aport bones nouvelles *Pasque de Riveri, vostre fame, a une bele fille!*"*"[184] "Когда Иисус Христос, - говорит этот ученый автор, - увидел беззакония и нечестие, которые они совершали на том самом месте, где Он был распят, Он не мог больше этого терпеть".

A. D. 1186.

Орден Храма в этот период был всемогущ в Палестине, и Великий магистр Жерар де Ридерфор тяжелой рукой власти принуждал к этому вельмож королевства и даже самого короля. Вскоре после возвращения Ираклия в Палестину король Балдуин IV умер, и ему наследовал его малолетний племянник Балдуин V, который был коронован в церкви Воскресения Христова, а затем, по древнему обычаю, был царственно принят тамплиерами в храме Соломона.[185] Молодой король умер в Акко после короткого правления, длившегося всего семь месяцев, и тамплиеры привезли тело в Иерусалим и похоронили его в гробницах христианских королей. Затем Великий магистр Храма возвел на трон Сибиллу, мать покойного монарха, и ее второго мужа, Ги Лузиньянского. Жерар де Ридерфор окружил дворец войсками; он закрыл ворота Иерусалима и передал регалии патриарху. Затем он провел Сибиллу и ее мужа в церковь Воскресения, где они оба были коронованы Ираклием, после чего их пригласили на обед в Храм. Ги де Лузиньян был принцем с красивой внешностью, но такой низкой славой, что его родной брат Джеффри воскликнул: "Раз уж они сделали *его* королем, то уж точно сделали бы *меня* богом!" Эти действия привели к бесконечным раздорам и разногласиям; Раймонд, граф Триполи, удалился от двора; многие бароны отказались от почестей, и государство раздирали фракции и раздоры в то время, когда все силы населения требовались для защиты страны от мусульман[186].

С другой стороны, Саладин тщательно укреплял свою власть и энергично готовился к отвоеванию Святого города, давно желанному предприятию мусульман. Арабские писатели с восторгом пересказывают его благочестивые увещания истинным верующим и с

огромным энтузиазмом описывают его славные приготовления к священной войне. Бохадин Ф. Сджеддади, его друг и секретарь, а также великий биограф, прежде чем решиться на возвышенную задачу описания его знаменитых и священных деяний, торжественно исповедует веру и возносит хвалу единому истинному Богу.

"Хвала Богу, - говорит он, - который благословил нас *исламом*, привел нас к пониманию истинной веры, красиво собранной воедино, и дружил с нами, а также, благодаря заступничеству нашего пророка, наделил нас всеми благами..... Я свидетельствую, что нет Бога, кроме одного великого Бога, у которого нет партнера, (свидетельство, которое избавит наши души от дымящегося огня ада), что Мухаммед - его слуга и апостол, который открыл нам врата правильного пути к спасению.....".

"Исполнив эти торжественные обязанности, я начну писать о победоносном защитнике веры, укротителе последователей креста, возвысителе справедливости и равенства, спасителе мира и религии, Саладине Абульмодаффере Иосифе, сыне Иова, сыне Шади, султане мусульман, ай, и самого ислама; освободитель святого дома Божьего (Храма) из рук идолопоклонников, слуга двух святых городов, чью могилу Господь да увлажнит росой своей благосклонности, даровав ему сладость плодов веры."[\[187\]](#)

A. D. 1187.

10 мая 1187 года Малек-эль-Афдаль, "самый превосходный принц", один из сыновей Саладина, перешел Иордан во главе семи тысяч мусульман. Великий магистр Храма немедленно разослал гонцов по ближайшим монастырям и замкам ордена, приказав всем рыцарям, которых можно было пощадить, подняться на коней и быстро прибыть к нему. В полночь девяносто рыцарей из гарнизона Ла-Фе или Фабы, сорок рыцарей из гарнизона Назарета и множество других из монастыря Како собрались вокруг своего начальника и начали поход во главе служилых братьев и легкой кавалерии ордена. Они присоединились к госпитальерам, опрометчиво вступили в бой с семью тысячами мусульман и были разрублены на части в кровавой битве, разыгравшейся у ручья Кишон. Великий магистр Храма и два рыцаря прорвались сквозь плотные ряды мусульман и обратились в бегство. Роже де Молин, великий магистр госпитальеров, был оставлен на поле боя мертвым вместе со всеми остальными братьями госпитальеров и храмовников.

Жаклин де Мейли, маршал Храма, проявил чудеса храбрости. Он был посажен на белого коня, одет в белое одеяние своего ордена, с кроваво-красным крестом, символом мученичества, на груди; благодаря своей галантной осанке и поведению он стал объектом уважения и восхищения даже для мусульман. Он сражался, говорят авторы крестовых походов, как дикий кабан, отправив в тот день в *ад* удивительное количество неверных! Мусульмане отрезали головы убитых тамплиеров от их тел и, прикрепив их шнурами к остриям своих копий, поставили их перед своим строем и двинулись в сторону Тивериады[\[188\]](#).

Интересен следующий рассказ о походе другой группы святых воинов, которые, повинаясь призыву Великого магистра Храма, спешили сплотиться вокруг священных знаков своей веры.

"Пройдя две мили, они подошли к городу Сафет. Стояло прекрасное утро, и они решили не идти дальше, пока не услышат мессу. Повернув к дому епископа, они разбудили его и сообщили, что день клонится к вечеру. Епископ приказал старому капеллану облачиться в одежды и отслужить мессу, после чего они поспешили вперед. Затем они подошли к замку Ла-Фе (крепость тамплиеров) и обнаружили там, за пределами замка, разбитые палатки

монастыря Како, и некому было объяснить, что это значит. В замок был послан варлет, чтобы узнать, но он не нашел внутри никого, кроме двух больных людей, которые не могли говорить. Тогда они двинулись к Назарету и, пройдя небольшое расстояние от замка Ла-Фе, встретили брата Храма на коне, который поскакал к ним бешеным галопом, выкрикивая: "Плохие новости, плохие новости"; и он сообщил им, что магистру госпиталя отрубили голову и что из всех братьев Храма спаслись только трое, магистр Храма и еще двое, а рыцари, которых король поставил гарнизоном в Назарете, были все схвачены и убиты."^[189]

В великой битве при Тиберии или Хиттине, состоявшейся 4 июля и решившей судьбу святого города Иерусалима, тамплиеры шли в авангарде христианской армии и возглавили атаку на неверных. Марш войска Саладина, насчитывавшего восемьдесят тысяч конных и пеших, по холмистой местности арабский писатель, очевидец событий, сравнивает с горами в движении или с огромными волнами взволнованного моря. Тот же автор рассказывает о наступлении тамплиеров на раннем рассвете в боевом строю, "ужасные в вооружении, все их тела покрыты тройной почтой". Он сравнивает шум, производимый их наступающими эскадронами, с *громким жужжанием пчел* и описывает их как одушевленных "пламенным желанием отомстить". "Саладин держал позади себя Тивериадское озеро, его пехота находилась в центре, а быстрая кавалерия пустыни располагалась на обоих флангах под командованием *Факи-эд-Дина* (учителя религии). Тамплиеры, как нам рассказывают, бросились на неверных мусульман, как львы, и ничто не могло противостоять их тяжелому и стремительному натиску. "Никогда, - говорит один арабский доктор права, - я не видел более смелой или более мощной армии, и ее не должны были бояться верующие в истинную веру".

Саладин поджег сухую траву и карликовые кустарники, которые лежали между обеими армиями, и ветер понес дым и пламя прямо в лицо военным монахам и их лошадям. Огонь, шум, сверкающее оружие и все сопровождение этой ужасной сцены дали полный простор для описаний восточных писателей. Они сравнивают это со Страшным судом; пыль и дым заслонили лицо солнца, и день превратился в ночь. Иногда среди толпы сражающихся мелькали отблески света, похожие на стремительные молнии; тогда можно было увидеть плотные колонны вооруженных воинов, то неподвижные, как горы, то стремительно проносящиеся по ландшафту, как дождевые тучи над ликом неба. "Сыны рая и дети огня, - говорят они, - решили тогда свою страшную ссору; стрелы зашумели в воздухе, как крылья бесчисленных воробьев, искры полетели от почтовых плащей и сверкающих сабель, а кровь, хлынувшая из груди толпы, залила землю, как небесные дожди"... "Мстительный меч истинных верующих был направлен против неверных; вера Единства была противопоставлена вере Троицы, и быстрое разорение, опустошение и уничтожение настигли несчастных сынов крещения!"

Трусливый патриарх Ираклий, чьим долгом было нести святой крест перед христианским воинством, доверил свою священную обязанность епископам Птолемаиса и Лидды^[191] - обстоятельство, породившее множество мрачных предчувствий среди суеверных воинов Христа. Вследствие предательства, как утверждает, графа Триполи, который бежал с поля боя вместе со своими сторонниками, тамплиеры и госпитальеры были окружены, и все они были убиты или взяты в плен. Епископ Птолемаиса был убит, епископ Лидды взят в плен, а святой крест вместе с королем Иерусалима и Великим магистром Храма попал в руки сарацинов. "Quid plura?" - говорит Радульф, аббат монастыря Когглшейл в Эссексе, который в то время совершал паломничество в Святую землю и был ранен стрелой в нос. "Capta est crux, et rex, et Magister militiae Templi, et episcopus Liddensis, et frater Regis, et Templarii, et Hospitalarii, et marchio de Montferrat, atque omnes vel mortui vel capti sunt. Plangite super hoc omnes adoratores crucis, et plorate; sublatum est lignum nostrae salutis, dignum ab indignis

indigne heu! heu! asportatum. Væ mihi misero, quod in diebus miseræ vitæ meæ talia cogor videre.... O dulce lignum, et suave, sanguine filii Dei roratum atque lavatum! O crux alma, in qua salus nostra pendit! &c.[192]

"Я видел, - говорит секретарь и сподвижник Саладина, присутствовавший при этой страшной битве и неспособный сдержать жалость к бедствиям побежденных, - я видел горы и равнины, холмы и долины, покрытые их мертвецами. Я видел их павшие и покинутые знамена, запятнанные пылью и кровью. Я видел их разбитые и избитые головы, их конечности, разбросанные по земле, и почерневшие коры, нагроможденные одно на другое, как камни строителей. Мне вспомнились слова Корана: "Неверный скажет: "Что я такое, как прах?"... Я видел тридцать или сорок человек, связанных одной веревкой. Я видел в одном месте, охраняемом одним мусулманом, двести этих знаменитых воинов, одаренных удивительной силой, которые только что вышли среди сильных мира сего; их гордая осанка исчезла; они стояли обнаженные, с опущенными глазами, жалкие и несчастные..... Лживые неверные теперь были во власти истинно верующих. Их царь и их крест были захвачены, тот крест, перед которым они склоняют голову и преклоняют колено, который они несут наперевес и поклоняются ему глазами; они говорят, что это то самое дерево, к которому был прикреплен Бог, которого они обожают. Они украсили его золотом и блестящими камнями; они несли его перед своими армиями; все они склонялись перед ним с почтением. Защищать его было их первейшей обязанностью, и тот, кто оставит его, никогда не сможет обрести душевный покой. Захват этого креста был для них более тяжким испытанием, чем пленение их короля. Ничто не сможет компенсировать им его потерю. Он был их Богом; они простерлись перед ним в пыли и пели гимны, когда он был поднят ввысь!"[193]

Среди немногих христианских воинов, которым удалось спастись в этой ужасной схватке, был Великий магистр госпитальеров; он укрылся с поля боя и благополучно добрался до Аскалона, но на следующий день после прибытия умер от ран. Пленников было огромное количество, веревок для их связывания не нашлось, для этой цели использовались палатки-тросы, но их было недостаточно, и арабские писатели рассказывают, что, увидев мертвых, можно было подумать, что пленных не может быть, а увидев пленных, что не может быть мертвых. Как только битва закончилась, Саладин направился в шатер, куда, повинуясь его приказу, были препровождены король Иерусалима, Великий магистр Храма и Реджинальд де Шатильон. Последний дворянин сильно отличился в различных дерзких походах против караванов паломников, направлявшихся в Мекку, и за это стал особенно неприятен благочестивому Саладину. Войдя в шатер, султан приказал преподнести павшему монарху Иерусалима и Великому магистру Храма чашу шербета - священный залог гостеприимства и безопасности у арабов; но когда Реджинальд де Шатильон хотел отпить из нее, Саладин помешал ему, и, упрекнув христианского дворянина в вероломстве и нечестии, приказал ему немедленно признать пророка, которого он хулил, или быть готовым встретить смерть, которую он так часто заслуживал. Когда Реджинальд отказался, Саладин ударил его своим скимитаром, и он был немедленно отправлен стражниками[194].

Бохадин, друг и секретарь Саладина, очевидец этой сцены, рассказывает о ней следующее: "Тогда Саладин велел переводчику сказать царю: "Это ты, а не я, даешь пить этому человеку! Затем султан сел у входа в шатер, и перед ним привели принца Реджинальда, и, освежив его память, Саладин сказал ему: "Теперь я сам сыграю роль защитника Мухаммеда! Затем он предложил ему магометанскую веру, но тот отказался; тогда король ударил его по плечу нарисованным скимитаром, что послужило намеком для присутствовавших сделать за него; так они отправили его душу в ад, а тело выбросили перед дверью шатра!"[195].

Через два дня после этого Саладин хладнокровно приступил к осуществлению грандиозной заключительной трагедии. Воинственные монахи Храма и Госпиталя, самые храбрые и ревностные защитники христианской веры, из всех воинов креста были наиболее несносны для ревностных мусульман, и было решено, что смерть или обращение в магометанство должны быть уделом каждого пленника из обоих орденов, за исключением Великого магистра Храма, за которого, как ожидалось, будет дан большой выкуп. Соответственно, в христианскую субботу, в час захода солнца, назначенный для молитвы, мусульмане выстроились в боевой порядок под руководством своих предводителей. Мамлюкские эмиры стояли в двух шеренгах, одетые в желтое, и под звуки священной трубы все пленные рыцари Храма и Госпиталя были выведены на возвышенность над Тиверией, на прекрасное Геннисаретское озеро, на горных берегах которого происходило множество чудес Спасителя. Там, когда последние лучи солнца угасали над вершинами гор, их призывали отречься от распятого Христа, выбрать Бога своим Господом, ислам - своей верой, Мекку - своим храмом, мусульман - своими братьями, а Магомета - своим пророком. Все они отказались, и были обезглавлены в присутствии Саладина благочестивыми фанатиками его армии, а также докторами и толкователями закона. Один восточный историк, присутствовавший при этом, говорит, что Саладин сидел с улыбающимся лицом, наблюдая за казнью, и что некоторые из палачей отрубили головы с ловкостью, вызвавшей бурные аплодисменты.^[196] "О, - говорит Омад'эддин Мухаммед, - каким прекрасным украшением является кровь неверных, окропленная на последователей веры и истинной религии!"

Если мусульмане проявляли известное рвение в обезглавливании и уничтожении неверных тамплиеров, то эти последние проявляли не менее похвальное рвение к мученической смерти от мечей неверных мусульман. Рыцарь-тамплиер, брат Николас, как нам рассказывают, вместе со своими товарищами энергично боролся за то, чтобы пострадать первым, и с большим трудом добился своего.^[197] Христиане, в соответствии с суеверными представлениями тех времен, считали, что небо засвидетельствовало свое одобрение видимым знаком, и что в течение трех ночей, когда тела тамплиеров оставались непогребенными на поле, небесные лучи света играли вокруг трупов этих святых мучеников.^[198]

Управление орденом Храма, в связи с пленением Великого магистра, перешло к Великому прецептору Иерусалимского королевства, который направил письма всем братьям на Западе с просьбой о немедленной помощи и содействии. Одно из этих писем было должным образом получено братом Джеффри, магистром Храма в Лондоне, в следующем виде

"Брат Террик, великий прецептор бедного дома Храма, и все бедные братья, и весь монастырь, ныне, увы, почти уничтоженный, всем прецепторам и братьям Храма, к которым могут прийти эти письма, спасение через того, к кому обращены наши горячие чаяния, через того, кто заставляет солнце и луну чудесно царить".

"О многих и великих бедствиях, которым гнев Божий, возбужденный нашими многообразными грехами, попустил постигнуть нас в настоящее время, мы от горя не можем поведать вам ни в письмах, ни в наших рыдающих речах. Вожди неверных, собрав огромное количество своих людей, свирепо вторглись в наши христианские земли, и мы, собрав свои батальоны, поспешили в Тиверию, чтобы задержать их поход. Зажав нас среди бесплодных скал, враг яростно напал на нас; святой крест и сам король попали в руки неверных, все войско было изрублено на куски, двести тридцать наших рыцарей обезглавлены, не считая шестидесяти, убитых 1 мая. Лорд Реджинальд Сидонский, лорд Балловиус и мы сами с

огромным трудом спаслись с этого несчастного поля. Язычники, опьяненные кровью наших христиан, направились со всей своей армией к городу Акко и взяли его штурмом. В настоящее время город Тир жестоко осажден, и ни ночью, ни днем неверные не прекращают своих яростных нападений. Их так много, что они, как муравьи, покрывают все лицо страны от Тира до Иерусалима и даже до Газы. Святой город Иерусалим, Аскалон, Тир и Бейрут остались только за нами и за христианским делом, и гарнизоны и главные жители этих мест, погибнув в битве при Тиберии, не имеют надежды удержать их без помощи с небес и немедленной помощи от вас"[199].

С другой стороны, Саладин посылал халифу триумфальные письма. "Бог и его ангелы, - говорит он, - милостиво помогли исламу. Неверные были отправлены на корм адскому огню! В наши руки попал крест, вокруг которого они порхали, как мотыльки вокруг света; под чьей тенью они собирались, на который смело уповали, как на стену; крест, центр и вождь их гордыни, их суеверий и их тирании"...[200]

Завоевав от тридцати до сорока городов и замков, многие из которых принадлежали ордену Храма, Саладин осадил святой город. 20 сентября мусульманская армия расположилась лагерем на западе города и растянулась от башни Давида до ворот Святого Стефана. Храм уже не мог предоставить своих храбрых воинов для защиты святыни христиан; только два жалких рыцаря с несколькими служилыми братьями остались в его теперь уже безмолвных залах и пустынных дворах.

После четырнадцатидневной осады в стенах был сделан пролом, и десять знамен пророка торжественно развевались на валах. Утром босоногая процессия из королевы, женщин, монахов и священников направилась к святому гробу, чтобы умолять Сына Божьего спасти его гробницу и его наследие от нечестивого посягательства. Женщины, в знак смирения и беды, обрезали свои волосы и бросали их на ветер; а иерусалимские дамы заставляли своих дочерей совершать покаяние, стоя по шею в ваннах с холодной водой, поставленных на горе Голгофе. Но это ничего не дало; "ибо Господь наш Иисус Христос, - говорит сирийский франк, - не желал слушать ни одной молитвы, которую они возносили; ибо грязь, роскошь и прелюбодеяние, царившие в городе, не позволяли молитвам и мольбам возноситься к Богу"[201].

При сдаче города (2 октября 1187 г.) мусульмане тысячами устремились в Храм. "Имауны, доктора и толкователи нечестивых заблуждений Магомета, - рассказывает аббат Коглешале, находившийся тогда в Иерусалиме и страдавший от раны, полученной во время осады, - сначала взойшли в Храм Господень, называемый неверными *Бейт Аллах* (дом Божий), на который, как на место молитвы и религии, они возлагают свою великую надежду на спасение. С ужасными криками они провозглашали закон Магомета и кричали оскверненными устами: Аллах Акбар-Аллах Акбар, (Бог побеждает). Они осквернили все места, находящиеся в храме, а именно: место представления, где мать и славная дева Мария предала Сына Божьего в руки праведного Симеона, и место исповеди, обращенное к крыльцу Соломона, где Господь судил женщину, взятую в прелюбодеянии. Они поставили стражу, чтобы ни один христианин не мог войти в семь предсердий храма; и как позор для христиан, с огромным шумом, со смехом и издевательствами они сбросили золотой крест с вершины здания и протащили его на веревках по всему городу, среди ликующих криков неверных и слез и причитаний последователей Христа"[202].

Когда все христиане были удалены из храма, Саладин с огромной помпой отправился читать молитвы в *Бейт Аллах*, святой дом Божий, или "Храм Господень", возведенный халифом Омаром. [203] Его сопровождали пять верблюдов, груженных розовой водой, которую он

достал в Дамаске , [204](#)] и он вошел в священный двор под звуки военной музыки и со своими знаменами, развевающимися на ветру. *Бейт-Аллах*, "Храм Господень", был вновь освящен для служения единому Богу и его пророку Магомету; стены и мостовые были омыты и очищены розовой водой; в святилище была воздвигнута кафедра, созданная трудом Нуреддина.[\[205\]](#) Генриху Второму, королю Англии, был направлен следующий отчет об этих операциях.

"Возлюбленному лорду Генриху, милостью Божьей прославленному королю английскому, герцогу Нормандии и Гиени и графу Анжуйскому, брат Террик, *бывший* великий прецептор дома Храма в Иерусалиме, шлет приветствие, - спасение через Того, Кто спасает королей.

"Знайте, что Иерусалим с цитаделью Давида сдан Саладину. Сирийские христиане, однако, хранят святую гробницу до четвертого дня после Михаила, а сам Саладин разрешил десяти братьям из госпиталя оставаться в доме госпиталя в течение года, чтобы заботиться о больном..... Иерусалим, увы, пал; Саладин заставил сбросить крест с вершины Храма Господня, и два дня его публично пинали и таскали в грязи по городу. Затем он приказал, чтобы Храм Господень был омыт внутри и снаружи, сверху и снизу розовой водой, и закон Магомета был провозглашен по всем четырем кварталам Храма с прекрасным шумом...."[\[206\]](#).

Бохадин, секретарь Саладина, упоминает как замечательное и счастливое обстоятельство, что святой город был сдан султану самой благочестивой памяти и что Бог вернул верующим их святыню двадцать седьмого числа месяца Регеб, в ночь которого их славнейший пророк Магомет совершил свое чудесное ночное путешествие из Храма, через семь небес, к престолу Бога. Он также описывает священную общину мусульман, собравшуюся в храме, и торжественную молитву, возносимую Богу; крики, звуки аплодисментов и голоса, возносимые к небу, заставляющие священные здания звучать благодарностью и хвалой щедрому Господу Богу. Он славит низвержение золотого креста и ликует по поводу великолепного триумфа ислама[\[207\]](#).

Саладин восстановил священную территорию Храма в том виде, в каком она была при первых мусульманских завоевателях Иерусалима. Древняя христианская церковь Богородицы (иначе мечеть *Аль-Акса*, иначе Храм Соломона) была омыта розовой водой и вновь отдана под религиозные службы мусульман. На западной стороне этого почтенного сооружения тамплиеры, согласно арабским писателям, возвели огромное здание, в котором они жили, а также амбары для зерна и различные служебные помещения, которые ограждали и скрывали большую часть здания. Большинство из них были снесены султаном, чтобы освободить место для молитвы мусульман. Некоторые новые конструкции, установленные между колоннами в глубине здания, были убраны, а пол покрыт богатейшими коврами. "Бесчисленные лампы, - говорит Ибн Алатырь, - были подвешены к потолку; стихи Корана снова были начертаны на стенах; снова раздался призыв к молитве; колокола умолкли; изгнанная вера вернулась в свое древнее святилище; благочестивые мусульмане снова склонили колена в поклонении единому единственному Богу, и с кафедры снова раздался голос имауна, напоминавшего истинным верующим о воскресении и последнем суде"[\[208\]](#).

В пятницу после сдачи города армия Саладина и толпы истинно верующих, стекавшихся в Иерусалим со всех концов Востока, собрались в Храме Господнем, чтобы помочь в проведении религиозных служб мусульманского субботнего дня. Омад, секретарь Саладина, присутствовавший при этом, приводит следующий интересный рассказ об этой церемонии и о проповеди, которая была произнесена. "В пятницу утром на рассвете, - рассказывает он, - все спрашивали, кого султан назначил *проповедовать*. Храм был полон; прихожане были в

нетерпении; все глаза были устремлены на кафедру; уши были напряжены; сердца бились быстро, а по лицам текли слезы. Со всех сторон слышались восторженные восклицания: "Какое великолепное зрелище! Какая община! Счастливы те, кто дожил до воскресения ислама". В конце концов султан приказал судье (доктору права) *Мохиддину Абулмехали-Мохаммеду* исполнить священную функцию имауна. Я тут же протянул ему черное облачение, которое получил в подарок от халифа. Затем он взошел на кафедру и произнес речь. Все затихли. Его выражения были изящны и легки, а речь красноречива и вызывает восхищение. Он говорил о добродетели и святости Иерусалима, об очищении Храма; упоминал о молчании колоколов и бегстве неверных священников. В своей молитве он назвал имена халифа и султана, а закончил свою речь той главой Корана, в которой Бог повелевает справедливость и добрые дела. Затем он сошел с кафедры, и помолился в михре. Сразу же после этого перед собравшимися была прочитана проповедь"[209].

Эту проповедь произнес *Мухаммед Бен Зеки*. "Хвала Богу, - говорит проповедник, - который силой своего могущества воздвиг исламизм на руинах политеизма; который управляет всеми вещами по своей воле; который ниспровергает умыслы неверных и заставляет истину торжествовать. Я славлю Бога, Который помог Своим избранным, Который сделал их победителями и увенчал их славой, Который очистил Свой святой дом от скверны идолопоклонства.... Я свидетельствую, что нет Бога, кроме одного великого Бога, который стоит один и не имеет партнера; единственный, верховный, вечный; который не рождает и не рождается, и не имеет равных. Я свидетельствую, что Магомет - Его слуга, Его посланник и Его пророк, который рассеял сомнения, посрамил многобожие и низложил ложь, &c....

"О люди, возвестите вам о благословениях Бога, который вернул вам этот святой город, после того как он был оставлен во власти неверных в течение ста лет! Этот святой дом Господень построен, и основания его утверждены, во славу Божию..... Это святое место - обитель пророков, *кебла* (место молитвы), к которой вы обращаетесь в начале своих религиозных обязанностей, место рождения святых, место откровения. Она трижды святая, ибо ангелы Божьи распростерли над ней свои крылья. Это та благословенная земля, о которой Бог говорит в своей священной книге. В этом молитвенном доме Магомет молился вместе с ангелами, приближенными к Богу. Именно к этому месту обращены все пальцы после двух священных мест..... Это завоевание, о люди, открыло вам врата рая; ангелы ликуют, и глаза пророков блестят от радости...."[210].

Омад сообщает нам, что мраморный алтарь и часовня, воздвигнутые над священной скалой в Храме Господнем, или мечети Омара, были удалены Саладином вместе с лавками для священников, мраморными статуями и всеми мерзостями, которые были помещены в это почитаемое здание христианами. Мусульмане с ужасом обнаружили, что некоторые куски священного камня или скалы были отколоты франками и отправлены в Европу. Саладин приказал немедленно обнести его железной решеткой. Он омыл его розовой водой, а Малек-Афдал покрыл его великолепными коврами[211].

После завоевания святого города и потери Иерусалимского храма рыцари-тамплиеры основали главный дом своего ордена в Антиохии, куда они удалились вместе с королевой Сибиллой, баронами королевства и патриархом Ираклием[212].

Следующий отчет о состоянии немногих оставшихся христианских владений сразу после завоевания Иерусалима был передан вышеупомянутым братом Терриком, великим прецептором Храма и генеральным казначеем ордена, Генриху Второму, королю Англии.

"Братья госпиталя Бельвуар до сих пор храбро сопротивляются сарацинам; они захватили два конвоя и доблестно овладели военным снаряжением и провизией, которые сарацины везли из крепости Ла-Фе. Пока еще Караш, окрестности горы Рояль, сама гора Рояль, храм Сафет, госпиталь Караш, Маргат и Кастеллум Бланкум, а также территория Триполи и территория Антиохии сопротивляются Саладину..... С праздника Святого Мартина и до Обрезания Господня Саладин непрерывно осаждал Тир ночью и днем, бросая в него огромные камни из тринадцати военных машин. В бдение святого Сильвестра господин Конрад, маркиз Монферратский, распределил рыцарей и пеших воинов вдоль стены города и, вооружив семнадцать галер и десять малых судов, при содействии дома Госпиталя и братьев Храма, вступил в бой с галерами Саладина, и, победив их, захватил одиннадцать, взял в плен великого адмирала Александрии и восемь других адмиралов, множество неверных было убито. Остальные мусулманские галеры, избежав рук христиан, бежали к армии Саладина и, будучи посажены на мель по его приказу, были подожжены и сожжены в пепел. Сам Саладин, охваченный горем, отрезав *уши и хвост своему коню*, проскакал на нем через всю свою армию на глазах у всех. Прощайте!"[213]

A. D. 1188.

Тир доблестно защищался от всех усилий Саладина до наступления зимы, и тогда разочарованный султан, отчаявшись взять город, сжег свои военные машины и удалился в Дамаск. Тем временем начались переговоры об освобождении из плена Ги, короля Иерусалима, и Жерара де Ридерфора, Великого магистра Храма. Не менее одиннадцати важнейших городов и замков, оставшихся у христиан в Палестине, включая Аскалон, Газу, Яффу и Наплуз, были отданы Саладину в качестве выкупа за этих выдающихся личностей; а в начале 1188 года Великий магистр Храма снова появился с оружием в руках во главе оставшихся сил ордена.[214]

Дремотная чувствительность христианства в это время была разбужена известием о падении Иерусалима и осквернении святых мест завоевателями-неверными. Триста рыцарей и значительные морские силы были немедленно отправлены из Сицилии, а все тамплиеры Запада, способные носить оружие, поспешили из своих прецепторий в морские порты Средиземноморья и отплыли в Палестину на кораблях Генуи, Пизы и Венеции. Король Англии выслал ордену большую сумму денег на оборону города Тира; но поскольку осада была снята до его прибытия, а Конрад, доблестный защитник этого места, претендовал на иерусалимский престол в противовес Ги де Лузиньяну, Великий магистр Храма отказался передать деньги в руки Конрада, вследствие чего тот написал письма, полные горьких жалоб, королю Генриху и архиепископу Кентерберийскому[215].

A. D. 1189.

Весной 1189 года Великий магистр Храма вышел из Тира во главе новоприбывших братьев ордена и вместе с многочисленной армией крестоносцев осадил Акко. Победоносный защитник веры, укротитель последователей креста, поспешил на выручку и разбил свои палатки на горах Каруба.

4 октября вновь прибывшие из Европы воины, жаждущие продемонстрировать свое превосходство в борьбе с неверными, выступили в поход, чтобы атаковать лагерь Саладина. Великий магистр Храма во главе своих рыцарей и сил ордена, а также большое количество европейского рыцарства, вставшего под знамена тамплиеров, составили резерв. Мусульманский строй был сломлен стремительным натиском воинов Креста, которые проникли в императорский шатер, а затем предались грабежу. Неверные сплотились, их повел вперед Саладин собственной персоной; и христианская армия была бы уничтожена,

если бы не тамплиеры. Твердые и непоколебимые, они в течение часа представляли собой сплошной фронт перед наступающими мусульманами и дали время ошеломленным и охваченным паникой крестоносцам оправиться от ужаса и смятения; но прежде чем они воспрянули духом и вернулись в строй, Великий магистр Храма был убит; он пал пронзенный стрелами во главе своих рыцарей; сеньсаль ордена разделил ту же участь, и более половины тамплиеров были причислены к погибшим[216].

Вальтер.
A. D. 1190.

Жерару де Ридерфору наследовал рыцарь-тамплиер, брат Вальтер.[217] Никогда пламя энтузиазма не пылало с большей силой и разрушительностью, чем при знаменитой осаде Акры. В окрестностях горы Кармель состоялось девять сражений, в которых с разной степенью удачи приняли участие девять человек, и за первый год осады, по подсчетам, погибло сто тысяч христиан. Палатки погибших, однако, пополнялись новыми людьми из Европы; флоты Саладина помогали городу, христианские корабли приносили постоянную помощь осаждающим, и борьба казалась бесконечной[218]. Арабские авторы сравнивают его с матерью, отчаянно блуждающей в поисках своего потерянного ребенка, со львицей, потерявшей своего птенца. "Я видел его, - рассказывает его секретарь Бохадин, - на полях Акко, пораженного жесточайшей болезнью, с нарывами от середины тела до колен, так что он не мог сесть, а только лежал на боку, когда входил в свой шатер, Тем не менее он отправился на ближайшие к врагу участки, расставил свои войска для сражения и скакал с рассвета до вечера то на правое крыло, то на левое, то в центр, терпеливо перенося тяжесть своей боли."... "О Боже, - говорит его восторженный биограф, - Ты знаешь, что он прилагал и щедро расходовал все свои силы и энергию для защиты и торжества Твоей религии; поэтому, Господи, помилуй его"[219].

Во время этой знаменитой осады умер патриарх Ираклий[220].

ГЛАВА VII.

Ричард Кер де Лев присоединяется к тамплиерам перед Акко - город сдается, Тамплиеры основывают в нем главный дом своего ордена - Кёр де Лев поселяется у них - Он продает им остров Кипр - Тамплиеры составляют основу его армии - Их фуражирские экспедиции и великие подвиги - Кёр де Лев покидает Святую землю под видом рыцаря-тамплиера - Тамплиеры строят замок Пилигримов в Палестине - Состояние ордена в Англии - Король Джон живет в Храме в Лондоне - Бароны приходят к нему в это место, и требуют Магна Чарта - подвиги тамплиеров в Египте - письма Великого магистра магистру Храма в Лондоне - тамплиеры вновь завоевывают Иерусалим.

"Итак, друзья,
До самого гроба Христова
(Чей солдат сейчас под чьим благословенным крестом
Мы под впечатлением и в бой вступили).
Отныне английскую силу мы соберем,

Чье оружие было создано в чреве матери,
Чтоб гнать этих язычников на святых полях,
По чьим акрам ступали благословенные ноги,
Которые, четырнадцать сотен лет назад, были прибиты гвоздями,
ради нашего блага, на горьком кресте".

Уолтер.
A. D. 1191.

Роберт де Сабле.
A. D. 1191.

В это время в Европе проповедовался третий крестовый поход. Вильгельм, архиепископ Тирский, отправился ко дворам Франции и Англии и в ярких красках рассказал о плачевном состоянии Палестины, об ужасах и мерзостях, которые совершали неверные в святом городе Иерусалиме. Английский и французский монархи отложили свои частные вражды и согласились сражаться под одним знаменем против неверных, и к концу мая, на втором году осады Акры, королевские флоты Филиппа Августа и Ричарда Кер де Льва с триумфом проплыли в бухте Акры. К моменту прибытия короля Ричарда тамплиеры вновь лишились своего Великого магистра, и во главе братства был поставлен брат Робер де Сабле, или Саблой, доблестный рыцарь ордена, командовавший дивизией английского флота во время плавания.^[221] Самые гордые представители знати и доблестного рыцарства Европы по прибытии в Палестину проявили горячее желание сражаться под знаменем Храма. Многим светским рыцарям Великий магистр разрешил занять место рядом с военными монахами и даже носить красный крест на груди, сражаясь в строю.

Тамплиеры проявляли доблесть; "Имя их репутации и слава об их святости, - говорит Иаков Витрийский, епископ Акко, - подобно парфюмерной палате, источающей сладкий запах, распространились по всему миру, и вся община святых будет рассказывать об их битвах и славных победах над врагами Христа", Рыцари со всех концов земли, герцоги и князья, следуя их примеру, сбросив оковы мира, отрекшись от суеты этой жизни и всех похотей плоти ради Христа, поспешили присоединиться к ним и принять участие в их святом исповедании и религии."^[222]

Утром двенадцатого июля, через шесть недель после прибытия британского флота, короли Англии и Франции, христианские вожди и турецкие эмиры с зелеными знаменами собрались в палатке Великого магистра Храма, чтобы обсудить сдачу Акко, и на следующий день ворота были распахнуты перед ликующими воинами креста. Тамплиеры овладели тремя населенными пунктами в городе на берегу моря, где основали свой знаменитый Храм, ставший с тех пор главным домом ордена. Ричард Кер де Лев, как нам рассказывают, поселился у тамплиеров, в то время как Филипп жил в цитадели^[223].

Когда пылкий монарх Англии сорвал с древка знамя герцога Австрийского и бросил его в ров, именно тамплиеры, встав между возмущенными немцами и надменными англичанами, сохранили мир христианского воинства^[224].

Во время своего путешествия из Мессины в Акко король Ричард отомстил Исааку Комнину, правителю острова Кипр, за оскорбление, нанесенное прекрасной Беренгари, принцессе Наваррской, его обрученной невесте. Английский государь высадил свои войска, взял

штурмом город Лимиссо и завоевал весь остров; вскоре после прибытия в Акко он продал его тамплиерам за триста тысяч ливров[225].

Во время знаменитого похода Ричарда Кер де Льва из Акры в Аскалон тамплиеры, как правило, шли во главе христианской армии, а госпитальеры - в тылу.[226] Саладин, стоявший во главе огромного войска, прилагал все свои силы, чтобы противостоять их продвижению, и поход в Яффу превратился в непрерывное сражение, длившееся одиннадцать дней. В некоторых случаях сам Кер де Лев, во главе отборного отряда рыцарей, возглавлял поход, а тамплиеры составляли арьергард.[227] Они несли огромные потери, особенно в лошадях, и это последнее бедствие, как нам говорят, довело их почти до отчаяния[228].

Как мусульманские, так и христианские писатели с восхищением рассказывают о совершенных подвигах. "На шестой день, - рассказывает Бохадин, - султан, как обычно, поднялся на рассвете и узнал от своего брата, что враг в движении. Этой ночью они заночевали в подходящих местах в окрестностях Кесарии и теперь одевались и принимали пищу. Второй гонец объявил, что они начали поход; зазвучал наш медный барабан, все насторожились, султан вышел, и я сопровождал его: он окружил их отборными войсками и дал сигнал к атаке"... "Их пешие воины были покрыты толстыми кусками ткани, скрепленными кольцами так, что напоминали почтовые плащи. Я своими глазами видел нескольких человек, у которых *в спине торчало* не один и не два, а *десять дротиков*! И все же они шли спокойным и бодрым шагом, не испытывая никакого трепета!"[229]

Были предприняты все усилия, чтобы поддержать мужество и энтузиазм христианских воинов. Когда армия остановилась на ночлег, и солдаты собрались отдохнуть, из глубины лагеря раздался громкий голос, воскликнувший: "Укрепите Гроб Господень!" Эти слова повторили предводители войска, и эхо повторило их вдоль растянувшихся рядов.[230] Тамплиеры и госпитальеры, хорошо знавшие страну, по ночам занимались мародерством и фуражировкой. Они часто отправлялись в путь в полночь, прочесывали страну на своих туркополах или легкой кавалерии и возвращались в лагерь на утренней заре с богатыми призами - волами, овцами и провизией[231].

На великой равнине близ Рамлеха, когда тамплиеры возглавили колонну христианской армии, Саладин предпринял последнюю грандиозную попытку остановить их продвижение, за которой последовало одно из величайших сражений эпохи. Джефффри де Винисауф, спутник короля Ричарда в этой экспедиции, дает живое и восторженное описание внешнего вида мусульманского войска на большой равнине вокруг Яффы и Рамлеха. Со всех сторон, насколько хватало глаз, от берега моря до гор, не было видно ничего, кроме леса копий, над которым развевались знамена и бесчисленные штандарты. Дикие бедуины,[232] дети пустыни, верхом на своих арабских кобылах, с быстротой молнии пронеслись над обширной равниной и омрачили воздух тучами ракет. Яростные и неумолимые, ужасного вида, с кожей чернее сажи, они стремились быстрым движением и непрерывными атаками прорваться сквозь строй христианских воинов. Они шли в атаку с ужасными криками и ревом, которые вместе с оглушительным шумом труб, рогов, кимвалов и медных барабанов создавали шум, разносившийся по равнине и способный заглушить даже гром небесный.

Бой начался с левого крыла госпитальеров, и победа христиан была одержана в основном благодаря личной доблести короля Ричарда. В беспорядке своих войск Саладин остался на равнине, не опуская штандарта и не прекращая звуков своих медных барабанов, он собрал свои силы, отошел к Рамлеху и приготовился защищать дорогу, ведущую в Иерусалим. Тамплиеры и госпитальеры, когда битва закончилась, отправились на поиски Жака

д'Асвесна, одного из самых доблестных рыцарей короля Ричарда, чье мертвое тело, насаженное на копьё, они принесли в лагерь среди слез и причитаний своих братьев[233].

Тамплиеры во время одной из своих фуражировок были окружены превосходящими силами четырех тысяч мусульманской конницы; граф Лестер с отборным отрядом англичан был послан Кёром де Львом им на помощь, но весь отряд был перебит и находился в опасности быть разрубленным на части, когда сам Ричард поспешил к месту действия со своим знаменитым боевым топором и вызволил тамплиеров из опасного положения.[234] Благодаря доблести и усилиям львиного сердца короля город Газа, древняя крепость ордена, захваченная Саладином вскоре после битвы при Тиберии, был возвращен христианскому оружию, укрепления отремонтированы, и место было возвращено рыцарям-тамплиерам, которые снова гарнизонировали его своими солдатами.

По мере продвижения армии Саладин отступал к Иерусалиму, а авангард тамплиеров был оттеснен к небольшому городку Рамлех.

В полночь праздника Святых Невинных часть тамплиеров вышла из лагеря вместе с госпитальерами на фуражировку; они обшарили горы в направлении Иерусалима и на утренней заре вернулись в Рамлех с более чем двумя сотнями волов[235].

A. D. 1192.

Когда христианская армия расположилась на зимний привал, тамплиеры обосновались в Газе, а король Ричард со своим войском расположился в соседнем городе Аскалоне, стены и дома которого были отстроены английским монархом в течение зимы. Пока христианские войска отдыхали в зимних кварталах, между тамплиерами, королем Ричардом и Ги де Лузиньяном, "королем без королевства", было заключено соглашение об уступке последнему острова Кипр, ранее проданного Ричардом ордену Храма; в силу этого соглашения Ги де Лузиньян вступил во владение островом и правил страной под пышным титулом императора[236].

Когда зимние дожди утихли, христианские войска снова пришли в движение, но и тамплиеры, и госпитальеры настоятельно советовали Кер де Лиону не идти на Иерусалим, а тот, судя по всему, не имел ни малейшего желания браться за осаду святого города, не имея, очевидно, никаких шансов на успех. Английский монарх заявил, что будет руководствоваться советами тамплиеров и госпитальеров, которые были хорошо знакомы с этой страной и желали вернуть себе древнее наследство. Однако армия приблизилась к святому городу на расстояние одного дня пути, после чего был созван совет, состоящий из пяти рыцарей-тамплиеров, пяти госпитальеров, пяти восточных христиан и пяти западных крестоносцев, и экспедиция была прекращена[237].

Тамплиеры приняли участие в нападении на большой египетский караван, где захватили четыре тысячи семьдесят верблюдов, пятьсот лошадей, провизию, палатки, оружие, одежду и большое количество золота и серебра, а затем отступили к Акко; за ними последовал Саладин, который немедленно начал наступательные операции и осадил Яффу. Тамплиеры выступили в поход по суше, чтобы оказать помощь этому месту, а Кер де Лев поспешил по морю. Было совершено множество доблестных подвигов, город был освобожден, а кампания завершилась ратификацией договора, по которому христиане получили привилегию посещать Иерусалим в качестве паломников. Тир, Акко и Яффа со всем морским побережьем между ними были уступлены латинянам, но было оговорено, что укрепления Аскалона должны быть разрушены[238].

После заключения этого договора король Ричард, желая пройти кратчайшим и быстрым путем к своим владениям, пересекая континент Европы, и путешествовать под прикрытием, чтобы избежать злобы врагов, договорился со своим другом Робером де Сабле, Великим магистром Храма, Последний обязался предоставить в распоряжение короля галеру ордена, и было решено, что пока королевский флот будет следовать с королевой Беренгарией через Гибралтарский пролив в Британию, сам Кёр де Лев, переодетый в одежду рыцаря-тамплиера, тайно сядет на корабль и направится в один портов Адриатики. План был приведен в исполнение в ночь на 25 октября, и король Ричард отплыл в сопровождении нескольких сопровождающих и четырех надежных тамплиеров. [239] Принятый им облик, однако, не защитил его, как известно, от трусливой мести подлого герцога Австрийского.

Львиное сердце монарха было одним из многих благодетелей ордена Храма. Он предоставил братству свое поместье Калоу с различными полномочиями и привилегиями[240].

Гилберт Горал.

A. D. 1195.

Вскоре после его отъезда из Палестины Великого магистра Робера де Сабле сменил брат Жильбер Ораль или Эрайль, который до этого занимал высокий пост Великого прецептора Франции.[241] Тамплиеры, чтобы сохранить и укрепить свое господство в Палестине, начали возводить различные сильные крепости, грандиозные руины многих из которых сохранились до наших дней. Самой известной из них был Замок паломника,[242] который выходил на прибрежную дорогу из Акко в Иерусалим. Он получил свое название от одинокой башни, возведенной первыми тамплиерами для защиты прохода паломников через опасный проход в горах, граничащих с морским побережьем, и был построен вскоре после переезда главного дома ордена из Иерусалима в Акко. Небольшой мыс, вдающийся в море в нескольких милях ниже горы Кармель, был превращен в укрепленный лагерь. Были возведены две гигантские башни высотой в сто футов и шириной в семьдесят четыре фута, а также огромные бастионы, соединенные между собой крепкими стенами, оснащенными всевозможными военными механизмами. В огромном замке находились дворец для Великого магистра и рыцарей, великолепная церковь, дома и офисы для служилой братии и наемных солдат, а также пастбища, виноградники, сады, огороды и рыбные пруды. С одной стороны стен находилось соленое море, а с другой, в пределах лагеря, - восхитительные источники пресной воды. Во время войны гарнизон насчитывал до четырех тысяч человек.[243] Значительные остатки этой знаменитой крепости до сих пор видны на побережье, в нескольких милях к югу от Акко. Левантийцы до сих пор называют ее *Кастель Пеллегрино*. Покок описывает ее как "очень великолепную и так прекрасно построенную, что она может считаться одной из тех, которые стоит увидеть в этих краях". "Она окружена двумя стенами толщиной в пятнадцать футов, внутренняя стена с восточной стороны не может быть менее сорока футов в высоту, и внутри нее, похоже, было несколько очень больших апартаментов. Служебные помещения крепости, похоже, находились в западной части, где я видел печь диаметром пятнадцать футов. В замке сохранились остатки прекрасной возвышенной церкви с десятью сторонами, построенной в легком готическом стиле: три часовни пристроены к трем восточным сторонам, каждая из которых состоит из пяти сторон, за исключением отверстия в церковь; в них, вероятно, стояли три главных алтаря"[244] Ирби и Манглс, ссылаясь впоследствии на руины церкви, описывают ее как двойной шестиугольник и утверждают, что у той половины, которая тогда стояла, было шесть сторон. Под карнизом изображены человеческие головы и головы животных в альт-рельефе, а стены украшены двойной линией арок в готическом стиле, архитектура легкая и изящная.

Чтобы описать все подвиги тамплиеров, все происшествия и события, связанные с этим орденом, пришлось бы написать историю латинского королевства Палестина, которое сохранялось и поддерживалось в течение девяноста девяти лет после ухода Ричарда Кёр де Льва исключительно благодаря усилиям тамплиеров и госпитальеров. Не было ни одного важного сражения с неверными, в котором тамплиеры не принимали бы активного и выдающегося участия, и ни разу атабалы мусульман не звучали на границе с вызовом, без того чтобы трубы тамплиеров не приняли и не ответили на вызов.

Филипп Дюплесси.

A. D. 1201.

Великого магистра Жильбера Горала сменил Филипп Дюплесси или де Плесси.[\[245\]](#) Теперь мы должны коснуться нескольких событий, связанных с орденом Храма в Англии.

Брат Джеффри, который был магистром Храма в Лондоне в период освящения церкви Храма патриархом Иерусалимским, умер вскоре после взятия святого города Саладином, и его сменил брат Амарик де Сен-Мор, который является свидетелем акта, составленного королем Иоанном, А. Д. 1203 г., предоставляя приданое своей молодой королеве, прекрасной Изабелле Ангулемской.[\[246\]](#) Филипп Август, король Франции, поместил огромную сумму золота и серебра в Храм в Париже, а сокровища Иоанна, короля Англии, были помещены в Храм в Лондоне.[\[247\]](#) Король Иоанн, действительно, часто проводил в лондонском Храме по несколько недель, и многие его предписания и распоряжения своим лейтенантам, шерифам и бейлифам датированы именно этим местом.[\[248\]](#) Приказы о концентрации английского флота в Портсмуте, чтобы противостоять грозному французскому вторжению, подстрекаемому Папой, датированы Темплом, и соглашение между королем и графом Голландии, по которому последний соглашался помочь королю Иоанну с корпусом рыцарей и вооруженных людей в случае высадки французов, было опубликовано там же.[\[249\]](#)

A. D. 1213.

Во всех конференциях и переговорах между подлым королем и властным и повелительным римским понтификом рыцари-тамплиеры принимали активное и выдающееся участие. Два брата ордена были посланы Пандульфом, папским легатом, к королю Иоанну, чтобы устроить ту знаменитую конференцию между ними, которая закончилась полным подчинением последнего всем требованиям святого престола. По совету и убеждению тамплиеров король Иоанн отправился в прецепторию Темпл-Эвелл, расположенную недалеко от Дувра, где его встретил легат Пандульф, переправившийся из Франции, чтобы посоветоваться с ним, и там подлый король был напуган знаменитым отказом от королевств Англии и Ирландии, "Богу, святым апостолам Петру и Павлу, святой римской церкви, его матери, и его господину, папе Иннокентию Третьему, и его католическим преемникам, для отпущения всех его грехов и грехов всех его людей, как живых, так и мертвых".[\[250\]](#) В следующем году приказы короля Иоанна об уничтожении еретиков в Гаскони, адресованные сенешалю этой провинции, были изданы из Храма в Лондоне,[\[251\]](#) и примерно в тот же период тамплиеры стали хранителями различных частных и конфиденциальных дел, рассматриваемых между королем Иоанном и его прославленной невесткой, "королевской, красноречивой и прекрасной" Беренгарией Наваррской, молодой овдовевшей королевой Ричарда *Кер де Льва*.[\[252\]](#) Тамплиеры в Англии управляли денежными операциями этой прекрасной принцессы. Она распорядилась, чтобы ее дауэр был выплачен в доме Нового храма в Лондоне, вместе с причитающимися ей от короля долгами в несколько тысяч фунтов[\[253\]](#).

A. D. 1215.

Иоанн проживал в Храме, когда бароны Англии заставили его подписать Магна Чарта. Мэтью Пэрис рассказывает, что бароны пришли к нему, когда он жил в Новом храме в Лондоне, "очень решительно, одетые в свои военные наряды, и потребовали вольностей и законов короля Эдуарда, а также других для себя, королевства и церкви Англии"[254].

Король Иоанн был значительным благодетелем ордена. Он пожаловал братству остров Ланди в устье реки Северн, все свои земли в Раденахе и Харевуде, в графстве Херефорд, и наделил тамплиеров многочисленными привилегиями[255].

Вильгельм де Шартр.
A. D. 1217.

Великого магистра Филиппа Дюплесси сменил брат Уильям де Шартр, как явствует из следующего письма папе:

"Самому преподобному отцу во Христе, господину Гонорию, Божьим провидением главному понтифику Святой Римской Церкви, Вильгельм де Шартр, смиренный магистр бедного рыцарства Храма, оказывает все должное послушание и почтение, с целованием ноги.

"Этим письмами мы спешим сообщить вашему отчеству о состоянии Святой Земли, которую Господь освятил своей кровью. Знайте, что в момент отправления этих писем в Акко из Германии и других частей Европы прибыло огромное количество паломников, как рыцарей, так и пеших воинов, отмеченных эмблемой животворящего креста. Сафадин, великий султан Египта, остается в пределах своих владений, не осмеливаясь ни в коем случае приставать к нам. Прибытие короля Венгрии и герцогов Австрии и Моравии, а также только что полученные сведения о близком приближении флота фритов, не на шутку встревожили его. Мы никогда не помним, чтобы могущество язычников было столь низким, как в настоящее время; и да сделает всемогущий Бог, святой отец, так, чтобы оно становилось все слабее и слабее день ото дня. Но мы должны сообщить вам, что в этих краях кукуруза и ячмень, а также все предметы первой необходимости стали необычайно дорогими. В этом году урожай полностью разочаровал ожидания наших земледельцев и почти полностью провалился. Туземцы, правда, теперь полностью зависят от кукурузы, привозимой с Запада, но иностранного зерна пока поступает очень мало; к тому же, что еще больше усиливает наше беспокойство, почти все наши рыцари распущены, и мы не можем достать лошадей, чтобы заменить погибших. Поэтому крайне важно, святой отец, предупредить всех, кто собирается принять крест, об этой нехватке, чтобы они обеспечили себя обильным запасом зерна и лошадей".

"До прибытия короля Венгрии и герцога Австрии мы решили выступить в поход на город Наплус и вызвать на бой сарацинского вождя Корадина, если бы он ожидал нашего нападения, но теперь мы все решили предпринять экспедицию в Египет, чтобы разрушить город Дамьетту, а затем мы выступим в поход на Иерусалим...."[256].

Петр де Монтегю.
A. D. 1218.

В мае месяце 1218 года н. э. галеры тамплиеров отплыли из Акры в вышеупомянутую памятную экспедицию в Египет. Они бросили якорь в устье Нила и, объединившись с мощной армией крестоносцев, осадили Дамьетту. Вскоре после их прибытия разразился мор, который свел в могилу Великого магистра Вильгельма де Шартра. 257] Его сменил ветеран войны, брат Петр де Монтангу, Великий прецептор Испании. 258]

Иаков Витрийский, епископ Акко, сопровождавший тамплиеров в этой экспедиции, восторженно рассказывает об их знаменитых подвигах и о грандиозных сражениях на Ниле, в одном из которых было потоплено большое судно тамплиеров, и все души на борту погибли. Он описывает великое нападение на их лагерь в середине 1219 года, когда траншеи были взломаны, а вся пехота обращена в бегство. "Оскорбительные крики сарацин-завоевателей, - говорит он, - были слышны со всех сторон, и паника быстро распространялась по беспорядочным рядам всей армии креста, когда Великий магистр и братья Храма предприняли отчаянную атаку и храбро разгромили первые ряды неверных. Дух Гедеона воодушевил тамплиеров, и остальная армия, воодушевленная их примером, храбро выступила на их поддержку..... Так Господь в тот день, благодаря доблести тамплиеров, спас тех, кто уповал на Него"[259]. Сразу после сдачи Дамьетты Великий магистр Храма вернулся в Акко, чтобы отразить войска султана Дамаска, вторгшегося в Святую землю, как следует из следующего письма к епископу Эли.

A. D. 1222.

"Брат Петр де Монтайгу, магистр рыцарей Храма, преподобному брату во Христе Н., милостью Божией епископу Эли, здравствуй. Этими письмами мы сообщаем вашему отчеству, как мы управляли делами Господа нашего Иисуса Христа после взятия Дамьетты и замка Тафнеос". Великий магистр описывает различные военные операции, огромное количество галер, снаряженных сарацинами для перехвата припасов и помощи из Европы, и вооружение галер, галиотов и других судов ордена Храма, чтобы противостоять им и очистить моря от неверного флага. Он сообщает, что султан Дамаска вторгся в Палестину, опустошил окрестности Акко и Тира, осмелился поставить палатки перед замком пилигримов и завладел Кесарией. "Если мы не получим помощи, - говорит он, - которую ожидаем в ближайшее лето, то все наши новоприобретенные завоевания, а также места, которые мы удерживали в течение многих веков, окажутся в весьма сомнительном состоянии. Мы сами и другие жители этих мест настолько обеднели из-за больших расходов, которые мы понесли в связи с продолжением дел Иисуса Христа, что не сможем внести необходимые средства, если не получим в ближайшее время помощь и субсидии от верующих". Дано в Акко, xii. кал. Октябрь, 1222 г. н. э."[260].

Войска султана Дамаска были отбиты и вытеснены за границу, после чего Великий магистр вернулся в Дамьетту, чтобы руководить подготовкой к походу на Каир. Результаты этой катастрофической кампании подробно описаны в следующем письме брату Алану Марселю, прецептору Англии и магистру храма в Лондоне.

"Брат Петр де Монтайгу, смиренный магистр воинов Христовых, нашему наместнику и возлюбленному брату во Христе Алану Марселю, прецептору Англии.

"До сих пор мы имели возможность сообщать вам благоприятные сведения о наших усилиях в деле Иисуса Христа; теперь же, увы, таковы поражения и бедствия, которые наши грехи навлекли на нас в земле Египетской, что у нас нет ничего, кроме дурных вестей. После взятия Дамьетты наша армия некоторое время пребывала в состоянии бездействия, что вызвало частые жалобы и упреки со стороны восточных и западных христиан. Наконец, после праздника святых апостолов, легат святого понтифика и все наши воины креста выступили в поход по суше и по Нилу и в полном порядке прибыли к месту, где расположился султан, во главе огромного числа врагов креста. Между лагерем султана и нашими войсками протекала река Тафнеос, рукав великого Нила, и, не имея возможности перейти ее вброд, мы разбили палатки на ее берегу и приготовили мосты, чтобы можно было форсировать проход. Тем временем ежегодное наводнение быстро усилилось, и султан, проведя свои галеры и

вооруженные лодки по древнему каналу, вплавил их в Нил ниже наших позиций и прервал наши коммуникации с Дамиейтой"... "Теперь ничего не оставалось делать, как проследить за нашими действиями. Султаны Алеппо и Дамаска, два брата султана, многие вожди и короли язычников с огромным количеством неверных, пришедших им на помощь, пытались отрезать нам путь к отступлению. Ночью мы начали свой поход, но неверные прорубили насыпи Нила, вода хлынула по нескольким неизвестным проходам и древним каналам и обступила нас со всех сторон. Мы потеряли всю провизию, многих наших людей унесло течением, и дальнейшее продвижение наших христианских воинов было сразу же остановлено. Воды продолжали наступать на нас, и в этом ужасном наводнении мы потеряли всех наших лошадей и седла, наши повозки, багаж, мебель и движимое имущество, все, что у нас было. Сами мы не могли ни наступать, ни отступить и не знали, куда повернуть. Мы не могли напасть на египтян из-за большого озера, которое простиралось между ними и нами; у нас не было продовольствия, и, будучи пойманными и зажатыми, как рыба в сети, нам не оставалось ничего другого, как заключить договор с султаном.

"Мы согласились сдать Дамиейту со всеми пленниками, которые были у нас в Тире и в Акко, при условии, что султан вернет нам дерево истинного креста и пленников, которых он держал в Каире и Дамаске. Мы, вместе с некоторыми другими, были уполномочены всей армией объявить жителям Дамиейты условия, которые были нам предъявлены. Они были очень неприятны епископу Акко, канцлеру и некоторым другим, желавшим защитить город, - мера, которую мы, конечно, очень одобрили бы, если бы был хоть какой-то разумный шанс на успех; ведь мы скорее предпочли бы оказаться в вечном заточении, чем сдать, к позору христианства, это завоевание неверным. Но после тщательного исследования средств обороны, не найдя ни людей, ни денег для защиты, мы были вынуждены подчиниться условиям султана, который, потребовав от нас клятву и заложников, заключил с нами перемирие на восемь лет. Во время переговоров султан верно держал свое слово и в течение пятнадцати дней снабжал наших солдат хлебом и кукурузой, необходимыми для их пропитания.

"Поэтому, жалея наши несчастья, поспешите облегчить их в меру своих сил. Прощайте"[262].

A. D. 1223.

Брат Алан Марсель, которому адресовано вышеприведенное письмо, сменил Амарику де Сен-Мора и возглавлял орден в Англии в течение шестнадцати лет. Он был нанят королем Генрихом Третьим для участия в различных важных переговорах; он был магистром Храма в Лондоне, когда Реджинальд, король острова Мэн, по совету и убеждению легата Пандульфа, торжественно передал в этом месте свой остров папе и его католическим преемникам и согласился отныне держать его в качестве феодального владения Римской церкви[263].

В начале правления Генриха Третьего тамплиеры в Англии, судя по всему, были в плохих отношениях с королем. Последний обратился к папе с серьезными жалобами на них, и святой понтифик издал (A. D. 1223 г.) буллу "De insolentia Templariorum reprimenda", в которой он сообщает, что его очень дорогой сын во Христе Генрих, прославленный король англичан, жаловался ему на узурпации тамплиеров в королевских владениях; что они ставят свои кресты на домах, которые им не принадлежат, и препятствуют выплате обычных пошлин и услуг короне; что они незаконно сводят на нет обычаи королевских поместий и вовлекают судебных исполнителей и королевских чиновников в тяжбы с некими судьями, назначенными ими самими. Папа поручает двум аббатам расследовать эти дела, готовясь к дальнейшему разбирательству в отношении виновных сторон;[264] но тамплиеры вскоре

примирились со своим государем, 1224 г. н. э. А 28 апреля следующего года магистр, брат Алан Марцелл, был нанят королем Генрихом для переговоров о перемирии между ним и королем Франции. Король Англии, судя по всему, в то время проживал в Темпле, и верительные грамоты были составлены там же, в присутствии архиепископа Кентерберийского, нескольких епископов и Губерта, главного судебного чиновника.[\[265\]](#) Через год после этого тот же Алан Марцелл был отправлен в Германию для заключения брачного договора между королем Генрихом и дочерью герцога Австрийского.[\[266\]](#)

В этот период брат Хью де Стоктон и Ричард Рейнджер, рыцари монастыря Нового храма в Лондоне, были хранителями королевских сокровищ в Тауэре, а первый стал депозитарием денег, ежегодно выплачиваемых королем графу Фландрии. Генрих Третий также доверил ему крупные суммы денег, из которых ему было велено выплатить десять тысяч марок константинопольскому императору[\[267\]](#).

Среди многих знаменитых благотворителей ордена Храма в этот период был Филипп Второй, король Франции, который завещал Великому магистру Храма сумму в сто тысяч фунтов[\[268\]](#).

Герман де Перигор.
A. D. 1236.

Великого магистра Петра де Монтайгу сменил брат Герман де Перигор.[\[269\]](#) Вскоре после его прихода к власти Вильгельм де Монтсеррат, прецептор Антиохии, "желая расширить христианские территории, к чести и славе Иисуса Христа", осадил крепость неверных в окрестностях Антиохии. Отказавшись отступить перед превосходящими силами, он был окружен и разгромлен; сто рыцарей Храма и триста арбалетчиков были убиты, а также множество светских воинов и большое количество пеших солдат. *Балканифером*, или знаменосцем, в этом случае был английский рыцарь-тамплиер по имени Реджинальд д'Аржентон, который проявил чудеса храбрости. Он был искалечен и покрыт ранами, но, несмотря на это, стойко нес *Beauseant*, или боевое знамя, на своих кровоточащих руках в самой гуще боя, пока наконец не упал замертво на кучу своих убитых товарищей. Прецептор Антиохии, прежде чем его убили, "*отправил шестнадцать неверных в ад*"[\[270\]](#).

A. D. 1237.

Как только тамплиеры в Англии узнали об этом бедствии, они вместе с госпитальерами немедленно отправили помощь своим братьям. "Тамплиеры и госпитальеры, - пишет Мэтью Пэрис, - с нетерпением готовились отомстить за кровь своих братьев, столь галантно пролитую за дело Христа". Госпитальеры назначили брата Теодора, своего приора, доблестнейшего воина, возглавить отряд рыцарей и стипендиатов с огромными сокровищами, чтобы помочь Святой Земле. Приняв меры, все они отправились из дома госпитальеров в Клеркенуэлл в Лондоне и прошли через весь город с копьями наперевес, выставленными щитами и знаменами. Они с пышной помпой промаршировали к мосту и попросили благословения у всех, кто собрался посмотреть на их проход. Братья действительно были непокрыты, склоняли головы из стороны в сторону и рекомендовали себя для всеобщих молитв"[\[271\]](#).

A. D. 1239.

В то время как рыцари-тамплиеры доблестно отстаивали дело креста против неверных на Востоке, один из святых братьев ордена, специальный советник короля по имени Джеффри, демонстрировал свое рвение против неверных дома, в Англии (1239 г. н. э.), свирепо уничтожая и истребляя евреев. Согласно Мэтью Парису, он схватил и заключил в тюрьму

несчастливых израильтян и вымогал у них огромные суммы денег.[272] Вскоре после этого брат Джеффри впал в немилость и был изгнан от двора, а брат Роджер, другой тамплиер, королевский алмонер, разделил ту же участь, и ему было запрещено приближаться к королевскому присутствию.[273] Некоторые из братьев ордена постоянно находились при дворе, и когда английский монарх пересекал моря, он обычно писал письма магистру Храма в Лондон, сообщая ему о состоянии королевского здоровья.[274]

Именно в этот период (1240 г. н. э.) продолговатая часть церкви Темпл была достроена и освящена в присутствии короля Генриха Третьего[275].

A. D. 1242.

Великое магистерство брата Германа де Перигора отмечается заключением договора с неверными, по которому святой город был вновь передан христианам. Патриарх вернулся туда со всем своим духовенством, церкви были заново освящены, а тамплиеры и госпитальеры опустошили свои сокровищницы на восстановление стен.

Великий магистр Храма передал Роберту де Санфорду, прецептору Англии и магистру Храма в Лондоне, следующий отчет об этих радостных событиях.

"Брат Герман де Перигор, смиренный *служитель* рыцарей бедного Храма, своему возлюбленному брату во Христе Роберту де Санфорду, прецептору в Англии, спасение в Господе.

"Поскольку наш долг - при каждом удобном случае сообщать братству в письмах или через гонцов о состоянии и перспективах Святой Земли, спешим сообщить, что после наших великих успехов в борьбе с султаном Египта и его сторонником и пособником Нассром, великим гонителем христиан, они неохотно были вынуждены пойти на перемирие, пообещав нам вернуть последователям Иисуса Христа всю территорию по эту сторону Иордана. Мы послали некоторых из наших братьев, благородных и благоразумных людей, в Каир, чтобы иметь беседу с султаном по этим вопросам....".

Далее Великий магистр рассказывает о ходе переговоров и о сдаче святого города и большей части Палестины воинам Христа... "Откуда, к радости ангелов и людей, - говорит он, - Иерусалим теперь населен одними христианами, все сарацины изгнаны. Святые места были заново освящены и очищены прелатами церквей, и в тех местах, где имя Господа не призывалось в течение пятидесяти шести лет, теперь, благословен Бог, ежедневно совершаются божественные таинства. Ко всем святыням вновь открыт свободный доступ для верных во Христе, и не приходится сомневаться, что в таком счастливом и благополучном состоянии мы могли бы оставаться еще долго, если бы наши восточные христиане отныне жили в большем согласии и единодушии. Но, увы, противостояние и противоречия, проистекающие из зависти и ненависти, препятствуют нашим усилиям в продвижении этих и других преимуществ для земли. За исключением прелатов церквей и нескольких баронов, которые оказывают нам посильную помощь, все бремя ее защиты лежит только на нашем доме.....

"Для защиты и сохранения святой территории мы предлагаем возвести укрепленный замок вблизи Иерусалима, что позволит нам легче удерживать владение страной и защищать ее от всех врагов. Но мы ни в коем случае не сможем долгое время защищать места, которые мы удерживаем, от султана Египта, который является очень сильным и талантливым человеком, если Христос и его верные последователи не окажут нам действенную поддержку"[276].

ГЛАВА VIII.

Завоевание Иерусалима кари́змийцами - резня тамплиеров и смерть Великого магистра - подвиги тамплиеров в Египте - король Франции Людовик посещает тамплиеров в Палестине - помогает им привести страну в обороноспособное состояние - Генрих II., король Англии, посещает храм в Париже - великолепное гостеприимство тамплиеров в Англии и Франции - Бенокдар, султан Египта, вторгается в Палестину - он побеждает тамплиеров, берет их сильные крепости и обезглавливает шестьсот их братьев - Великий магистр прибывает в Англию за помощью - возобновление войны - падение Акры и окончательное исчезновение тамплиеров в Палестине.

"Рыцари Храма всегда сохраняли свой бесстрашный и фанатичный характер; если они пренебрегали *жизнью*, то были готовы умереть на службе Христу" - Гиббон.

Герман де Перигор.
A. D. 1242.

Вскоре после восстановления святого города Иерусалим посетил мусульманин Джемал'эддин. "Я видел, - говорит он, - монахов и священников, хозяев Храма Господня. Я видел сосуды с вином, приготовленные для жертвоприношения. Я вошел в Мечеть аль-Акса (Храм Соломона) и увидел колокол, подвешенный к куполу. Обряды и церемонии мусульман были отменены, призыв к молитве больше не звучал. Неверные открыто совершали свои идолопоклоннические обряды в святилищах мусульман"[277].

A. D. 1243.

По совету Бенедикта, епископа Марсельского, который прибыл в святой город с паломничеством, тамплиеры отстроили свой древний и грозный замок Сафет. Для этого было задействовано восемьсот пятьдесят рабочих и четыреста рабов. Ширина стен составляла шестьдесят *французских* футов, высота - сто семьдесят, а их окружность - две тысячи двести пятьдесят футов. Их окружали семь больших круглых башен, диаметром шестьдесят футов и на семьдесят два фута выше стен. Фосс, окружавший крепость, был шириной тридцать шесть футов и был пробит в твердой скале на глубину сорок три фута. Гарнизон в мирное время составлял тысячу семьсот человек, а во время войны - две тысячи двести.[278] Руины этого знаменитого замка, венчающего вершину возвышенной горы, истерзанные и разбитые землетрясениями, до сих пор представляют собой потрясающий вид. Во времена Покока "две особенно прекрасные большие круглые башни" были целыми, а Ван Эгмонт и Хейман описывают остатки двух рвов, выложенных каменной кладкой, несколько фрагментов стен, фальшбортов и башен, а также коридоры, винтовые лестницы и внутренние апартаменты. Прежде чем эта крепость была завершена, тамплиеры снова потеряли святой город и были почти истреблены в кровавой битве с кари́змийцами. Это было свирепое, пастушеское племя татар, которые, спустившись с севера Азии и покинув свои места обитания в окрестностях Каспия, бросились на южные народы. Они с ужасающей быстротой и страшной резней уничтожали всех, кто осмеливался противостоять их продвижению, и по наущению Салеха Айюба, султана Египта, с которым они заключили

союз, обратили свое оружие против Святой земли. В великой битве под Газой, продолжавшейся два дня, были убиты Великие магистры Храма и Госпиталья, а также триста двенадцать рыцарей-тамплиеров и триста двадцать четыре служащих брата, кроме наемных солдат, состоящих на жаловании у ордена. [279] Следующий отчет об этих бедствиях был отправлен в Европу вице-магистром Храма, а также епископами и аббатами Палестины.

A. D. 1244.

"Преподобным отцам во Христе и всем нашим друзьям, архиепископам, епископам, аббатам и другим прелатам церкви в королевствах Франции и Англии, к которым придут эти письма; - Роберту, по милости Божией, патриарху святой церкви Иерусалима; Генриху, архиепископу Назарета; Дж. Избранный из Кесарии; Р., епископ Акко; *Вильгельм де Рошфор, вице-магистр дома солдат Храма и монастыря того же дома*; Х., настоятель гроба Господня; Б. с Елеонской горы и т. д. и т. п. Здоровья и процветания".

"Жестокий варвар, выйдя из пределов Востока, направил свои стопы к Иерусалимскому королевству, этой святой земле, которая, хотя и подвергалась в разные времена жестоким нападениям со стороны сарацинских племен, в последние времена наслаждалась легкостью и спокойствием и находилась в мире с соседними народами. Но, увы, грехи нашего христианского народа только сейчас подняли для его уничтожения неизвестный народ и мстящий меч издалека....". Далее они описывают разрушительное продвижение каризмийцев из Тартарии, опустошение Персии, свирепое истребление этими дикими ордами всех рас и народов, без различия религии, и их внезапное вступление в Святую землю со стороны Сафета и Тивериады, "когда, *по общему совету и единодушному желанию магистров религиозных домов рыцарства Храма и Госпиталья*, мы призвали на помощь султанов Дамаска и Карака, которые были связаны с нами договором и питали особую ненависть к каризмийцам; Они обещали и торжественно поклялись оказать нам всю свою помощь, но помощь приходила медленно и с опозданием; христианские войска были малочисленны и были вынуждены отказаться от защиты Иерусалима...."

После подробного описания варварской и ужасной резни пяти тысяч трехсот христиан обоих полов - мужчин, женщин, детей, монахов, священников и монахинь - они продолжают свое простое и трогательное повествование:

"В конце концов, когда вышеупомянутые вероломные дикари проникли в ворота святого города Израиля, небольшой остаток оставшихся в нем верующих, состоящий из детей, женщин и стариков, укрылся в церкви гроба Господня. Каризматы бросились на это святое святилище; они зарезали их всех перед самым гробом и, отрубив головы священникам, стоявшим на коленях с воздетыми руками перед алтарями, говорили друг другу: "Прольем здесь кровь христиан *на том самом месте, где они возносят вино своему Богу, который, по их словам, был здесь повешен*". Более того, со скорбью и воздыханием сообщаем вам, что, возложив свои святотатственные руки на саму гробницу, они печально потревожили ее, полностью разбив на куски мраморную святыню, которая была воздвигнута вокруг этого святого святилища. Они осквернили всеми мерзостями, на которые были способны, гору Голгофу, где был распят Христос, и всю церковь Воскресения. Они сняли скульптурные колонны, которые были установлены в качестве украшения перед гробом Господним, и в знак победы и в качестве насмешки над христианами отправили их на гробницу нечестивого Магомета. В той же церкви они попирают гробницы счастливых иерусалимских царей, а прах этих святых мужей они, к несчастью христианства, развеивают по ветру, непочтительно оскверняя почитаемую гору Сион. Храм Господень, церковь в долине Иосафата, где погребена Богородица, церковь Вифлеема и место рождения нашего Господа они

осквернили слишком ужасными преступлениями, чтобы их описывать, намного превышающими беззакония всех сарацин, которые, хотя и часто захватывали земли христиан, всегда почитали и сохраняли святыя места....".

Затем они описывают последующие военные действия, поход тамплиеров и госпитальеров 4 октября 1244 года н. э. из Акко в Кесарию, соединение их сил с силами мусульманских султанов, отступление каризмийцев в Газу, где они получили помощь от султана Египта, и подготовку госпитальеров и тамплиеров к атаке перед этим местом.

"Эти святыя воины, - говорят они, - смело бросились на врага, но присоединившиеся к нам сарацины, потеряв многих своих людей, бежали, и воины креста остались одни, чтобы противостоять объединенной атаке египтян и каризмийцев. Как стойкие поборники Господа и истинные защитники католичества, которых одна и та же вера, один и тот же крест и страсти делают настоящими братьями, они храбро сопротивлялись; но поскольку их было мало по сравнению с врагом, они в конце концов сдались, так что из монастырей рыцарского дома Храма и дома госпиталя Святого Иоанна в Иерусалиме спаслись только тридцать три тамплиера и двадцать шесть госпитальеров; Архиепископ Тирский, епископ Святого Георгия, аббат Святой Марии Иосафатской, магистр Храма и многие другие священнослужители и святыя люди были убиты в той кровопролитной схватке. Мы сами, своими грехами спровоцировав это страшное бедствие, полумертвыми бежали в Аскалон; оттуда морем отправились в Акко и нашли этот город и прилегающую к нему провинцию наполненными скорбью и трауром, несчастьем и смертью. Не было ни одного дома, ни одной семьи, которая не потеряла бы своего жильца или родственника....".

"Каризмийцы поставили свои палатки на равнине Акко, примерно в двух милях от города. Вся страна, вплоть до Назарета и Сафета, захвачена ими, так что у иерусалимских церквей и христианского королевства нет теперь никакой территории, кроме нескольких укреплений, которые с большим трудом и старанием защищают тамплиеры и госпитальеры.....

"Вам, дорогие отцы, на которых справедливо лежит бремя защиты дела Христова, мы повелели сообщить эти печальные вести, убедительно умоляя вас обратиться с молитвами к престолу благодати, прося милости у Всевышнего, чтобы тот, кто освятил Святую Землю своей собственной кровью во искупление всего человечества, сострадал ей, защищал ее и посылал ей помощь. Сами же, дорогие отцы, по мере своих сил, примите мудрый совет и поскорее помогите нам, дабы получить небесную награду. Но знайте, будьте уверены, что если по заступничеству Всевышнего или благодаря помощи верующих Святая Земля не получит помощи в следующем весеннем переходе из Европы, ее гибель предрешена, и полное разорение неизбежно".

"Поскольку объяснять письмом все наши нужды было бы утомительно, мы послали к вам почтенного отца епископа Бейрутского и святого мужа Арнульфа из ордена монахов-проповедников, которые достоверно и правдиво изложат все подробности вашему почтенному братству. Мы смиренно просим вас милостиво принять и терпеливо выслушать вышеупомянутых посланников, которые подвергли себя великим опасностям ради Церкви Божьей, путешествуя по морям в глубине зимы. Дано в Акко, в пятый день ноября, в год Господа нашего тысяча двенадцатьсот сорок четвертый"[280].

Вышеупомянутое письмо было зачитано на общем соборе церкви, собранном в Лионе папой Иннокентием IV, и было принято решение о новом крестовом походе. Было предусмотрено, что те, кто принял крест, должны собираться в определенных местах, чтобы получить благословение папы; что между всеми христианскими князьями должно быть заключено перемирие на четыре года; что в течение всего этого времени не должно быть ни турниров,

ни пиров, ни публичных ликований; Всех верующих во Христа увещевали вносить из своих состояний и поместий пожертвования на защиту Святой земли; церковники должны отчислять на эти цели десятую часть, а кардиналы - двадцатую часть всех своих доходов в течение трех лет подряд. Однако древний энтузиазм в пользу дальних походов на Восток угас; обращения и увещевания духовенства теперь не находили отклика, а тамплиеры и госпитальеры получали лишь небольшую помощь людьми и деньгами.

Вильгельм де Соннак.

A. D. 1245.

Временный союз между тамплиерами и мусульманскими султанами Сирии, заключенный с целью обеспечения их общей безопасности, не избежал неприязни. Император Фридрих Второй, номинальный король Иерусалима, в письме к Ричарду графу Корнуоллу, брату Генриха Третьего, короля Англии, обвиняет тамплиеров в том, что они, вопреки договору, заключенному с этим монархом, начали войну с султаном Египта, чтобы заставить его призвать на помощь каризмийцев; и сравнивает союз тамплиеров с неверными султанами в целях обороны с попыткой погасить огонь, вылив на него некоторое количество масла.

"Гордая религия Храма, - продолжает он, - взращенная среди роскоши баронов этой страны, становится беспутной. Нам стало известно от некоторых религиозных лиц, недавно прибывших из-за моря, что вышеупомянутые султаны и их свита были приняты с помпезной щедростью в воротах домов Храма, и что тамплиеры позволили им исполнять в них свои суеверные обряды и церемонии, с призывами к Магомету, и предаваться светским удовольствиям." Тамплиеры, несмотря на свои бедствия, успешно защищали все свои сильные крепости в Палестине от усилий каризмийцев и постепенно восстановили свои позиции в Святой Земле. Галеры ордена продолжали командовать на море, и к ним быстро прибывала помощь от западных братьев. В замке Пилигримов был собран общий рыцарский капитул, и ветеран-воин, брат Уильям де Соннак, был избран Великим магистром ордена.

[282\]](#) В то же время в западные прецептории были разосланы циркулярные мандаты, созывающие всех братьев в Палестину и предписывающие немедленно перевести все деньги, находящиеся в различных казначействах, в штаб-квартиру ордена в Акко. Эти призывы, судя по всему, были быстро исполнены, и Папа похвалил тамплиеров и госпитальеров за рвение и энергию, проявленные ими при отправке новопринятых рыцарей и послушников с вооруженными отрядами и большим количеством сокровищ на помощь святой территории. [\[283\]](#) Престарелые рыцари и те, чьи обязанности не позволяли им покинуть западные прецептории, умоляли небесные благословения на усилия своих братьев; они соблюдали чрезвычайные посты и моления и предписывали непрестанно возносить молитвы по всему ордену. [284\]](#) Пока предполагаемый крестовый поход медленно продвигался, святой понтифик написал султану Египта, союзнику каризмийцев, предлагая мир или перемирие, и получил следующий величественный и великолепный ответ на свое сообщение:

A. D. 1246.

"Папе, благородному, великому, духовному, ласковому, святому, тринадцатому из апостолов, предводителю сынов крещения, первосвященнику христиан, (да укрепит его Бог, утвердит его и даст ему счастье!) от могущественнейшего султана, властвующего над шеями народов; владеющего двумя великими оружиями - мечом и пером; обладающего двумя выдающимися достоинствами - ученостью и рассудительностью; царя двух морей; правителя Юга и Севера; царь области Египта и Сирии, Месопотамии, Медии, Идумеи и Офира; царь Салоф-Беелфет, Иаков, сын султана Камела, Хемевафар-Мехамет, сын султана Хаделя, Робетр, сын Иакова, царство которого Господь Бог да сделает счастливым.

"Во имя Бога милостивого и сострадательного.

"Письма папы, благородных, великих и т. д. и т. п. ... были представлены нам. Да благоволит Бог к тому, кто искренне стремится к праведности и творит добро, желает мира и ходит путями Господними. Да поможет Бог тому, кто поклоняется Ему в истине. Мы рассмотрели вышеупомянутые письма и поняли изложенные в них вопросы, которые нас порадовали и восхитили; и посланник, посланный святым папой, прибыл к нам, и мы заставили его предстать перед нами с честью, и любовью, и благоговением; мы привели его к нам лицом к лицу, и, склонив к нему наши уши, мы слушали его речь, и мы поверили в слова, которые он сказал нам о Христе, на Котором спасение и хвала. Но мы знаем о том же Христе больше, чем вы, и превозносим Его больше, чем вы. Что же касается того, что вы говорите о своем желании мира, спокойствия и тишины и о том, что вы желаете прекратить войну, то и мы желаем того же; мы не желаем и не хотим ничего противоположного. Но пусть Папа знает, что между нами и императором (Фридрихом) существует взаимная любовь, союз и полное согласие со времен султана, моего отца (которого да сохранит и поместит Бог в славу своего сияния), а между вами и императором, как вы знаете, существуют распри и войны; поэтому не следует заключать какой-либо договор с христианами, пока мы предварительно не получим его совет и согласие. Поэтому мы написали нашему посланнику при императорском дворе о предложениях, сделанных нам папским посланником, &c.....

"Это письмо было написано седьмого числа месяца *Махарана*. Хвала единому единственному Богу, и да снизойдет его благословение на нашего господина Магомета"[285].

A. D. 1247.

В следующем году (1247 г. н. э.) каризмийцы были истреблены; они были подробно вырезаны тамплиерами и госпитальерами и, наконец, истреблены до единого человека. Само их имя исчезло с лица земли, но следы их существования еще долго сохранялись в разрухе и запустении, которые они распространили вокруг себя.[286] Святая Земля, хотя и была счастливо избавлена от разрушительного присутствия этих варваров, все же имела все основания опасаться могущественного султана Египта, с которым все еще продолжались военные действия; И брат Уильям де Соннак, Великий магистр Храма, с целью стимулировать вялую энергию английского народа и возродить его святое рвение и энтузиазм в деле Креста, отправил в Англию знатного рыцаря-тамплиера, которому было поручено преподнести королю Генриху Третьему великолепную хрустальную вазу, содержащую часть крови Господа нашего Иисуса Христа, излитой на священную землю Палестины во отпущение грехов всех верующих.

Торжественное свидетельство о подлинности этой драгоценной реликвии, подписанное патриархом Иерусалимским, епископами, аббатами и баронами Святой Земли, было отправлено в Лондон для удовлетворения короля и его подданных и вместе с вазой и ее неоценимым содержимым передано на хранение в соборную церковь Святого Павла[287].

A. D. 1249.

В июне 1249 года галеры тамплиеров покинули Акко с мощным войском на борту и присоединились к экспедиции, предпринятой французским королем Людовиком IX, против Египта. Магистру Храма в Лондоне был передан следующий рассказ о взятии Дамииетты.

"Брат Уильям де Соннак, милостью Божьей магистр бедного рыцарства Храма, своему возлюбленному брату во Христе Роберту де Санфорду, прецептору Англии, спасение в Господе.

"Мы спешим сообщить вам этими подарками приятные и счастливые сведения..... (Он подробно описывает высадку французов, поражение неверных с потерей одного солдата-христианина и последующее взятие города). Таким образом, Дамьетта была взята не нашими заслугами, не мощью наших вооруженных отрядов, а благодаря божественной силе и помощи. Кроме того, да будет вам известно, что король Людовик, с Божьей благосклонностью, предлагает совершить поход на Александрию или Каир с целью освобождения наших братьев, находящихся там в плену, и приведения, с Божьей помощью, всей земли к христианскому богослужению. Прощайте"[288].

Лорд де Жуанвиль, друг короля Людовика и один из самых храбрых французских капитанов, дает живой и интересный отчет о кампании и о знаменитых подвигах тамплиеров. Во время похода на Каир они возглавляли колонну христианской армии, и однажды, когда король Франции отдал строгий приказ не нападать на неверных и избегать столкновения, на них двинулась турецкая кавалерия. "Один из этих турок, - рассказывает Жуанвиль, - нанеся рыцарю-тамплиеру из первой шеренги такой сильный удар своим боевым топором, что тот упал под ноги лошади лорда Реджинальда де Вишье, который был маршалом Храма; маршал, увидев, что его человек упал, крикнул своим братьям: "На них, во имя Бога, ибо я не могу больше этого выносить". Он тут же воткнул шпоры в своего коня, за ним последовали все его братья, и, поскольку их лошади были свежими, ни один сарацин не спасся". В другой раз тамплиеры отправились во главе христианской армии, чтобы испытать брод через танитский рукав Нила. "Перед тем как отправиться в путь, - рассказывает Жуанвиль, - король приказал, чтобы тамплиеры составляли авангард, а граф д'Артуа, его брат, командовал вторым подразделением после тамплиеров; но как только граф д'Артуа перешел брод, он со всеми своими людьми обрушился на сарацинов и, обратив их в бегство, галопом помчался за ними. Тамплиеры послали позвать графа д'Артуа назад и сказать ему, что его долг - идти позади, а не впереди; но случилось так, что граф д'Артуа не смог ничего ответить из-за милорда Фуко дю Мелле, который держал уздечку его коня, а милорд Фуко, который был хорошим рыцарем, будучи глухим, не слышал, что тамплиеры говорили графу д'Артуа, но продолжал кричать: "Вперед! вперед! Когда тамплиеры поняли это, они подумали, что будут опозорены, если позволят графу д'Артуа взять на себя инициативу; поэтому они подстегивали своих коней все сильнее, все быстрее и быстрее, и гнали турок, которые бежали перед ними, через город Массура, вплоть до равнин в сторону Вавилона; но когда они возвращались, турки выпустили в них множество стрел и напали на них в узких улицах города. Там были убиты граф д'Артуа и граф Лестер, а также еще триста рыцарей. Тамплиеры потеряли, как сообщил мне их вождь, четырнадцать человек вооруженных людей и всех своих всадников"[289].

A. D. 1250.

Великий магистр Храма, потеряв глаз, пробился сквозь неверных к основной части христианской армии, сопровождаемый лишь двумя рыцарями-тамплиерами[290]. Там он снова ввязался в драку, принял командование авангардом, и на закате его можно было найти сражающимся рядом с лордом де Жуанвилем. В своем рассказе о великой битве, разыгравшейся в первую пятницу Великого поста, Жуанвиль так описывает доблестную поступь тамплиеров

"Следующий батальон находился под командованием брата Уильяма де Соннака, магистра Храма, с которым был небольшой остаток братьев ордена, уцелевших в битве в масленичный вторник. Магистр Храма соорудил из отбитых у сарацин двигателей своего рода вал, но когда сарадины подошли к штурму, они обрушили на него греческий огонь, а поскольку тамплиеры нагромодили среди этих двигателей множество еловых досок, они тут же загорелись; и сарадины, поняв, что братьев Храма мало, бросились сквозь горящие бревна и энергично атаковали их. В предыдущей битве в масленичный вторник брат Уильям, магистр храма, потерял один глаз, а в этой битве упомянутый господин лишился второго глаза и был убит. Да смилуется Господь над его душой! И знайте, что сразу за тем местом, где стоял батальон тамплиеров, находился добрый акр земли, настолько усыпанный дротиками, стрелами и ракетами, что под ними не было видно земли, такие ливни их выпускали против тамплиеров сарадины!"[291]

Reginald de Vichier.
A. D. 1252.

Великого магистра Вильгельма де Соннака сменил маршал Храма брат Реджинальд де Вишье.[292] Король Людовик, освободившись из плена, отправился в Палестину, где пробыл два года. Он отремонтировал укрепления Яффы и Сесарии и помог тамплиерам привести страну в обороноспособное состояние. Лорд де Жуанвиль оставался с ним все это время и рассказывает о некоторых любопытных событиях, произошедших во время его пребывания. Оказывается, схема убийц все еще продолжала платить дань тамплиерам; и во время пребывания короля в Акко вождь отправил к нему послов, чтобы добиться отмены дани. Он дал им аудиенцию и заявил, что рассмотрит их предложение. "Когда они вновь предстали перед королем, - рассказывает Жуанвиль, - это было около вечерни, и они увидели по одну сторону от него Мастера Храма, а по другую - Мастера Госпиталя. Послы отказались повторить то, что говорили утром, но магистры Храма и Госпиталя велели им это сделать. Тогда магистры храма и госпиталя сказали им, что их господин очень глупо и дерзко отправил такое послание королю Франции, и если бы они не были наделены статусом послов, то бросили бы их в грязное море Акры и утопили бы, несмотря на их господина. "И мы приказываем вам, - продолжали магистры, - вернуться к вашему господину и в течение пятнадцати дней приехать с такими письмами от вашего принца, чтобы король был доволен им и вами".

Послы, соответственно, сделали, как им было велено, и привезли из своего шейха рубашку, символ дружбы, и множество богатых подарков, "хрустальных слонов, куски янтаря с каймой из чистого золота" и т. д. и т. п.[293] "Вы должны знать, что когда послы открыли футляр, содержащий все эти прекрасные вещи, вся квартира была мгновенно забальзамирована запахом их сладких духов".

Лорд де Жуанвиль сопровождал тамплиеров в нескольких походах и экспедициях против неверных племен на границах Палестины и присутствовал при штурме знаменитого замка Паниас, расположенного у истоков Иордана.

A. D. 1254.

A. D. 1255.

В период возвращения короля Франции в Европу (1254 г. н. э.) Генрих Третий, король Англии, находился в Гаскони вместе с братом Робертом де Санфордом, магистром Храма в Лондоне,

который был ранее послан английским монархом в эту провинцию для усмирения вспыхнувших там беспорядков.[Король Генрих отправился в столицу Франции и был великолепно принят рыцарями-тамплиерами в парижском храме, который, по словам Мэтью Париса, был столь огромен, что мог вместить в своих стенах многочисленную армию. На следующий день после прибытия король Генрих приказал накормить в Храме мясом, рыбой, хлебом и вином несметное количество бедняков, а позднее король Франции и все его вельможи пришли отобедать с английским монархом. "Никогда, - говорит Мэтью Пэрис, - ни в один период ушедших времен не было столь благородного и столь знаменитого развлечения". Они пировали в большом зале Храма, где со всех сторон висели щиты, столько, сколько они могли разместить вдоль четырех стен, согласно обычаю ордена за морем...."[295] Рыцари-тамплиеры в этой стране также проявляли великолепное гостеприимство и постоянно принимали в Храме королей, принцев, вельмож, прелатов и иностранных послов. Сразу после возвращения короля Генриха в Англию некоторые знаменитые послы из Кастилии прибыли с визитом в лондонский Храм; и поскольку король "был очень рад оказать им честь", он приказал поставить в подвалах Храма три трубы вина для их использования[296] и десять жирных самцов, которые привезли им в то же место из королевского леса в Эссексе.[Кроме того, он повелел мэру и шерифам Лондона, а также простолудинам того же города взять с собой приличное собрание горожан и выйти навстречу послам за город, вежливо принять их, оказать им почести и проводить в Храм[298].

Томас Берард.
A. D. 1256.

Великого магистра Реджинальда де Вишье сменил брат Томас Берард,[299] который написал несколько писем королю Англии, рассказывая о плачевном состоянии Святой Земли и убедительно прося о помощи и содействии.[300] Однако английский монарх был слишком беден, чтобы помочь ему, и был вынужден занять деньги под свои драгоценности, которые он отправил в парижский Храм. Королева Франции в письме "своему очень дорогому брату Генриху, прославленному королю Англии" приводит длинный список золотых жезлов, золотых гребней, бриллиантовых пряжек, чаплетов и циркулей, золотых корон, императорских бобров, богатых кушаков, золотых павлинов, и бесчисленные кольца, украшенные сапфирами, рубинами, изумрудами, топазами и карбункулами, которые, по ее словам, она осмотрела в присутствии казначея Храма в Париже, и что они надежно хранятся в сундуках тамплиеров.[301]

A. D. 1261.

Военная мощь орденов Храма и Госпиталя в Палестине была наконец полностью сломлена Бибарсом, или Бенокдаром, четвертым мамлюкским султаном Египта, который из скромного положения татарского раба возвысился до суверенитета этой страны и благодаря своей доблести и военным талантам приобрел титул "Завоевателя". Он вторгся в Палестину (1262 г. н. э.) во главе тридцати тысяч конницы и разбил тамплиеров и госпитальеров с огромной резней.[302] После нескольких лет непрерывной войны, в течение которых обе стороны совершали самые ужасные бесчинства, все твердыни христиан, за единственным исключением замка пилигримов и города Акко, оказались в руках неверных.

A. D. 1266.

В последний день апреля (1265 г. н. э.) Бенокдар взял штурмом Арсуф, один из сильнейших замков госпитальеров; он перебил девяносто человек гарнизона и тысячу увел в плен. В

следующем году он взял штурмом Кастель-Бланко, крепость рыцарей-тамплиеров, а сразу после этого осадил их знаменитый и важный замок Сафет. После упорной обороны прецептор, оказавшись без провизии, согласился капитулировать при условии, что оставшиеся в живых братья и 600 их сторонников, в количестве шестисот человек, будут в безопасности доставлены в ближайшую крепость христиан. Условия были приняты, но как только Бенокдар овладел крепостью, он навязал всему гарнизону суровый выбор: Коран или смерть. Они выбрали последнее, и, согласно христианским писателям, все были убиты.[303] Арабский историк Шафи Ибн Али Аббас в своей жизни Бибарса, или Бенокдара, утверждает, что один из гарнизона по имени *Эффриз Люб* принял магометанскую веру и был обрезан, а другой был послан в Акко, чтобы сообщить своим братьям о падении города. Этот автор пытается оправдать истребление остальных на том основании, что они сами нарушили условия капитуляции, попытавшись унести оружие и сокровища.[304] "Смертью стольких рыцарей обоих орденов, - говорит папа Климент IV, в одном из своих посланий, "благородная коллегия госпитальеров и прославленное рыцарство Храма почти уничтожены, и я не знаю, как мы сможем после этого найти кавалеров и достойных людей, чтобы занять места тех, кто погиб"[305]. 1268 г. н. э. На следующий год после падения Сафета (1267 г. н. э.) Бенокдар захватил города Хомс, Бельфор, Баграс и Сидон, принадлежавшие ордену Храма; приморские города Лаодикия, Габала, Триполи, Бейрут и Яффа последовательно переходили в его руки, а падение княжеского города Антиохии ознаменовалось гибелью семнадцати и пленением ста тысяч ее жителей.[306] Однако полное разорение Латинского королевства было предотвращено благодаря своевременной помощи Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха Второго, короля Англии, который появился в Акко с флотом и армией. Неверные были вновь разбиты и отброшены в Египет, а между султаном и христианами было заключено перемирие на десять лет.[307] Затем принц Эдуард приготовился к отъезду, но, прежде чем столкнуться с морскими опасностями по возвращении домой, он составил свое завещание; оно датировано в Акко 18 июня н. ст. 1272 г., и брат Томас Берард, Великий магистр Храма, выступает в качестве свидетеля.[308] Пока принц продолжал свое путешествие в Англию, его отец, король Англии, умер, и совет королевства, состоящий из архиепископов Кентерберийского и Йоркского, епископов и баронов королевства, собрался в Храме в Лондоне и поклялся в верности принцу. Там же они провозгласили его королем Англии и с согласия королевы-матери назначили Уолтера Гиффарда, архиепископа Йоркского, и графов Корнуолла и Глостера хранителями королевства. Из Темпла были написаны письма, чтобы сообщить молодому государю о смерти его отца, и оттуда же исходили многие акты нового правительства[309].

Король Генрих Третий был большим благодетелем тамплиеров. Он пожаловал им поместья Лиллестон, Хечвейтон, Сонфорд, Саттон, Дартфельд и Халгель в Кенте; несколько земель, а также церкви и ежегодные ярмарки в Балдоке, Уолнесфорде, Уэтерби и других местах, и различные еженедельные рынки[310].

Уильям де Божье.
1273 Г. Н.Э.

Великого магистра Томаса Берарда сменил брат Уильям де Божье,[311] который прибыл в Англию с целью получения помощи и созвал общий капитул ордена в Лондоне. Проживая в Храме в этом городе, он получил выплату большой суммы денег, которую Эдуард, молодой король, занял у тамплиеров во время своего пребывания в Палестине. [312] Великий магистр Госпиталя также прибыл в Европу, и были предприняты все усилия, чтобы стимулировать вялую энергию западных христиан и возродить их святое рвение в деле Креста. Генеральный собор церкви был открыт в Лионе лично Папой; оба Великих магистра присутствовали на нем

и имели преимущество перед всеми послами и пэрами на этом знаменитом собрании. Было решено проповедовать новый крестовый поход, обложить налогом все церковные достоинства и бенефиции для поддержки вооружения, а также заставить государей Европы церковными порицаниями прекратить свои частные распри и оказать помощь опустевшему городу Иерусалиму. Папа, который сам проживал в Палестине, проявил большой личный интерес к продвижению крестового похода и побудил многих дворян, принцев и рыцарей принять крест; но святой понтифик умер в разгар своих усилий, и вместе с ним исчезла всякая надежда на действенную помощь со стороны Европы. Дух эпохи сильно изменился; пламенный энтузиазм священной войны иссяк, и Великие магистры Храма и Госпиталя вернулись без поддержки, в печали и разочаровании, на Восток.

A. D. 1275.

Вильгельм де Божо прибыл в храм Акко в день святого Михаила 1275 года н. э. и сразу же принял на себя управление Палестиной.^[313] Поскольку теперь не было никакой надежды вернуть утраченный город Иерусалим, он направил все свои силы на сохранение немногих оставшихся владений христиан в Святой земле. По истечении десятилетнего перемирия он заключил с неверными новый договор, получивший название "Тортосский мир". Он был заключен между султаном Малек-Мансуром и его сыном Малек-Салехом Али, "честью мира и религии", с одной стороны, и Афрызом Дибаджуком (Вильгельмом де Божо), великим магистром ордена тамплиеров, с другой стороны. Перемирие продлевается на десять лет и десять месяцев со дня заключения договора (1282 г. н. э.), и договаривающиеся стороны строго обязуются не вторгаться на территорию друг друга в течение этого срока. Во избежание ошибок указаны и определены города, деревни и территории, принадлежащие христианам в Палестине, вместе с прилегающими владениями мусульман.^[314] Этот договор, однако, был быстро нарушен, война возобновилась с переменным успехом, и был заключен другой договор, который снова был нарушен непростительным бесчинством. Некоторые европейские авантюристы, прибывшие в Акко, разграбили и повесили девятнадцать египетских купцов, и султан Египта немедленно возобновил военные действия, с явным намерением навсегда сокрушить христианскую державу на Востоке. Крепость Маргат была осаждена и взята, город Триполи разделил ту же участь, и на третий год после возобновления войны христианские владения в Палестине были сведены к узким границам сильного города Акко и замка пилигримов. 1291 ГОД Н.Э. Весной 1291 года султан Халил выступил в поход на Акко во главе шестидесяти тысяч конных и ста сорока тысяч пеших.

"Неисчислимое множество людей из всех народов и на всех языках, - говорится в хронике того времени, - жаждущих христианской крови, собралось из пустынь Востока и Юга; земля дрожала под их шагами, а воздух был разорван звуками их труб и кимвалов. Солнечные лучи, отражаясь от их щитов, сверкали на далеких горах, а острия их копий сияли, как бесчисленные звезды на небе. Когда они были на марше, их копья представляли собой огромный лес, поднимающийся с земли и покрывающий весь пейзаж"... "Они бродили вокруг стен, выискивая их слабости и недостатки; некоторые лаяли, как собаки, некоторые рычали, как львы, некоторые мычали и ревели, как волы, некоторые били в барабаны витыми палками по своей моде, некоторые метали дротики, некоторые бросали камни, некоторые пускали стрелы и болты из арбалетов."^[315] 5 апреля место было регулярно инвестировано. Не было никакой разумной надежды на его спасение; море было открыто, гавань заполнена христианскими судами и галерами Храма и Госпиталя, но два великих монашеских и военных ордена не пожелали удалиться на соседний и дружественный остров Кипр; они отказались даже в последней крайности покинуть дело, которое поклялись поддерживать до последней капли своей крови. На протяжении ста семидесяти лет их мечи постоянно были заняты

защитой Святой земли от оскверняющих посягательств неверных мусульман; священная территория Палестины повсюду была полита кровью лучших и храбрейших из их рыцарей, и теперь, верные своим клятвам и рыцарским обязательствам, они готовились похоронить себя в руинах последнего оплота христианской веры.

Уильям де Божье, Великий магистр Храма, ветеран сотни сражений, принял командование гарнизоном, насчитывавшим около двенадцати тысяч человек, не считая войск Храма и Госпиталя, а также пятисот пеших и двухсот конных, находившихся под командованием короля Кипра. Эти силы были распределены вдоль стен на четыре дивизии, первой из которых командовал Хью де Грандисон, английский рыцарь. Старики и немощные, женщины и дети были отправлены морем на христианский остров Кипр, и в преданном городе не осталось никого, кроме тех, кто был готов сражаться, защищая его, или принять мученическую смерть от рук неверных. Осада продолжалась шесть недель, и все это время атаки и нападения были непрерывными. Ни ночью, ни днем не смолкали крики нападавших и шум военных машин; стены били изнутри, а фундамент подтачивали шахтеры, которые непрерывно трудились над продвижением своих работ. Против укреплений было направлено более шестисот катапульти, балист и других орудий разрушения, а таранные машины были такого огромного размера и веса, что для перевозки отдельных бревен одной из них требовалось сто повозок. [Передвижные башни были возведены мусульманами, чтобы возвышаться над стенами; их рабочие и передовые отряды были защищены барьерами, покрытыми сырыми шкурами, и все военные приспособления, которые могли создать искусство и мастерство эпохи, были использованы для облегчения штурма. В течение долгого времени все усилия осажденных сдерживались их доблестью, они постоянно нападали на их сооружения, сжигали башни и машины, уничтожали шахтеров. Однако день ото дня численность гарнизона редела от меча, а в лагере врага на место погибших постоянно прибывали свежие воины из пустынь Аравии, одушевленные тем же диким фанатизмом в деле *своей* религии, который так отличал военных монахов Храма. Четвертого мая, после тридцати трех дней непрерывных боев, великая башня, считавшаяся ключом укреплений и называемая мусульманами *проклятой башней*, была снесена военными двигателями. Чтобы усилить ужас и отвлечь внимание осажденных, султан Халил посадил триста барабанщиков с барабанами на такое же количество дромадеров и приказал им поднимать как можно больше шума при каждом приказе о начале общего штурма. С 4 по 14 мая атаки были непрерывными. 15-го числа двойная стена была взломана, и король Кипра, охваченный паникой, ночью бежал на свои корабли и отплыл на остров Кипр со всеми своими сторонниками и почти тремя тысячами лучших людей из гарнизона. На следующий день сарацины атаковали покинутый им пост; они засыпали ров телами убитых людей и лошадей, горами дерева, камней и земли, а затем затрубили в трубы, призывая к штурму. Сплотившись под желтым знаменем Магомета, мамлюки форсировали брешь и проникли с мечом в руках в самый центр города; но их победоносное шествие и оскорбительные крики были остановлены облаченными в кольчугу рыцарями Храма и Госпиталя, которые пронеслись верхом по узким улицам, отбросили их назад с огромной резней и сбросили вниз головой со стен.

На рассвете следующего утра воздух огласился оглушительным шумом барабанов и труб, пролом несколько раз брали и восстанавливали, и наконец военные монахи закрыли проход своими телами, представляя стальную стену перед наступлением врага. Со всех сторон слышались громкие призывы к Богу и Магомету, к небесам и святым; после упорного боя, продолжавшегося от восхода до заката, темнота положила конец бойне. На третий день (18-е число) неверные предприняли последний штурм со стороны ворот святого Антония. Великие магистры храма и госпиталя сражались бок о бок во главе своих рыцарей и некоторое время

успешно противостояли всем усилиям врага. Они вступали в рукопашную с мамлюками и, как самые жалкие солдаты, протискивались в гущу сражения. Но когда каждый рыцарь падал под острыми скалителями мусульман, в резерве не оставалось никого, кто мог бы занять его место, а огромные полчища неверных наседали с неустойчивой энергией и упорством. Маршал госпиталю пал, покрытый ранами, и Вильгельм де Божье, как последнее средство, попросил Великого магистра этого ордена выйти из соседних ворот во главе пятисот лошадей и атаковать тыл врага. Сразу же после того, как Великий магистр Храма отдал эти приказы, он сам был сражен дротиками и стрелами врага; охваченный паникой гарнизон бежал в порт, а неверные бросились на него с неистовыми криками *Аллах акбар! Аллах акбар!* "Бог победил". Триста тамплиеров, единственные оставшиеся в живых представители их прославленного ордена в Акко, теперь остались одни, чтобы противостоять удару победоносных мамлюков. Тесной и компактной колонной они пробивались в сопровождении нескольких сотен беглецов-христиан к Храму и, закрыв ворота, вновь бросили вызов наступающему врагу.

Гаудини.

A. D. 1291.

Оставшиеся в живых рыцари собрались на торжественный капитул и назначили Великим магистром рыцаря-тамплиера брата Гаудини. [317\]](#) Храм в Акко был очень мощным местом, окруженным стенами и башнями огромной протяженности. Он был разделен на три квартала, в первом и главном из которых находились дворец Великого магистра, церковь и жилища рыцарей; во втором, называемом Бург Храма, располагались кельи служащих братьев; а третий, называемый Скотный рынок, был отведен офицерам, на которых возлагалась обязанность закупать необходимые припасы для ордена и его войск.

На следующее утро победивший султан предложил тамплиерам очень выгодные условия, и они согласились покинуть храм при условии, что в их распоряжение будет предоставлена галера и что им будет позволено удалиться в безопасное место вместе с христианскими беглецами, находящимися под их защитой, и унести столько их вещей, сколько каждый человек сможет на себя погрузить. Мусульманский завоеватель обязался выполнить эти условия и послал тамплиерам штандарт, который был установлен на одной из башен Храма. После этого в стены монастыря была введена стража из трехсот мусульманских солдат, которым было поручено следить за тем, чтобы статьи капитуляции были приведены в исполнение. Среди беглецов было несколько христианских женщин из Акко, отказавшихся покинуть своих отцов, братьев и мужей, храбрых защитников этого места, и мусульманские солдаты, привлеченные их красотой, нарушили все ограничения и нарушили условия капитуляции. Разъяренные тамплиеры закрыли и забаррикадировали ворота Храма; они набросились на вероломных неверных и предали смерти каждого из них, "от величайшего до малейшего". [\[318\]](#) Сразу после этой резни мусульманские трубы возвестили о нападении, но тамплиеры успешно оборонялись до следующего дня (20-го.) Маршал ордена и несколько братьев были направлены Гаудини с флагом перемирия к султану, чтобы объяснить причину расправы над его гвардией. Разъяренный монарх, однако, не успел привести их в свою власть, как приказал обезглавить каждого из них и с новой силой принялся за осаду. Ночью Гаудини с отрядом своих соратников собрал сокровища ордена и украшения церкви и, выйдя из потайного хода Храма, сообщавшегося с гаванью, сел на небольшое судно и благополучно бежал на остров Кипр [\[319\]](#). Остальные тамплиеры укрылись в большой башне Храма, называемой "Башней Магистра", которую они защищали с отчаянной энергией. Самые храбрые из мамлюков были отброшены назад в ходе неоднократных штурмов, и маленькая крепость была повсюду окружена горами убитых. Наконец султан, отчаявшись

взять крепость штурмом, приказал ее подрыть. Продвигаясь вперед, рабочие подпирали фундамент деревянными балками, а когда раскопки были закончены, эти деревянные опоры сгорели; огромная башня рухнула с огромным треском, похоронив в своих руинах храбрых тамплиеров. Султан поджег город в четырех местах, и последний оплот христианской власти в Палестине был быстро превращен в дымящееся одиночество.^[320] Несколько лет назад руины христианского города Акко были достойны внимания любопытных. Здесь все еще можно было обнаружить остатки нескольких церквей, а квартал, занятый рыцарями-тамплиерами, по-прежнему представлял собой множество интересных памятников этого гордого и могущественного ордена.

ГЛАВА IX.

Падение тамплиеров - причины этого - Великий магистр прибывает в Европу по просьбе Папы Римского - по приказу короля Филиппа он вместе со всеми тамплиерами во Франции заключен в тюрьму - их подвергают пыткам и добиваются от них признания вины в ереси и идолопоклонстве - Эдуард II. Король Англии встает на защиту тамплиеров, но затем преследует их по приказу папы - Заключение магистра Храма и всех его братьев в Англии - Их допрос по восьмидесяти семи ужасным и нелепым статьям обвинения перед иностранными инквизиторами, назначенными папой - Совет церкви собирается в Лондоне, чтобы вынести им приговор - Любопытные свидетельства о способе приема в орден, а также об обычаях и обрядах братства.

В том месте, где я живу,
Et ne sait a tort ou a droit,
Они были искусителями, не знающими удержу,
Tous pris par le royaume de France.
В октябрьский день, в день праздника,
Et un vendredi fu le jor.
Chron. MS.

Джеймс де Моле.
A. D. 1297.

A. D. 1302.

Теперь нам остается лишь описать несчастную судьбу оставшихся в живых братьев ордена Храма и рассказать о неблагодарности, с которой они столкнулись со своими собратьями-христианами на Западе. Вскоре после падения Акры был созван общий капитул братства, и Джеймс де Моле, прецептор Англии, был избран Великим магистром. ^{321]} Он попытался еще раз (1302 г. н. э.) водрузить знамена Храма на священную землю Палестины, но был разбит султаном Египта, потеряв сто двадцать своих братьев. ^{322]} За этой катастрофической экспедицией быстро последовало падение братства. Этому памяtnому событию способствовали многие обстоятельства.

С потерей всей христианской территории в Палестине в христианстве исчезли все серьезные надежды и ожидания на возвращение и удержание Святого города. Соответственно, услуги тамплиеров больше не требовались, и люди стали с завистью и жадностью смотреть на их огромное богатство и необъятные владения. Привилегии, предоставленные братству римскими папами, сделали церковь их врагом. Большая часть духовенства с ревностью и негодованием относилась к их освобождению от обычной церковной юрисдикции. Булла *omne datum optimum* была расценена как великое посягательство на права церкви и разорвала союз, который изначально существовал между тамплиерами и епископами. Их освобождение от десятины было источником значительных убытков для пасторов, а привилегия, которой они обладали, совершать богослужения во время интердикта, приносила священникам и капелланам ордена обильные подношения и милостыню, на которые духовенство смотрело как на многочисленные грабежи, совершаемые над собой. Между братством и епископами и священниками возникли разногласия, враждебность последних к ордену проявлялась в неоднократных актах несправедливости, что вызвало множество суровых булл и возмущенных упреков со стороны римских понтификов. Папа Александр в булле, направленной против духовенства, говорит им, что если они внимательно изучат состязания, которые его возлюбленные сыновья, братья рыцарства Храма, постоянно проводят в Палестине в защиту христианства, и их доброту к бедным, то они не только перестанут досаждать и обижать их, но и будут строго удерживать от этого других. Он выражает свое огорчение и удивление, узнав, что многие церковники досаждали им тяжкими обидами, пренебрежительно относились к его апостольским посланиям и отказывались читать их в своих церквях; что они отнимали у братства обычные милостыни и пожертвования, допускали к своей дружбе обидчиков имущества братьев, нестерпимо стараясь подавить и оттолкнуть тех, кого они должны были усердно поддерживать. Из других булл следует, что духовенство вмешивалось в право братства собирать милостыню, отказывалось хоронить братьев ордена, когда они умирали, не получая за это платы, и высокомерно заявляло о своем праве на роскошное гостеприимство в домах Храма. За эти проступки епископам, архидиаконам, священникам и всему духовенству римский понтифик пригрозил суровыми мерами[323].

Кроме того, к концу своей карьеры тамплиеры стали непопулярны среди европейских государей и их вельмож. Доходы первых несколько уменьшились из-за иммунитетов, предоставленных тамплиерам их предшественниками, а отцовские владения вторых сократились в результате пожалования ордену многих тысяч поместий, лордств и честных владений их благочестивыми и восторженными предками. Значительная неприязнь стала проявляться и к ежегодной передаче крупных денежных сумм, доходов ордена, из европейских государств для расходования в далеких войнах, в которых христианство теперь не принимало сравнительно никакого участия. Вскоре после падения Акры и полной потери Палестины Эдуард Первый, король Англии, конфисковал и конфисковал для собственного использования деньги, накопленные тамплиерами, чтобы направить их братьям на Кипре, утверждая, что имущество ордена Храма было даровано ему королями Англии, его предшественниками и их подданными для защиты Святой земли, и что после ее потери нельзя найти лучшего применения этим деньгам, чем направить их на содержание бедных. Однако по настоятельной просьбе папы король впоследствии разрешил переводить их доходы на остров Кипр обычным способом.[324] Король Эдуард и раньше проявлял сильное желание наложить руки на имущество тамплиеров. Вернувшись из победоносной кампании в Уэльсе и обнаружив, что не может выплатить задолженность по жалованью своим солдатам, он вместе с сэром Робертом Уолераном и несколькими вооруженными последователями отправился в Храм и, позвав казначея, сделал вид, что хочет увидеть

драгоценности своей матери, которые там хранились. Будучи допущенным в дом, он намеренно вскрыл сундуки тамплиеров и унес с собой в Виндзорский замок десять тысяч фунтов.[325] Его сын, Эдуард Второй, взойдя на престол, совершил подобный акт несправедливости. Он отправился со своим фаворитом, Пирсом Гавастоном, в Храм и забрал с собой пятьдесят тысяч фунтов серебра, а также множество золота, драгоценностей и драгоценных камней, принадлежавших епископу Честера.[326] Безднаказанность, с которой были совершены эти акты насилия, свидетельствует о том, что тамплиеры уже не пользовались той властью и уважением, которыми они обладали в древние времена.

По мере того как энтузиазм в пользу священной войны уменьшался, большое число тамплиеров оставалось дома, в своих западных прецепториях, и принимало активное участие в политике Европы. Они вмешивались в распри христианских князей и даже обращали свои мечи против своих братьев-христиан. Так, мы видим, что члены ордена принимали участие в войне между Анжуйским и Арагонским домами, а также помогали королю Англии в его войне против короля Шотландии. В битве при Фалькирке, состоявшейся 22 июля 1298 года, через семь лет после падения Акры, погибли и магистр Храма в Лондоне, и его наместник, прецептор Шотландии. 327] Все эти обстоятельства, а также потеря Святой земли и угасание энтузиазма крестовых походов снизили популярность тамплиеров в Европе.

В период падения Акры трон Франции занимал Филипп Красивый, сын Людовика Святого. Он был нуждающимся и скупым монархом[328] и в разные периоды прибегал к самым жестоким мерам, чтобы пополнить свою истощенную казну. После смерти папы Бенедикта XI (1304 г. н. э.) ему удалось, благодаря интригам французского кардинала Дюпре, возвести на папскую кафедру архиепископа Бурдо, свою креатуру. Новый папа перенес Святой престол из Рима во Францию; он созвал всех кардиналов в Лион и там был посвящен (1305 г. н. э.) под именем Климента V. в присутствии короля Филиппа и его вельмож. Из десяти новых кардиналов *девять* были французами, и во всех своих действиях новый папа проявлял себя послушным рабом французского монарха. Характер этого понтифика римские церковные историки рисуют в самых мрачных тонах: они изображают его приверженцем удовольствий, скупаемым честолюбием и жадным до денег; они обвиняют его в преступной интриге с прекрасной графиней Перигорской и в торговле святынями[329].

A. D. 1306.

6 июня 1306 года, через несколько месяцев после своей коронации, этот новый французский понтифик направил из Бурдо письма Великим магистрам Храма и Госпиталя, выражая искреннее желание посоветоваться с ними относительно мер, которые необходимо предпринять для возвращения Святой земли. Он сообщает им, что именно они лучше всего подходят для того, чтобы дать совет по этому вопросу, а также для руководства и управления предприятием, как в силу их большого военного опыта, так и в силу их заинтересованности в успехе экспедиции. "Мы приказываем вам, - говорит он, - прибыть сюда без промедления, с максимально возможной секретностью и с *очень небольшой свитой*, поскольку по эту сторону моря вы найдете достаточное количество ваших рыцарей, которые будут сопровождать вас"[330] Великий магистр госпиталя отказался подчиниться этому вызову; но Великий магистр храма немедленно принял его и без колебаний отдал себя во власть папы и короля Франции. 1307 ГОД Н. Э. Он высадился во Франции в сопровождении шестидесяти своих рыцарей в начале 1307 года и поместил сокровища ордена, которые он привез с собой с Кипра, в парижском храме. Он был с почестями принят королем, а затем отправился в Пуатье, чтобы побеседовать с папой. Там он был задержан на различных конференциях и переговорах, связанных с предполагаемой экспедицией по возвращению Святой земли.

Среди прочего, папа предложил заключить союз между тамплиерами и госпитальерами, и Великий магистр передал свои возражения против этого предложения. Он говорит, что после падения Акры жители Италии и других христианских стран громко осуждали папу Николая за то, что он не оказал помощи осажденным, и что он, чтобы оправдать себя, возложил всю вину за потерю места на мнимые разногласия между тамплиерами и госпитальерами и предложил заключить между ними союз. Великий магистр заявляет, что между орденами не было никаких разногласий, вредящих христианскому делу; что существовал лишь дух соперничества и подражания, уничтожение которого было бы крайне вредно для христиан и выгодно для сарацин; ведь если бы госпитальеры в какое-то время совершили блестящий подвиг против неверных, тамплиеры никогда бы не успокоились, пока не сделали бы то же самое или даже лучше, и *наоборот*. Так же и тамплиеры, если они совершат большую перевозку братьев, лошадей и прочего зверья через море в Палестину, госпитальеры всегда сделают то же самое или даже больше. В то же время он положительно заявляет, что никогда не было известно, чтобы член одного ордена поднял руку на члена другого.[331] Великий магистр жалуется, что почтение и уважение христианских народов к обоим орденам незаслуженно уменьшилось, что все изменилось, и что большинство людей тогда были готовы больше брать у них, чем давать им, и что многие влиятельные люди, как духовенство, так и миряне, постоянно приносили несчастья братствам.

Тем временем тайные агенты французского короля усердно распространяли различные мрачные слухи и одиозные сообщения о тамплиерах, и поговаривали, что они никогда бы не потеряли Святую землю, если бы были добрыми христианами. Эти слухи и обвинения вскоре обрели реальную форму.

Согласно некоторым писателям, Сквин де Флориан, гражданин Безье, который за свои беззакония был приговорен к смерти или вечному заключению в одном из королевских замков, предстал перед Филиппом, получил бесплатное помилование и был хорошо вознагражден в обмен на обвинение под присягой, в котором тамплиеры обвинялись в ереси и совершении самых ужасных преступлений. По словам других, Носсо де Флорентин, тамплиер-отступник, осужденный Великим прецептором и капитулом Франции на вечное заточение за нечестие и преступления, сделал в своей темнице добровольное признание в грехах и мерзостях, в которых обвинялся орден.[332] Как бы то ни было, на основании информации, полученной под присягой от осужденного преступника, король Филипп 14 сентября разослал всем байям различных провинций Франции секретные приказы, сформулированные в следующих экстравагантных и абсурдных выражениях:

"Филипп, Божьей милостью король французов, своим возлюбленным и верным рыцарям... и т. д. и т. п.

"До наших ушей дошли прискорбные и самые печальные сведения, полные горечи и скорби, чудовищное дело, о котором нельзя думать без страха, нельзя слышать без ужаса, неслыханные проступки, чудовища и зверства, противоречащие всем чувствам человечности, и т. д. и т. п.". После длинной и самой необычной тирады такого рода Филипп обвиняет тамплиеров в том, что они оскорбили Иисуса Христа и заставили его страдать в те дни больше, чем он страдал раньше на кресте; в том, что они отреклись от христианской религии; в том, что они глумились над священным образом Спасителя; в том, что они приносили жертвы идолам; в том, что они предавались нечистой практике и противоестественным преступлениям. Он характеризует их как восторженных волков в овечьей шкуре; вероломное, неблагодарное, идолопоклонническое общество, чьих слов и дел было достаточно, чтобы загрязнить землю и заразить воздух, иссушить источники небесных росов и привести в смятение всю Церковь Христову.

"Нам поручено, - говорит он, - поддерживать веру; после совещания с папой, прелатами и баронами королевства, по просьбе инквизитора, из уже изложенных сведений, из сильных подозрений, из вероятных догадок, из законных предположений, задуманных против врагов неба и земли; и поскольку дело важное, и целесообразно доказать справедливость, как золото в печи, путем тщательной проверки, постановили, что члены ордена, которые являются нашими подданными, должны быть арестованы и задержаны для суда церкви, и что все их недвижимое и личное имущество должно быть захвачено в наши руки и верно сохранено" и т. д. К этим приказам прилагаются инструкции, предписывающие баям и сенешалям точно, с большой секретностью и не возбуждая подозрений, сообщить о количестве домов Храма в пределах их соответствующих юрисдикций; затем они должны обеспечить вооруженную силу, достаточную для преодоления любого сопротивления, и 13 октября застать тамплиеров в их прецепториях и сделать их пленниками. Затем инквизиции предписывается собраться, чтобы допросить виновных и применить *пытки*, если это будет необходимо. "Прежде чем приступить к дознанию, - говорит Филипп, - вы должны сообщить им (тамплиерам), что папа и мы сами убедились, на основании безупречных свидетельств, в ошибках и мерзостях, которые сопровождают их обеты и исповедание; вы должны обещать им помилование и милость, если они *признают* истину, но если нет, вы должны сообщить им, что они будут приговорены к смерти"[333].

Как только Филипп отдал эти приказы, он написал главным государям Европы, призывая их последовать его примеру[334], и послал конфиденциального агента по имени Бернард Пелетин с письмом к молодому королю Эдуарду Второму, только что вступившему на престол Англии, в котором в ужасающих красках описывались предполагаемые грехи тамплиеров. 22 сентября король Эдуард ответил на это письмо, отметив, что он рассмотрел упомянутые в нем вопросы и выслушал заявления этого благоразумного человека, магистра Бернарда Пелетина; что он заставил последнего изложить обвинения перед собой, многими прелатами, графами и баронами своего королевства и другими членами своего совета; Но они оказались настолько поразительными, что в них невозможно поверить; что о таких отвратительных и мерзких делах король и вышеупомянутые прелаты, графы и бароны никогда прежде не слышали, и поэтому вряд ли можно было ожидать, что им легко поверят. Однако английский монарх сообщает королю Филиппу, что по совету своего совета он приказал вызвать к себе сенешаля Агена, из уст которого, как говорят, исходили слухи, чтобы через него получить дополнительные сведения об этих событиях; и он заявляет, что в надлежащее время, после должного расследования, он предпримет такие шаги, которые будут способствовать прославлению Бога, чести и сохранению католической веры[335].

В ночь на 13 октября все тамплиеры во французских владениях были одновременно арестованы. Монахи были назначены проповедовать против них в общественных местах Парижа, и в садах Королевского дворца; воспользовавшись глупостью, суеверием и легковерием эпохи, против ордена были выдвинуты самые ужасные и экстравагантные обвинения. Их обвинили в поклонении идолу, покрытому старой кожей, забальзамированной и имеющей вид куска полированной масляной ткани. "В этом идоле, - уверяют нас, - было два карбункула вместо глаз, ярких, как небесное светило, и несомненно, что вся надежда тамплиеров была возложена на него; это был их суверенный бог, и они верили в него всем сердцем". Их обвиняют в сожжении тел умерших братьев и превращении пепла в порошок, который они добавляли в пищу и питье младшим братьям, чтобы заставить их придерживаться своей веры и идолопоклонства; в приготовлении и запекании младенцев и помазании жиром своих идолов; в проведении тайных обрядов и мистерий, к которым приобщали юных и нежных девственниц, и во множестве мерзостей, слишком абсурдных и ужасных, чтобы их перечислять.[336] Гийом Параден в своей истории Савойи серьезно

повторяет эти чудовищные обвинения и заявляет, что у тамплиеров было "одно место в пещере или пещере на земле, очень мрачное, в котором они имели изображение в форме человека, на котором они приложили кожу человеческого тела и поставили два прозрачных и луизановых карбука вместо двух глаз. У этой ужасной статуи они принуждали приносить в жертву тех, кто хотел быть приверженцем их проклятой религии, и перед всеми церемониями они отказывались поклониться Иисусу Христу и наложить на себя крест, а после этого чудовищного священнодействия, в котором участвовали женщины и девушки (соблазненные этой сектой), они почитали лампы и светильники, которые они держали в своей пещере. Et s'il advenoit que d'un Templier et d'un pucelle nasquit, un fils, ils se rangoit tous en un rond, et se jettoient cet en en en main, et ne cessoient de le jeter jusqu'a ce qu'il fu mort entre leurs mains: etant mort ils se rotissoient (chose execrable) et de la graisse ils en ognoient leur grand statue!"[337] Характер обвинений, выдвинутых против тамплиеров, доказывает, что у их врагов не было серьезных преступлений, в которых можно было бы обвинить орден. Сами их добродетели были обращены против них, ибо нам говорят, что *"чтобы скрыть беззаконие своей жизни"*, они подавали много милостыни, постоянно посещали церковь, вели себя назидательно, часто причащались святых таинств и проявляли всегда большую скромность и кротость в поведении как в доме, так и на людях"[338].

В течение двенадцати дней сурового заточения тамплиеры неизменно отрицали ужасные преступления, вменяемые братству. Обещания короля о помиловании не дали им признания вины, и тогда они были переданы на милость братьев Святого Доминика, которые были самыми изысканными и искусными мучителями того времени.

19 октября великий инквизитор вместе со своими мирмидонами отправился в парижский храм, и сто сорок тамплиеров один за другим были подвергнуты пыткам. Дни и недели ушли на допросы, и тридцать шесть тамплиеров погибли в руках своих мучителей, до последнего сохраняя непоколебимую уверенность в полной невиновности своего ордена. Многие из них лишились ног от пытки огнем, которая применялась следующим образом: их ноги закрепляли в железной раме, а подошвы ступней смазывали жиром или маслом; затем их ставили перед огнем, а экран отодвигали назад и вперед, чтобы умерить и регулировать жар. Эти мучения были настолько сильны, что жертвы часто сходили с ума. Брат Бернард де Вадо, впоследствии отказавшийся от признания вины, вырванного у него этим описанием мучений, говорит комиссару полиции, к которому его привели для допроса: "Они так долго держали меня перед яростным огнем, что плоть сгорела с моих пяток, а два куса кости отвалились, которые я вам и представляю". Другой тамплиер, публично отказавшись от своего признания, заявил, что ему вырвали четыре зуба, и он признал себя виновным, чтобы спасти оставшиеся[340]. Другие члены братства рассказали, что их подвергали самым отвратительным и непристойным мучениям[341]; в дополнение ко всему этому, похоже, заключенным показывали поддельные письма от Великого магистра, увещевавшие их признать себя виновными. Многие тамплиеры были вынуждены признать все, что от них требовалось, и признать себя виновными в совершении преступлений, которые на предыдущих допросах они категорически отрицали[342].

Эти жестокие действия вызвали удивление и изумление всей Европы.

20 ноября король Англии вызвал к себе сенешаля Агена и допросил его об истинности ужасных обвинений, выдвинутых против тамплиеров; а 4 декабря английский монарх написал письма королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии следующего содержания:

"Великолепному принцу лорду Дионисию, милостью Божьей прославленному королю Португалии, его очень дорогому другу Эдуарду, по той же милости королю Англии, и т. д. Здоровья и процветания.

"Вполне уместно и правильно, поскольку это способствует чести Бога и возвышению веры, чтобы мы с благосклонностью преследовали тех, кого нам рекомендуют за напряженные труды и непрестанные усилия в защиту католической веры и для уничтожения врагов креста Христова. Истинно, некий клерк (Бернар Пелетин), приблизившись к нашему присутствию, всеми силами стремился уничтожить орден братьев Иерусалимского храма. Он осмелился обнародовать перед нами и нашим советом некие ужасные и отвратительные преступления, противные католической вере, в ущерб вышеупомянутым братьям, пытаюсь убедить нас своими собственными утверждениями, а также некоторыми письмами, которые он заставил направить нам с этой целью, что в силу этих предпосылок и без должного изучения вопроса мы должны заключить в тюрьму всех братьев вышеупомянутого ордена, пребывающих в наших владениях. Но, учитывая, что орден, прославившийся своей религией и честью и в давно минувшие времена учрежденный, как мы узнали, католическими отцами, демонстрирует, и с момента своего первого основания демонстрировал, всеобщую преданность Богу и его святой церкви, а также, вплоть до настоящего времени, оказывал помощь и защиту католической вере в заморских краях, нам показалось, что вряд ли стоит ожидать готовности поверить в подобное обвинение, доселе неслыханное против братства. Мы с любовью просим и требуем от вашего королевского величества, чтобы вы с должным усердием рассмотрели все обстоятельства и не обращали внимания на клевету недоброжелательных людей, которые, как мы полагаем, движимы не рвением добродетели, а духом *корыстолюбия* и зависти, не позволяя причинять никакого вреда по неосторожности лицам или имуществу братьев вышеупомянутого ордена, проживающих в пределах вашего королевства, пока они не будут законно осуждены за преступления, вменяемые им в вину, или случится, что в этих краях в отношении их будет принято иное решение."[\[343\]](#)

Через несколько дней после передачи этого письма король Эдуард написал Папе, выражая свое недоверие к ужасным и отвратительным слухам, распространяемым за границей о тамплиерах. Он представляет их его святейшеству как людей, пользующихся всеобщим уважением в его владениях за чистоту их веры и нравственности. Он выражает глубокое сочувствие по поводу страданий и бедствий, выпавших на долю магистра и братьев из-за распространившегося о них скандала, и настоятельно просит святого понтифика очистить характер ордена от несправедливых и позорных клевет.[\[344\]](#) Однако 22 ноября, за две недели до этого, папа издал следующую буллу для короля Эдуарда.

"Климент, епископ, слуга рабов Божьих, своему очень дорогому сыну во Христе Эдуарду, прославленному королю Англии, здоровье и апостольское благословение.

"Пребывая, хотя и недостойно, на престоле пастырского первенства, по распоряжению Того, Кто распоряжается всем, мы ревностно стремимся к одному, превышающему все остальные; мы с горячим желанием стремимся к этому, чтобы, стряхнув сон небрежности, присматривая за стадом Господним, устраняя то, что вредит, и заботясь о том, что приносит пользу, мы могли бы, с Божественной помощью, приводить души к Богу.

"По правде говоря, давным-давно, примерно в период нашего первого возведения на вершину апостольского сана, до нас дошел легкий слух о том, что тамплиеры, хотя и сражаются якобы под прикрытием религии, до сих пор тайно живут в вероломном отступничестве и отвратительном еретическом разврате. Но, принимая во внимание, что их

орден в давно минувшие времена блистал благородством и честью, и что в течение долгого времени они пользовались огромным почтением верующих, и что тогда мы не слышали ни о каких подозрениях относительно этих мест, ни о дурных слухах против них; А также, что с самого начала своей религии они публично несли крест Христов, выставя свои тела и имущество против врагов веры, ради приобретения, удержания и защиты Святой Земли, освященной драгоценной кровью Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, мы не желали с готовностью поддаться этому обвинению...."

Затем святой понтифик сообщает, что впоследствии, однако, те же самые ужасные сведения были переданы королю Франции, который, одушевленный живым рвением в деле религии, немедленно принял меры, чтобы удостовериться в их истинности. Он описывает различные признания вины в идолопоклонстве и ереси, сделанные тамплиерами во Франции, и требует от короля, чтобы все тамплиеры в его владениях были взяты под стражу в тот же день. Он предписывает ему держать их от имени папы в распоряжении Святого престола и передать все их недвижимое и личное имущество в руки определенных доверенных лиц, чтобы оно верно хранилось до тех пор, пока святой понтифик не даст дальнейших указаний относительно него". [345] Король Эдуард получил эту буллу сразу после того, как отправил свое письмо папе, увещевая его святейшество не слушать обвинений против ордена. Теперь молодой король либо был убежден в виновности тамплиеров, опираясь на высокий авторитет понтифика, либо надеялся обратить судебное разбирательство против них на выгодный счет, поскольку с готовностью и быстротой подчинялся понтификальным повелениям. В совете был отдан приказ об аресте тамплиеров и изъятии их имущества. Было приказано составить описи их вещей и имущества, а также предусмотреть посев и обработку их земель на время заключения. [346] Этот приказ совета был приведен в исполнение следующим образом:

20 декабря королевские грамоты были направлены каждому из шерифов по всей Англии, повелевая им обеспечить надежных людей из своих бейлификов, числом десять или двенадцать в каждом графстве, таких, которым король мог бы лучше всего доверять, и держать их в определенном месте в графстве под страхом конфискации всего, что может быть конфисковано королем; И повелел шерифам под страхом такой же конфискации лично являться в то же место в воскресенье перед праздником Богоявления, чтобы сделать определенные вещи, касающиеся мира короля, которые шериф найдет содержащимися в королевском писании, которое должно было быть направлено ему. После этого король посылал присяжных священнослужителей со своими грамотами, содержащими упомянутый приказ совета, к шерифам, которые, прежде чем вскрыть их, должны были дать клятву, что не будут разглашать содержание этих грамот, пока не приступят к их исполнению. [347] Те же распоряжения, чтобы действовать аналогичным образом в Ирландии, были направлены судебному чиновнику этой страны и казначею Казначейства в Дублине; также Джону де Ришмунду, опекуну Шотландии, и Уолтеру де Педертону, судебному чиновнику Западного Уэльса; Хью де Альдителегу, судье Северного Уэльса, и Роберту де Холланду, судье Честера, которым было строго приказано привести приказ в исполнение до того, как за границей распространится информация о действиях короля против тамплиеров в Англии. Всем верным подданным короля было велено помогать и содействовать офицерам в исполнении их долга [348].

26 декабря король написал Папе, уведомляя его святейшество, что он приведет его повеления в исполнение самым лучшим и быстрым способом, какой только сможет; и 8 января 1308 года тамплиеры были внезапно арестованы во всех частях Англии, а их имущество было конфисковано в руки короля.^[349] Брат Уильям де ла Мор был в этот период магистром Храма, или прецептором Англии. Он сменил магистра Брайана ле Джея, который был убит, как уже говорилось, в битве при Фалкирке, и вместе со всеми своими братьями из Храма был взят в плен в Лондоне и заключен под стражу в замке Кентерберии. Впоследствии он был освобожден под залог по ходатайству епископа Даремского^[350].

12 августа папа направил английским епископам буллу *faciens misericordiam* следующего содержания: "Климент, епископ, слуга рабов Божьих, досточтимым братьям архиепископу Кентерберийскому и его прихожанам, здоровье и апостольское благословение. Сын Божий, Господь Иисус Христос, *милостиво* обращаясь со своим слугой, желает, чтобы мы были возведены в выдающееся зеркало апостольства, с той целью, чтобы, будучи, хотя и недостойно, его наместником на земле, мы могли, насколько позволит человеческая слабость во всех наших действиях и поступках, следовать по его стопам". Он рассказывает о слухах, которые распространялись во Франции против тамплиеров, и о своем нежелании верить им, "поскольку маловероятно и не кажется правдоподобным, чтобы такие религиозные люди, которые особенно часто проливали свою кровь за имя Христа и, как считалось, очень часто подвергали свои лица смертельной опасности ради него; и которые часто проявляли многие и великие знаки набожности, как в богослужениях, так и в постах и других обрядах, должны были настолько не заботиться о своем спасении, чтобы совершать подобные вещи; мы не желали слушать инсинуации и обвинения против них, будучи научены этому примером того же нашего Господа и писаниями канонического учения. Но впоследствии наш дражайший сын во Христе Филипп, прославленный король франков, которому стали известны те же преступления, *не из корыстных побуждений* (поскольку он не собирается присваивать себе часть владений тамплиеров, более того, он умыл от них руки!), а воспылав ревностью к православной вере, следуя по знаменитым стопам своих предков, получив все сведения, какие только мог, по этому поводу, дал нам много указаний своими посланниками и письмами". Затем святой понтифик подробно рассказывает о различных признаниях, сделанных во Франции, и об отпущении грехов тем тамплиерам, которые действительно раскаивались и калялись; он выражает свое убеждение в виновности ордена и принимает меры для суда над братством в Англии. ^{351]} Король Эдуард тем временем начал свободно распоряжаться их имуществом, и папа 4 октября написал ему следующее:

"Ваше поведение вновь начинает давать нам повод для беспокойства, поскольку нам стало известно из донесений нескольких баронов, что, презрев Святой Престол и не боясь оскорбить Божественное Величество, вы по собственной воле раздали разным лицам имущество, ранее принадлежавшее ордену Храма в ваших владениях, которое попало в ваши руки по нашему повелению и должно было оставаться в нашем распоряжении. Поэтому мы постановили, чтобы в ваше королевство и во все части света, где, как известно, тамплиеры имели собственность, были посланы определенные подходящие и надлежащие лица, чтобы они вступили во владение ею совместно с некоторыми прелатами, специально для этого назначенными, и провели инквизицию относительно отвратительных злоупотреблений, которые, как говорят, совершили члены ордена"^[352].

На это письмо верховного понтифика король Эдуард направил следующий краткий и емкий ответ:

"Что касается имущества тамплиеров, то мы ничего не делали с ним до настоящего времени и не собираемся делать с ним ничего, кроме того, что имеем право делать и что, как мы знаем, будет угодно Всевышнему"[353].

A. D. 1309.

13 сентября н. ст. 1309 года, король даровал письма о безопасном поведении "этим благоразумным людям, аббату Ланьи, в епархии Парижа, и магистру Сикарду де Вору, канонику Нарбонны", инквизиторам, назначенным папой для допроса Великого прецептора и братьев Храма в Англии;[354] и в тот же день он написал архиепископу Кентерберийскому и епископам Лондонскому и Линкольнскому, предписывая им лично присутствовать с папскими инквизиторами в их соответствующих местах, как только эти инквизиторы или кто-либо из них приступит к расследованиям против тамплиеров.[355]

14 сентября, во исполнение приказа совета, шерифам Кента и семнадцати других графств были разосланы предписания, предписывающие им доставить всех заключенных ордена Темпл в Лондон и передать их констеблю Тауэра; также шерифам Нортумберленда и восьми других графств, предписывая им доставить своих узников в замок Йорк; и шерифам Уорика и семи других графств, требуя, чтобы они таким же образом доставили своих узников в замок Линкольн.[356] Также были отправлены письма Джону де Камберленду, констеблю Тауэра, и констеблям замков Йорк и Линкольн, повелевающие им принять тамплиеров, держать их под надежной охраной и предоставить в распоряжение инквизиторов.[357] Общее число тамплиеров, содержащихся под стражей, составило двести двадцать девять человек. Однако многие из них все еще оставались на свободе, успешно избежав поимки путем уничтожения всех следов своей прежней профессии, а некоторые скрылись в диких и горных районах Уэльса, Шотландии и Ирландии. Среди заключенных, содержавшихся в Тауэре, был брат Уильям де ла Мор, рыцарь, Великий прецептор Англии, иначе магистр Храма; брат Химберт Бланке, рыцарь, Великий прецептор Оверни, один из воинов-ветеранов, до последнего сражавшихся при защите Палестины, избежавший резни под Акко и сопровождавший Великого магистра с Кипра во Францию, откуда он переправился в Англию, и был вознагражден за свои достойные и памятные заслуги в защите христианской веры темницей в Тауэре.[358] Брат *Радульф де Бартон*, священник ордена Храма, кастос или страж церкви Храма и приор Лондона; брат *Майкл де Баскевиль*, рыцарь, прецептор Лондона; брат *Джон де Сток*, рыцарь, казначей Храма в Лондоне; а также многие другие рыцари и служивые братья того же дома. Также в Тауэре находились рыцари-прецепторы прецепторий Юэлл в Кенте, Дейни и Доксворт в Кембриджшире, Гетингес в Глостершире, Камбе в Сомерсетшире, Шепли в Суррее, Сэмфорд и Бистелешэм в Оксфордшире, Гарви в Херефордшире, Крессинг в Эссексе, Паффлет, Хиппледен и других прецепторий, а также несколько священников и капелланов ордена.[359] Судя по всему, произошла всеобщая драка за обладание имуществом и вещами заключенных тамплиеров; и король, чтобы пресечь грабежи, назначил Алана де Голдингама и Джона де Медефельда для выяснения стоимости имущества, которое было унесено, и сообщить ему имена тех, кто завладел им. Шерифам разных графств также было предписано созвать присяжных, через которых можно было бы лучше узнать правду[360].

22 сентября архиепископ Кентерберийский направил апостольские письма всем своим суффраганам, приложив к ним копии буллы *faciens misericordiam*, а также обвинительных статей, которые должны быть выставлены против тамплиеров, которые им предписывается скопировать и вновь передать за своими печатями предъявителю, проявляя особую осторожность, чтобы не раскрыть их содержание.[361] В то же время архиепископ, повинаясь папскому повелению, еще до того, как в Англии был допрошен хоть один

свидетель, приказал опубликовать во всех церквях и часовнях папскую буллу, в которой папа объявляет себя совершенно убежденным в виновности ордена и торжественно объявляет о наказании отлучением от церкви всех лиц, какого бы ранга, Тамплиеров, или осмелится предоставить им убежище, или оказать им покровительство, или защиту, а также налагает интердикт на все города, замки, земли и места, которые укрывают кого-либо из членов запрещенного ордена.^[362] В начале октября инквизиторы прибыли в Англию и немедленно опубликовали буллу о назначении комиссии, предписывающую приводить преступников и свидетелей, а также объявляющую самые суровые церковные кары против непокорных и против каждого, кто осмелится препятствовать инквизиторам в исполнении их обязанностей. В соборе Святого Павла и во всех церквях церковной провинции Кентербери в конце высокой мессы были сделаны объявления, обязывающие тамплиеров явиться к инквизиторам в определенное время и место, а обвинительные статьи были переданы констеблю Тауэра на латинском, французском и английском языках, чтобы их прочли всем тамплиерам, заключенным в этой крепости. В понедельник, 20 октября, после того как тамплиеры томились в английских тюрьмах более года и восьми месяцев, трибунал, учрежденный папой для ведения инквизиции в провинции Кентербери, собрался в епископском зале Лондона. В его состав вошли епископ Лондонский, Дьедонне, аббат монастыря Ланьи в епархии Парижа, и Сикар де Воор, каноник из Нарбонны, капеллан Папы и слушатель дел в Папском дворце. Им помогали несколько иностранных нотариусов. После чтения папских булл и некоторых предварительных разбирательств чудовищные и нелепые статьи обвинения, памятник человеческой глупости, суеверия и легковерия, были торжественно выставлены следующим образом:

"*Пункт.* В указанном месте, день и час, в присутствии вышеупомянутых лордов и перед нами вышеупомянутых нотариусов, были выставлены и открыты перед нами статьи, приложенные к апостольской булле, содержание которых изложено ниже.

"Вот статьи, на основании которых будет проведено расследование в отношении братьев военного ордена Храма и т. д.

"1. Что при первом приеме в орден, или через некоторое время после этого, или как только представилась возможность, они были побуждены или наставлены теми, кто принял их в лоно братства, отрицать Христа или Иисуса, или распятие, или в одно время Бога, а в другое время блаженную Деву, а иногда и всех святых.

"2. Что братья совместно делали это.

"3. Что большая часть из них делала это.

"4. Что они делали это иногда после получения.

"5. Что принимавшие говорили и наставляли тех, кого принимали, что Христос не есть истинный Бог, или иногда Иисус, или иногда распятый человек.

"6. Что они говорили тем, кого принимали, что он был лжепророком.

"7. Они говорили, что Он не страдал для искупления человечества и не был распят только за свои собственные грехи.

"8. Что ни принимающий, ни принимаемый не имеют никакой надежды получить спасение через него, и это они говорили тем, кого принимали, или что-то равнозначное или подобное этому.

- "9. Они заставляли тех, кого принимали в орден, плевать на крест, или на знак, или фигуру креста, или на изображение Христа, хотя принимаемые иногда плевали в сторону".
- "10. Что они заставляли попирать ногами сам крест.
- "11. Что сами братья иногда попирали тот же крест.
- "12. Item quod mingeabant interdum, et alios mingere faciebant, super ipsam crucem, et hoc fecerunt aliquotiens in die veneris sanctâ!!!
- "13. Item quod nonnulli eorum ipsâ die, vel alia septimanæ sanctæ pro conculcatione et minctione prædictis consueverunt convenire!
- "14. Что они поклонялись кошке, которая была поставлена посреди общины.
- "15. Что они делали все это, презирая Христа и православную веру.
- "16. Что они не верили в таинство алтаря.
- "17. Что некоторые из них не верили.
- "18. Что большая часть не верила.
- "19. Что они не верили в другие таинства Церкви.
- "20. Что священники ордена не произносили слов, которыми освящается тело Христа в каноне мессы.
- "21. Что некоторые из них не совершали.
- "22. Что большая часть не сделала этого.
- "23. Что те, кто их принимал, предписывали то же самое.
- "24. Что они верили, и так им было сказано, что Великий Магистр ордена может отпустить им грехи".
- "25. Что посетитель может это сделать.
- "26. Что это могут сделать прецепторы, многие из которых были мирянами.
- "27. Что на самом деле они это делали.
- "28. Что некоторые из них это делали.
- "29. Что Великий магистр признался в этом сам, еще до того, как его схватили, в присутствии великих особ.
- "30. Что при принятии братьев в орден, или когда они собирались принять их, или через некоторое время после принятия, принимающие и принимаемые целовали друг друга в уста, в пупок...!!!
-
- "36. Что приемы братьев совершались тайно.
- "37. Что никто не присутствовал, кроме братьев упомянутого ордена.
- "38. Что по этой причине против них долгое время существовали серьезные подозрения".

В последующих статьях тамплиеры обвиняются в преступлениях и мерзостях, слишком ужасных и отвратительных, чтобы их называть.

"46. Что у самих братьев в каждой провинции были идола, то есть головы; некоторые из них имели три лица, некоторые - одно, а некоторые - человеческий череп.

"47. Что они поклонялись этому идолу или этим идолам, особенно на своих больших собраниях и заседаниях.

"48. Что они поклонялись ему.

"49. Как своему Богу.

"50. Как своему Спасителю.

"51. Что некоторые из них так поступали.

"52. Что большая часть так поступила.

"53. Что они говорили, что эта голова может спасти их.

"54. Что она может принести богатство.

"55. Что он отдал ордену все свои богатства.

"56. Что она заставила землю произвести семя.

"57. Что он заставил деревья процветать.

"58. Что они связывали или прикасались к голове упомянутых идов шнурми, которыми они обвязывали себя вокруг своих рубах или рядом со своими шкурами.

"59. Что при их приеме вышеупомянутые маленькие шнуры или другие такой же длины были переданы каждому из братьев.

"60. Что они делали это, поклоняясь своему идолу.

"61. Что им было предписано опоясаться упомянутыми маленькими шнурами, как уже говорилось, и постоянно носить их.

"62. Что братья ордена обычно принимались таким образом.

"63. Что они делали это из набожности.

"64. Что они делали это повсеместно.

"65. Что большая часть делала.

"66. Что те, кто отказывался от вышеупомянутых вещей при их приеме или соблюдения их впоследствии, были убиты или брошены в тюрьму."[\[363\]](#)

Остальные статьи, числом двадцать одна, направлены главным образом на способ исповеди, практикуемый среди братства, и на вопросы еретической испорченности. Подобное обвинение, справедливо замечает Вольтер, *уничтожает само себя*.

Брат Уильям де ла Мор и еще тридцать его братьев, будучи допрошены перед инквизиторами, положительно отрицали вину ордена и утверждали, что тамплиеры, сделавшие признания, о которых говорилось во Франции, *солгали*. Их приказали привести отдельно для допроса.

23 октября брат Уильям Равен, будучи допрошен о способе своего приема в орден, заявил, что его принял брат Уильям де ла Мор, магистр храма в Темпл-Комбе, в епархии Бата; что он обратился к братьям храма с просьбой, чтобы они сообразовали принять его в орден для служения Богу и Пресвятой Деве Марии, и закончить свою жизнь на их службе; что его спросили, есть ли у него твердое желание так поступить; и он ответил, что есть; Тогда два брата объяснили ему строгость и суровость ордена и сказали, что ему не позволят действовать по собственной воле, но он должен следовать воле наставника; что если он захочет сделать одно, ему прикажут сделать другое; и что если он захочет быть в одном месте, его пошлют в другое; Пообещав так поступать, он поклялся на святых Евангелиях Божьих повиноваться наставнику, не иметь собственности, хранить целомудрие, никогда не соглашаться на то, чтобы у кого-либо несправедливо отнимали его имущество, и никогда не поднимать руки на кого-либо, кроме как в целях самообороны или против сарацин. Он утверждает, что клятва была дана ему в часовне прецептории Темпл-Комб, в присутствии только братьев ордена; что правило было зачитано ему одним из братьев, и что ученый брат по имени Джон де Уолпол в течение месяца наставлял его по вопросам, содержащимся в нем. Затем узника отвели обратно в Тауэр и приказали строго отделить его от братьев и не позволять ему разговаривать ни с кем из них.

Два следующих дня (24 и 25 октября) были заняты аналогичным допросом братьев Хью де Тадекастра и Томаса ле Чемберлейна, которые рассказали о своем приеме точно так же, как и предыдущий свидетель. Брат Хью де Тадекастр добавил, что он поклялся всеми силами помогать Святой Земле и защищать ее от врагов христианской веры; и что после того, как он принес обычные клятвы и три обета целомудрия, бедности и послушания, мантия ордена и крест с койфом на голове были вручены ему в церкви, в присутствии магистра, рыцарей и братьев, причем все светские лица были исключены. Брат Томас ле Чемберлейн добавил, что в Англии такой же способ приема, как и за морем, и такой же способ принятия обетов; что все светские исключены, и что когда он сам вошел в церковь Темпл, чтобы исповедаться, дверь, через которую он вошел, была за ним закрыта; что есть еще одна дверь, выходящая на кладбище, но туда не может войти посторонний. На вопрос, почему никому, кроме братьев ордена, не разрешается присутствовать при приеме и исповедании братьев, он ответил, что не знает причины, но что так написано в их книге правил.

В период с 25 октября по 17 ноября были допрошены тридцать три рыцаря, капеллана и служащих братьев, и все они положительно отрицали все статьи, обвиняющие их орден в преступлении или неверности. Когда брата Гимберта Бланке спросили, почему они сделали прием и исповедание братьев *тайной*, он ответил: "*По их собственной непостижимой глупости*". Они признались, что носят маленькие шнуры вокруг рубашек, но не с дурной целью; они заявили, что никогда не прикасались ими к идолам, но носили их в качестве покаяния или, как сказал рыцарь сорока трех лет от роду, по наставлению святого отца святого Бернарда. Брат Ричард де Гольдингам говорит, что не знает о них ничего, кроме того, что они назывались *поясами целомудрия*. В них говорится, что принимающий и принимаемая сторона целовали друг друга в лицо, но все остальное, что касается поцелуев, было ложным, отвратительным и никогда не делалось.

Брат Радульф де Бартон, священник ордена Храма и хранитель церкви Храма в Лондоне, заявил по поводу статьи 24, что Великий магистр в главе может отпустить братьям грехи,

совершенные против правил и предписаний ордена, но не частные грехи, поскольку он не является священником; Что совершенно верно, что принимаемые в орден клянутся не разглашать тайны капитула, и что когда кого-либо наказывают в капитуле, присутствующие при этом не должны сообщать об этом отсутствующим; но если какой-либо брат раскроет способ своего приема, он будет лишен своей палаты, или же его лишат привычки. Он заявляет, что братьям не запрещалось исповедоваться священникам, не принадлежащим к ордену Храма; и что он никогда не слышал о преступлениях и беззакониях, упомянутых в статьях расследования до его ареста, за исключением обвинений, выдвинутых против ордена Бернардом Пелетином, когда он прибыл в Англию от короля Филиппа Французского. Он утверждает, что в течение десяти лет был опекуном церкви в Темпле, а последние два года носил сан прецептора в том же месте. Его спросили о смерти брата Уолтера ле Бачелора, рыцаря, бывшего прецептора Ирландии, который умер в лондонском Храме, но он заявляет, что ничего об этом не знает, кроме того, что упомянутый Уолтер был закован в цепи и помещен в тюрьму, где и умер; что он, конечно, слышал, что по отношению к нему была применена большая строгость, но не вмешивался в это дело из-за опасности; он также признал, что вышеупомянутый Уолтер не был похоронен на кладбище Храма, поскольку считался отлученным от церкви за неповиновение своему начальнику и правилам ордена.

Многие из допрошенных братьев состояли в ордене от двадцати до тридцати, сорока, сорока двух и сорока трех лет, а некоторые были старыми воинами-ветеранами, которые долгие годы сражались на Востоке и вполне заслуживали лучшей участи. Брат Гимберт Бланке, рыцарь, прецептор Оверни, состоял в ордене тридцать восемь лет. Он был принят в городе Тир в Палестине, вел постоянные войны с неверными и до последнего сражался при защите Акры. Он делает по существу те же заявления, что и другие свидетели; заявляет, что ни один религиозный орден не верит в таинство алтаря лучше, чем тамплиеры; что они искренне верят во все, чему учит церковь, и всегда так поступали, и что если Великий магистр признал обратное, то *он солгал*.

Брат Роберт ле Скотт, рыцарь, брат двадцати шести лет от роду, был принят в Замке Пилигримов, знаменитой крепости рыцарей-тамплиеров в Палестине, Великим магистром, братом Уильямом де Божо, героем, который так славно погиб во главе своих рыцарей при последней осаде и штурме Акры. Он утверждает, что по легкомыслию покинул орден после того, как его изгнали из Палестины, и отсутствовал два года, в течение которых он приехал в Рим и исповедовался папскому пенитенциарию, который наложил на него тяжелую епитимью, и повелел ему вернуться к своим братьям на Востоке, и он вернулся и возобновил свой обычай в Никосии на острове Кипр, и был вновь принят в орден по повелению Великого магистра Джеймса де Моле, который в то время возглавлял монастырь. Он также добавляет, что брат Химберт Бланке (предыдущий свидетель) присутствовал на его первом приеме в замке пилигримов. Он полностью подтверждает все вышеприведенные свидетельства.

Брат Ричард де Пейтевин, член ордена с сорокадвухлетним стажем, подтверждает, что в дополнение к предыдущим клятвам он поклялся никогда не применять оружие против христиан, кроме как в свою защиту или в защиту прав ордена; он заявляет, что о бесчинствах, упомянутых в статьях, никогда не было слышно до того, как Бернард Пелетин принес письма против тамплиеров своему господину, королю Англии.

На 22-й день расследования в протоколе была сделана следующая запись: "Меморандум.

"Меморандум. Братьям Филиппу де Мьюзу, Томасу де Бертону и Томасу де Стаундону советовали и убедительно увещевали отказаться от своей религиозной профессии, на что они каждый в отдельности ответили, что *скорее умрут*, чем сделают это"[364].

19 и 20 ноября семь светских свидетелей, не связанных с орденом, были допрошены перед инквизиторами в часовне монастыря Святой Троицы, но не смогли доказать против тамплиеров ничего преступного или запятнанного ересью.

Мастер Уильям ле Дортюрер, нотариус, заявил, что тамплиеры встают в полночь и проводят свои собрания до рассвета, и он *считает*, что тайна и секретность приемов объясняется скорее дурными, чем хорошими побуждениями, но заявил, что никогда не замечал, чтобы они приобрели или пытались приобрести что-либо нечестным путем. Мастер Жильбер де Брюэр, клерк, сказал, что никогда не подозревал их в чем-то худшем, чем *чрезмерное исправление* братьев. Уильям Ламберт, бывший "посланник Храма" (*nuntius Templi*), не знал ничего плохого о тамплиерах и считал их совершенно невиновными во всех делах, о которых шла речь. А Ричард де Бартон, священник, и Радульф де Рейндон, старик, заявили, что не знают об ордене и его членах ничего, кроме хорошего и благородного.

25 ноября в соборной церкви Святого Павла собрался провинциальный церковный совет, созванный архиепископом Кентерберийским во исполнение папской буллы. Он состоял из епископов, аббатов, приоров, глав колледжей и всех главных священнослужителей, которые были созваны, чтобы обсудить вопросы реформации английской церкви, восстановления и сохранения Святой земли, а также вынести приговор об отпущении грехов или осуждении отдельных лиц рыцарского ордена Храма в провинции Кентербери, в соответствии с положениями апостольского мандата. Собор открыл архиепископ Кентерберийский, который прибыл в собор Святого Павла верхом на лошади. Епископ Норвичский отслужил мессу Святого Духа у большого алтаря, а архиепископ произнес проповедь на латыни по 20-й главе Деяний апостолов; после чего была зачитана папская булла, в которой святой понтифик самым патетическим образом останавливается на ужасных грехах тамплиеров и их великом и грандиозном падении с их прежнего высокого положения. До сих пор, говорит он, они были прославлены во всем мире как особые поборники веры и главные защитники Святой Земли, дела которой в основном регулировались этими братьями. Церковь, преследуя их и их орден во всей полноте своей особой благосклонности и уважения, вооружила их эмблемой креста против врагов Христа, возвысила их многими почестями, обогатила их богатством и укрепила их различными свободами и привилегиями. Святой понтифик приводит печальные сведения об их грехах и беззакониях, которые достигли его слуха, наполнили его горечью и печалью, нарушили его покой, поразили его ужасом, повредили его здоровье и привели к истощению его тела! Он долго рассказывает о преступлениях, вменяемых ордену, о признаниях и показаниях, которые были сделаны во Франции, а затем впадает в пароксизм скорби и заявляет, что это меланхоличное дело глубоко тронуло всех верующих, что все христианство проливает горькие слезы, переполнено горем и одето в траур. В заключение он предписывает собрать общий церковный собор во Вьенне, чтобы объявить об упразднении ордена и определить порядок распоряжения его имуществом; на этот собор английское духовенство должно прислать своих представителей[365].

После прочтения булл и завершения предварительного разбирательства собор в течение шести дней занимался церковными делами, а на седьмой день, во вторник, 2 декабря, все епископы и члены собрались в палате архиепископа Кентерберийского в Ламбетском дворце вместе с папскими инквизиторами, которые представили им показания и ответы сорока трех тамплиеров и семи свидетелей, допрошенных ранее. Было постановлено, что копия этих показаний и ответов должна быть предоставлена каждому из епископов, и что совет должен быть прерван до следующего дня, чтобы дать время для обсуждения обстоятельств.

На следующий день (среда, 3 декабря) совет собрался и постановил, что инквизиторы и три епископа должны добиваться аудиенции у короля и умолять его разрешить им действовать против тамплиеров так, как им покажется лучшим и наиболее целесообразным для выяснения истины. В воскресенье, 7-го числа, епископы обратились к его величеству с письменным прошением, а в следующий вторник предстали перед ним вместе с инквизиторами и просили, чтобы они могли действовать против тамплиеров в соответствии с церковными конституциями и чтобы он дал соответствующие указания своим шерифам и офицерам. Король дал письменный ответ, удовлетворяющий их просьбу, который был зачитан перед советом,[366] а 16 декабря тюремщикам были разосланы приказы, повелевающие им разрешить прелатам и инквизиторам делать с телами тамплиеров то, что им покажется целесообразным в соответствии с церковным законом. В это время многие тамплиеры бродили по стране под видом светских людей, успешно уходя от преследования, и шерифам было строго приказано приложить все усилия для их поимки.[367] В среду церковный совет снова собрался и удалился, чтобы дать возможность инквизиторам осмотреть узников, заключенных в замках Линкольн и Йорк.

В Шотландии в это время против ордена были возбуждены аналогичные дела.[368] 17 ноября брат Уолтер де Клифтон, будучи допрошен в приходской церкви Святого Креста в Эдинбурге перед епископом Сент-Эндрюским и Джоном де Солерио, капелланом Папы, заявил, что братья ордена Храма в королевстве Шотландия получили свои ордена и правила и обряды от епископа Сент-Эндрюского. Эндрюса и Джоном де Солерио, капелланом папы, заявил, что братья ордена Храма в королевстве Шотландия получили свои ордена, правила и обряды от магистра Храма в Англии, и что магистр в Англии получил правила и обряды ордена от Великого магистра и главного монастыря на Востоке; что Великий магистр или его заместитель имел обыкновение посещать орден в Англии и других странах, созывать главы и издавать правила поведения братьев и управления их имуществом. Когда его спросили о способе приема, он заявил, что когда Уильям де ла Мор, магистр, проводил свой капитул в прецептории Темпл Бруэр в графстве Линкольн, он попросил у собравшихся братьев привычку и общение ордена; они сказали ему, что он мало понимает, о чем просит, желая быть принятым в их сообщество; что ему, который в то время был сам себе хозяином, будет очень тяжело стать слугой другого и не иметь собственной воли; но, несмотря на их заверения в строгости их правил и предписаний, он все же продолжал искренне стремиться к их привычке и общению. Он утверждает, что затем они привели его в покои Мастера, где проходило их собрание, и там, преклонив колени и сцепив руки, он снова молился о привычке и общении с Храмом; затем Мастер и братья потребовали от него ответить на следующие вопросы: - Нет ли у него споров с кем-либо или долгов? обручен ли он с какой-либо женщиной? и нет ли у него какого-либо тайного телесного недуга? или он не знает ничего, что могло бы помешать ему оставаться в лоне братства? И, удовлетворительно ответив на все эти вопросы, магистр затем спросил окружающих братьев: "Даете ли вы свое согласие на прием брата Уолтера?" Те единодушно ответили, что да; и тогда магистр и братья, встав, приняли его, упомянутого Уолтера, таким образом. Стоя на коленях и соединив руки, он торжественно пообещал, что будет вечным слугой магистра, ордена и братьев, чтобы защищать Святую землю. Сделав это, магистр взял из рук брата-капеллана ордена книгу святых Евангелий, на которой был изображен крест, и, возложив руки на книгу и на крест, поклялся Богу и Пресвятой Деве Марии быть впредь целомудренным, послушным и жить без имущества. Затем магистр дал ему белую мантию, возложил на голову капитул и допустил к целованию уст, после чего заставил сесть на землю и напутствовал его следующим образом: что отныне он должен спать в рубашке, кальсонах и чулках,

подпоясавшись через рубашку небольшим шнуром; что он никогда не должен оставаться в доме, где есть женщина, никогда не должен присутствовать при бракосочетании или очищении женщин; а также проинструктировал и сообщил ему о некоторых других вещах. Когда его спросили, где он провел время после своего приема, он ответил, что три года прожил в прецептории Бланкрадок в Шотландии; три года в Храме Ньюсома в Англии; один год в Храме в Лондоне и три года в Эслэйкби. Когда его спросили о других братьях в Шотландии, он заявил, что Джон де Юфлет был прецептором Бланкрадока, главного дома ордена в этой стране, и что он и другие братья, услышав об аресте тамплиеров, бросили свои привычки и бежали, и что с тех пор он ничего не слышал о них.

Брат Уильям де Миддлтон, будучи допрошен, рассказал о своем приеме то же самое, и добавил, что помнит, что брат Уильям де ла Мор, магистр в Англии, отправился, повинаясь вызову, к Великому магистру за море, как начальник всего ордена, и что в его отсутствие брат Хью де Пэро, посетитель, удалил нескольких прецепторов из их прецепторий в Англии и поставил на их место других. Далее он заявляет, что поклялся никогда не получать никаких услуг из рук женщины, даже воды для мытья рук.

После допроса двух вышеупомянутых тамплиеров сорок один свидетель, в основном аббаты, приоры, монахи, священники, а также служители и помощники ордена в Шотландии, были допрошены по различным вопросам, но ничего криминального выяснить не удалось. Монахи отметили, что приемы других орденов были публичными и отмечались как большие религиозные торжества, на которые приглашались друзья, родители и соседи тех, кто собирался дать обет; тамплиеры же окутывали свои действия тайной и секретностью, и потому их *подозревали* в худшем. Священники считали их виновными, потому что они всегда выступали *против церкви*! Другие осуждали их за то, что, по их словам, тамплиеры закрывали свои двери от бедных и смиренных и оказывали гостеприимство только богатым и сильным мира сего. Аббат монастыря Святого Креста в Эдинбурге заявил, что они присваивают себе имущество своих соседей, правильно или неправильно. Аббат Дамферлин ничего не знал против них, но много *слышал* и еще больше *подозревал*. Служилые люди и землепашцы ордена утверждали, что главы проводились иногда ночью, иногда днем, с необычайной секретностью; а некоторые из свидетелей слышали, как старики говорили, что тамплиеры *никогда бы не потеряли Святую землю, если бы были добрыми христианами*!

A. D. 1310.

9 января 1310 года н. э. допрос свидетелей возобновился в Лондоне, в приходской церкви Святого Дунстана Западного, недалеко от Храма. Настоятель церкви Святой Марии де ла Струуд заявил, что у него есть сильные *подозрения* в виновности тамплиеров; однако он часто бывал в церкви Темпл и заметил, что священники совершают там богослужение точно так же, как и в других местах. Уильям де Камбрук из церкви Святого Климента, расположенной неподалеку от Темпла, викарий церкви Святого Мартина-ин-филдс и многие другие священники и клирики различных церквей Лондона заявили, что им нечего предъявить ордену^[370].

27 января брат Джон де Сток, служащий брат ордена Храма, семнадцати лет от роду, будучи допрошен инквизиторами в часовне Пресвятой Марии Беркингерской в Лондоне, заявил, среди прочего, что светским лицам разрешалось присутствовать при погребении тамплиеров; что все братья ордена принимали церковные таинства в свой последний час, а до могилы их сопровождал капеллан Храма. Будучи допрошен относительно смерти и погребения рыцаря-тамплиера брата Уолтера ле Бачелора, он утверждает, что упомянутый рыцарь был похоронен как любой другой христианин, за исключением того, что его

похоронили не на кладбище, а во дворе дома Храма в Лондоне; что он исповедовался брату Ричарду де Графтону, священнику ордена, находившемуся тогда на острове Кипр, и причастился, как он полагает, таинства. Он утверждает, что он сам и брат Радульф де Бартон отнесли его в могилу на рассвете дня, и что покойный рыцарь находился в тюрьме, как он полагает, в течение восьми недель; что он не был похоронен по обычаю своего ордена и был погребен без кладбища братьев, поскольку считался отлученным от церкви, в соответствии, как он полагает, с правилом или уставом тамплиеров, согласно которому каждый, кто тайно похитил имущество ордена и не признал своей вины, считался отлученным от церкви. Когда его спросили, в каком отношении он считает, что его орден нуждается в реформации, он ответил: "Установив испытательный срок в один год и сделав приемы публичными".

В тот же 27-й день января были допрошены еще два тамплиера, из показаний которых следует, что в то время на острове Кипр находилось много братьев ордена, выходцев из Англии.

29 января инквизиторы предъявили двадцать четыре новых статьи против заключенных, составленных в искусной манере. Их спрашивали, известно ли им что-либо о преступлениях, упомянутых в папских буллах и *признанных* Великим магистром, главами ордена и многими рыцарями во Франции; а также известно ли им что-либо греховное или бесчестное в отношении магистра Храма в Англии, прецепторов или кого-либо из братьев. Затем они должны были сказать, не преобладают ли во всем ордене одни и те же правила, обычаи и предписания; не получают ли Великие прецепторы, и особенно Великий прецептор Англии, все предписания и правила от Великого магистра; и не соблюдают ли Великие Прецепторы и все братья ордена в Англии их в том же порядке, что и Великий Магистр, и посетители, и братья на Кипре и в Италии, и в других королевствах, провинциях и прецепториях ордена; не передают ли обычно эти обряды и правила посетители Великому Прецептору Англии; и не исповедуют ли братья, принятые в Англии или в других местах, по своей воле, в чем заключаются эти обряды. Кроме того, они должны были сообщить, звонят ли в колокол или подают другой сигнал, извещающий о времени сбора капитула; все ли братья без исключения были созваны и имели привычку присутствовать на собрании; может ли Великий магистр смягчить наказания, наложенные обычным духовенством; верят ли они, что Великий прецептор или посетитель может отпустить мирянина, отлученного от церкви за возложение рук на брата или служителя ордена; и верят ли они, что любой брат ордена может отпустить грех лжесвидетельства служителю-мирянину, когда тот приходит принять дисциплину в храмовый зал, а служащий брат бичует его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, и т. д. &c.

Между 29 января и 6 февраля тридцать четыре тамплиера, многие из которых впервые предстали перед инквизиторами, были допрошены по этим статьям в церквях Святого Ботольфа у Олдгейта, Святого Альфаджа у Крипплгейта и Святого Мартина де Ладгейта в Лондоне. Они отрицают все, что имеет криминальный характер, и заявляют, что мерзости, упомянутые в признаниях и показаниях, сделанных во Франции, не были соблюдением правил ордена; что Великий магистр, прецепторы, посетители и братья во Франции никогда не наблюдали подобных вещей, а если они говорили, что наблюдали, *то лгали*. Они заявляют, что Великий Прецептор и братья в Англии - все добрые люди, достойные веры, и не отступят от истины по причине ненависти к кому-либо, ради благосклонности, награды или по какой-либо другой причине; что в Англии не было никаких подозрений против них и никаких дурных сообщений против ордена до публикации папской буллы, и они не думают, что какой-либо *добрый человек* поверит в правдивость содержания статей. Из показаний заключенных следует, что в колокол храма звонили, чтобы оповестить о сборе главы, что дисциплину наводил в зале, в присутствии собравшихся братьев, магистр, который

наказывал провинившегося по голой спине бичом из кожаных ремешков, после чего сам освобождал преступника от вины за нарушение правил ордена; если же тот был виновен в аморальном поведении, его отсылали к священнику за отпущением грехов. Оказывается также, что брат Джеймс де Моле до своего возведения в сан Великого магистра был посетителем ордена в Англии и проводил главы или собрания братьев, на которых вводил определенные правила и предписания; что все распоряжения поступали от Великого магистра и главного монастыря на Востоке к Великому прецептору Англии, который заставлял их публиковать в различных прецепториях[371].

1 марта король отправил приказ констеблю Тауэра, шерифам Линкольна и Йорка подчиняться указаниям инквизиторов или одного епископа и одного инквизитора относительно заключения тамплиеров в отдельные камеры, и поручил Уильяму де Диену помогать инквизиторам в их приготовлениях. Вскоре после этого аналогичные распоряжения были разосланы всем тюремщикам тамплиеров в английских владениях[372].

3 марта инквизиторы предъявили пять новых допросов, по которым тридцать один тамплиер был допрошен во дворце епископа Лондонского, в часовне святого Альфага и в капитуле Святой Троицы. Они касались главным образом приема и исповедания братьев, количества принятых каждым экзаменуемым, их имен, а также того, проводятся ли в ордене тайные погребения. Из ответов следует, что многие тамплиеры умерли во время своего заключения в Тауэре. Двадцать шестым заключенным, которого допрашивали, был магистр Храма брат Уильям де ла Мор, который дал отчет о количестве людей, принятых им в орден за время своего магистерства, указав их имена. Утверждается, что многие прихожане прихода, примыкающего к Новому храму, присутствовали при погребении братьев братства, и что погребения не проводились тайно.

В Ирландии в это время проводились аналогичные разбирательства против ордена. Между 11 февраля и 23 мая тридцать тамплиеров были допрошены в церкви Святого Патрика в Дублине магистром Джоном де Марешаллом, комиссаром папы, но никаких доказательств их вины получено не было. Затем был заслушан 41 свидетель, почти все из которых были монахами. Они говорили лишь понаслышке и по подозрению, а самые серьезные обвинения, выдвинутые ими против братства, сводились к тому, что тамплиеры были замечены в невнимательности к чтению святого Евангелия в церкви и в том, что они бросали взгляд на землю во время вознесения жертвенника[373].

30 марта папские инквизиторы открыли свою комиссию в Линкольне, и с этого дня по 10 апреля в кафедральном соборе были допрошены двадцать тамплиеров, среди которых были некоторые из ветеранов Палестины, люди, омывшие своей кровью далекие равнины Дальнего Востока в защиту той веры, в отречении от которой их теперь так позорно обвиняют. Брат Уильям де Винчестер, член ордена с двадцатилетним стажем, был принят в орден в замке *де ла Рока-Гиль* в провинции Армения, граничащей с Палестиной, доблестным Великим магистром Уильямом де Божо. Он утверждает, что там существовал тот же способ приема, что и в Англии, и повсюду в ордене. Брат Роберт де Гамильтон утверждает, что кушаки носили из почетных побуждений, что они назывались назаретскими, поскольку были прижаты к колонне Девы Марии в том месте, и их носили в память о благословенной Марии; но он говорит, что братьев не принуждали носить их, а они могли использовать любой кушак, который им нравился. Что касается признаний, сделанных во Франции, то все они говорят, что если их братья в той стране признаются в подобных вещах, то они лгут![374]

В Йорке допрос начался 28 апреля и продолжался до 4 мая, в течение которого двадцать три тамплиера, заключенные в Йоркском замке, были допрошены в капитуле собора и последовали примеру своих братьев, утверждая свою невиновность. Брат Томас де Стэнфорд, член ордена с тридцатилетним стажем, был принят на Востоке Великим магистром Уильямом де Божье, а брат Радульф де Ростона, священник ордена с двадцатитрехлетним стажем, был принят в прецептории Лентини на Сицилии братом Уильямом де Канелло, Великим прецептором Сицилии. Брат Стефан де Раденхолл отказался раскрыть способ приема, поскольку это составляло часть секретов капитула, и если бы он их раскрыл, то лишился бы своей палаты, был бы лишен мантии или отправлен в тюрьму[375].

20 мая, повинувшись мандату архиепископа Йоркского, в соборе собрался церковный совет епископов и духовенства. Торжественно была отслужена месса Святого Духа, после чего архиепископ произнес проповедь, а затем заставил собравшееся духовенство зачитать папские буллы, направленные против порядка в Храме.[376] Он представил собравшимся статьи, по которым тамплиерам было предписано пройти экспертизу; но поскольку расследование еще не закончилось, совет был отложен до 23 июня следующего года, когда они должны были собраться, чтобы вынести приговор об осуждении или отпущении грехов всем членам ордена в провинции Йорк, в соответствии с церковным законом[377].

1 июня рассмотрение дела было возобновлено перед папскими инквизиторами в Линкольне. Шестнадцать тамплиеров были допрошены по вопросам, связанным с тайными процедурами в общих и особых главах ордена, наложением на них епитимьи и характером отпущения грехов, даваемого магистром. Из ответов следует, что кающихся трижды бичевали кожаными ремнями во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, после чего они получали отпущение грехов либо от магистра, либо от священника ордена, в зависимости от конкретных обстоятельств каждого случая. Похоже также, что никто, кроме прецепторов, не присутствовал на общих главах ордена, которые созывались главным образом для получения денег для отправки Великому магистру и главному монастырю в Палестине[378].

После завершения экзаменов в Линкольне аббат Леньи и каноник Нарбонны вернулись в Лондон и сразу же возобновили расследование в этом городе. 8 и 9 числа июня брат Уильям де ла Мор, магистр Храма, и тридцать восемь его рыцарей, капелланов и сержантов были допрошены инквизиторами в присутствии епископов Лондонского и Чичестерского и вышеупомянутых государственных нотариусов в приорстве Святой Троицы. В основном их допрашивали о наложенных епитимьях и отпущениях грехов, произнесенных на капитулах. От магистра храма потребовали назвать точные слова, произнесенные им, как председателем капитула, когда кающийся брат, обнажив спину и признав свою вину, входил в его присутствие и получал дисциплинарное наказание в виде кожаных ремней. Он утверждает, что у него была привычка говорить: "Брат, помолись Богу, чтобы Он простил тебя"; а присутствующим он говорил: "И вы, братья, умолите Господа простить ему его грехи и скажите *pater-noster*"; и больше он ничего не говорил, разве что предупредил обидчика, чтобы тот больше не грешил. Он заявляет, что не произносил отпущения грехов во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! И рассказывает, что в общем капитуле и часто, когда он проводил отдельные капитулы, он имел обыкновение говорить после вознесения молитв, что все те, кто не признает своих грехов или присваивает себе милостыню дома, не могут быть причастны к духовным благословениям ордена; Но то, в чем по стыдливости или из страха перед справедливостью ордена они не смели признаться, он, исходя из власти, данной ему Богом и Папой, прощал, насколько мог. Брат Уильям де Сотр, однако, утверждает, что президент капитула, закончив бичевание кающегося брата, сказал: "Я прощаю тебя, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа", а затем отправил его к священнику ордена для отпущения

грехов; Другие свидетели расходятся в своих рассказах о том, какие именно слова были произнесены, либо потому, что они, подчиняясь своей клятве, решили не раскрывать того, что произошло на самом деле, либо (что весьма вероятно) потому, что не всегда строго придерживались одной и той же формы проведения процедуры.

По окончании допроса инквизиторы составили меморандум, в котором из апостольских посланий, показаний и свидетельств очевидцев следовало, что в порядок Храма вкрались определенные обычаи, не соответствующие ортодоксальной вере[379].

ГЛАВА X.

Тамплиеры во Франции отказываются от своих вымученных признаний - их судят как рецидивистов-еретиков и сжигают на костре - ход расследования в Англии - любопытные свидетельства о способе проведения глав ордена - о покаянии, предписанном в них, и об отпущении грехов, произносимом магистром - тамплиеры составляют письменную защиту, которую представляют церковному совету - их помещают в отдельные темницы, Двое служащих братьев и капеллан ордена делают признание - Многие другие тамплиеры признают себя виновными в ереси в отношении веры в религиозный авторитет своего магистра - Они дают отказ от своих слов и примиряются с церковью перед южной дверью собора Святого Павла - Орден Храма упраздняется Папой - Последний из магистров Храма в Англии умирает в Тауэре - Распоряжение имуществом ордена - Замечания о падении тамплиеров.

Veggio 'l nuovo Pilato sì crudele,
Che cio nol sazia, ma, senza decreto
Porta nel Tempio le cupide vele.
Данте. Del Purgatorio. Canto xx. 91.

Джеймс де Моле.
A. D. 1310.

Во Франции, напротив, судебные процессы против ордена приняли самый кровопролитный характер. Многие тамплиеры, как в столице, так и в провинциях, признали свою вину во время мучений на дыбе, но, едва освободившись из рук своих мучителей и восстановив здоровье, они отреклись от своих признаний, утверждали невиновность своего ордена и ссылались на все свои доблестные деяния в древние и современные времена в опровержение клеветы своих врагов. Разгневанный Филипп заставил тамплиеров предстать перед церковным трибуналом, созванным в Париже, и архиепископ Сен-Санса вынес им смертный приговор в следующих выражениях: - "Вы дали ложные показания".

"Вы признали, - сказал он, - что братья, принятые в орден Храма, вынуждены отречься от Христа и плюнуть на крест, и что вы сами участвовали в этом преступлении: таким образом,

вы признали, что впали в грех *ереси*. Своей исповедью и покаянием вы заслужили отпущение грехов и вновь примирились с Церковью. Поскольку вы отозвали свое исповедание, Церковь больше не считает вас примирившимся, но вернувшимся к своим первым заблуждениям. Таким образом, вы - *еретики-рецидивисты(!)*, и в этом качестве мы осуждаем вас на костер"[380].

На следующее утро (вторник, 12 мая) во исполнение этого абсурдного и зверского приговора пятьдесят четыре тамплиера были переданы светской власти и выведены на казнь офицерами короля. Их вывели на открытую местность, в окрестности порта Сент-Антуан-дез-Шампс в Париже, и сожгли на медленном огне самым жестоким образом. Все историки с восхищением говорят о героизме и бесстрашии, с которыми они встретили свою судьбу[381].

Многие сотни других тамплиеров были вытащены из парижских подземелий перед архиепископом Сен-Сансом и его советом. Тех, кого не смогли одолеть ни муки пыток, ни страх смерти, но кто во время всех испытаний оставался тверд в отстаивании невинности своего ордена, приговорили к вечному заточению как *непримиримых еретиков*; те же, кто, сделав требуемые признания вины, продолжали упорствовать в них, получили отпущение грехов, были объявлены примиренными с церковью и отпущены на свободу. Несмотря на ужас, наведенный этими казнями, многие тамплиеры все же упорствовали в отказе от своих признаний, которые они клеймили как результат невыносимых пыток, и смело отстаивали невинность своего ордена.

18 августа еще четверо тамплиеров были осуждены Сенским собором как еретики-отступники и также сожжены Портой Святого Антуана; утверждается, что сто тринадцать тамплиеров были от первого до последнего сожжены на костре в Париже. Многие другие были сожжены в Лотарингии, в Нормандии, в Каркассоне, а девять, или, по мнению некоторых авторов, двадцать девять, были сожжены архиепископом Реймским в Сенлисе! Офицеры короля Филиппа, не довольствуясь бесчеловечной жестокостью по отношению к живым, вторглись в святость могилы; они вытащили из могилы мертвого тамплиера, который был казначеем храма в Париже, и сожгли его труп как еретика.[382] В разгар всех этих кровавых злодеяний продолжались экзамены в церковных трибуналах. Многие пожилые и прославленные воины, заслуживавшие лучшей участи, предстали перед своими судьями бледными и дрожащими. Сначала они отказывались от своих признаний, заявляли о своей невинности и отправлялись в тюрьму; затем, охваченные паникой, они требовали, чтобы их снова привели к папским комиссарам, и тогда они отказывались от своих отказов, настаивали на своей прежней *вине*, смиренно выражали свою скорбь и раскаяние, а затем были помилованы, отпущены и примирены с церковью! Пытки все еще продолжали применяться, и из тридцати трех тамплиеров, заключенных в замке д'Але, четверо умерли в тюрьме, а остальные двадцать признались, среди прочего, в следующих нелепостях: что в провинциальном капитуле ордена, проходившем в Монпелье, тамплиеры установили голову и поклонялись ей; что дьявол часто появлялся там в виде кошки, беседовал с собравшимися братьями и обещал им хороший урожай, обладание богатством и всеми видами мирской собственности. Некоторые утверждали, что голова, которой поклонялось братство, имела длинную бороду; другие - что это была женская голова; а один из заключенных заявил, что, когда поклонялись этой чудесной голове, множество дьяволов появлялось в виде прекрасных женщин...!!![383]

Теперь мы должны раскрыть темную страницу в истории ордена в Англии. Все тамплиеры, содержавшиеся под стражей в этой стране, были допрошены отдельно и порознь, и, несмотря на это, дали показания по существу, одинаковые по сути, и рассказали о своем приеме в орден и о клятвах, которые они давали. Любой здравомыслящий и

беспристрастный ум, следовательно, убедился бы в правдивости их заявлений; но целью инквизиторов было получить не доказательства *невиновности*, а доказательства *вины* ордена. Сначала король Эдуард Второй, к своей чести, запретил применять пытки к прославленным членам Храма в своих владениях - людям, которые сражались и проливали кровь за христианство и о благочестии и нравственности которых он незадолго до этого дал столь исчерпывающие свидетельства главным государям Европы. Но добродетельная решимость слабого короля была быстро преодолена всемогущим влиянием римского понтифика, который в июне написал ему письмо, упрекая его за то, что он помешал инквизиторам подвергнуть тамплиеров дисциплине дыбы.[384] Под влиянием наставлений Папы и просьб духовенства король Эдуард 26 августа отдал приказ Джону де Крамбевеллу, констеблю Тауэра, передать всех тамплиеров, находившихся под его стражей, по требованию инквизиторов, шерифам Лондона, чтобы инквизиторы могли более удобно и эффективно проводить свою инквизицию.[385] И в тот же день он приказал шерифам принять заключенных от констебля Тауэра и передать их под опеку гуляк, назначенных инквизиторами, для содержания в тюрьмах или других удобных местах в городе Лондоне, как сочтут нужным инквизиторы и епископы, и вообще разрешить им делать с телами тамплиеров все, что покажется нужным, в соответствии с церковным законом. Он также предписывает, чтобы отныне тамплиеры получали пропитание от рук этих новоназначенных тюремщиков[386].

Во вторник после праздника святого Матфея (21 сентября) церковный совет вновь собрался в Лондоне и велел зачитать инквизиции и показания, поданные на тамплиеров, что и было сделано, и возникли большие споры по поводу различных изменений, которые в них наблюдались. В конце концов было приказано снова заключить тамплиеров в отдельные камеры в лондонских тюрьмах; подготовить новые допросы, чтобы выяснить, можно ли таким образом добиться *истины*, и если с помощью стягивания и заключения они *больше ни в чем не признаются*, то применить пытку; но было предусмотрено, что допрос под пыткой должен проводиться без ЛИЧНОГО ИСКУПЛЕНИЯ ИЛИ ОТРЫВА ЛЮБЫХ КОНЕЦ, И БЕЗ СИЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ КРОВИ! А инквизиторы и епископы Лондонский и Чичестерский должны были сообщить о результатах архиепископу Кентерберийскому, чтобы он вновь созвал собрание для вынесения приговора - либо об отпущении грехов, либо об осуждении. Эти постановления были приняты, и в следующую субботу, *de die in diem*, собор был прерван до праздника Воздвижения Святого Креста 1311 года н. э.[387].

6 октября, через две недели после того, как совет принял вышеупомянутое решение, король послал новые инструкции констеблю Тауэра и шерифам Лондона, предписывая им выдавать тамплиеров по одному или всех вместе и принимать их обратно тем же способом, по желанию инквизиторов. [Тюремщики этих несчастных джентльменов, похоже, были более милосердны и внимательны, чем их судьи, и проявили величайшее нежелание действовать по приказу, посланному королем. 23 октября констеблю Тауэра были направлены дальнейшие и более императивные распоряжения, в которых ему недвусмысленно сообщалось, что король, из уважения к святому апостольскому собору, недавно уступил прелатам и инквизиторам, назначенным для проведения дознания против ордена Храма, а также Великому прецептору этого ордена в Англии право распоряжаться тамплиерами и их телами, подвергать их пыткам или иным методам и поступать с ними так, как они сочтут нужным, в соответствии с церковным законом; И он снова строго предписывает констеблю передать всех тамплиеров, находящихся под его опекой, вместе или по отдельности, или любым способом, который могут предписать инквизиторы или один епископ и один инквизитор, и принять их обратно, когда этого потребуют".[389] Соответствующие распоряжения были вновь направлены шерифам, повелевая им, по требованию

инквизиторов, забрать тамплиеров из рук констебля Тауэра, охранять их в удобных тюрьмах и разрешить определенным лицам, назначенным инквизиторами для наблюдения за надлежащим исполнением тюремного заключения, делать с телами тамплиеров все, что они сочтут нужным в соответствии с церковным правом. Когда инквизиторы или назначенные ими лица делали с тамплиерами все, что хотели, они должны были вернуть их констеблю Тауэра или его лейтенанту и держать под стражей, как и прежде. [390] Подобные же распоряжения были направлены констеблю замка Линкольн, мэру и бейлифам города Линкольн. Король также распорядился, чтобы Роджер де Вингефельд, клерк, опекун земель тамплиеров, и Уильям Пламмер, заместитель опекуна поместья Крессинг, предоставили королевским чиновникам суммы, необходимые для содержания и расходов на содержание братьев ордена.[391]

22 ноября король соблаговолил ознакомить мэра, олдерменов и простолюдинов своего верного города Лондона с тем, что из почтения к папе он уполномочил инквизиторов, присланных его святейшеством, допрашивать тамплиеров с помощью пыток; он передает им приказы, которые он послал констеблю Тауэра и шерифам; И он приказывает им, в случае если инквизиторы сообщат им, что тюрьмы, предоставленные шерифами, недостаточны для их целей, непременно найти подходящие и удобные дома в городе или поблизости от него для осуществления задуманных мер; и он милостиво сообщает им, что возместит им все расходы, которые могут быть понесены ими или их офицерами при выполнении его приказов.[392] Вскоре после этого король снова написал мэру, олдерменам и простолюдинам Лондона, уведомляя их о том, что шерифы вернули ему предписание о том, что четверо ворот (тюрем) города не находятся в их ведении и что поэтому они не могут получить их для требуемых целей; и он приказывает мэру, олдерменам и простолюдинам предоставить эти четверо ворот в распоряжение шерифов.[393]

12 декабря все тамплиеры, содержащиеся под стражей в Линкольне, по приказу короля были доставлены в Лондон и помещены в одиночные камеры в различных тюрьмах и частных домах, предоставленных мэром и шерифами. Вскоре после этого было отдано распоряжение, чтобы на всех тамплиеров, содержащихся под стражей в Лондоне, надели цепи и кандалы; мирмидонам инквизиторов было разрешено периодически наносить визиты, чтобы убедиться, что заключение осуществляется должным образом, и им было позволено подвергать тела тамплиеров любым пыткам, которые они сочтут нужными[394].

A. D. 1311.

30 марта 1311 года, после нескольких месяцев испытания вышеупомянутых суровых мер, экзамен был возобновлен перед инквизиторами и епископами Лондона и Чичестера в нескольких церквях Святого Мартина, Ладгейт, и Святого Ботольфа, Бишопсгейт. Тамплиеры находились в тюрьме в Англии уже три года и несколько месяцев. Всю предыдущую зиму они провели в цепях в подземельях Лондона, вынужденные получать скудную пищу от служителей инквизиции, страдать от холода, голода и пыток. Они были вынуждены терпеть все ужасы одиночного заключения, и им некого было утешить или ободрить в течение долгих часов их тоскливого плена. Они уже были коллективно осуждены папой как члены еретического и идолопоклоннического общества, и пока они продолжали упорствовать в истинности своих первых признаний и клясться в своей невиновности, с ними обращались как с упрямыми, непримиримыми еретиками, живущими в состоянии отлучения и обреченными после смерти на вечное наказание в аду. Они слышали о несчастной судьбе своих братьев во Франции и знали, что тех, кто признавался в преступлениях, в которых никогда не был виновен, немедленно примиряли с церковью, отпускали на свободу, и они знали, что свободу, помилование и мир можно немедленно купить признанием вины;

Несмотря на все это, каждый тамплиер на последнем допросе упорно отстаивал свою невиновность и отрицал всякое знание или участие в преступлениях и ересь, вменяемых ордену. Они заявляют, что все, что делалось в их отделениях в отношении отпущения грехов, приема братьев и других вопросов, было благородным и честным, и могло быть сделано хорошо и законно; что это ни в коем случае не было еретическим или порочным; и что все, что делалось, было назначено, одобрено и регулировано всеми братьями.^[395] Из их заявлений следует, что магистр Храма в Англии имел обыкновение раз в год созывать общее собрание ордена, на котором присутствовали прецепторы Ирландии и Шотландии. Они всегда собирались вместе, чтобы рассмотреть дела Святой Земли и принять решение о посылке помощи своим братьям на Востоке. По окончании допроса тамплиеров снова отправили в темницы и надели на них цепи, а инквизиторы, не получив желаемых признаний, обратились к врагам ордена за необходимыми доказательствами вины.

В течение апреля в доме главы Святой Троицы были допрошены семьдесят два свидетеля. Почти все они были монахами, кармелитами, августинцами, доминиканцами и миноритами; все их показания были получены со слов, и их характер можно увидеть на следующих примерах.

Генри Танет, ирландец, *слышал*, что брат Хью де Нипуриас, тамплиер, дезертировал из замка Тортоса в Палестине и перешел к сарацинам, отрекшись от христианской веры; и что некий прецептор замка Пилигримов имел обыкновение заставлять всех братьев, которых он принимал в орден, отрекаться от Христа; но свидетель не смог назвать ни имени прецептора, ни имен принятых таким образом людей. Он также *слышал*, что у некоего тамплиера хранится медная голова с двумя лицами, которая ответит на все заданные ей вопросы!

Мастер Джон де Нассингтон заявил, что Мило де Степелтон и Адам де Эверингтон, рыцари, рассказали ему, что однажды их пригласили на большой пир в прецепторий Темплхерста и сообщили, что тамплиеры раз в год устраивают торжественный праздник, на котором поклоняются *теленку*!

Джон де Эвр, рыцарь, шериф графства Йорк, заявил, что однажды он пригласил брата Уильяма де ла Фенна, прецептора Уэсдалла, отобедать с ним, и что после ужина прецептор достал из своей груди книгу и передал ее даме рыцаря для прочтения, которая обнаружила вложенный в книгу лист бумаги, на котором были написаны отвратительные еретические доктрины о том, что Христос не был Сыном Божиим, не родился от девы, а был зачат от семени Иосифа, мужа Марии, по примеру других людей, и что Христос был не истинным, а лжепророком, и был распят не для искупления человечества, а за свои собственные грехи, и многое другое, противоречащее христианской вере. После предъявления этих важных доказательств брат Уильям де ла Фенн был вызван и допрошен; он признал, что обедал с шерифом Йорка и дал его даме почитать книгу, но поклялся, что не знал о бумаге, вложенной в книгу, и о ее содержании. Оказывается, шериф Йорка хранил этот опасный секрет в тайне целых шесть лет!

Уильям де ла Форд, священник, настоятель церкви Крофтона в епархии Йорка, *слышал*, как Уильям де Рейнбур, священник ордена св. Августина, который тогда уже умер, что тамплиер, брат Патрик из Риппона, сын Уильяма из Глостера, признался ему, что при вступлении в орден его, одетого только в рубашку и штаны, провели через длинный проход в тайную комнату и там заставили отречься от своего Бога и Спасителя; затем ему показали изображение распятия и сказали, что раз он раньше почитал эту эмблему, то теперь должен обесчестить ее и плюнуть на нее, что он и сделал. "Item dictum fuit ei quod, depositis brachis, dorsum verteret ad crucifixum", и это он сделал, горько плача. После этого принесли

изображение, как бы теленка, поставленное на алтарь, и сказали ему, что он должен поцеловать это изображение и поклониться ему, что он и сделал, и после всего этого ему закрыли глаза и повели его по кругу, целуя и будучи поцелованным всеми братьями, но он не мог вспомнить, в какой части. Достойного священника спросили, когда он впервые *услышал* обо всем этом, и он ответил, что *после* ареста братьев по приказу короля!

Роберт Отерингемский, старший из ордена миноритов, рассказал, что однажды он принимал гостей тамплиеров в прецептории Рибстейн в Йоркшире, и когда после ужина была произнесена молитва, капеллан ордена сделал выговор братьям из Храма, сказав им: "Дьявол вас сожжет" или что-то в этом роде; Услышав среди них суету, он встал, чтобы посмотреть, в чем дело, и, насколько он помнит, увидел одного из братьев Храма: "Brachis depositis, tenentem faciem versus occidentem et posteriora versus altare!" На вопрос, кто именно это сделал, он отвечает, что точно не помнит. Далее он рассказывает, что примерно за двадцать лет до этого времени! он снова был гостем тамплиеров в прецептории Уэтерби (запрос Фериби) в Йоркшире, и когда наступил вечер, он услышал, что прецептор не придет к ужину, так как он приводил в порядок некоторые реликвии, которые он привез с собой из Святой Земли, и после этого в полночь он услышал непонятный шум в часовне, и, встав, он посмотрел через замочную скважину, и увидел там большой свет, то ли от огня, то ли от свечей, а наутро он спросил у одного из братьев Храма имя святого, в честь которого они ночью устроили столь пышный праздник, и тот, ужаснувшись и побледнев, подумав, что видел, что среди них делается, сказал ему: "Иди своей дорогой, и если ты любишь меня или дорожишь своей жизнью, никогда не говори об этом деле." Этот же "Старший из миноритов" рассказывает, что в часовне прецептории Рибстана он увидел крест с прибитым на нем изображением Спасителя, небрежно брошенный на алтарь, и заметил некоему брату из Храма, что крест находится в самом непристойном и неподобающем положении, и уже собирался поднять его и поставить прямо, когда тот же брат окликнул его: "Брось крест и уйди с миром!"

Брат Джон де Ведераль, еще один минорит, прислал инквизиторам письменный документ, в котором сообщал, что недавно *услышал* в деревне, что тамплиера по имени Робер де Байсат однажды видели бегущим по лугу и произносящим: "Увы, увy, увy, увy, что я вообще родился, ибо я отрекся от Бога и продал себя дьяволу!" Брат Н. де Шинон, еще один минорит, *слышал*, что у одного тамплиера был сын, который подглядывал через щель в стене комнаты главы и видел человека, который собирался исповедоваться, убитого за то, что он не отрекся от Христа, после чего отец предложил мальчику стать тамплиером, но тот отказался, и его тут же постигла та же участь. Двадцать свидетелей, которых допрашивали в присутствии друг друга, лишь повторяли вышеприведенные нелепости или рассказывали о похожих.^[396]

На этом этапе разбирательства папский инквизитор Сикар де Воор продемонстрировал два вырванных из дыбы признания тамплиеров, полученных во Франции. Первое - от Робера де Сен-Жюста, который был принят в орден братом Гимбертом, Великим прецептором Англии, но был арестован во Франции и там подвергнут пыткам мирмидонами Филиппа. В этой исповеди Робер де Сен-Жюст утверждает, что, приняв обеты Храма, он отрекся от Христа и плюнул *рядом* с крестом. Второе признание было вырвано у Джеффри де Гонвиля, рыцаря ордена Храма, прецептора Аквитании и Пуату, и было дано 15 ноября 1307 года перед великим инквизитором Франции. В этом признании (которое впоследствии было отменено, но о котором инквизиторы не позаботились) сэр Джеффри де Гонвиль утверждает, что он был принят в орден в Англии в доме Храма в Лондоне братом Робертом де Торвибом, рыцарем, магистром всей Англии, примерно за двадцать восемь лет до этого времени; что магистр показал ему на миссале изображение Иисуса Христа на кресте и велел отречься от

распятого; что, ужасно встревоженный, он воскликнул: "Увы! господин мой, почему я должен это делать? Я ни за что не сделаю этого". Но магистр сказал ему: "Делай это смело; я клянусь тебе, что этот поступок никогда не повредит ни твоей душе, ни твоей совести"; и затем он сообщил ему, что этот обычай был введен в орден неким дурным Великим магистром, который был заключен в тюрьму неким султаном и смог выйти из нее только при условии, что он установит в своем ордене такую форму приема и заставит всех принимаемых отречься от Христа Иисуса! Но заявитель остался непреклонен; он отказался отречься от своего Спасителя, спросил, где его дядя и другие добрые люди, которые привели его туда, и получил ответ, что все они ушли; наконец, между ним и магистром был достигнут компромисс, который заставил его дать клятву, что он расскажет всем своим братьям, что прошел через обычную форму, и никогда не откроет, что она была отменена! Он также утверждает, что церемония была введена в память о святом Петре, который трижды отрекся от Христа! [397]

Феринсий ле Марешаль, светский рыцарь, будучи допрошенным, заявил, что его дед вступил в орден Храма, деятельный, здоровый и чистый, как птицы и собаки, но на третий день после принесения обетов он умер, и, как он *теперь подозревает*, был убит за то, что отказался участвовать в беззакониях, совершаемых братьями. Один августинский монах заявил, что слышал, как тамплиер говорил, что у человека после смерти душа не больше, чем у собаки. Роджер, настоятель церкви Годмершема, поклялся, что примерно за пятнадцать лет до этого у него было намерение самому вступить в орден Храма, и он советовался по этому поводу со Стивеном Квинтерелом, одним из братьев, который посоветовал ему не делать этого и заявил, что в их ордене есть *три* статьи, известные только Богу, дьяволу и братьям Храма, и упомянутый Стивен не стал открывать заявителю, что это за статьи.

Викарий церкви Святого Климента в Сэндвиче *слышал*, что один мальчик спрятался в большом зале, где тамплиеры проводили свои капитулы, и слышал, как магистр проповедовал братьям и объяснял им, каким способом они могут обогатиться; а после окончания капитула один из братьев, выходя из зала, уронил свой пояс, который мальчик нашел и отнес брату, уронившему его, когда тот выхватил свой меч и мгновенно зарубил его! Но в довершение всего брат Иоанн де Гертиа, минорит, *услышал* от некой женщины по имени Какокака! которая узнала от Эксвалеттуса, прецептора Лондона, что один из слуг тамплиеров вошел в зал, где проходил капитул, и затаился, а после того, как дверь была закрыта и заперта последним вошедшим тамплиером, а ключ от нее он принес настоятелю, собравшиеся тамплиеры вскочили и пошли в другую комнату, и открыли шкаф, и достали оттуда некую черную фигуру с сияющими глазами и крест, и поставили крест перед магистром, а "*culum idoli vel figuræ*" положили на крест и поднесли к магистру, который поцеловал упомянутый образ (*in apo,*) и все остальные сделали то же самое вслед за ним; И когда они закончили целовать, все трижды плюнули на крест, кроме одного, который отказался, сказав: "Я был плохим человеком в мире, и поставил себя в этот порядок для спасения моей души; что я могу сделать хуже? Я не сделаю этого"; тогда братья сказали ему: "Внимай себе и делай, как видишь, что делает орден"; но он ответил, что не сделает этого, и тогда они положили его в колодец, стоявший посреди их дома, и закрыли колодец, и оставили его погибать. На вопрос о том, когда женщина услышала эту историю, свидетель ответил, что она рассказала ему ее лет четырнадцать назад в Лондоне, где она держала магазин для своего мужа, Роберта Котакоты! Этот свидетель также знал некоего Уолтера Сальваджо из рода графа Уорренна, деда тогдашнего графа, который, вступив в орден Храма, примерно через два года после этого был полностью потерян из виду своей семьей, и ни граф, ни кто-либо из его друзей никогда не могли узнать, что с ним стало.

Джон Уолби де Буст, другой минорит, *слышал, как Джон де Дингстон* рассказывал, что *слышал*, будто в тайном месте дома тамплиеров в Лондоне хранится позолоченная голова, и что когда один из магистров был на смертном одре, он созвал к себе нескольких прецепторов и сказал им, что если они желают власти, господства и почестей, то должны поклониться этой голове.

Брат Ричард де Кефельд, монах, *слышал* от Джона де Борна, который узнал от рыцаря-тамплиера Вальтера ле Бачелера, что каждый, кто вступает в орден Храма, должен продать себя дьяволу; он также *слышал* от священника Вальтера, настоятеля церкви Ходли, который узнал от некоего викария, который был священником упомянутого Вальтера ле Бачелера, что в профессии тамплиеров есть одна статья, которая не может быть открыта ни одному живому человеку.

Гаспер де Наффертон, капеллан прихода Райда, заявил, что три года назад он находился на службе у тамплиеров около шести месяцев, и в этот период Уильям де Покелингтон был принят в орден; что он хорошо помнит, как упомянутый Уильям явился в Храм в воскресенье вечером в снаряжении и привычках члена ордена в сопровождении брата Уильяма де ла Мора, магистра Храма, брата Уильяма де Графтона, прецептора Риббестана и Фонтебригса, и других братьев: что в ту же ночь, во время первой вахты, они собрались в церкви и разбудили депонента для совершения мессы; что после совершения мессы они заставили депонента с его клерком выйти в зал за монастырем, а затем послали за человеком, который должен был быть принят; а когда он вошел в церковь, один из братьев немедленно закрыл все двери, выходящие в монастырь, так что никто из обитателей покоев не мог выйти, и так они оставались до рассвета; но что делалось в церкви, депонент не знал; на следующий день, однако, он видел упомянутого Уильяма, одетого в привычку тамплиера, с очень печальным видом. Он также заявил, что угрожал подглядеть за происходящим через потайную дверь, но его предупредили, что это неизбежная смерть. Он утверждает, что на следующее утро зашел в церковь и обнаружил, что книги и кресты убраны с тех мест, где он их ранее оставил; что после этого он видел, как брат-рыцарь тамплиеров Уильям передал новопринятому брату большой рулон бумаги, содержащий правило ордена, которое указанному новопринятому брату было велено переписать наедине; После ухода упомянутого брата Уильяма депонент подошел к упомянутому новопринятому брату, который в это время усердно писал, и попросил разрешения осмотреть рулон, но ему было сказано, что никому, кроме членов ордена, не может быть позволено читать его; тогда он собрался уходить, когда появился брат Уильям и, удивленный и смущенный при виде депонента, выхватил рулон и ушел с ним, заявив с великой клятвой, что никогда больше не позволит ему выпускать его из рук.

Брат Джон де Донингтон, член ордена миноритов, семьдесят шестой свидетель, допрошенный под присягой, заявил, что несколько лет назад один старый ветеран Храма (чье имя он не помнит) сказал ему, что ордену принадлежат четыре главных идола в Англии: один в Лондоне, в ризнице Храма; другой в прецептории Бистелешема; третий в Бруере, в Линкольншире; а четвертый - в каком-то месте за Хамбером (название которого он забыл); что брат Уильям де ла Мор, магистр Храма, ввел в Англии печальное идолопоклонство тамплиеров и привез с собой в страну большой свиток, на котором крупными буквами были начертаны нечестивые обычаи и обряды этого ордена. Упомянутый старый ветеран также рассказал депоненту, что многие тамплиеры носили с собой идолов в ящиках и т. д. и т. п.

Далее свидетель утверждает, что хорошо помнит, как некий частный джентльмен, магистр Уильям де Шокервик, некоторое время назад готовился принять обеты ордена и отнес свои сокровища и все имущество, которое у него было, в лондонский Храм; и когда он собирался сдать их в казну, один из братьев Храма глубоко вздохнул, а магистр Уильям де Шокервик,

спросив, что с ним, тут же ответил: "Будет хуже для тебя, брат, если ты вступишь в наш орден; Мастер Уильям спросил, почему, и тамплиер ответил: "Ты видишь нас внешне, но не внутренне; следи за тем, что делаешь; но больше я ничего не скажу"; и далее помянутый свидетель утверждает, что в другой раз упомянутый мастер Уильям вошел в зал Храма и нашел там старого тамплиера, который играл в игру под названием "Дейли"; И старый тамплиер, заметив, что в зале нет никого, кроме него самого и упомянутого мастера Уильяма, сказал последнему: "Если ты вступишь в наш орден, тебе будет только хуже."

Затем свидетель пускается в бессвязный рассказ о различных сделках на Востоке, стремясь показать, что тамплиеры были в союзе с сарацинами и действовали вероломно по отношению к христианскому делу[398].

После оглашения всех этих слухов, смутных подозрений и чудовищных неправдоподобностей нотариусы приступили к приведению в порядок представленных ценных свидетельств, и 22 апреля все тамплиеры, содержащиеся под стражей в Тауэре и в тюрьмах города, были собраны перед инквизиторами и епископами Лондонским и Чичестерским в церкви Святой Троицы, чтобы услышать публичное чтение показаний и заверений свидетелей. Тамплиеры потребовали копии этих показаний, которые были им предоставлены, и им было дано восемь дней с того момента, чтобы представить любые защиты или привилегии, которыми они хотели бы воспользоваться. Затем, до истечения этих восьми дней, в Тауэр был послан офицер епископа Лондонского с подьячими и свидетелями, чтобы узнать, будут ли они выдвигать какие-либо аргументы в свою защиту, на что тамплиеры ответили, что они неграмотные люди, не знающие законов, и что все средства защиты им недоступны, поскольку им не разрешено нанимать тех, кто мог бы предоставить им надлежащего адвоката и совет. Однако они отметили, что желают публично провозгласить веру, религию себя и ордена, к которому принадлежат, показать привилегии, дарованные им главными понтификами, и свои собственные показания, данные перед инквизиторами, и все это, по их словам, они хотели бы использовать в своей защите.

На восьмой день, в четверг 29 апреля, они предстали перед папскими инквизиторами и епископами Лондонским и Чичестерским в церкви Всех Святых в Беркингерше и представили им следующую декларацию, которую они составили между собой как единственную защиту от несправедливости, тирании и преследований своих могущественных угнетателей; добавив, что если они в чем-то провинились, то готовы подчиниться приказам церкви.

Эта декларация написана на нормандском французском языке того времени и звучит следующим образом:

"Conue chese seit a nostre honorable pere, le ercevesque de Canterbiere, primat de toute Engleterre, e a touz prelatz de seinte Eglise, e a touz Cristiens, qe touz les freres du Temple que sumes ici assemblez et chescune singulere persone par sen sumes cristien nostre seignur Jesu Crist, e creoms en Dieu Pere omnipotent, qui fist del e terre, e en Jesu soen fiz, qui fust conceu du Seint Esperit, nez de la Virgine Marie, soeffrit peine e passioun, morut sur la croiz pour touz peccheours, descendist e enferns, e le tierz jour releva de mort en vie, e mounta en ciel, siet au destre soen Pere, e vendra au jour de juise, juger les vifs e les morz, qui fu saunz commencement, e serra saunz fyn; e creoms comme seynte eglise crets, e nous enseigne. E que nostre religion est foundee sus obedience, chastete, vivre sans propre, aider a conquere la seint terre de Jerusalem, a force e a poer, qui Dieu nous ad preste. E nyoms e firmmement en countredioms touz e chescune singulere persone, par sei toutes maneres de heresies e malvaistes, que sount encountre la foi de Seinte Eglise. E prioms pour Dieu e pour charite a vous, que estes en lieu nostre seinte pere

l'apostoile, que nous puissions aver lez drettures de seinte eglise, comme ceus que sount les filz de sainte eglise, que bien avoms garde, e tenu la foi, e la lei de seinte eglise, e nostre religion, la quele est bone, honeste e juste, solom les ordenaunces, e les privileges de la court de Rome avons grauntez, confermez, e canonizez par commun concile, les qels priviliges ensemblement ou letablissement, e la regle sount en la dite court enregistrez. E mettoms en dur e en mal eu touz Cristiens saune noz anoisourz, par la ou nous avoms este conversaunt, comment nous avoms nostre vie demene. E se nous avoms rien mesprys de aucun parole en nos examinacions par ignorance de seu, si comme nous sumes genz laics prest sumes, a ester a lesgard de seint eglise, comme cely que mourust pour nouz en la beneite de croiz. E nous creoms fermement touz les sacremenz de seinte eglise. E nous vous prioms pour Dieu e pour salvacioun de vous almes, que vous nous jugez si comme vous volez respoudre pour vous et pour nous devaunt Dieu: e que nostre examenement puet estre leu e oii devaunt nous e devaunt le people, solom le respouns e le langage que fust dit devaunt vous, e escrit en papier"[399].

"Да будет известно нашему достопочтенному отцу, архиепископу Кентерберийскому, примасу всей Англии, и всем прелатам святой церкви, и всем христианам, что все мы, братья Храма, собравшиеся здесь, и каждый из нас - христианин, и верим в Спасителя нашего Иисуса Христа, в Бога Отца всемогущего, и т. д. &c....".

"И мы верим во все, во что верит и чему учит нас святая церковь. Мы заявляем, что наша религия основана на обетах послушания, целомудрия и бедности, а также на содействии в завоевании Святой Земли Иерусалима со всей силой и мощью, которую нам дает Бог. И мы решительно отрицаем и опровергаем, все до единого, всевозможные ереси и злые дела, противоречащие вере святой церкви. И из любви к Богу и из милосердия мы умоляем вас, представляющего нашего святого отца папу, чтобы с нами обращались как с истинными детьми церкви, ибо мы хорошо охраняли и хранили веру и закон церкви, а также нашу собственную религию, которая является доброй, честной и справедливой, в соответствии с постановлениями и привилегиями римского суда, дарованными, подтвержденными и канонизированными общим собором; эти привилегии вместе с правилами нашего ордена зарегистрированы в упомянутом суде. И мы хотели бы привлечь всех христиан (кроме наших врагов и клеветников), с которыми мы общаемся и среди которых мы проживали, чтобы они рассказали, как и каким образом мы проводили свою жизнь. И если в ходе наших экзаменов мы сказали или сделали что-либо не так по незнанию какого-либо слова, поскольку мы неграмотные люди, мы готовы пострадать за святую церковь, как тот, кто умер за нас на благословенном кресте. И мы верим во все таинства церкви. И мы умоляем вас, из любви к Богу и в надежде на спасение, чтобы вы судили нас так, как вам придется отвечать за себя и за нас перед Богом; и мы молимся, чтобы наш экзамен был прочитан и услышан перед нами и всем народом *на том же языке и в тех же словах, на которых он был дан вам, и записан на бумаге*".

Вышеупомянутую декларацию представили брат Уильям де ла Мор, магистр Храма; рыцари-тамплиеры Филипп де Мьюз, прецептор Гарви; Уильям де Бартон, прецептор Камбе; Радульф де Мезон, прецептор Юэлла; Майкл де Баскевиль, прецептор Лондона; Томас де Вотроп, прецептор Бистелешема; Уильям де Варвик, священник, и Томас де Бартон, капеллан ордена; вместе с двадцатью братьями-служителями. В тот же день инквизиторы и два епископа отправились в разные тюрьмы города, чтобы спросить, не желают ли заключенные в них узники представить что-либо в защиту ордена, на что те ответили, что примут и будут придерживаться заявления, сделанного их братьями в Тауэре.

Оказывается, в тюрьме Олдгейт содержались брат Уильям де Сотр, рыцарь, прецептор Сэмфорда; брат Уильям де ла Форд, прецептор Дейни; брат Джон де Конингстон, прецептор

Гетингеса; Роджер де Норрейс, прецептор Крессинга; Радульф де Бартон, священник, приор Нового храма, и несколько служащих братьев ордена. В тюрьме Крепелгейт содержались Уильям де Эгендон, рыцарь, прецептор Шепли; Джон де Мун, рыцарь, прецептор Доксворта; и четверо служащих братьев. В тюрьме Ладгейт находились пять служивых братьев, а в Ньюгейте был заключен брат Химберт Бланке, рыцарь, великий прецептор Оверни.

Вышеупомянутое заявление о вере и невинности далеко не устроило папских инквизиторов, которые требовали признания *вины*, и пытки были снова приказаны к ним применить. Король направил мэру и шерифам Лондона новые приказы, предписывающие поместить тамплиеров в отдельные темницы, нагрузить их цепями и кандалами, разрешить мирмидонам инквизиторов наносить периодические визиты, чтобы убедиться, что желания и намерения инквизиторов в отношении строгости заключения должным образом выполняются; и, наконец, подвергать тела тамплиеров пыткам, и вообще делать все, что будет сочтено нужным и целесообразным в данных обстоятельствах, согласно церковному праву.^[400] В соответствии с этими приказами, мы узнаем из отчета о судебном разбирательстве, что тамплиеры были помещены в одиночную камеру в отвратительных подземельях; что они были посажены на короткое довольствие хлебом и водой, и периодически посещались агентами инквизиции; Их переводили из тюрьмы в тюрьму и из темницы в темницу, обращались то со строгостью, то со снисхождением, а затем их посещали ученые прелаты и доктора богословия, которые увещеваниями, уговорами и угрозами пытались всеми возможными способами вырвать у них требуемые показания. Мы узнаем, что в ход были пущены все орудия террора, которыми располагала церковь, и что пытки применялись безжалостно "*usque ad iudicium sanguinis!*". Местами, где разыгрывались эти жестокие сцены, были Тауэр, тюрьмы Олдгейт, Ладгейт, Ньюгейт, Бишопсгейт и Крепелгейт, дом, ранее принадлежавший Джону де Бангелю, и поместья, некогда принадлежавшие братьям покаяния^[401]. Оказывается, для применения пыток к несчастным пленникам были посланы несколько французских монахов, и их допрашивали и допрашивали в присутствии нотариусов, пока они мучились под ударами дыбы. Неустанная настойчивость и непрекращающиеся усилия иностранных инквизиторов были наконец вознаграждены великолепным триумфом над силой выносливости двух бедных служивых братьев и одного капеллана ордена Храма, которых наконец-то побудили дать долгожданные показания.

23 июня брат Стефан де Стапельбрюгге, описанный как отступник и беглец из ордена Храма, схваченный королевскими офицерами в городе Солсбери, был низложен в доме главного тюремщика Ньюгейта в присутствии епископов Лондонского и Чичестерского, канцлера архиепископа Кентерберийского, Хью де Уокенеби, доктора теологии, и других свидетелей-клириков, что в ордене Храма существовало два способа исповедания, один из которых был хорошим и законным, а другой противоречил христианской вере; что сам он был принят в орден братом Брайаном ле Джеем, Великим прецептором Англии в Диннесли, и его провели в часовню, дверь которой была закрыта, как только он вошел; что перед магистром был поставлен крест, а по обе стороны от него стоял брат Храма с обнаженным мечом; что магистр сказал ему: "Видишь ли ты это изображение распятия?" На что он ответил: "Вижу, господин мой"; затем Учитель сказал ему: "Ты должен отрицать, что Христос Иисус был Богом и человеком, и что Мария была его матерью; и ты должен плюнуть на этот крест"; на что подзащитный, под непосредственным страхом смерти, сделал это ртом, но не сердцем, и плюнул *рядом* с крестом, а не на него; Затем он упал на колени, с поднятыми глазами, со сцепленными руками, с горькими слезами, вздохами и благочестивыми восклицаниями, он просил милости и благосклонности святой церкви, заявляя, что его не волнует ни смерть тела, ни покаяние, но только спасение души.

В субботу, 25 июня, брат Томас Точчи де Торольдеби, служащий брат ордена Храма, описанный как вероотступник, сбежавший из Линкольна после допроса в этом месте папскими инквизиторами, но затем сдавшийся королевским чиновникам, предстал перед епископами Лондона и Чичестера, архидиаконом Солсбери и другими священнослужителями в церкви св. Мартина в Винетрии; и, будучи вновь допрошен, он повторил показания, сделанные им в первый раз, но добавил некоторые детали в отношении епитимьи и отпущения грехов, произнесенных в капитуле, показывая разницу между грехами и проступками, причем священник должен был заниматься одним, а магистр - другим. Он заявил, что маленькие шнуры носят из благородных побуждений, и рассказал историю о том, как он участвовал в битве с сарацинами, в которой потерял свой шнур, и был наказан Великим магистром за то, что вернулся домой без него. Он рассказывает о тайне капитула так же, как и все остальные братья, утверждает, что членам ордена было запрещено исповедоваться у монахов-мендикантов и предписано исповедоваться у своих собственных капелланов; Что они не делали ничего, противоречащего христианской вере, а что касается их стремления содействовать продвижению ордена любыми средствами, правильными или неправильными, то все было как раз наоборот, поскольку в ордене существовал устав, согласно которому, если кто-либо будет уличен в том, что приобрел что-либо нечестным путем, он должен быть лишен своего обычая и изгнан из ордена. Когда его спросили, что побудило его стать отступником и бежать из ордена, он ответил, что это был страх смерти, потому что аббат Ланьи (папский инквизитор), когда допрашивал его в Линкольне, спросил его, не признается ли он в чем-нибудь еще, и он ответил, что не знает, в чем еще признаться, если только не говорить неправду; и что *аббат, положив руку ему на грудь, поклялся словом Божьим, что заставит его признаться, прежде чем покончит с ним!* И что, ужасно испугавшись, он затем подкупил коменданта замка Линкольн, дав ему сорок флоринов, чтобы тот позволил ему бежать.

Аббат Ланьи, действительно, оказался верен своему слову: 29 июня, через четыре дня после этого неосторожного заявления, брата Томаса Точчи де Торольдеби снова привели в церковь Святого Мартина, и там, в присутствии тех же сторон, он сделал третье признание, в котором заявил, что, принуждаемый двумя тамплиерами с занесенными мечами в руках, он отрекся от Христа устами, но не сердцем; и плюнул *рядом* с крестом, но не на него; что от него требовали плюнуть на образ Девы Марии, но он ухитрился вместо этого поцеловать ее в ногу. Он утверждает, что слышал, как Брайан ле Джей, магистр лондонского храма, сто раз повторял, что Иисус Христос - не истинный Бог, а человек, и что самый маленький волосок из бороды одного сарацина имеет большую ценность, чем все тело любого христианина. Он рассказывает, что однажды стоял в присутствии брата Брайана, когда несколько бедняков просили у него милостыню ради любви к Богу и нашей госпоже, благословенной Деве Марии; а он ответил: "*Que dame, alez vous pendre a vostre dame*" - "Какая госпожа? иди и будь повешен для своей госпожи" - и, с силой бросив полпенни в грязь, заставил бедняков искать его, хотя это было в разгар суровой зимы. Он также рассказывает, что на главах священник стоял как зверь, и ему ничего не оставалось делать, как повторять псалом "Боже, будь милостив к нам и благослови нас", который читался при закрытии главы. (Тамплиеры, кстати, должны были быть странными идолопоклонниками, чтобы завершать свои главы, в которых их обвиняют в поклонении кошке, человеческой голове и черному идолу, чтением прекрасного псалма "Боже, будь милостив к нам, и благослови нас, и покажи нам свет лица Твоего, дабы *путь Твой был известен на земле*, Твое спасительное здоровье среди всех народов" и т. д.). Псалом (lxvii). Далее этот свидетель утверждает, что священник не имел права налагать более тяжкую епитимью, чем однодневный пост на хлебе и воде, и даже этого не мог сделать без разрешения братьев. Его также заставляют рассказать, что тамплиеры всегда благоволили сарацинам в священных войнах в Палестине и притесняли христиан! И

он заявляет, говоря о себе, что в течение трех лет до этого он никогда не видел тела Христа, не думая о дьяволе, и не мог удалить эту злую мысль из своего сердца молитвой или любым другим известным ему способом; но в то самое утро он с великой набожностью отслушал мессу и с тех пор думал только о Христе, и считает, что в ордене Храма нет никого, чья душа была бы спасена, если не произойдет реформации.[402]

До этого времени вновь собрался церковный совет, и, когда перед ним были представлены последние показания братьев Стефана де Стапельбрюгге и Томаса Точчи де Торольдеби, тут же был публично разыгран следующий торжественный фарс. В протоколе заседания он описывается следующим образом:

"К хвале и славе имени Всевышнего Отца, и Сына, и Святого Духа, к смятению еретиков и укреплению всех верных христиан, начинается публичный отчет о примирении раскаявшихся еретиков, вернувшихся к ортодоксальной вере, опубликованной на соборе, состоявшемся в Лондоне в 1311 году.

"Во имя Господа, аминь. В год воплощения Господа нашего 1311, в двадцать седьмой день месяца июня, в зале дворца епископа Лондонского, перед досточтимыми отцами лорда Роберта милостью Божьей архиепископа Кентерберийского, примаса всей Англии, и его суффраганами в провинциальном совете, собравшимися вместе, явился брат Стефан де Стапельбрюгге, из рыцарского ордена Храма; и, показав отрицание Христа и Пресвятой Девы Марии, его матери, плевков на крест, а также ереси и заблуждения, признанные и исповеданные им в его показаниях, тот же Стефан в полном составе утверждал перед жителями Лондонского Сити, собранными по этому случаю, что все эти вещи, о которых он говорил, истинны, и что этого исповедания он будет полностью придерживаться; Смирненно исповедуя свою ошибку на согнутых коленях, со сцепленными руками, с большим плачем и многими слезами, он снова и снова умолял о милости и жалости святой матери-церкви, предлагая отречься от всех ересей и заблуждений и моля их наложить на него соответствующую епитимию, а затем ему в руки дали книгу святых евангелий, и он отрекся от вышеупомянутых ересей в такой форме:

"Я, брат Стефан де Стапельбрюгге, из рыцарского ордена Храма, торжественно исповедую" и т. д. и т. п. (он повторяет свое признание, произносит отречение и продолжает), "и если в будущем мне случится впасть в те же заблуждения или отклониться от какого-либо из пунктов веры, я буду считать себя *ipso facto* отлученным от церкви; я буду осужден как явный лжесвятой еретик, и наказание, положенное лжесвятым еретикам, будет немедленно наложено на меня без дальнейшего суда и приговора!!!"

Затем его привели к присяге на святом Евангелии, чтобы он подтвердил приговор церкви в этом деле, после чего брата Томаса Точчи де Торольдеби вывели вперед для прохождения той же чудовищной церемонии, которая завершилась, и этих двух бедных служащих братьев ордена Храма, которые были настолько невежественны, что не умели писать, заставили поставить свою отметку (*loco subscriptionis*) на записи об отречении.

"И тогда наш господин архиепископ Кентерберийский, с целью отпущения грехов и примирения с единством церкви вышеупомянутых Томаса и Стефана, передал свои полномочия и полномочия всего собора епископу Лондонскому, в присутствии меня, нотариуса, специально созванного для этого случая, в следующих словах: "Мы предоставляем тебе власть Бога, блаженной Марии, блаженного Фомы Мученика, нашего покровителя, и всех святых Божьих (*sanctorum atque sanctarum Dei*), которую мы уступили, а также власть настоящего собора, которую мы передали, с той целью, чтобы вы могли примирить с единством Церкви этих несчастных, отлученных от нее отречением от веры, а

теперь вновь возвращенных в ее лоно, оставляя за собой и за собором право налагать надлежащее покаяние за их проступки!' И поскольку кающихся было двое, епископ Чичестерский был соединен с епископом Лондонским для произнесения отпущения грехов, и оба епископа, надев свои митры и понтифики, и при содействии двенадцати священников в священнических облачениях, расположились в креслах у западного входа в соборную церковь Святого Павла, а кающиеся, согнув колени, смиренно предавались молитве на ступенях перед дверью церкви, члены совета и жители города стояли вокруг; и псалом *"Помилуй меня, Боже, по великой благодати Твоей"* был пропет от начала до конца, и приложенные молитвы и проповедь были пройдены, они отпустили упомянутых кающихся и приняли их обратно в единство церкви в следующей форме:

"Во имя Господа, аминь. Поскольку из твоего исповедания мы узнали, что ты, брат Стефан де Стапельбрюгге, отрекся от Христа Иисуса и Пресвятой Девы Марии и плюнул *рядом с* крестом, а теперь, послушав лучшего совета, желаешь вернуться в единство святой церкви с истинным сердцем и искренней верой, как ты утверждаешь, и все еретические пороки были для этого ранее отринуты вами по форме церкви, мы, властью собора, освобождаем вас от уз отлучения, которыми вы были связаны, и примиряем вас с единством церкви, если вы вернетесь к ней в искренности сердца и будете подчиняться ее предписаниям, наложенным на вас."

Брат Томас Точчи де Торольдеби был отпущен на свободу и примирен с церковью таким же образом, после чего были пропеты различные псалмы (Gloria Patri, Kyrie Eleyson, Christe Eleyson, &c. &c.) и вознесены молитвы, а затем церемония была завершена^[403].

1 июля инквизиторы вырвали признание вины у брата Джона де Стока, капеллана ордена, который, представ перед епископами Лондонским и Чичестерским в церкви Св. Мартина, подтвердил, что был принят в том порядке, о котором он говорил на первом экзамене; но через год и пятнадцать дней после этого приема, находясь в прецептории Гарви в епархии Херефорда, он был вызван в покои брата Джеймса де Моле, Великого магистра ордена, который в присутствии двух других тамплиеров иностранного происхождения сообщил ему, что желает доказать его послушание, и приказал ему занять место у изножья кровати, что и было сделано. Затем Великий магистр послал в церковь за распятием, и два брата-служителя с обнаженными мечами в руках расположились по обе стороны от дверного проема. Как только распятие появилось, Великий магистр, указав на прибитую на нем фигуру Спасителя, спросил у поклоняющегося, чей это образ, и тот ответил: "Образ Иисуса Христа, пострадавшего на кресте ради искупления человечества"; но Великий магистр воскликнул: "Ты говоришь неправильно и сильно заблуждаешься, ибо он был сыном некой женщины и был распят за то, что называл себя Сыном Божиим, и я сам был в том месте, где он родился и был распят, и теперь ты должен отрицать того, кого изображает этот образ." Депонент воскликнул: "Далеко мне до того, чтобы отречься от моего Спасителя!" Но Великий Магистр сказал ему, что он должен это сделать, иначе его посадят в мешок и отвезут в место, которое он не найдет приятным, а в комнате были мечи, и братья, готовые их применить, и т. д. и т. д.; и подсудимый спросил, был ли таков обычай в ордене и все ли братья поступали так же; и получив утвердительный ответ, он, под страхом скорой смерти, отрекся от Христа *языком*, но не *сердцем*. Когда его спросили, в кого он должен уверовать после отречения от Христа Иисуса, он ответил: "В того великого Всемоущего Бога, Который сотворил небо и землю"^[404].

Таковы, в сущности, все криминальные свидетельства, которые можно было вырвать пытками, долгим заключением и всевозможными лишениями у тамплиеров в Англии. Оно сводится к утверждению, что они заставляли всех, кого принимали в свой орден, отречься

от христианской религии, что совершенно невероятно. Можно ли предположить, что многие добрые христиане высокого происхождения, чести и возвышенного благочестия, вступившие в орден Храма, приняв крест за свой штандарт и путеводитель, вдруг бросили бы свою веру и свою религию на произвол судьбы? Разве не стали бы они обличать нечестие и беззаконие перед сотрудниками инквизиции и Папой Римским, начальником ордена?

"Ainsi que la vertu, le crime a ses degrés

И никогда не было случая, чтобы невинная невинность не смириться с крайней степенью свободы.

В один-единственный день не может быть смертного случая.

Un perfide apostat, un traître audacieux."

Phedre, Acte iv. Сцена 2.

В субботу, 3 июля, архиепископ Кентерберийский, епископы, духовенство и жители Лондона вновь собрались у западных дверей собора Святого Павла, и брат Джон де Сток, капеллан ордена Temple, публично отрекся от исповеданной им ереси, после чего был отпущен и примирен с церковью так же, как и братья Томас де Стапельбрюгге и Точки де Торольдеби, после чего была предпринята последняя попытка склонить оставшихся тамплиеров к желаниям папских инквизиторов.

В понедельник, 5 июля, по просьбе церковного совета епископ Чичестерский имел беседу с сэром Уильямом де ла Мором, магистром Храма, взяв с собой нескольких ученых юристов, теологов и подьячих. Он увещевал и убедительно убеждал его отказаться от ересей, в которых он был осужден, по его собственным признаниям и признаниям его братьев, относительно отпущений, произнесенных им на соборах, и подчиниться распоряжению церкви; но магистр заявил, что он никогда не был виновен в упомянутых ересьях и что он не откажется от преступлений, которых никогда не совершал; поэтому он был отправлен обратно в свою темницу.

На следующий день (вторник, 6 июля) епископы Лондонский, Винчестерский и Чичестерский беседовали в Саутварке с рыцарем тамплиеров Филиппом де Мьюзом, прецептором Гарви, и некоторыми служащими братьями Нового храма в Лондоне и сказали им, что они явно виновны в ереси, как следует из булл папы и показаний, взятых против ордена в Англии и Франции, а также из их собственных признаний относительно отпущений, произнесенных на их кафедрах, объяснив им, что они жестоко заблуждались, полагая, что магистр Храма, который был простым мирянином, имел власть отпускать им грехи, произнося отпущение по описанному ранее способу, и предупредили их, что если они будут упорствовать в этом заблуждении, то будут осуждены как еретики, и что, поскольку они не могут очистить себя от этого, им следует отречься от всех ересей, в которых их обвиняют. Тамплиеры ответили, что готовы отречься от заблуждения, в которое они впали относительно отпущения грехов, и от *всех ересей любого рода* перед архиепископом Кентерберийским и прелатами собора, когда бы от них этого ни потребовали, и они смиренно и благоговейно подчинились предписаниям церкви, моля о прощении и милости.

Затем с большинством тамплиеров, находившихся под стражей в Лондоне, был заключен своего рода компромисс. От них потребовали публично повторить форму исповеди и отречения, составленную епископами Лондона и Чичестера, а затем торжественно отпустили грехи и примирились с церковью в следующих выражениях: - "Во имя Бога, Аминь".

"Во имя Господа, аминь. Поскольку вы признались в надлежащей форме перед церковным советом провинции Кентербери, что серьезно заблуждались относительно таинства

покаяния, полагая, что отпущение, произнесенное Магистром на главе, имело такую же силу, как подразумевается в произнесенных им словах, то есть: "Грехи, в которых вы не признались по стыдливости или из-за страха перед правосудием ордена, мы, в силу власти, делегированной нам Богом и нашим господином Папой, прощаем вам, насколько это в наших силах;" и поскольку вы признали, что не можете полностью очиститься от ересей, изложенных в апостольской булле, и, приняв мудрый совет с добрым сердцем и нелицемерной верой, отдали себя на суд и милость Церкви, предварительно отрекшись от вышеупомянутых ересей и всех ересей любого рода, мы, властью собора, освобождаем вас от цепи отлучения, которой вы были связаны, и вновь примиряем вас с единством Церкви, и т. д. &c."

9 июля брат Майкл де Баскевиль, рыцарь, прецептор Лондона, и семнадцать других тамплиеров были отпущены и примирены на полном совете в Епископальном зале Лондонского собора, в присутствии огромного количества горожан.

10 числа того же месяца прецепторы Доксворта, Гетинга и Сэмфорда, хранитель церкви Темпл в Лондоне, брат Радульф де Ившем, капеллан, и другие священники, рыцари и служивые братья ордена были отпущены епископами Лондона, Эксетера, Винчестера и Чичестера в присутствии архиепископа Кентерберийского и всего церковного совета.

На следующий день многие другие члены братства публично примирились с церковью на ступенях перед южной дверью собора Святого Павла, а затем присутствовали на праздновании высокой мессы в интерьере священного здания, когда они, обливаясь слезами, шли к главному алтарю и, упав на колени, благочестиво целовали священные эмблемы христианства.

На следующий день (12 июля) девятнадцать других тамплиеров были публично отпущены и примирены с церковью в том же месте, в присутствии графов Лестера, Пемброка и Уорика, а затем таким же образом помогали во время празднования высокой мессы. Священники ордена произносили свои признания и отречения на латыни; рыцари произносили их на нормандском французском, а служащие братья по большей части повторяли их на английском.^[405] Огромное скопление людей могло понять очень мало из того, что было произнесено, но вид кающихся братьев и публичное зрелище их отречения отвечали взглядам папских инквизиторов и, несомненно, внушали простолюдинам убеждение в виновности ордена. Многие из тамплиеров были слишком *больны* (несомненно, страдая от последствий пыток), чтобы спуститься в собор Святого Павла, и поэтому были отпущены и примирены с церковью епископами Лондона, Винчестера и Чичестера в часовне Святой Марии возле Тауэра.

Среди узников, отпущенных в этой часовне, было много старых воинов-ветеранов, находящихся на последней стадии дряхлости и разложения. "Они были так стары и немощны, - говорит государственный нотариус, регистрировавший процесс, - что не могли стоять"; поэтому их исповеди были сделаны перед двумя магистрами богословия; затем их привели к западной двери часовни и публично примирили с церковью епископ Чичестерский; после этого их внесли в священное здание и поставили на колени перед главным алтарем, который они благочестиво целовали, в то время как слезы текли по их изборожденным щекам. Все эти раскаявшиеся тамплиеры были выпущены из тюрьмы и направлены на покаяние в различные монастыри. Точно такая же процедура была проведена в Йорке: примирение и отпущение грехов было осуществлено перед южной дверью собора^[406].

Так закончились судебные разбирательства против ордена Храма в Англии.

В то же время аналогичные меры были предприняты против тамплиеров во всех частях христианства, но более веских доказательств их вины, чем упомянутые выше, так и не было обнаружено. Соборы Таррагоны и Арагона, применив пытки, объявили орден свободным от ереси. В Португалии и в Германии тамплиеры были объявлены невиновными, и ни в одном месте, находящемся вне сферы влияния короля Франции и его креатуры папы, ни один тамплиер не был приговорен к смерти[407].

A. D. 1312.

16 октября во Вьенне близ Лиона во Франции собрался генеральный собор церкви, созванный папой для объявления об упразднении ордена. Его открыл лично святой понтифик, который заставил зачитать перед собравшимися дворянами и прелатами различные признания и клятвы тамплиеров, а затем предложил пресечь деятельность ордена, в котором были обнаружены столь вопиющие беззакония и греховные мерзости; Но весь совет, за исключением итальянского прелата, племянника папы, и трех французских епископов Реймского, Сенского и Руанского, все креатуры Филиппа, которые по отдельности приговорили большое количество тамплиеров к сожжению на костре в своих епархиях, был единодушен во мнении, что прежде чем пресечь столь прославленный и знаменитый орден, оказавший столь великие и значительные услуги христианской вере, члены его должны быть заслушаны в свою защиту.[408] Такое решение, однако, не устроило папу и короля Филиппа, и собрание было резко распущено святым понтификом, который заявил, что, поскольку они не желают принимать необходимые меры, он сам, по всей полноте папской власти, восполнит все недостатки. Поэтому в начале следующего года папа созвал частную консисторию; и, переманив на свою сторону нескольких кардиналов и французских епископов, святой понтифик упразднил орден апостольским постановлением, навечно запретив всем впредь вступать в него, принимать или носить его обычай, а также выдавать себя за тамплиеров под страхом отлучения[409].

3 апреля папа открыл вторую сессию собора во Вьенне. Присутствовали король Филипп и три его сына в сопровождении большого количества войск, и перед собранием был опубликован папский декрет об упразднении ордена.[410] Члены совета, похоже, были созваны только для того, чтобы услышать зачитывание декрета. История не сообщает ни о каком обсуждении его, ни о проведении голосования.

Через несколько месяцев после завершения этих слушаний брат Уильям де ла Мор, магистр Храма в Англии, умер от разрыва сердца в своей одиночной темнице в Тауэре, до последнего вздоха продолжая отстаивать невиновность своего ордена. Король Эдуард, сжалившись над его несчастьем, приказал констеблю Тауэра передать его имущество и вещи, оцененные в 4l. 19s. 11d., его душеприказчикам, чтобы они использовали их для погашения его долгов, и повелел Джеффри де ла Ли, опекуну земель тамплиеров, выплатить задолженность по тюремному жалованью (2s. per diem) душеприказчику Роджеру Хансингону[411].

В числе Коттоновских рукописей есть список магистров Храма, иначе Великих Приоров или Великих Прецепторов Англии, составленный под руководством настоятеля госпиталя Святого Иоанна в Клеркенвелле, чтобы братья этого братства могли поминать древних магистров Храма в своих молитвах.[412] Несколько имен были опущены, и их можно найти в следующем списке:...

Magister Р. де Пойнтон[413].
Роцелинус де Фосса.[414]
Ричард де Гастингс,[415] 1160 г. н. э.
Ричард Маллебенч[416].
Джеффри, сын Стефана,[417] А. Д. 1180.
Томас Берард, 1200 г. н. э.
Амарик де Сен-Мор,[418] 1203 г. н. э.
Алан Марсель,[419] 1224 г. н. э.
Амберальдус, 1229 г. н. э.
Роберт Маунтфорд,[420] 1234 г. н. э.
Роберт Санфорд,[421] 1241 г. н. э.
Амадей де Морестелло, 1254 г. н. э.
Гимберт Перау,[422] 1270 г. н. э.
Роберт Турвиле,[423] 1290 г. н. э.
Гвидо де Фореста,[424] 1292 г. н. э.
Джеймс де Моле, 1293 г. н. э.
Брайан ле Джей,[425] 1295 г. н. э.
Уильям де ла Мор Мученик.

Единственный тамплиер в Англии, чья судьба заслуживает особого внимания, - брат Гимберт Бланке, Великий прецептор Оверни. Судя по всему, он был рыцарем высокой чести и суровой непоколебимой гордости. От первого до последнего он смело протестовал против жестоких действий инквизиторов и бесстрашно отстаивал, несмотря на все испытания, свою собственную невиновность и невиновность своего ордена. Этот прославленный тамплиер сражался под началом четырех Великих магистров в защиту христианской веры в Палестине, а после падения Акры лично возглавил несколько дерзких экспедиций против неверных. За эти заслуги он был вознагражден следующим образом: после пяти лет пыток и полуголодного существования в английских тюрьмах он был приговорен, поскольку не признавал своей вины, к заточению в отвратительной темнице, к двойным цепям и периодическим посещениям агентами инквизиции, чтобы убедиться, что он *больше ни в чем не признается!*[426] В таком жалком положении он оставался до тех пор, пока смерть не положила конец его страданиям.

А. Д. 1313.

Джеймс де Моле, Великий магистр Храма, Ги, Великий прецептор, знатный дворянин, брат принца Дофине, Хью де Перальт, генеральный визитатор ордена, и Великий прецептор Аквитании, томились в тюрьмах Франции уже пять с половиной лет. Великого магистра заставили сделать признание, от которого он впоследствии отрекся и заклеил как подделку, поклявшись, что если бы подписавшие его кардиналы были другого происхождения, он объявил бы их лжецами и вызвал бы на смертный бой.[427] Другие рыцари также сделали признания, которые впоследствии отменили. Тайны мрачных тюрем этих прославленных тамплиеров так и не были раскрыты, но 18 марта 1313 года перед соборной церковью Нотр-Дам в Париже был воздвигнут публичный эшафот, и горожане

были созваны, чтобы услышать, как Орден Храма устами своих главных офицеров будет осужден за грехи и беззакония, в которых его обвиняют. Четыре рыцаря, обвешанные цепями и окруженные стражниками, были выведены на эшафот, и епископ Альба зачитал их исповедь вслух в присутствии собравшегося народа. Затем папский легат, повернувшись к Великому магистру и его спутникам, призвал их повторить перед народом те признания, которые они ранее дали в виновности своего ордена. Хью де Перальт, генеральный визитатор и прецептор Аквитанского храма, выразили свое согласие со всем, что от них требовалось, но Великий магистр, подняв к небу скованные цепями руки и подойдя к краю эшафота, громким голосом заявил, что говорить неправду - преступление как перед Богом, так и перед людьми. "Я признаю свою вину, которая заключается в том, что я, к своему стыду и бесчестию, под пытками и страхом смерти позволил себе произнести неправду, вменяя скандальные грехи и беззакония прославленному ордену, который благородно служил делу христианства. Я не желаю влачить жалкое и позорное существование, накладывая очередную ложь на изначальную". Тут его прервали начальник тюрьмы и его офицеры, а Гай, Великий прецептор, начал с решительных заверений в своей невинности, и их обоих поспешили вернуть в тюрьму.

Королю Филиппу не успели сообщить о результатах этого странного разбирательства, как он, по первому порыву своего негодования, не посоветовавшись ни с папой, ни с епископом, ни с церковным советом, приказал немедленно казнить обоих этих галантных дворян. В тот же день в сумерках их вывели из темниц, и медленно и томительно сожгли на небольших кострах, разожженных на маленьком островке в Сене, между королевским садом и монастырем Святого Августина, недалеко от места, где сейчас стоит конная статуя Анри IV.[\[428\]](#)

Так погиб последний Великий магистр Храма.

Судьба гонителей ордена достойна упоминания.

Через год и один месяц после этой ужасной казни на папу напала дизентерия, и его поспешно свели в могилу. Мертвое тело перевезли в Карпентрас, где в то время находился римский двор; ночью его поместили в церковь, которая загорелась, и бранные останки святого понтифика почти полностью сгорели. Его родственники рассорились из-за огромных сокровищ, которые он оставил после себя, и огромная сумма денег, которая была вложена для безопасности в церковь в Лукке, была украдена дерзкой бандой немецких и итальянских разбойников.

В конце того же года король Филипп скончался от затяжной болезни, которая пошатнула все искусство его врачей, а осужденный преступник, на основании информации которого тамплиеры были первоначально арестованы, был повешен за новые преступления. "История свидетельствует, - говорит месье Рейнуар, - что все, кто был первым в преследовании тамплиеров, умерли безвременно и несчастно". Последние дни Филиппа были омрачены несчастьем; его вельможи и духовенство объединились против него, чтобы противостоять его притязаниям; жены трех его сыновей были обвинены в прелюбодеянии, и двое из них были публично осуждены за это преступление. Злоключения Эдуарда Второго, короля Англии, и его ужасная смерть в замке Беркли слишком хорошо известны, чтобы упоминать о них далее.

Чтобы сохранить видимость, папа издал буллу о передаче имущества, ранее принадлежавшего тамплиерам, ордену госпитальеров Святого Иоанна,[\[429\]](#) который как раз в то время приобрел дополнительную известность и популярность в Европе благодаря отвоеванию у неверных острова Родос. Однако эта булла в течение длительного времени

оставалась почти мертвой буквой, и госпитальеры так и не получили и двадцатой части древних владений тамплиеров.

Короли Кастилии, Арагона и Португалии создали в своих владениях новые военные ордена, которым были переданы владения покойного ордена Храма, и, присоединив их великие магистратуры к своим персонам под титулом вечных администраторов, они сумели привлечь к себе огромные доходы.[Короли Богемии, Неаполя и Сицилии сохранили за собой многие дома и крепости тамплиеров в своих владениях, а различные религиозные ордена монахов смогли обосноваться в монастырях братства. Кроме того, наследники дарителей имущества претендовали на него по праву выморочного владения, и в большинстве случаев, когда госпитальеры получали земли и поместья, пожалованные им папой, им приходилось платить большие штрафы противным претендентам, чтобы получить их в мирное владение[431].

"Главной причиной разорения тамплиеров, - справедливо замечает Фуллер, - было их необычайное богатство. Как виноградник Навота был главной причиной его богохульства, и как в Англии сэр Джон Корнуолл, лорд Фэнхоуп, весело сказал, что не он, а его величественный дом в Амхилле в Бедфордшире виновен в государственной измене, так, несомненно, их богатство было главной причиной их низвержения. Мы можем поверить, что король Филипп никогда бы не лишил их жизни, если бы мог забрать их земли, не предавая их смерти, но беда в том, что он не мог получить мед, если не сжег пчел"[432].

Король Филипп, папа и европейские государи, судя по всему, избавились от всего личного имущества тамплиеров, украшений, драгоценностей и сокровищ их церквей и капелл, и в течение пяти лет, на которые растянулось разбирательство против ордена, они оставались в фактическом получении огромных рент и доходов братства. После обнародования буллы о передаче имущества тамплиеров госпитальерам король Филипп предъявил претензии на землю в размере двухсот тысяч фунтов стерлингов для покрытия расходов на судебное преследование, а Луи Гутин, его сын, потребовал от госпитальеров еще шестьдесят тысяч фунтов стерлингов, прежде чем согласиться передать поместья в их руки.[433] "Я не обращаю внимания, - говорит Вольтер, - на то, что происходит с папой, но я вижу, что расходы кардиналов и инквизиторов, выделенные для осуществления этого потрясающего процесса, составляют огромные суммы." [434] Святой понтифик, согласно его собственному рассказу, получал лишь *небольшую часть* личного имущества ордена,[435] но другие считают его большим участником благ братства[436].

После заключения тамплиеров в тюрьму в Англии лондонский храм и все зависящие от него прецептории с поместьями, фермами, домами, землями и доходами братства были переданы под наблюдение Казначейского суда, После чего они были переданы на попечение неких доверенных лиц, названных "Хранителями земель тамплиеров", которые должны были отчитываться за ренту и прибыль перед королевским казначейством. Епископ Личфилда и Ковентри распорядился всеми землями и владениями в графстве Хантс. Джон де Уилбургхэм владел землями в графствах Норфолк и Саффолк, а еще тридцати двум опекунам было поручено заботиться о собственности в остальных графствах Англии.[438] Этим опекунам было предписано выплачивать различные пенсии старым слугам и прислужникам тамплиеров, проживающим в различных прецепториях,[439] а также покрывать расходы на судебное преследование ордена, и в разное время они были обязаны обеспечивать потребности государственной службы и снабжать витаминами королевские замки и крепости. 12 января 1312 года Уильям де Сленгесби, опекун поместья Риббестайн в графстве Йорк, получил приказ передать констеблю замка Кнаресбург сто четвертей кукурузы, десять четвертей овса, двадцать тучных волов, восемьдесят овец и две крепкие телеги для снабжения крепости, и король сказал ему, что это будет должным образом вычтено, когда он

представит в казначейство отчет о ренте и доходах упомянутого поместья.[440] Король, действительно, начал распоряжаться имуществом так, словно оно полностью принадлежало короне, и делал щедрые пожертвования своим фаворитам и друзьям. В феврале того же года он подарил поместья Эттон и Кейв Дэвиду графу Атолу, приказав опекунам земель и владений тамплиеров в графстве Йорк передать графу все зерно в этих поместьях, волов, телят, плуги и все имущество и вещи тамплиеров, находящиеся в них, вместе с украшениями и утварью часовни Храма[441].

Однако 16 мая папа направил буллы королю, а также всем графам и баронам королевства, в которых излагались решения Вьеннского собора и публикация папского декрета о передаче имущества, ранее принадлежавшего тамплиерам, братьям госпиталя Святого Иоанна, и повелел им немедленно передать его во владение членам этого ордена. Буллы также были адресованы архиепископам Кентерберийскому и Йоркскому и их суффраганам, повелевая им добиваться исполнения папских повелений церковными цензурами.[442] Король Эдуард и его вельможи очень правильно воспротивились этому указу, и 21 августа король написал настоятелю госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле, сообщая ему, что притязания папы на распоряжение имуществом в пределах Английского королевства без согласия парламента унижают достоинство короны и королевской власти; и повелевает ему под суровыми страданиями и наказаниями воздержаться от попыток получить какую-либо часть владений тамплиеров.[443] Король, действительно, продолжал распределять земли и ренты между своими друзьями и фаворитами. В начале 1313 года он пожаловал лондонский храм с церковью и всеми постройками в нем Аймеру де Валенсу, графу Пембруку;[444] а 5 мая того же года он приказал нескольким купцам, у которых он занял деньги, передать во владение многие поместья тамплиеров[445].

Уступив, однако, наконец, увещаниям и угрозам папы, король 21 ноября 1313 года пожаловал имущество госпитальерам[446] и разослал всем хранителям земель тамплиеров и различным влиятельным баронам, владевшим поместьями, приказ передать их определенным лицам, назначенным Великим магистром и капитулом Госпиталя Святого Иоанна для их получения.[447] Однако в этот период многие наследники дарителей, чей титул был признан законом, владели этими землями, и судьи решили, что король не имел права единолично передавать их ордену Госпиталя.[448] Вследствие этого были энергично использованы громы Ватикана, и все захватчики собственности были обречены римским понтификом на вечное проклятие.[449] Папа Иоанн в одной из своих булл, датированной 1322 г., горько жалуется на то, что все подданные короля игнорируют папские повеления. Он сетует на то, что они ожесточили свои сердца и презрели приговор об отлучении, вынесенный в их адрес, и заявляет, что его сердце разрывается от горя, когда он обнаруживает, что даже церковники, которые должны были быть как стена защиты госпитальеров, сами были чудовищно виновны в этом[450].

Наконец (1324 г. н. э.) папе, епископам и госпитальерам совместными усилиями удалось добиться принятия парламентского акта, передающего все имущество, принадлежавшее в прошлом тамплиерам, братьям госпиталя Святого Иоанна, дабы намерения дарителей могли быть осуществлены путем передачи его на защиту Святой земли и поддержки христианского дела на Востоке.[451] Этот акт вызвал сильнейшее недовольство. Наследники дарителей обратились в парламент с просьбой отменить его, утверждая, что он был принят вопреки закону и разуму, а также вопреки мнению судей;[452] а многие крупные бароны, владевшие имуществом на основании титула, признанного общим правом, успешно противостояли притязаниям Госпитального приказа, утверждая, что парламент не имеет права вмешиваться в право владения частной собственностью и распоряжаться их имуществом без их согласия.

Эта борьба между наследниками дарителей, с одной стороны, и госпитальерами - с другой, продолжалась еще долго; и в правление Эдуарда Третьего было сочтено необходимым принять еще один акт парламента, подтверждающий предыдущий статут в их пользу, и шерифам были разосланы предписания (А. 1334 г.), повелевающие им обеспечить исполнение законодательных актов и вступить во владение от имени короля всем имуществом, несправедливо задержанным у братьев-госпитальеров[453].

В то время как обширные владения, ранее принадлежавшие тамплиерам, продолжали оставаться предметом спора, к оставшимся в живых братьям этого распущенного ордена продолжали относиться с крайней бесчеловечностью и пренебрежением. Церковный совет назначил каждому из них пенсию в размере четырех пенсов в день на пропитание, но эти небольшие деньги не выплачивались, и поэтому они подвергались большой опасности умереть от голода. Король, жалея их бедственное положение, написал настоятелю госпиталя Святого Иоанна в Клеркенвелле, убедительно прося его принять их тяжелую участь к своему серьезному рассмотрению и не допустить, чтобы они нищенствовали на улицах.[454] Архиепископ Кентерберийский также проявил активность в их защиту и направил письма владельцам собственности, упрекая их за невыплату положенных стипендий. "Эта бесчеловечность, - говорит он, - пробуждает наше сострадание и проникает в нас самой живой скорбью. Мы молим и призываем вас по доброте душевной снабдить их, из любви к Богу и милосердия, средствами к существованию." [455] Архиепископ Йоркский распорядился, чтобы многих из них содержали в различных монастырях его епархии.[456]

Многие из квондамских тамплиеров, однако, после роспуска своего ордена приняли светский образ жизни; они смешались с мирянами, участвовали в мирских удовольствиях и даже осмелились вступить в брак, чем навлекли на себя суровое негодование римского понтифика. В булле, адресованной архиепископу Кентерберийскому, папа клеймит эти браки как незаконные наложничества; он отмечает, что покойные тамплиеры, несмотря на роспуск ордена, оставались связаны клятвой вечного целомудрия, и приказывает разлучить их с женщинами, на которых они женились, и поместить в разные монастыри, где они должны посвятить себя служению Богу и строгому исполнению своих религиозных обетов[457].

Тамплиеры переняли восточную моду на длинные бороды, и во время запрета братства, когда беглецов, отбросивших свои привычки, выслеживали, как диких зверей, мирянам, похоже, было опасно иметь бороду, растущую более нескольких недель.

Мужчинам с длинными бородами выдавались бумаги и сертификаты, чтобы они не подвергались домогательствам со стороны служителей правосудия как подозреваемые тамплиеры, о чем свидетельствует следующий любопытный сертификат, выданный королем Эдуардом Вторым своему камердинеру, который дал обет не бриться, пока не совершит паломничество в некое место за морем.

"Rex, etc. Cum dilectus valettus noster Petrus Auger, exhibitor præsentium, nuper voverit quod barbam suam radi non faciat, quousque peregrinationem fecerit in certo loco in partibus transmarinis; et idem Petrus sibi timeat, quod aliqui ipsum, ratione barbæ suæ prolixæ fuisse Templarium imponere sibi velint, et ei inferre impedimenta seu gravamina ex hac causa; Nos veritati volentes testimonium pertulere, vobis tenore præsentium intimamus, quod prædictus Petrus est valettus cameræ nostræ, *nec unquam fuit Templarius, sed barbam suam sic prolixam esse permittit, ex causa superius annotata*, etc. Teste Rege, &c." [458].

ГЛАВА XI.

ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ.

Восстановление Храмовой церкви - красота и великолепие почтенного здания - различные архитектурные стили, представленные в нем - открытия, сделанные во время недавней реставрации - сакрарий - мраморная piscina - ниши для причастия - покаянная келья - древняя часовня Святой Анны - исторические вопросы, связанные с Храмовой церковью - святые мощи, хранившиеся в ней в древности - интересные монументальные останки.

"Если настанет день, когда деревянные скамьи, нелепые корпуса органов и языческие алтарные ширмы будут объявлены немодными, ни одно религиозное здание, лишенное таких неудобств, не будет более справедливым для взгляда и не доставит большего общего удовлетворения антиквару, чем целомудренная и прекрасная церковь Темпл" - *Gentleman's Magazine* за май, 1808, р. 1087.

"После трех столетий разрушения торжественные сооружения, возведенные нашими предками-католиками, постепенно восстанавливаются до своего первоначального вида, и здания, которые всего несколько лет назад считались неприглядными и варварскими постройками невежественных времен, теперь становятся предметом всеобщего восхваления и образцами для подражания"[\[459\]](#).

Нынешнему поколению, по прошествии двух столетий, выпало счастье увидеть, как почтенная церковь Темпл, главное церковное сооружение рыцарей-тамплиеров в Британии, и самая красивая и совершенная реликвия ордена из ныне существующих, восстанавливается до того простого величия, которым она обладала около семисот лет назад; Увидеть, как он вновь приобретает тот вид, который имел, когда патриарх Иерусалима исполнял свои священные обязанности в его стенах, и когда рыцари святейшего ордена Храма Соломона, зачатые поборники христианской веры, развернули знамя с красным крестом среди "длинных проходов" и возложили свои мечи на алтарь, чтобы их благословили служители религии.

Со времен правления Карла Первого и до наших дней церковь Темпл остается печально обезображенной несоответствующими нововведениями и современными украшениями, которые полностью изменили древний характер и внешний вид здания, омрачили и затушевывали его элегантность и красоту.

Вскоре после Реформации протестантские юристы, желая стереть все эмблемы папистской веры, покрыли великолепно расписанный потолок этого почтенного сооружения равномерным слоем простой побелки; они похоронили старинную мостовую под сотнями телег с землей и мусором, на поверхности которых, на два фута выше уровня старинного пола, они уложили другую мостовую, сложенную из старых могильных камней. Кроме того, они изуродовали все великолепные мраморные колонны толстым слоем штукатурки и краски, уничтожили красоту искусно выполненной лепнины арок и изысканных резных мраморных украшений толстым слоем побелки, одев все здание в единое одеяние чистого белого цвета, в соответствии с пуританскими представлениями тех времен.

Впоследствии, в царствование Карла Второго, прекрасное открытое пространство тела церкви было заполнено длинными рядами строгих и формальных скамей, которые скрыли основания колонн, а простые, но красивые каменные стены священного сооружения были обременены. На высоте восьми футов от земли стены были обнесены дубовой обшивкой, которая шла по всему периметру церкви, закрывая от глаз элегантный мраморный писциналий на южной стороне здания, интересные арочные ниши над главным алтарем и *сакрариум* на восточной стороне здания. Изящные готические арки, соединяющие круглую и продолговатую части здания, были заполнены дубовым экраном, стеклянными окнами и дверями, а также органной галереей, украшенной коринфскими колоннами, пилястрами и греческими орнаментами, что разделило здание на две части, полностью изменило его первоначальный характер и вид и сильно омрачило его архитектурную красоту. В то же время восточная часть церкви была обезображена огромным алтарем в *классическом* стиле, украшенным коринфскими колоннами, греческими карнизами и антаблементами, а также херувимами и венками из фруктов, листьев и цветов, изысканно вырезанными и красивыми сами по себе, но тяжелыми и громоздкими, совершенно не соответствующими готическому характеру здания. Огромная кафедра и резонатор, искусно украшенные резьбой, были также воздвигнуты в центре нефа, что сильно мешало обзору внутренних помещений здания, а стены и все колонны были густо увешаны и изуродованы настенными памятниками.

Все эти неприглядные и несочетаемые дополнения к старинной ткани, благодаря хорошему вкусу и общественному духу мастеров лавок обществ Внутреннего и Среднего храма, были недавно удалены; потолок церкви был заново покрашен; мраморные колонны и мозаичное покрытие были восстановлены, и теперь почтенное сооружение вернулось к своему старинному состоянию.

Исторические ассоциации и воспоминания, связанные с Храмовой церковью, накладывают мощное очарование на почтенное здание. Во время святого пыла крестовых походов английские короли и надменные легаты папы римского имели обыкновение смешиваться с вооруженными отрядами тамплиеров в этом главном церковном сооружении Британии. В двенадцатом и тринадцатом веках в Круглом были похоронены самые выдающиеся личности эпохи, и их мраморные монументальные изображения в кольчугах, покоящиеся бок о бок на холодной мостовой, до сих пор вызывают удивление и восхищение у любознательных странников.

Торжественные церемонии, сопровождавшие в былые времена принятие послушником священных обетов Храма, проводившиеся при закрытых дверях в первую ночную стражу; суровые религиозные упражнения, выполнявшиеся суровыми военными монахами; ночные бдения в церкви и предполагаемые ужасы покаянной кельи - все это способствовало в прошлые времена созданию атмосферы таинственности и романтики вокруг священного здания и вызывало в умах обывателей чувство благоговения и суеверного ужаса, порождая те странные и ужасные истории о нечестивости и преступлениях, о магии и колдовстве, которые привели к несправедливой и позорной казни на костре Великого магистра и многих сотен рыцарей Храма, а также к подавлению и уничтожению их гордого и могущественного ордена.

Первая и самая интересная часть Храмовой церкви, называемая старыми писателями "Круглой", была освящена в 1185 году Ираклием, патриархом Иерусалимским, по прибытии в Англию из Палестины, как уже говорилось, чтобы получить помощь от короля Генриха Второго против грозной силы знаменитого Саладина.^[460] Старая надпись, которая раньше находилась над маленькой круглой дверью, ведущей в клуатр, и которая была разбита и уничтожена рабочими во время ремонта церкви в 1695 году, была следующего содержания

"10 февраля, в год от воплощения Господа нашего 1185, эта церковь была освящена в честь благословенной Марии нашим господином Ираклием, милостью Божией патриархом церкви Воскресения, который даровал индульгенцию на пятьдесят дней тем, кто ежегодно просит об этом"[461].

Продолговатая часть церкви, которая простирается на восток от Круглой, была освящена в день Вознесения, 1240 г. н. э., как следует из следующего отрывка из истории Мэтью Париса, монаха Святого Альбана, который, вероятно, сам присутствовал при этой церемонии.

"Примерно в то же время (1240 г. н. э.) была освящена благородная церковь Нового храма в Лондоне, здание, достойное внимания, в присутствии короля и многих представителей знати королевства, которые в тот же день, то есть в день Вознесения, после завершения торжественных мероприятий по случаю освящения, королевски пировали на великолепнейшем банкете, приготовленном за счет госпитальеров"[462].

Именно после промугляции, A. D. 1162 и 1172 годов знаменитой буллы *omne datum optimum*, освобождавшей тамплиеров от обычной церковной юрисдикции и позволявшей им принимать священников и капелланов в свой орден и назначать их на своих церквей без инсталляции и индукции, без вмешательства епископов, члены этого гордого и могущественного братства начали возводить за большие деньги в разных частях христианства церкви огромной пышности и великолепия, подобные той, что мы видим сейчас в Лондоне. Вероятно, ранняя часть этого здания была начата сразу после публикации вышеупомянутой буллы, чтобы быть готовой (поскольку в те дни церкви строились долго) к освящению Патриархом по его прибытии в Англию вместе с Великим магистром Храма.

Как различается время возведения, так различается и стиль архитектуры круглой и продолговатой частей церкви; одна представляет нам самый красивый и интересный образец смешанного стиля церковной архитектуры, называемого полунормандским, а некоторыми писателями - промежуточным, когда округлые арки и короткие массивные колонны смешивались с ранней готикой и постепенно уступали ей место; а другая - чистый и самый элегантный образец последнего стиля архитектуры, с его остrokонечными арками и легкими стройными колоннами. Эти две части Храмовой церкви, если сравнить их вместе, представляют особый интерес для архитектора и антиквара. Продолговатая часть почтенного сооружения представляет собой, возможно, первый образец полного покорения остrokонечного стиля массивной круглой или норманнской архитектурой, которая предшествовала его возведению, в то время как круглая демонстрирует различные изменения, которые претерпел последний стиль до своего окончательного разрушения.

В Храмовую церковь ведет красивый полукруглый арочный проем - изысканный образец норманнского стиля архитектуры, который, к сожалению, до сих пор окружен и задущен дымящимися зданиями ученых юристов. Он глубоко утоплен и украшен с обеих сторон колоннами с лиственными капителями, от которых отходит ряд арочных молдингов, богато украшенных резьбой. Между этими колоннами выступают угловые опоры, украшенные ромбами, розами, листвой и орнаментами разнообразного рисунка и диковинного устройства. Верхняя часть этих пирсов между капителями колонн выдолблена, и в нее вставлены резные полуростовые человеческие фигуры, изображающие короля и королеву, монахов и святых. Некоторые из этих фигур держат в руках свитки бумаги, другие покоятся в позе молитвы. Над ними, между ребрами арки, расположены четыре ряда обогащенной листвы, выходящей из рта человеческих голов.

Миновав этот изящный и искусно выполненный дверной проем, мы попадаем в ту часть церкви, которую древние писатели называли

Круглой,

которая состоит из внутренней круглой части, образованной круглой башней, опирающейся на шесть колонн, и круглого внешнего нефа или клуатра, соединенного с круглой башней покатой крышей снаружи, а внутри - сводчатым потолком с желобками. Красота и элегантность здания с этой точки, с его круговыми колоннадами, ярусными окнами и длинной перспективой архитектурного великолепия, не поддается описанию - это нужно видеть.

От центра круга взгляд устремляется вверх, к сводчатому потолку внутренней круглой башни с ее желобчатыми ребрами и резными боссами. Эта башня опирается на шесть мраморных колонн, из которых выходят шесть остроконечных арок, украшенных многочисленной лепниной. Сгруппированные колонны состоят из четырех мраморных валов, увенчанных лиственными капителями, которые каждый по своему рисунку, но соответствуют в общих чертах, и демонстрируют большой характер и красоту. Эти валы соединены между собой лентами по центру, а основания и капители переходят друг в друга, образуя единую колонну. Непосредственно над арками, опирающимися на эти колонны, находится небольшая полоса или карниз, который тянется по всей внутренней части башни и поддерживает самую элегантную аркаду из переплетенных арок. Эта аркада состоит из множества небольших колонн из пурбекского мрамора, украшенных орнаментом на базах и капителях, из которых выходят несколько арок, пересекающихся друг с другом и создающих наиболее приятное и поразительное сочетание круглой и остроконечной арки. Над этой элегантной аркадой находится еще один карниз, над которым возвышаются шесть круглоголовых окон, пробитых через равные промежутки в толстых стенах башни. Эти окна украшены по углам небольшими колоннами, а во времена рыцарей-тамплиеров они были заполнены витражами. Между каждым окном находится длинный тонкий круглый вал из пурбекского мрамора, отходящий от сгруппированных колонн и заканчивающийся смелой лиственной капителью, на которой покоятся рифленые ребра потолка башни.

От башни с ее мраморными колоннами, переплетающимися арками и элегантными украшениями внимание быстро привлекают бесчисленные маленькие колонны, остроконечные арки и гротескные человеческие лики, которые тянутся вокруг нижней части внешнего нефа или клуатра, окружающего Круглый. Чем внимательнее рассматриваешь эти человеческие лики, тем более удивительными и необычными они кажутся. В большинстве своем они кажутся искаженными и искаженными болью, и не без оснований предполагается, что они изображают корчи и гримасы проклятых. Можно заметить, как нечистые звери грызут уши и рвут когтями лысые головы некоторых из них, чьи крепко сжатые зубы и дрожащие губы явно указывают на сильные телесные муки. Эти скульптурные изображения демонстрируют поразительное разнообразие характеров и воспринимаются с еще большим интересом, если вспомнить, что аркада и карниз, украшенные таким необычным образом, были обнаружены среди руин храмовых церквей в Акко и в замке паломников. Этот круглый неф или клуатр освещен рядом полукруглых окон, которые по углам украшены небольшими колоннами.

Над западным дверным проемом, ведущим в Круглый, находится прекрасное норманнское колесо-окно, которое было открыто и показано рабочими во время недавнего ремонта этого интересного здания. Оно считается шедевром каменной кладки.

Вход из Круглой в продолговатую часть церкви Темпл образован тремя высокими остроконечными арками, которые открываются на неф и два нефа. Лепнина этих арок

отличается красотой и изяществом, а центральная арка, образующая парадный вход в неф, опирается на великолепные колонны из пурбекского мрамора.

Пройдя через одну из этих элегантных и богато украшенных арок, мы попадаем в большое, возвышенное и светлое сооружение, состоящее из нефа и двух приделов одинаковой высоты, образованных восемью сгруппированными мраморными колоннами, которые поддерживают желобчатый сводчатый потолок, богато и искусно расписанный. Это целомудренное и изящное здание представляет нам один из самых чистых и прекрасных примеров раннего остроконечного стиля, который сразу же сменил смешанный архитектурный строй, наблюдаемый в Раунде. Многочисленные окна изящной формы, которые простираются вокруг этой части здания, изысканные пропорции тонких мраморных колонн, красота и богатство архитектурных украшений, а также чрезвычайная легкость и воздушность всего строения создают у нас впечатление сказочного дворца.

Мраморные колонны, поддерживающие остроконечные арки крыши, по четыре с каждой стороны, не состоят из самостоятельных стволов, скрепленных между собой, как в Круглом, а образуют цельные столбы, обладающие огромным изяществом и красотой. К стенам церкви, на одной линии с этими столбами, прикреплен ряд небольших кластерных колонн, состоящих из трех стройных стволов, центральный из мрамора Пурбек, а остальные из камня Кан; они связаны между собой лентой в центре, а их основания из мрамора Пурбек покоятся на каменном сиденье или цоколе, который простирается по всей длине тела церкви. Эти сгруппированные колонны, расположенные параллельно большим центральным столбам, увенчаны лиственными капителями, от которых отходят желобчатые ребра, пересекающие сводчатый потолок крыши. Боковые стены, таким образом, разделены на пять отсеков с каждой стороны, каждый из которых заполнен тройным стрельчатым окном изящной формы и богато украшенным. Оно состоит из трех длинных узких проемов, над которыми возвышаются остроконечные арки, причем центральная арка возвышается над боковыми. Карнизы арок опираются на четыре тонкие мраморные колонны, которые проходят перед каменными мюльонами окон и придают им большую элегантность и красоту. Большое количество этих окон и небольшие промежутки между ними в виде глухой стены придают всему строению необычайную легкость и воздушность.

Непосредственно под ними находится небольшой карниз или струнный ход из пурбекского мрамора, который полностью опоясывает тело церкви и поддерживает небольшие мраморные колонны, украшающие окна.

Крыша состоит из ряда остроконечных арок, опирающихся на желобчатые ребра, которые, расходясь от капителей колонн, пересекают друг друга в центре арки и украшены в месте пересечения богато вырезанными боссами. Кровля состоит в основном из мела и до поздней реставрации имела простой и несколько голый вид, будучи покрытой равномерным слоем скромной побелки. При недавнем удалении этой побелки обнаружили обширные остатки древнего расписного потолка, и поэтому было решено перекрасить всю крышу церкви по проекту, предоставленному мистером Уиллементом.

В восточной части церкви находятся три изящных окна, выходящих на три нефа; по форме они похожи на боковые окна, но центральное значительно больше остальных и имеет в спандрелях, образованных линией рифления, два небольших кватрофильных щита. Лепнина с обеих сторон центрального окна заканчивается двумя коронованными головами, которые, как предполагается, изображают короля Генриха Третьего и его королеву. Эти окна будут заполнены витражами, как в старые времена, и, когда они будут закончены, предстанут в самом великолепном и величественном виде. Непосредственно под ними, над главным

алтарем, находятся три ниши, в которых в былые времена хранились священные сосуды, используемые во время празднования мессы. В центральной нише, увенчанной округлой аркой, хранились золотые потир и пати́на, покрытые пеленой и бурсой; а в нишах по обе стороны - серебряные кружки, ампулы, пелена иподиакона и вся атрибутика, используемая во время таинства. На каменной кладке вокруг них можно заметить следы замков и креплений дверей.

Эти ниши были обнаружены и открыты при демонтаже большой тяжелой дубовой ширмы и алтарной части, обезобразившей восточную часть церкви.

На южной стороне здания, рядом с главным алтарем, находится изящная мраморная *писцина* или *умывальник*, который был обнаружен при демонтаже современной дубовой обшивки. Этот интересный остаток древности был прекрасно отреставрирован, и вполне заслуживает внимания. Он был построен для использования священником, который служил в прилегающем алтаре, и предназначался для приема воды, в которой ополаскивали потир и в которой священник омывал руки перед освящением хлеба и вина. Он состоит из двух перфорированных углублений или небольших тазиков, заключенных в изящную мраморную нишу, украшенную двумя изящными арками, которые опираются на небольшие мраморные колонны. Отверстия на дне бассейнов сообщаются с двумя каналами для отвода воды, которая с древних времен выходила через толстые стены церкви. В старину перед освящением священник шел к писцине в сопровождении дьячка, который обливал его руки водой, чтобы они очистились от всех пятен, прежде чем он решится прикоснуться к телу Господа. Один из этих каналов предназначался для приема воды, в которой священник омывал руки, а другой - той, в которой он ополаскивал потир. Таким образом, *piscina* выполняла функции раковины[463].

Рядом с писциной, в восточной части церкви, находится небольшая изящная ниша, в которую помещались эвер, таз и полотенца; а сразу напротив, в северной стене здания, находится еще одна ниша, которая, по-видимому, служила *сакрариумом* или скинией для хранения евхаристии, сохраняемой для использования больными братьями[464].

В центре северного нефа церкви была сооружена большая ниша для размещения органа, поскольку в старой постройке для него не нашлось удобного места. Под этой нишей, со стороны арки, сообщаемой с Круглой башней, находится небольшой норманнский дверной проем, выходящий на темную круглую лестницу, которая ведет на вершину круглой башни, а также на

ПОКАЯННУЮ КАМЕРУ.

Это мрачное место одиночного заключения находится в толстой стене церкви и имеет всего четыре фута шесть дюймов в длину и два фута шесть дюймов в ширину, так что взрослому человеку было бы невозможно лежать в нем с комфортом. В стенах были пробиты два небольших отверстия, или бойницы, высотой четыре фута и шириной девять дюймов, чтобы пропускать свет и воздух. Один из этих проемов выходит на восток, в тело церкви, к месту, где стоял главный алтарь, чтобы заключенный мог видеть и слышать, как совершается богослужение, а другой - на юг, в круг, к западному входу в церковь. До сих пор сохранились петли и засов двери, прочно прикрепленной к дверному проему этой мрачной тюрьмы, а внизу лестницы находится каменное углубление или буфет, куда клали хлеб и воду для узника.

В этой убогой камере содержались непокорные и непослушные братья Храма, а также те, кому предписывалась суровая епитимья с одиночным заключением. Ее мрачные тайны давно погребены в тишине могилы, но одна печальная история о страданиях и ужасах, вероятно, связанных с ней, стала известна.

Несколько братьев Храма в Лондоне, которые были допрошены перед папскими инквизиторами, рассказывают о несчастной смерти брата Уолтера де Бачелера, рыцаря, Великого прецептора Ирландии, который за неповиновение своему начальнику, магистру Храма, был закован в цепи и брошен в тюрьму, где и скончался от строгости и суровости своего заточения. Его мертвое тело было вынесено из одиночной камеры в Храме на утренней заре и погребено братом Джоном де Стоком и братом Радульфом де Бартоном посреди двора, между церковью и залом[465].

Дисциплина в Храме была строгой и аскетичной до крайности. Свидетель рассказывает, что непокорных братьев заключали в цепи и темницы на более или менее длительный срок или навсегда, в зависимости от того, что казалось целесообразным, чтобы в конце концов спасти их души от вечной адской тюрьмы[466]. Помимо заключения, тамплиеров бичевали по голым спинам рукой самого магистра в зале Храма, а по воскресеньям часто били плетью в церкви в присутствии всей общины.

Брат Адам де Валенкур, рыцарь из знатной семьи, покинул орден Храма, но затем вернулся, раскаиваясь в своем непослушании, и попытался попасть в общество своих братьев по несчастью. Мастер заставил его в течение года питаться на земле вместе с собаками, поститься четыре дня в неделю на хлебе и воде, а каждое воскресенье представлять обнаженным в церкви перед главным алтарем и принимать наказание от рук священника в присутствии всей общины[467].

На противоположной стороне церкви, соответствующей дверному проему и лестнице, ведущей в покаянную келью, раньше был еще один дверной проем и лестница, сообщающиеся с очень любопытным древним строением, называемым часовней Святой Анны, которая стояла на южной стороне Круглого, но была удалена во время ремонта в 1827 году. Она была двухэтажной. Нижний этаж соединялся с Круглым через дверной проем, образованный под одной из арок аркады, а верхний - с телом церкви через вышеупомянутый дверной проем и лестницу, которые недавно были заделаны. Крыши этих апартаментов были сводчатыми и пересекались каменными поперечными ребрами, украшенными боссами в местах пересечения.[468] Эта часовня изначально выходила на клуатр и служила частным средством связи между монастырем Храма и церковью. Именно здесь папский легат и английские епископы часто проводили совещания по делам английского духовенства, и в этой часовне Альмарик де Монфорте, капеллан папы, который был заключен в тюрьму королем Эдуардом Первым, был освобожден по распоряжению римского понтифика в присутствии архиепископа Кентерберийского, епископов Лондона, Линкольна, Бата, Вустера, Норвича, Оксфорда и некоторых других прелатов, а также многих знатных мирян; упомянутый Альмерик предварительно дал клятву, что немедленно покинет королевство и никогда больше не вернется без особого разрешения.[469] В прежние времена эта часовня Святой Анны, расположенная на юге от "круглых стен", была широко известна своей плодотворной силой. К ней прибегали бесплодные женщины, и она пользовалась большой славой, делая их "радостными матерями детей!"[470].

Раньше при церкви Темпл было множество священников, главный из которых назывался *custos* или хранитель священного здания. Король Генрих Третий, ради спасения собственной души, а также душ своих предков и наследников, выделил тамплиерам восемь фунтов в год,

которые должны были выплачиваться из казначейства, на содержание трех капелланов в Храме, чтобы они вечно ежедневно читали мессу; один должен был молиться в церкви за самого короля, другой - за всех христианских людей, а третий - за верных усопших.[Идонея де Ветери Понте также отдала тринадцать боватов своей земли в Острельеде на содержание капеллана в доме Храма в Лондоне, чтобы он молился за ее собственную душу и душу ее покойного мужа, Роберта де Ветери Понте[472].

Кустос, или опекун церкви Темпл, назначался магистром и капитулом Темпла и приступал к своим духовным обязанностям, как и все священники и капелланы ордена, без какого-либо приема, учреждения или посвящения. Он был освобожден от обычной церковной власти и должен был во всем и во всех случаях оказывать полное послушание магистру Храма как своему господину и епископу. Священники ордена давали точно такие же обеты, как и остальные братья, и не пользовались никакими привилегиями по сравнению со своими собратьями. Они, правда, оставались в полном подчинении у рыцарей, поскольку им не разрешалось принимать участие в советах капитула, если только они не получали на то предписания, и они не могли заниматься лечением душ, если этого не требовалось. Тамплиерам не разрешалось исповедоваться священникам, которые были чужими для ордена, без разрешения на то.

"Et les freres chapeleins du Temple dovinent oyr la confession des freres, ne nul ne se deit confesser a autre chapelein saunz counge, car il ount greigneur poer du Pape, de els assoudre que un evesque."

Особые главы магистра Храма, на которых признавались проступки, предписывались покаяния и примирялись ссоры, часто проводились в воскресное утро в вышеупомянутой часовне Святой Анны, на южной стороне церкви Храма, когда магистр Храма произносил следующую любопытную форму отпущения грехов на нормандском французском языке того времени.

"La manere de tenir chapitre e d'assoudre".

"После капитула произносите слова магистра или того, кто произносит капитул. Beaus seigneurs freres, le pardon de nostre chapitre est tiels, qe cil qui ostast les almones de la meson a tout e male resoun, ou tenist aucune chose en noun de propre, ne prendreit u tens ou pardoun de nostre chapitre. Mes toutes les choses qe vous lessez a dire pour hounte de la char, ou pour poour de la justice de la mesoun qe lein ne la prenge requier Dieu, e de par la poeste, que nostre sire otria a sein pere, la quele nostre pere le pape lieu tenaunt a terre a otrye a la maison, e a noz sovereyns, e nous de par Dieu, e de par nostre mestre, e de tout nostre chapitre tiel pardoun come ieo vous puis fere, ieo la vous faz, de bon quer, e de bone volonte. E prioms nostre sire, qe issi veraiemment come il pardona a la glorieuse Magdaléyne, quant ele plura ses pechez. E al larron en la croiz mis pardona il ses pechez, e a vous face les vos a pardone a moy les miens. Et pry vous que se ieo ouges meffis oudis a mil de vous que vous depleise que vous le me pardonez."[473]

В конце главы магистр или президент главы должен сказать: "Добрые и благородные братья, прощение нашей главы таково, что тот, кто несправедливо присваивает себе милостыню дома или удерживает что-либо как свою собственность, не имеет никакого участия ни в прощении нашей главы, ни в добрых делах нашего дома. Но те вещи, которые по стыдливости или из страха перед правосудием ордена вы не признали перед Богом, я, властью, которую наш Господь получил от своего Отца и которую наш отец папа, его наместник, даровал дому, и нашим начальникам, и нам, властью Бога и нашего Магистра, и всей нашей главе, дарую вам, с сердечной доброй волей, такое помилование, какое я в состоянии дать. И мы умоляем Господа нашего, чтобы Он, как простил славную Марию

Магдалину, когда она оплакивала свои грехи, и помиловал разбойника на кресте, так же милостиво помиловал и нас с вами. И если я обидел кого-то из вас, умоляю вас даровать мне прощение".

В прошлом в церкви Темпл хранилось множество святых и ценных реликвий, присланных тамплиерами из Палестины. Лондонские епископы даровали многочисленные индульгенции всем благочестивым христианам, которые с живой верой отправлялись поклониться этим реликвиям. Епископ Эли также даровал индульгенции всем верующим своей епархии и всем благочестивым христианам, посещавшим богослужения в храмовой церкви в честь и хвалу Бога и его славной матери Девы Марии, блистательной Царицы Небесной, а также всем тем, кто должен был из своих вещей и имущества вносить пожертвования на поддержание и сохранение огней, вечно горящих на алтарях[474].

Круглая форма самой древней части церкви Темпл придает дополнительный интерес этой почтенной постройке, поскольку в Англии есть только три другие древние церкви такой формы. Утверждается, что все церкви тамплиеров были построены в круглой форме по образцу церкви Гроба Господня в Иерусалиме; но это не так. Многочисленные остатки этих церквей, которые можно встретить в разных частях христианства, доказывают, что они были построены во всех формах, видах и размерах.

Теперь мы должны сказать несколько слов о древних памятниках в Храмовой церкви.

В углублении южной стены, рядом с изящным мраморным писцином, покоится фигура епископа, облаченного в понтификальные одежды, с митрой на голове и посохом в руке. Она покоится на алтаре-гробнице, прекрасно вырезанном из одного блока пурбекского мрамора. 7 сентября 1810 года эта гробница была вскрыта, и под фигурой был обнаружен каменный гроб, около трех футов в высоту и десяти футов в длину, с круглой полостью для головы трупа. Внутри гроба был обнаружен человеческий скелет в идеальной сохранности. Он был завернут в листовую свинец, часть которого истлела. На левой стороне скелета лежали остатки посоха, а среди костей и вокруг черепа были найдены фрагменты мешковины и одежды, сшитой из золотой ткани. Было очевидно, что гробница была ранее нарушена, так как простыня-свинец была разделена в продольном направлении каким-то грубым режущим инструментом, и кости в ней были смещены со своего места. Самым замечательным открытием, сделанным при вскрытии этой гробницы, стал скелет младенца в возрасте нескольких месяцев, который был найден лежащим у ног епископа.

Антиквар Николс рассказывает, что Браун Уиллис приписывает этот памятник Сильвестру де Эвердону, епископу Карлайла, который погиб в 1255 году в результате падения с лошади и был похоронен в церкви Темпл[475].

Все монументальные останки древних рыцарей-тамплиеров, ранее находившиеся в церкви Темпл, к сожалению, уже давно полностью уничтожены. Антиквар Бертон, который был принят в члены Внутреннего храма в царствование королевы Елизаветы, 20 мая 1593 года, рассказывает, что в теле церкви находился "большой голубой мрамор, инкрустированный брассом", с такой надписью: "Hic requiescit Constantius de Houerio, quondam visitator generalis ordinis militiæ Templi in Angliâ, Franciâ, et Italiâ." [476] "Здесь покоится Констанция де Говер, бывшая генеральным визитером ордена Храма в Англии, Франции и Италии". Сейчас от этого интересного памятника не осталось и следа. Во время недавних раскопок во дворе церкви для фундамента новой органной галереи на большой глубине под поверхностью земли были найдены два очень больших каменных гроба, в которых, несомненно, покоились останки выдающихся тамплиеров. Похоже, что церковный двор изобилует древними каменными гробами.

В круглой части Храмовой церкви, самой старой части нынешней постройки, находятся знаменитые памятники светским воинам, скрестившим ноги в знак того, что они приняли крест и дали обет идти на защиту христианской веры в Палестине. Эти скрещенные ноги были названы "памятниками крестоносцев", и они настолько необычны и интересны, что их рассмотрению следует посвятить отдельную главу.

ГЛАВА XII.

ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ.

Памятники крестоносцев - гробница и чучело сэра Джеффри де Магनावилля, графа Эссекса и констебля Тауэра - его жизнь и смерть, знаменитые подвиги - Уильям Маршалл, граф Пемброк, Протектор Англии - О лорде де Росссе - Об Уильяме и Гилберте Маршаллах, графах Пембрук - Об Уильяме Плантагенете, пятом сыне Генриха Третьего - Тревожное желание, проявленное королем Генрихом Третьим, королевой Элеонорой и различными высокопоставленными лицами, быть похороненными в церкви Темпл.

"Рыцари - пыль,
А их добрые мечи - ржавчина,
Их души у святых, мы верим".

Предполагается, что облаченные в кольчуги монументальные чучела, стоящие бок о бок на мостовой "круга" церкви Темпл, являются памятниками рыцарям-тамплиерам, но это не так. Тамплиеры всегда хоронились в одежде своего ордена, и именно в ней они изображены на своих гробницах. Этот обычай представлял собой длинную белую мантию, как уже говорилось, с красным крестом на левой груди; сзади она имела короткий плащ и капюшон и ниспадала до ног, не стесненная никаким поясом. В подобной длинной мантии, с вырезанным на ней крестом ордена, изображен брат-рыцарь тамплиеров Жан де Дрё в церкви Святого Ивода де Брейна во Франции, с надписью золотыми буквами, вырезанной на памятнике -F. Jean li Templier fuis au comte Jean de Dreux"[477].

Хотя эти интересные скрещенные ноги не являются памятниками рыцарям-тамплиерам, они заслуживают нашего внимания по другим причинам. Они, по-видимому, были установлены в церкви Храма в память о группе людей, называвшихся "помощниками Храма", которые, хотя и не были приняты в священные обеты и обычаи ордена, тем не менее были включены в некую духовную связь с тамплиерами, любопытно иллюстрирующую суеверие и легкое верие того времени.

Многие благочестиво настроенные люди высокого положения и состояния, выросшие среди удовольствий и роскоши мира, страстно желали участвовать в духовных преимуществах и благословениях, которыми, как считалось, пользовались святые воины Храма, в связи с добрыми делами, совершаемыми братством, но не могли заставить себя подчиниться

суровой дисциплине и мрачной жизни регулярно исповедуемых братьев. Чтобы обратить на пользу склонности и особые чувства таких людей, магистр и капитул Храма брали на себя право принимать их в духовную ассоциацию и связь с орденом, чтобы, не отказываясь от своих удовольствий и не отказываясь от светского образа жизни, они могли приобщиться к заслугам добрых дел, совершаемых братьями. О том, как это часто делалось, свидетельствует следующий публичный подлинный документ, извлеченный Дюканжем из королевского реестра Прованса.

"Да будет известно всем присутствующим и грядущим, что в год воплощения 1209, в месяце декабре, я, Уильям Д. Г., граф Форкалькье и сын покойного Джеральда, будучи вдохновлен любовью Божьей, по собственной воле и сердечному желанию, посвящая свое тело и душу Господу, Пресвятой Деве Марии и рыцарскому дому Храма, следующим образом. Если я когда-нибудь решу принять обеты религиозного ордена, я выберу религию Храма, и никакую другую; но я приму ее не иначе как искренне, по собственной воле и без принуждения. Если мне случится закончить свои дни среди мирских удовольствий, я буду похоронен на кладбище дома Храма. Я обещаю, из любви к Богу, ради упокоения моей души, душ моих родителей и всех умерших верных во Христе, отдать вышеупомянутому дому Храма и братьям по вере после моей кончины мою собственную лошадь с двумя другими седлами, все мое снаряжение и доспехи в полном комплекте, как железные, так и деревянные, пригодные для рыцаря, и сто марок серебра. Кроме того, в подтверждение этого пожертвования я обещаю давать вышеупомянутому дому Храма и братьям, пока я веду светскую жизнь, по сто пенни в год на праздник Рождества Господа нашего; и все имущество вышеупомянутого дома, где бы оно ни находилось, я беру под свою охрану и защиту и буду защищать его в соответствии с правом и справедливостью от всех людей.

"Это пожертвование я сделал в присутствии брата Питера де Монтайгу, прецептора Испании, брата Питера Каделли, прецептора Прованса, и многих других братьев ордена.

"И мы, брат Петр де Монтайгу, магистр, с совета и согласия других братьев, принимаем тебя, вышеупомянутый лорд Уильям, граф Фуркалькье, как благодетеля и брата (*in donatum et confratrem*) нашего дома, и даруем тебе щедрое участие во всех добрых делах, совершаемых в доме Храма, как здесь, так и за морем. Свидетели этого нашего пожалования - братья Храма, брат Уильям Каделли, прецептор Прованса; брат Бермонд, прецептор Руэ; преподобный брат Шосоарди, прецептор Барлеса; брат Джордан де Мизон, прецептор Эмбруна; брат Г. де ла Тур, прецептор дома Лимез. Из мирян свидетелями являются леди графиня, мать вышеупомянутого графа; Джеральд, его брат, и т.д. и т.п." [478].

Уильям из Эшби в Линкольншире был принят в этот вид духовного братства с тамплиерами, как явствует из следующего пожалования ордену:

"Уильям из Эшби, всем баронам и вавасорам Линкольншира, а также всем его друзьям и соседям, как французским, так и английским, Спасение. Да будет известно всем присутствующим и грядущим, что с тех пор, как рыцари Храма приняли меня в свое братство и взяли под свою опеку и защиту, я, упомянутый Уильям, с согласия моих братьев Инграма, Джерарда и Джордана, отдал и пожаловал Богу и благословенной Марии и вышеупомянутым рыцарям Храма все остатки моих пустошей и вересковых земель, сверх того, что я подтвердил им своим прежним пожалованием... и т. д. и т. п." [479].

С помощью этих любопытных договоренностей со светскими людьми тамплиерам удалось привлечь к своим интересам людей высокого ранга и влияния, а также получить щедрую милостыню и пожертвования, как земельные, так и денежные. Вероятно, памятники со скрещенными ногами в церкви Храма были установлены в память о светских воинах, которые

были приняты в число ассоциированных братьев Храма и завещали похоронить свои тела на храмовом кладбище.

Во время недавнего ремонта пришлось провести обширные раскопки на Круглом, и под этими монументальными изображениями были найдены два огромных каменных гроба, а также пять свинцовых гробов, любопытно и красиво украшенных орнаментом, напоминающим тот, что можно увидеть на старой мозаике церкви; и арочный свод, который был сформирован во внутреннем круглом фундаменте, поддерживающем сгруппированные колонны и круглую башню. Свинцовые гробы были заключены в небольшие склепы, стены которых разрушились. Скелеты в них были целыми и нетронутыми; они были завернуты в грубую мешковину, которая рассыпалась в пыль при прикосновении. Длина одного из этих скелетов составляла шесть футов четыре дюйма, а другого - шесть футов два дюйма! Большие каменные гробы были огромной толщины и веса; их давно уже вскрыли и превратили в чертоги. В ближайшем к южному окну гробу были найдены три черепа и множество костей, среди которых были кости какого-то молодого человека. На крышке, сложенной из пурбекского мрамора, находился большой крест изящной формы, красиво изваянный и прекрасно сохранившийся. В склепе, построенном в прочном фундаменте столбов круглой башни на северной стороне церкви, находились останки скелета, завернутого в мешковину; череп и верхняя часть его были в хорошей сохранности, но нижние конечности рассыпались в пыль.

Ни количество, ни расположение гробов внизу не соответствовало цифрам сверху, и совершенно очевидно, что последние были убраны со своих мест.

В книге Кэмдена "Британия", первое издание которой вышло в 38-м году Элизабет 1586 года, нам сообщается, что в церкви Темпл похоронено много знатных людей, чьи изображения можно увидеть скрещенными ногами, среди которых были Уильям отец, Уильям и Гилберт его сыновья, графы Пемброки и маршалы Англии.^[480] Стоу в своем "Обзоре Лондона", первое издание которого вышло в 1598 году, говорит о них следующее:

"На круглой аллее (это западная часть без квира) сохранились памятники похороненным там дворянам, числом одиннадцать. *Восемь* из них представляют собой изображения вооруженных рыцарей; *пять* лежат, скрестив ноги, как люди, давшие обет в Святой Земле против неверных и неверующих евреев, а три других - с прямыми ногами. Остальные камни с копытами, все из серого мрамора"^[481] Рукописная история Темпла в библиотеке Внутреннего Темпла, написанная в начале правления Карла Первого, сообщает нам, что "изображения или портреты со скрещенными ногами остались в резном камне в *середине круглой дорожки, окруженной железными решетками*"^[482] А Дагдейл в своей книге *Origines Juridiciales*, опубликованной в 1666 году, описывает их следующим образом: "Внутри просторной железной решетки посреди круглой аллеи под шпилем лежат *восемь* статуй в военной форме, у каждой из них на левой руке большой и глубокий щит, *пять* из них стоят скрестив ноги. Есть также три других надгробия, лежащих примерно в пяти дюймах над уровнем земли, на одном из которых находится большой эскошон с высеченным на нем львом"^[483] Таков древний рассказ об этих памятниках; теперь, однако, вместо пяти скрещенных статуй можно увидеть *шесть*, что составляет *девять* вооруженных рыцарей, в то время как осталось только *одно* надгробие с копиями. Чучела больше не заключены "в просторную решетку из железа", а разделены на две группы, окруженные железными перилами, и расположены по обе стороны от входа в продолговатую часть церкви.

Что бы ни было изменено в их первоначальном положении, похоже, было сделано в то время, когда церковь была так позорно изуродована протестантскими адвокатами, либо в 1682 году,

когда она была "тщательно отремонтирована", либо в 1695 году, когда "декоративный экран был установлен в ней"; так, как нам сообщает газета под названием "Летучая почта" от 2 января 1696 года, что Роджер Гиллингем, Esq, казначей Миддл Темпл, умерший 29 декабря 1695 года в возрасте семидесяти лет, имел заслуги в облицовке церкви Темпл камнем Нью-Портленд и в *"приведении рыцарей-тамплиеров в единообразный порядок"*. Стоу сообщает нам, что "первым из скрестивших ноги был Уильям Маршалл, старший, граф Пембрук", но чучело этого дворянина сейчас стоит вторым; дополнительная фигура, похоже, была поставлена первой, и, похоже, была принесена из западного дверного проема и поставлена рядом с остальными.

Во время недавней реставрации церкви пришлось раскопать землю во всех частях Круглой башни, и прямо под мостовой внешнего круглого нефа или портика, окружающего башню, был найден разбитый саркофаг из пурбекского мрамора, содержащий череп и несколько костей, очевидно, очень большой древности; верхняя поверхность саркофага находилась на одном уровне с древней мостовой; на нем не было никаких знаков или надписей, и, похоже, первоначально он был украшен монументальным чучелом.

Из двух древних рукописей об основании аббатства Уолден, написанных монахами этого великого религиозного дома, мы узнаем, что Джеффри де Магनावиль, граф Эссекс, его основатель, будучи убит стрелой в 1144 году, был доставлен рыцарями-тамплиерами в Старый храм, после чего его перенесли на кладбище Нового храма, а его тело было похоронено в портике перед западной дверью церкви. [485] Саркофаг, недавно найденный на этом месте, сделан из пурбекского мрамора; так же сделана и первая фигура на южной стороне круга, в то время как почти все остальные - из обычного камня. Плита, на которой он покоится, была обработана по краям и отполирована; три стороны были идеальными, но четвертая обветшала на шесть или семь дюймов. Бока мраморного саркофага также были тщательно выровнены и отполированы. Среди других саркофагов и фигур этого не наблюдалось. Кроме того, следует отметить, что под первой фигурой с южной стороны не было ни одного гроба. Поэтому мы можем с полным основанием заключить, что эта фигура - монументальное чучело Джеффри де Магнавиля, графа Эссекса. На ней изображен вооруженный рыцарь со скрещенными ногами, [486] в знак того, что он принял крест и дал обет сражаться, защищая христианскую веру. Его тело облечено в кольчугу, поверх которой надета свободная струящаяся одежда, стянутая на талии поясом, правая рука сложена на груди, а левая поддерживает длинный щит с лучами на алмазном основании. На правом боку висит громоздкий меч огромной длины, а голова, покоящаяся на каменной подушке, покрыта шлемом изящной формы.

Джеффри де Магनावиль, граф Эссекс, в память о котором, судя по всему, и был воздвигнут этот памятник, был одним из самых жестоких "смелых баронов", которые так страшно опустошали Англию во времена правления короля Стефана. Он был сыном того знаменитого воина, Джеффри де Магनावилля, который так доблестно сражался в битве при Гастингсе, и был наделен завоевателем ста восемнадцатью лордствами в Англии. От своего отца Уильяма де Магнавиля и матери Магарет, дочери и наследницы великого Эвдо Дапифера, сэр Джеффри унаследовал огромные владения в Англии и Нормандии. После восшествия на престол короля Стефана он был назначен констеблем Тауэра, стал графом Эссекса и был послан королем на остров Эли, чтобы подавить восстание, которое подняли там Болдуин де Риверс и Найджел, епископ Эли [487].

В 1136 году н. э. он основал большое аббатство Уолден в Эссексе, которое было освящено епископами Лондона, Эли и Норвича в присутствии сэра Джеффри, леди Роизии, его жены, и всех его главных арендаторов. [488] Некоторое время после начала войны между Стефаном и

императрицей Матильдой за престолонаследие он оставался верен первому, но после рокового результата кровавой битвы при Линкольне, в которой король Стефан был взят в плен, он, как и большинство других баронов, перешел на сторону Матильды; и эта принцесса, прекрасно понимая его огромную власть и влияние, не оставила попыток навсегда привязать его к своим интересам. Она утвердила его в должности констебля Тауэра, даровала ему наследственные права на несколько графств, а также большие поместья и владения как в Англии, так и в Нормандии, и наделила его многочисленными и важными привилегиями.[489] Однако после бегства императрицы и конфуза ее партии король Стефан был выпущен из тюрьмы, и между ним и его могущественным вассалом графом Эссексом произошло видимое примирение, но вскоре после этого король решился на смелый шаг - схватить и заключить в тюрьму графа и его тестя Обри де Вера, когда они, ничего не подозревая, присутствовали на суде в Сент-Олбане.

Граф Эссекс был вынужден сдать лондонский Тауэр и несколько своих сильных замков в качестве платы за свободу;[490] но не успел он оказаться на свободе, как собрал своих вассалов и приверженцев и поднял штандарт восстания. К нему присоединились толпы вольных разбойников и нуждающихся искателей приключений, и вскоре он оказался во главе мощной армии. Он опустошал королевские владения, грабил слуг короля и прокормил своих сторонников грабежами. Он взял и разграбил город Кембридж, опустошил окрестности и взял штурмом несколько королевских замков. После этого он был вынужден на короткое время отступить в болота перед превосходящими силами, которые возглавил лично король Стефан.

Говорят, что этот могущественный граф творил самые ужасные бесчинства. Он посылал шпионов, как нам рассказывают, просить от двери к двери и узнавать, где живут богатые люди, чтобы схватить их ночью в постели, бросить в темницу и заставить заплатить большой выкуп за их свободу.[491] Он добрался по воде до Рэмси и, войдя в аббатство св. Бенедикта на утренней заре, застал монахов спящими в своих постелях после усталости от ночных служб; он выгнал их из их келий, наполнил аббатство своими солдатами и сделал из церкви крепость; он забрал все золотые и серебряные сосуды алтаря, копны и облачения священников и певчих, украшенные драгоценными камнями, и все украшения церкви, и продал их за деньги, чтобы вознаградить своих солдат.[492] Монашеские историки того времени с ужасом говорят об этих святотатственных излишествах.

"Он осмелился, - говорит Уильям, монах из Ньюбурга, живший в царствование короля Стефана, - превратить это знаменитое и святое место в разбойничью пещеру, а святилище Господне - в обитель дьявола. Он заражал частыми набегами все соседние провинции и в конце концов, ободренный постоянным успехом, своими дерзкими нападениями встревожил и досадил самому королю Стефану. Он безумно бушевал, и казалось, что Господь спит и больше не заботится о делах человеческих, точнее, своих, то есть церковных, так что благочестивые труженики в винограднике Христовом восклицали: "Встань, Боже, поддержи дело Твое... доколе противник будет творить бесчестие, доколе враг будет хулить имя Твое? Но Бог, желая явить Свою силу, как говорит апостол, долго терпел "сосуды гнева, приспособленные к гибели", и в конце концов поразил врагов в их задние части. За некоторое время до гибели этого нечестивца, как мы узнали из достоверных свидетельств многих очевидцев, стены церкви были покрыты чистым потом, - ужасное свидетельство, как оказалось впоследствии, чудовищности преступления и скорого суда Божьего над грешниками"[493].

За это святотатство и нечестие сэр Джеффри был отлучен от церкви, но, насмехаясь над духовными громами, он отправился осаждать королевский замок в Бэрвелле. После

успешной атаки, которая привела его к подножию крепостного вала, он снял шлем, благо было лето и погода стояла жаркая, чтобы дышать свободнее, когда пехотинец из гарнизона пустил стрелу из бойницы в крепостной стене и нанес ему легкую рану в голову; "Эта легкая рана, - говорит наш достойный монах из Ньюбурга, - хотя сначала к ней отнеслись с насмешкой, через несколько дней уничтожила его, так что этот самый свирепый человек, так и не освободившись от уз церковного проклятия, отправился в ад".^[494]

Питер де Лангтофт так рассказывает об этих злодеяниях графа Эссекса в своей любопытной поэтической хронике.

"Аббат Рамесейский бийский ограбил его.
Трезор обнажил, рукой его ударил.
Abbot, and prior, and monk, thei did outchace,
Из святой кирхи кражу совершил.
Роберд Мармион поступил так же,
Он ограбил кирку Куэнтра.
Вот теперь о том, что случилось с ними,
В рассказе говорится то же самое, что и в Евангелии:
Geffrey of Maundeuille to fele wrouh he wouh,^[495]
, deuelle gald him his while with a arrowe him slouh.
Великий епископ Честре проклял этого илька Геффри,
И тот, прокляв его, ушел.
Арнульф, его сын, был схвачен с ним и заключен в узы,
Перед королем оставлен и изгнан из своего Лонда"^[496].

Монахи Уолдена рассказывают, что, когда граф лежал израненный на больничной кушетке и чувствовал, как рука смерти тяжело давит на него, он горько раскаивался в своих злодеяниях и искал, но тщетно, церковной помощи. Наконец к нему пришли несколько рыцарей-тамплиеров и, найдя его смиренным и раскаявшимся, истово молящимся Богу и заглаживающим свои прошлые обиды, надели на него обычай своей религии, отмеченный красным крестом. После того как он скончался, они отнесли его тело в Старый храм в Лондоне; но поскольку граф умер отлученным от церкви, они не смогли похоронить его похристиански в освященном месте, поэтому они запаяли его в свинец и повесили на кривом дереве в своем фруктовом саду.^{[Через несколько лет после этого, благодаря усилиям и средствам Уильяма, которого граф сделал настоятелем аббатства Уолден, его отпущение грехов было получено от папы Александра Третьего, так что его тело было разрешено принять среди христиан и совершать над ним богослужения. Настоятель попытался снять труп и перевезти его в Уолден; но тамплиеры, узнав о его намерении, похоронили его на своем кладбище в Новом храме,^[498] в портике перед западной дверью церкви^[499].}

Папа Александр, от которого было получено отпущение грехов, был избран на понтификальную кафедру в сентябре 1159 года и умер в 1181 году. Именно этот понтифик буллой *omne datum optimum*, обнародованной в 1162 году, предоставил тамплиерам привилегию иметь свои собственные кладбища, свободные от вмешательства регулярного духовенства. Земля, на которой был возведен монастырь Нового Храма, была куплена вскоре после издания вышеупомянутой буллы, и кладбище, несомненно, было освящено на ней для братьев задолго до завершения строительства церкви. На это кладбище тело графа было перенесено после получения отпущения грехов, а когда церковь была освящена патриархом (1185 г. н. э.), оно было окончательно похоронено в портике перед западной дверью.

Монахи Уолдена рассказывают, что вышеупомянутый граф Эссекс был религиозным человеком, наделенным многими добродетелями.[500] Он был женат на знаменитой Роизии де Вере, из рода графов Оксфордских, которая в старости вела аскетический образ жизни и построила для себя необычную подземную келью или ораторий, любопытно обнаруженный в конце прошлого века.[501] У него было четверо сыновей, Эрнульф, Джеффри, Уильям и Роберт, от этой прославленной дамы. Эрнульф был изгнан как соучастник отца в его злодеяниях, а Джеффри унаследовал титул и поместья.

Вторая из фигур со скрещенными ногами на южной стороне, в круглой части церкви Темпл, - это монументальное изображение

Уильяма Маршалла, графа Пембрука,

графа Маршалла, защитника Англии во время несовершеннолетия короля Генриха Третьего и одного из величайших воинов и государственных деятелей, вошедших в историю Англии. Мэтью Пэрис описывает его погребение в церкви Темпл в 1119 году, а во времена Кэмдена (1586 г. н. э.) на его памятнике можно было прочесть надпись. "In altero horum tumulo, - говорит Кэмден, - *literis fugientibus legi, Comes Pembrochiæ, et in latere, Miles eram Martis, Mars multos vicerat armis.*"[502] Хотя его уже нет ("первый из скрестивших ноги"), как описано Стоу, А. Д. 1598 г., но традиция всегда, со времен Роджера Гиллингема, который перенес эти фигуры, указывала на него как на "памятник защитника", а разъяренный лев, до сих пор отчетливо видный на щите, был гербом Маршалов.

Это интересное монументальное чучело высечено из распространенного вида камня, называемого каменщиками огненным камнем. На нем изображен вооруженный воин, одетый с головы до ног в кольчугу; он убирает в ножны меч, который висит на левом боку; его ноги скрещены, а ступни, вооруженные шпорами, покоятся на *льве-кушанте*. Поверх доспехов надета свободная одежда, стянутая на талии поясом, а с левой руки свисает щит с выгравированным на нем грозным львом. Большая часть меча отломана и утеряна, что дало повод предположить, что он держит в ножнах кинжал. Голова защищена круглым шлемом и покоится на каменной подушке.

Род Маршалов получил свое название от наследственного титула графа Маршала, который они занимали при короне.

Вышеупомянутый Уильям Маршалл был сыном и наследником Джона Маршалла, графа Стригула, и являлся верным и постоянным сторонником королевского дома Плантагенетов. Когда молодой принц Генрих, старший сын короля Генриха Второго, находился на смертном одре в замке Мартела близ Тюренна, он дал ему, как своему лучшему другу, свой крест, чтобы тот отнес его в Иерусалим. [503] По возвращении Уильяма Маршалла из святого города он присутствовал на коронации Ричарда Кёр де Льва и нес по этому случаю королевский скипетр из золота, увенчанный крестом.[504] В том же году король Ричард отдал ему в жены Изабель де Клер, единственного ребенка и наследницу Ричарда де Клера, графа Пембрука, по фамилии Стронгбоу, и пожаловал ему вместе с этой прославленной дамой графство Пембрук.[В следующем году (1190 г. н. э.) он стал одним из поручителей за выполнение королем Ричардом своей части договора, заключенного с королем Франции для совершения крестового похода в Святую землю, а после отъезда короля Ричарда на Дальний Восток был назначен этим монархом одним из членов совета по управлению королевством на время его отсутствия][506].

С 1189 по 1205 год он был шерифом Линкольншира, а затем шерифом Сассекса и занимал этот пост течение всего правления короля Ричарда. Он сопровождал Кёра де Льва в его

походе в Нормандию, а после гибели этого монарха от руки Бертрама, арбалетчика, перед стенами замка Шалюз, был отправлен в Англию, чтобы поддерживать мир в королевстве до прибытия короля Иоанна. Вместе с Губертом, архиепископом Кентерберийским, он заставил свободных людей Англии, как городов, так и графств, а также большинство графов, баронов и свободных арендаторов, присягнуть на верность Иоанну[507].

По прибытии последнего в Англию он был назначен шерифом Глостершира и Сассекса, а вскоре после этого был отправлен в Нормандию во главе большого войска. Он командовал в знаменитой битве, произошедшей в 1202 году перед крепостью Мирабель, в которой несчастный принц Артур и его прекрасная сестра Элеонора, "жемчужина Бретани", были взяты в плен вместе с графом Марчем, большинством дворян Пуату и Анжу и двумя сотнями французских рыцарей, которых с позором заковали в кандалы и отправили в повозках в Нормандию. За этой битвой, как известно, последовала загадочная смерть принца Артура, который, по слухам, был убит самим королем Иоанном, а прекрасная Элеонора по прозвищу *Ла Брет*, которая после смерти брата стала следующей наследницей английской короны, была заключена под стражу в Бристольском замке, где и осталась пленницей на всю жизнь. Во главе четырех тысяч пехоты и трех тысяч кавалерии граф Маршал попытался освободить крепость Шато-Гайяр, которую осаждал король Франции Филипп, но потерпел неудачу из-за неприбытия семидесяти плоскодонных судов, продвижение которых вверх по реке Сене было затруднено сильным встречным ветром.[За свою верность и заслуги перед короной он был награжден многочисленными поместьями, землями и замками, как в Англии, так и в Нормандии, с целой провинцией Лейнстер в Ирландии, и стал губернатором замков Каэрмерден, Кардиган и Коэр.

В 1204 году он был отправлен послом в Париж, а по возвращении продолжал оставаться постоянным и верным помощником английского монарха. Он был одним из свидетелей сдачи королем Иоанном в Темпл-Эвелле своей короны и королевства папе римскому,[509] а когда началась война баронов, он был постоянным посредником и переговорщиком между королем и его мятежными подданными, пользуясь доверием и уважением обеих сторон. Когда вооруженные бароны пришли в Храм, где находилась резиденция короля Иоанна, чтобы потребовать вольностей и законов короля Эдуарда, он стал поручителем за исполнение обещания короля удовлетворить их требования. После этого ему было поручено выяснить, каковы эти законы и вольности, и, получив в Стэмфорде письменные требования баронов, он призвал короля удовлетворить их. Не добившись этого, он вернулся в Стэмфорд, чтобы объяснить отказ короля, и тогда началась война баронов. После этого он сопровождал короля Иоанна в Тауэр, а когда бароны вошли в Лондон, его послали объявить, что король подчинился их желаниям. Вскоре после этого он сопровождал короля Иоанна в Руннимед в компании с братом Америком, магистром Храма, и по убедительной просьбе этих двух высокопоставленных особ король Иоанн наконец-то был вынужден подписать Магна Чарта[510].

После смерти этого монарха, в разгар гражданской войны и иностранного вторжения, он собрал в Глостере верных епископов и баронов страны и своим красноречием, талантами и обращением обеспечил трон сыну короля Иоанна, юному принцу Генриху.[511] Большая часть Англии в то время находилась во владении принца Людовика, дофина Франции, который высадился с французской армией в Сэндвиче и был поддержан мятежными баронами покойного короля в притязаниях на трон. Пемброк был избран опекуном и защитником молодого короля и королевства и с большим усердием и успехом принялся изгонять французов и возвращать англичан к их древней верности. 512] Он от имени короля

помиловал недовольных баронов за их прошлые преступления. Он подтвердил от имени юного государя Магна Харту и Лесную Хартию; а поскольку большая печать была утеряна королем Иоанном вместе со всеми его сокровищами в Линкольншире, акты подтверждения были скреплены печатью графа Маршалла.[513] Он также распространил действие Магна Харты на Ирландию и повелел всем шерифам публично зачитывать ее в судах графств и следить за ее соблюдением во всех отношениях. Приложив таким образом все усилия для устранения справедливых жалоб недовольных, он собрал значительную армию и, оставив молодого короля в Бристоле, приступил к осаде замка Маунтсорел в Лестершире, находившегося во владении французов.

Тем временем принц Людовик отправил из Лондона против северных графств двадцатитысячную армию в сопровождении шестисот рыцарей. Эти наемники штурмовали различные сильные замки, разоряли города, деревни, религиозные дома и опустошали открытую местность. Протектор сосредоточил все свои силы в Ньюарке, а в Уит-понедельник 1217 года отправился во главе их, сопровождаемый старшим сыном и молодым королем, чтобы снять осаду с замка Линкольн. Прибыв в Стоу, он остановил свою армию и, оставив юного монарха и королевскую семью в этом месте под охраной сильной стражи, с остальными силами направился к Линкольну. В субботу на неделе Уитсун (1217 г. н. э.) он одержал полную победу над недовольными англичанами и их французскими союзниками, нанеся смертельный удар по надеждам и перспективам дофина. Четыре графа, одиннадцать баронов и четыреста рыцарей были взяты в плен, а простых солдат было бесчисленное множество. Граф Перш, француз, был убит, когда мужественно защищался на церковном дворе, а до этого под ним убили лошадь. Мятежники потеряли весь свой багаж, провизию, сокровища и добычу, накопленную ими в результате разграбления северных провинций, среди которой было много ценных золотых и серебряных сосудов, вырванных из церквей и монастырей.

Как только судьба дня была решена, протектор поскакал к молодому королю в Стоу и первым сообщил радостную весть о своей победе. [514] Затем он двинулся на Лондон, где укрепились принц Людовик и его сторонники, и, оставив в окрестностях метрополии наблюдательный корпус, приступил к овладению всеми восточными графствами. Получив сведения о сосредоточении французского флота в Кале для высадки на английский берег, он вооружил корабли Синкве-Портс и, перехватив французские суда, одержал блестящую победу над значительно превосходящими военно-морскими силами противника.[515] Своей доблестью и военными талантами он быстро поставил французского принца перед необходимостью просить о мире.[516] 11 сентября состоялась личная беседа между ним и протектором в Стэйнсе под Лондоном, и было решено, что принц и все французские войска должны немедленно эвакуироваться из страны.

Избавив таким образом Англию от опасности иностранного ига, установив спокойствие во всей стране и обеспечив молодому королю Генриху мирное и неоспоримое владение тронном, он умер (1219 г. н. э.) в Кавершеме, оставив после себя, по словам Мэтью Париса, такую репутацию, с которой мало кто мог сравниться. Его мертвое тело в первую очередь доставили в аббатство в Рединге, где монахи приняли его в торжественной процессии. Его поместили на хоры церкви, и отпевание прошло с большой помпой. На следующий день его привезли в Вестминстерское аббатство, где снова была отслужена высокая месса, а оттуда в таком виде его перенесли в церковь Темпл, где торжественно похоронили в день Вознесения, 1219 г.[517] Мэтью Пэрис рассказывает, что в память об этом выдающемся дворянине была написана следующая эпитафия: - "Sum quem Saturnum".

"Sum quem Saturnum sibi sensit Hibernia, solem
Anglia, Mercurium Normannia, Gallia Martem".

Ибо он, по его словам, всегда был укротителем озорных ирландцев, честью и славой англичан, переговорщиком по Нормандии, в которой он вел множество дел, и воинственным и непобедимым солдатом во Франции.

Надпись на его могиле во времена Кэмдена была почти неразборчивой, как уже говорилось, и единственный стих, который можно было прочесть, гласил,

"Miles eram Martis Mars multos vicerat armis".

Все историки того времени в самых высоких выражениях отзываются о графе Пемброке как о воине^[518] и государственном деятеле и единодушно наделяют его благородным характером. Поэтому Шекспир в своей пьесе о короле Джоне изображает его красноречивым заступником за несчастного принца Артура.

Окруженный вельможами, он обращается к королю на его троне: "Пемброк.

"Пемброк. Я (как тот, кто является языком этих людей,
Чтобы озвучить цели всех их сердец).
И для себя, и для них, (но, прежде всего,
Ваша безопасность, ради которой я и они
Приложить все свои силы,) сердечно прошу
О наделении Артура правом голоса; чья сдержанность
Сдерживает ропот недовольных уст.
чтобы вступить в этот опасный спор.
Если, что в покое вы имеете, по праву вы держите,
Зачем же страхам вашим (которые, как говорят, сопутствуют
шагам неправых) должен побудить вас причитать
Своего нежного родственника, и задушить его дни
Варварским невежеством, и лишить его юность
богатых преимуществ хороших упражнений?
Чтобы враги времени не могли
Чтоб не было у врагов случая, Пусть будет нам по плечу
Что вы просили нас о его свободе;
Которую за наши блага мы больше не просим,
Чем о нашем благе, от вас зависящем.
Считайте, что вам выгодно, чтобы он получил свободу".

После этого, когда ему показали мертвое тело несчастного принца, он воскликнул.

"О смерть, возгордившаяся чистой и княжеской красотой!
В земле не было ни одной дыры, чтобы скрыть это деяние".

Все прошлые убийства оправдываются этим:
И это, столь единственное и непревзойденное,
Придаст святость, чистоту,
Еще не забытому греху времен,
И докажет, что смертельное кровопролитие - всего лишь шутка,
На примере этого отвратительного зрелища".

Этот прославленный дворянин был большим благодетелем тамплиеров. Он пожаловал им титулы церквей Спенес, Кастелан-Эмбиан, а также восемьдесят акров земли в Эширманхире[519].

Рядом с графом Пемброком, у северных окон круглой церкви Темпл, сидит юноша-воин, облаченный в доспехи из цепной почты; на левой руке у него длинный баклер, а руки в знак мольбы прижаты к груди. Это монументальное чучело Роберта лорда де Роса, самое изящное и интересное по внешнему виду из всех скрещенных фигур в церкви Темпл. Голова не покрыта, а юношеский лик имеет удивительно приятное выражение и украшен длинными и струящимися локонами вьющихся волос. На левом боку фигуры находится громоздкий меч, а доспехи на ногах имеют гребень или шов спереди, который продолжается над коленом и образует подобие подвязки ниже колена. Ноги попирает лев, а ступни скрещены в знак того, что воин был одним из тех военных энтузиастов, которые так странно смешивают религию и романтику, "чьи подвиги образуют связующее звено между фактом и вымыслом, между историей и сказкой". Принято считать, что эта интересная фигура изображает настоящего рыцаря-тамплиера, одетого по обычаю своего ордена, а свободное одеяние или плащ, наброшенный поверх кольчуги и стянутый на талии поясом, описывается как "струящаяся мантия с подобием *капота*". Этот предполагаемый колпак - не что иное, как складка кольчуги, покрытая толстым слоем краски. Мантия - это обычный сюртук, который носили светские воины того времени, и не является привычкой Храма. Более того, длинные завивающиеся волосы свидетельствуют о том, что воин, которого изображают на рисунке, не мог быть тамплиером, поскольку братья Храма должны были стричь волосы и носить длинные бороды.

В старинном генеалогическом отчете о семье Рос,[520] написанном в начале правления Генриха Восьмого, в 1513 году, через два века после упразднения ордена Храма, говорится, что Роберт лорд де Рос стал тамплиером и был похоронен в Лондоне. Писатель, должно быть, ошибся, поскольку этот дворянин оставался владельцем своих владений до самой смерти, а его старший сын после его кончины имел ливрею на его землях и платил штраф королю обычным способом, чего бы не произошло, если бы лорд де Рос вступил в орден Храма. Он, несомненно, был ассоциированным или почетным членом братства, а то обстоятельство, что он был похоронен в церкви Темпл, вероятно, послужило причиной ошибки. На щите его монументального изображения изображены три водяных бугеля - гербовые знаки его семьи, похожие на те, что можно увидеть в северном нефе Вестминстерского аббатства.

Роберт лорд де Рос, вследствие смерти своего отца в расцвете сил, унаследовал его владения в раннем возрасте тринадцати лет, и во второй год правления Ричарда Кёра де Льва (1190 г. н. э.) он заплатил королю штраф в тысячу марок (666 фунтов стерлингов, 13 с. 4 д.) за ливрею на его землях. На восьмом году правления того же короля ему поручили опеку над *Хью де Шомоном*, знаменитым французским военнопленным, и велели беречь его, как *собственную жизнь*. Однако он возложил эту обязанность на своего слугу Уильяма де Спини, который, будучи подкупленным, позволил французу бежать из замка Бонвиль, в результате чего лорд де Рос был вынужден королем Ричардом заплатить восемьсот фунтов, выкуп за пленника, а Уильям де Спини был казнен[521].

После вступления на престол короля Иоанна лорд де Рос был в большом фаворе при дворе и получил от этого монарха баронство своего предка, Уолтера л'Эспека. Он был послан в Шотландию с письмами о безопасном пути к шотландскому королю, чтобы тот мог отправиться в Англию для оказания почестей, и во время своего пребывания в Шотландии он влюбился в Изабеллу, прекрасную дочь шотландского короля, и потребовал и получил ее руку в жены. Он сопровождал ее королевского отца во время его поездки в Англию, чтобы

принести дань королю Иоанну, и присутствовал при беседе двух монархов на холме близ Линкольна, когда король Шотландии присягнул на верность на кресте Губерта, архиепископа Кентерберийского, в присутствии знати обоих королевств и огромного количества зрителей.[522] От своего государя лорд де Рос получил различные привилегии и иммунитеты, а в 1213 году он был назначен шерифом Камберленда. Поначалу он был верен королю Иоанну, но, как и лучшие и храбрейшие дворяне страны, впоследствии отказался от верности, поднял штандарт восстания и был в числе первых смелых патриотов, добившихся Магна Чарты. Его избрали одним из двадцати пяти хранителей общественных свобод и обязали заставить Иоанна соблюдать великую хартию. 523] Он стал младенцем принца Генриха, благодаря влиянию и уговорам графа Пемброка, Протектора,[524] и получил от молодого монарха различные знаки королевской благосклонности. Он умер на одиннадцатом году правления молодого короля Генриха Третьего (1227 г. н. э.) и был похоронен в церкви Темпл[525].

Вышеупомянутый лорд де Рос был большим благодетелем тамплиеров. Он пожаловал им поместье Рибстейн с церковью; виллу Уэльсфорд и все свои ветряные мельницы в этом месте; виллу Халсингор с лесом и ветряной мельницей; также все свои земли в Катталле и различные владения в Конингстрите, Йорк.[526]

Вивер, очевидно, неправильно отнес надпись на старинном памятнике брата Констанса Ховера, генерального посетителя ордена Храма, к вышеупомянутому дворянину.

Что касается остальных монументальных изображений в церкви Темпл, то на таком расстоянии идентифицировать их совершенно невозможно, поскольку на их щитах нет ни гербов, ни чего-либо, что могло бы дать нам подсказку об их истории. Нет никаких сомнений, что две фигуры изображают Уильяма Маршалла-младшего и Гилберта Маршалла, графов Пембрукских и сыновей Протектора. Мэтью Пэрис рассказывает, что эти дворяне были похоронены рядом со своим отцом в церкви Темпл, и, следовательно, их идентификация была бы легкой, если бы не неудачное удаление фигур с их первоначальных мест бессмертным *Роджером Гиллингемом*.

Рядом с лордом де Росом сидит суровый воин, скрестив на груди обе руки. На голове у него простой венок, а на левой руке висит щит, не имеющий гербовых знаков. Рядом с этой фигурой лежит обтесанный камень, который служил крышкой древнего саркофага. Гребни на нем изображают крест, вершина которого заканчивается трилистником, а подножие опирается на голову ягненка. Из середины древка креста выходят два флера или листа. Поскольку ягненок был эмблемой ордена Храма, вполне вероятно, что в саркофаге, которому принадлежал этот обтесанный камень, находилось мертвое тело либо одного из магистров, либо одного из генеральных посетителей тамплиеров.

Из всех фигур самой северной группы монументальных изваяний в храме только две стоят на скрещенных ногах. Первая фигура на южной стороне ряда, прямоходящая, держит в правой руке меч, направленный к земле; ноги поддерживает леопард, а подушка под головой украшена скульптурной листвой и цветами. У третьей фигуры меч подвешен на правом боку, а руки сложены в преданном поклоне на груди. Четвертая фигура имеет одухотворенный вид. На ней изображен скрестивший ноги воин, выхватывающий меч и одновременно попирающий ногами дракона. Это олицетворение религиозного воина, побеждающего врагов христианской церкви. Следующее и последнее монументальное изображение, которое также держит ноги скрещенными, по одежде и внешнему виду похоже на остальные; правая рука лежит на груди, а левая - на мече. Эти две последние фигуры, схожие по

характеру, костюму и внешнему виду, возможно, являются монументальными изображениями Уильяма и Гилберта Маршалла, двух сыновей Протектора.

Уильям Маршалл, которого обычно называют Младшим, был одним из смелых и патриотичных баронов, заставивших короля Иоанна подписать Магна Чарта. Он был назначен одним из двадцати пяти хранителей общественных свобод и был одним из главных лидеров и организаторов войны баронов, участвуя в договоре об удержании города и лондонского Тауэра. [527] После смерти короля Иоанна его отец Протектор перешел на сторону молодого короля Генриха, законного наследника престола, которому он служил с рвением и верностью. Он был галантным солдатом и очень отличился во время кампании в Уэльсе. Он поверг в бою принца Ллевеллина, потеряв восемь тысяч человек, и огнем и мечом опустошил владения этого принца. [528] За эти заслуги он получил откуп от всех своих арендаторов в *двадцати графствах Англии!* Он был назначен правителем замков Кардиган и Кармартен и получил различные знаки королевской милости. На четырнадцатом году правления короля Генриха Третьего он стал генерал-капитаном королевских войск в Бретани, и, пока он отсутствовал в этой стране, в Ирландии началась война, после чего он был послан в это королевство со значительной армией для восстановления спокойствия. Он женился на Элеоноре, дочери короля Иоанна от прекрасной Изабеллы Ангулемской, и стал шурином молодого короля Генриха Третьего. [529] Он умер без потомства в 1231 году (15 Неп. III.) и 14 апреля был похоронен в церкви Темпл в Лондоне, рядом со своим отцом Протектором. Он был очень любим королем Генрихом Третьим, который присутствовал на его похоронах, а Мэтью Пэрис рассказывает, что когда король увидел мертвое тело, покрытое траурным покрывалом, он глубоко вздохнул и был сильно поражен [530].

Поместья, замки, имения и владения этого могущественного дворянина в Англии, Уэльсе, Ирландии и Нормандии были огромны. Он подарил обширные лесные угодья монахам Тинтерна в Уэльсе; основал монастырь монахов-проповедников в Дублине, а тамплиерам отдал церковь Вестоун со всеми ее приписками, пожаловал и подтвердил им боро Бодак, поместье Лангенаш с различными землями, ветряными мельницами и *холопами* [531].

Гилберт Маршалл, граф Пемброк, брат вышеупомянутого и третий сын Протектора, унаследовал графство и обширные владения своих предков после меланхоличного убийства в Ирландии своего галантного брата Ричарда, "цветка рыцарства того времени" (A. D. 1234). На следующий год после получения титула он женился на Маргарет, дочери шотландского короля, которую Мэтью Пэрис описывает как "самую изящную девушку" [532], и получил за ней великолепное приданое. В 1236 году он принял крест и присоединился к брату короля, графу Корнуоллу, в организации крестового похода в Святую землю.

Мэтью Пэрис приводит длинный рассказ о нелепой ссоре, вспыхнувшей между этим графом Пемброком и королем Генрихом Третьим, когда последний обедал на Рождество в Винчестере в 1239 году [533].

На большом собрании крестоносцев в Нортгемптоне он дал торжественную клятву на алтаре церкви Всех Святых без промедления отправиться в Палестину, чтобы сражаться с врагами креста; [534] но его намерения были разрушены рукой смерти. На турнире, проходившем в Уэйре в 1241 году, он был сброшен с лошади и умер через несколько часов после этого в монастыре в Хертфорде. Его внутренности были похоронены в церкви Богородицы в этом месте, а тело было привезено в Лондон в сопровождении всей семьи и погребено в церкви Темпл рядом с его отцом и старшим братом [535].

Вышеупомянутый Гилберт Маршалл пожаловал тамплиерам церковь Уэстона, округ Балдок, земли и дома в Ройдоне и лес Лангнока [536].

Все пять сыновей старшего Маршалла, Протектора, умерли без потомства в царствование Генриха Третьего, и род угас. Они сходили в могилу друг за другом, сменяя друг друга, так что каждый из них на короткий срок достиг достоинства графства и наследственной должности графа Маршалла.

Мэтью Парис объясняет меланхоличное угасание этого благородного и прославленного рода следующим образом.

Он рассказывает, что старший Маршалл, протектор, во время похода в Ирландию захватил земли преподобного епископа Фернеса и продолжал владеть ими, несмотря на приговор об отлучении, который был вынесен в отношении него. После того как Протектор отошел в мир иной и был похоронен в церкви Темпл, преподобный епископ приехал в Лондон и упомянул об этом обстоятельстве королю, сообщив ему, что граф Пемброк, несомненно, умер отлученным от церкви. Король был сильно обеспокоен и встревожен этим известием и попросил епископа отправиться к гробнице графа и освободить его от уз отлучения, пообещав епископу, что он постарается обеспечить ему достаточное удовлетворение. Король Генрих так беспокоился о сохранности души своего любимого опекуна, что лично сопровождал епископа в церковь Темпл; и Мэтью Парис утверждает, что епископ, стоя у гробницы в присутствии короля и в присутствии многих посторонних, произнес такие слова: "О Вильгельм, покоящийся здесь и удерживаемый цепью отлучения, если те земли, которые ты несправедливо отнял у моей церкви, будут возвращены мне королем, или твоим наследником, или кем-либо из твоей семьи, и если будет должным образом возмещен ущерб, нанесенный мне, я дарую тебе отпущение грехов; если же нет, я подтверждаю свой предыдущий приговор, так что, окутанный своими грехами, ты навеки обречен на ад!"

Возмещение так и не было произведено, и возмущенный епископ произнес еще одно проклятие, словами псалмопевца: "Имя его будет искоренено в одном роду, и сыновья его лишатся благословения: плодитесь и размножайтесь; некоторые из них умрут жалкой смертью; наследство их будет рассеяно; и это ты, о царь, увидишь при жизни твоей, да, в дни цветущей юности твоей". Матфей Парис с большой торжественностью останавливается на замечательном исполнении этого страшного пророчества и сообщает, что при освящении продолговатой части Храмовой церкви тело Защитника было найдено целым, зашитым в бычью шкуру, но в состоянии гниения и отвратительном на вид^[537].

Следует отметить, что даты погребения вышеупомянутых дворян, упоминаемые Мэтью Парисом и другими авторитетами, следующие: Уильям Маршалл старший - 1219 г. н. э.; лорд де Рос - 1227 г. н. э.; Уильям Маршалл младший - 1231 г. н. э.; все до освящения продолговатой части церкви. Гилберт Маршалл, напротив, был похоронен в 1241 году, на следующий год после этой церемонии. Поэтому те, кто полагает, что монументальные изображения Маршалла первоначально находились в восточной части здания, ошибаются.

Среди многих выдающихся личностей, похороненных в церкви Темпл, - Уильям Плантагенет, пятый сын Генриха Третьего, умерший в 1256 году н. э., не достигнув совершеннолетия.^[538] Все классы людей проявляли огромное желание быть похороненными на кладбище тамплиеров.

Король Генрих Третий обеспечил свое собственное погребение в Храме официальным документом, составленным в следующих благочестивых и благоговейных выражениях:...

"Всем верным христианам, к которым придут эти подарки, Генрих, милостью Божьей король Англии, повелитель Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании и граф Анжуйский, спасение. Да будет известно всем вам, что мы, будучи в здравом уме и свободных суждениях и желая с

благочестивой предусмотрительностью распространить наше внимание за пределы преходящих событий этой жизни и определить место нашего погребения, по любви, которую мы питаем к ордену и братьям рыцарства Храма, даровали и даровали, после того, как этот жизненный путь завершится и мы пойдем путем всякой плоти, тело наше будет отдано Богу и Пресвятой Деве Марии и дому рыцарства Храма в Лондоне, чтобы быть там погребенным, ожидая и надеясь, что через нашего Господа и Спасителя это в значительной степени будет способствовать спасению нашей души.... Мы желаем, чтобы тело наше, когда мы уйдем из этой жизни, было отнесено в вышеупомянутый дом рыцарства Храма и было там достойно погребено, как указано выше..... Свидетельствует досточтимый отец Р., епископ Херефордский, и т.д. Дано рукой досточтимого отца Эдмунда, епископа Чичестерского, нашего канцлера, в Глостере, 27 июля, в девятнадцатый год нашего царствования"[539].

Королева Элеонора аналогичным образом позаботилась о своем погребении в церкви Темпл, причем формальный документ был составлен с согласия и одобрения ее повелителя, Генриха, прославленного короля Англии, который с готовностью внимал ее молитвам по этому поводу.[540] Однако впоследствии эти условия погребения были изменены, и король в своем завещании распорядился похоронить свое тело следующим образом: "Я завещаю, чтобы мое тело было похоронено в церкви благословенного Эдуарда в Вестминстере, не имея никаких препятствий, поскольку ранее я назначил, чтобы мое тело было похоронено в Новом храме"[541].

ГЛАВА XIII.

ХРАМ.

Древности Храма - история этого места после распада ордена рыцарей-тамплиеров - создание в Храме общества юристов - древность этого общества - его связь с древним обществом рыцарей-тамплиеров - орден рыцарей и служащих братьев, основанный в юриспруденции - степень *frere serjen* или *frater serviens*, заимствованная у древних тамплиеров - современные тамплиеры делятся на два общества - Внутреннего и Среднего Храма.

"Эти кирпичные башни,
На которых скачут престарелые братья Темы,
Где нынче юристам-студентам поклоны;
Там во времена оны рыцари-храмовники жили,
Пока не истлели от гордости".

От древних рыцарей-тамплиеров в Темпле за пределами церкви осталось совсем немного. Нынешний Иннер Темпл Холл был их древним залом, но в разные периоды он подвергался таким изменениям и ремонтам, что утратил все следы и остатки древности. В 1816 году он

был почти полностью перестроен, и следующая выдержка из "Отчета и замечаний казначея о недавнем ремонте зала Внутреннего храма " может оказаться интересной, поскольку показывает состояние здания до этого периода.

"Судя по пропорциям, состоянию разрушения, материалам восточной и южной стен, контрфорсам южного фасада, остроконечной форме крыши и арок, а также грубой скульптуре на двух дверях общественного входа, зал, очевидно, имеет очень большую древность..... Северная стена, похоже, была перестроена, за исключением двух ее крайних частей, в современное время, но на старом фундаменте..... Крыша была обнаружена в очень ветхом и шатком состоянии; многие бревна полностью сгнили. По-видимому, она подвергалась ремонту в течение трех отдельных периодов времени, в каждый из которых древесина добавлялась без необходимости, так что в итоге накопился вес, который выпирал из северной и южной стен. Поэтому возникла необходимость удалить все деревянные элементы крыши и заменить их более легкими. При снятии старой обшивки западной стены была обнаружена перпендикулярная трещина значительной высоты и ширины, которая в любой момент грозила обрушением этой части здания вместе с нависающей над ней крышей..... Башенка часов и южный фасад зала обложены только камнем; это было сделано в 1741 году, и выполнено очень плохо. Конструкция башенки, сложенная из мела, тряпичного камня и бутового камня (того же материала, что и стены церкви), кажется очень древней..... Деревянный купол колокола настолько обветшал, что пропускал дождь, и был вынужден быть обновлен в форме, согласующейся с другими частями южного фасада."

"Несмотря на готический характер здания, в 1680 году, во время казначейства сэра Томаса Робинсона, протонотария К. Б., была возведена греческая ширма дорического ордера, над которой возвышались головы львов, конусы и другие несочетаемые приспособления."

"В 1741 году, во время казначейства Джона Бленкоу, esq., в южном фасаде появились низкие окна римской архитектуры".

"Даты таких нововведений можно узнать из надписей с именами соответствующих казначеев".

Этот старинный зал был знаменитой трапезной рыцарей-тамплиеров и сценой их гордого и пышного гостеприимства. В его почтенных стенах они в разные периоды принимали короля Иоанна, короля Генриха Третьего, надменных легатов римских понтификов и послов иностранных держав. Старый обычай, о котором упоминает Мэтью Пэрис,^[542] развешивать по стенам щиты и гербы древних рыцарей, сохранился до сих пор, и каждый последующий казначей Храма продолжает водружать свой герб на стену, как в былые, величественные дни воинственных монахов.

В западном конце зала сохранились значительные остатки древнего монастыря рыцарей-тамплиеров. Выемчатая готическая арка в том же стиле архитектуры, что и в самой старой части церкви Темпл, образует потолок нынешней маслобойни, а в квартире дальше - выемчатый сводчатый потолок большой красоты. Ребра арок в обеих комнатах изящно вылеплены, но печально изуродованы толстым слоем штукатурки и варварской побелкой. В подвалах под этими комнатами сохранились старые стены огромной толщины, остатки древнего окна, любопытный камин и несколько изящных остроконечных готических арок, соответствующих потолкам наверху; но теперь они, увы, окутаны мраком, загромождены современными кирпичными перегородками и лестницами и испачканы сыростью и пылью многих веков. Эти интересные остатки образуют верхний и нижний этажи, причем пол верхнего этажа находится на одном уровне с полом зала, а пол нижнего этажа - на одном уровне с террасой с южной стороны. Раньше они были соединены с церковью крытым

коридором или клуатром, который проходил под прямым углом к ним над местом нынешних монастырских палат, и сообщался с верхним и нижним этажом часовни Святой Анны, которая раньше стояла на южной стороне церкви. Через этот коридор и часовню братья Храма имели частный доступ в церковь для выполнения своих строгих религиозных обязанностей и тайных церемоний принятия новичков в обеты ордена. В 9 г. В 1612 году над древним монастырем Фрэнсисом Тейтом, эсквайром, было возведено несколько кирпичных зданий высотой в три этажа, которые через несколько лет после этого были сожжены, а интересный крытый путь, соединявший церковь с древним монастырем, был вовлечен в общее разрушение, что следует из следующей надписи на нынешних зданиях:

"Vetustissima Templariorum porticu igne consumpta, anno 1678, Nova hæc, sumptibus Medii Templi extructa anno 1681 Gulielmo Whitelocke armigero, thesaurario".

"Старинный портик тамплиеров сгорел в 1678 году, и эти новые здания были возведены на средства Миддл Темпл в 1681 году, казначеем был Уильям Уитлок, эсквайр".

Клойстеры тамплиеров служили средством связи между залом, церковью и кельями служащих братьев ордена[543].

Во время строительства нового входа в Темпл со стороны церкви, расположенной в нижней части улицы Иннер Темпл, значительная часть кирпичной кладки старых домов была снесена, и обнаружилась древняя стена большой толщины. Она состояла из мела, тряпичного камня и щебня, в точности повторяя стены церкви. Она шла в направлении на восток и запад, и, судя по всему, составляла крайнюю северную границу старого монастыря.

Место расположения остальных зданий древнего храма сейчас невозможно определить с уверенностью.

Особняк (*Mansum Novi Templi*), резиденция магистра и рыцарей, которые жили отдельно от служилой братии и ели за отдельным столом, по-видимому, находился в восточном конце зала, на месте нынешней библиотеки и апартаментов мастеров скамьи.

На смену гордым и могущественным рыцарям-тамплиерам в Храм пришли ученые юристы, которые завладели старым залом и мрачными кельями военных монахов и превратили главный дом своего ордена в великий и древнейший Университет общего права Англии.

Более пяти столетий убежища религиозных воинов были посвящены "ученым и красноречивым защитникам дел", новому виду тамплиеров, которые, как причудливо замечает Фуллер, теперь "защищают одного христианина от другого, как старые защищали христиан от язычников". Современных тамплиеров называют *milites justitiæ*, или "солдатами справедливости", ибо, как говорит Иоанн Солсберийский, писатель двенадцатого века, "neque reipublicæ militant soli illi, qui galeis thoracisque muniti in hostes exercent tela quælibet, sed et patroni causarum, qui lapsa erigunt, fatigata reparant, nec minus provident humano generi, quam si laborantium vitam, spem, posterosque, armorum præsidio, ab hostibus tuerentur." "Не только те сражаются за государство, кто, облачившись в шлемы и нагрудные пластины, орудовал мечом и дротиком против врага, ибо ходатаи, исправляющие несправедливость, поднимающие угнетенных, защищают и обеспечивают человеческий род не меньше, чем если бы они мечом защищали жизни, состояния и семьи трудолюбивых граждан"[544].

"Кроме того, встречи в баре
Ныне храбрее, чем на войне,
В которых закон исполняется
С меньшим беспорядком и смятением;

В них больше чести, считают некоторые,
Не как новый, а как старый путь",
Когда те, кого перо влекло вместе
Решали ссоры пером,
И крылатые стрелы убивали как мертвых,
И больше, чем пули, теперь из свинца:
Так что все их битвы сейчас, как и тогда,
Управляются главным образом пером;
Которое совершает подвиг с большей отвагой,
И в словах, и в цифрах".

Урегулирование ситуации с юристами в Храме происходило следующим образом.

После заточения рыцарей-тамплиеров главный дом ордена в Лондоне, вместе с прочим имуществом монахов-воинов, перешел в руки короля и был передан на попечение Джеймса ле Ботильера и Уильяма де Бейсинга, которым 9 декабря 1311 года было приказано передать его шерифам Лондона, чтобы они им распоряжались.^[545] Через два года после этого Храм был пожалован могущественному дворянину Аймеру де Валенсу, графу Пембруку, который был одним из руководителей баронского заговора против Пирса Гавастона.^[546] Однако поскольку Томас, граф Ланкастер, претендовал на Храм по выморочному праву как непосредственный властелин, граф Пембрук 3 октября 1315 г. на собрании графов Пембрука заявил, что он не имеет права выморочного имущества, 1315 г., по просьбе короля и в обмен на другие земли, пожалованные ему его государем, отменил и освободил все свои права и титулы на них в пользу Ланкастера.^[547] Этот граф Ланкастер был двоюродным братом английского монарха и первым принцем крови; он был самым могущественным и богатым подданным королевства, обладая не менее чем шестью графствами и соразмерными земельными владениями, и в то время, когда к его многочисленным владениям был добавлен Храм, он стоял во главе правительства и управлял королем и страной как президент совета. В одном из старинных документов о Темпле, ранее принадлежавшем лорду Сомерсу, а затем Николлсу, знаменитому антиквару, написанном, по-видимому, членом Внутреннего храма, говорится, что юристы "договорились с графом Ланкастером о помещении в Темпле, и так пришли сюда, и с тех пор продолжают жить здесь". То, что это было именно так, представляется весьма вероятным на основании различных обстоятельств, о которых сейчас пойдет речь.

Граф Ланкастер владел Храмом более шести с половиной лет.

Когда стало известно о привязанности короля к Хью ле Деспенсеру, другому фавориту, он поднял штандарт восстания. Он двинулся со своими войсками на Лондон, дал закон королю и парламенту и добился вынесения приговора об отлучении и вечной ссылке Хью ле Деспенсера. Однако военная удача вскоре обернулась против него. Он был разбит и доставлен пленником в свой собственный замок Понтефрак, где король Эдуард вынес ему приговор: повесить, нарисовать и четвертовать как мятежника и предателя. В тот же день его одели в убогое одеяние, посадили на тощую джиду без узды, на голову накинули капюшон и в таком жалком состоянии повели через город Понтефрак к месту казни, перед его собственным замком^[548].

Через несколько дней после этого король, пока он еще оставался в Понфракте, пожаловал храм Аймеру де Валенсу, графу Пембруку, королевской грамотой, составленной в следующих выражениях

"Эдуард милостью Божьей, король и т. д., архиепископам, епископам, аббатам, приорам, графам, баронам, юстициарам и т. д. и т. п., здравствуйте. Знайте, что за добрые и похвальные услуги, которые наш возлюбленный родственник и верный слуга Аймер де Валанс оказывал и будет оказывать нам, мы даровали, пожаловали и нашей королевской грамотой подтвердили указанному графу особняк и поместье под названием Новый Храм в пригороде Лондона, с домами, рентами и всем прочим, к тому же особняку и поместью принадлежащим, ранее принадлежавшие тамплиерам, а затем Томасу графу Ланкастеру, нашему врагу и мятежнику, и перешедшие в наши руки в результате конфискации того же Томаса, в порядке выморочного имущества, которые будут иметь и удерживать тот же Аймер и наследники его тела, законно рожденные, от нас и наших наследников и других главных лордов, оказывая те же услуги, что оказывались ранее; но если упомянутый Аймер умрет, не имея законных наследников своего тела, то упомянутый особняк, поместье и т.д. &c., перейдут к нам и нашим наследникам"[549].

Прошло чуть больше года после даты этого пожалования, и Аймер де Валанс был убит. Он сопровождал королеву Изабеллу ко двору ее отца, короля Франции, и был там убит (23 июня 1323 года н. э.) одним из английских беглецов из фракции ланкастерцев в отместку за смерть графа Ланкастера, чьей гибели он, как считалось, способствовал. Его мертвое тело привезли в Англию и похоронили в Вестминстерском аббатстве во главе с Эдмундом Краучбеком, графом Ланкастером. Он не оставил после себя наследников, и Храм, таким образом, снова вернулся к короне[550].

Теперь он был пожалован Хью ле Деспенсеру Младшему, фавориту короля, в то самое время, когда был принят парламентский акт (17 Edward II.), передавший все земли тамплиеров Госпитальерам Святого Иоанна[551]. Хью ле Деспенсер, как и другие бароны, не обращал внимания на парламент и удерживал Храм до самой своей смерти, которая случилась вскоре после этого, поскольку 24 сентября, А. 24 сентября 1326 года королева Изабелла высадилась в Англии вместе с остатками ланкастерской фракции; свергнув с трона своего мужа Эдуарда Второго, она схватила фаворита и тут же приговорила его к смерти. В канун дня святого Андрея его вывели на казнь; на него надели перевернутый гербовый сюртук, на голову водрузили корону из крапивы, а на облачении написали шесть стихов псалма, начинающегося "*Quid gloriaris in malitiâ*". 552] После этого его вздернули на виселицу высотой в восемьдесят футов, а затем обезглавили, пригвоздили и четвертовали. Его голову отправили в Лондон и прикрепили на мосту; из четырех четвертей тела одну отправили в Йорк, другую в Бристоль, третью в Карлайл, а четвертую в Дувр[553].

Так погиб последний частный владелец Храма в Лондоне.

На престол вззошел молодой принц Эдуард Третий, оставив своего родителя, свергнутого Эдуарда Второго, на милость тюремщиков замка Беркли. Он захватил Храм, конфискованный у него по приговору Хью ле Деспенсера, и передал его на хранение мэру Лондона, своему эсквайру в городе. Мэр, как хранитель Храма, взял за правило закрывать ворота, ведущие к берегу воды, которые находились в нижней части нынешнего Миддл-Темпл-лейн, из-за чего адвокаты испытывали большие неудобства при движении из Храма в Вестминстер и обратно. По этому поводу были поданы жалобы королю, который во второй день ноября на третьем году своего правления написал мэру следующее:

"Король - мэру Лондона, своему эсквайру[554] в том же городе.

"Поскольку нам дали понять, что должен быть свободный проход через двор Нового храма в Лондоне к реке Темзе для наших судей, клерков и других лиц, которые могут пожелать проехать по воде в Вестминстер для ведения своих дел, и что вы держите ворота храма

закрытыми днем и не позволяете тем же судейским, клеркам нашим и другим лицам, проезжать через середину указанного двора к берегу воды, что часто сильно мешает как нашим собственным делам, так и делам нашего народа в целом, мы приказываем вам держать ворота указанного храма открытыми днем, чтобы наши судьи и клерки, а также другие лица, желающие отправиться по воде в Вестминстер, могли сделать это тем путем, к которому они до сих пор привыкли.

"Свидетельствуем в Кенилворте, 2-й день ноября и третий год нашего царствования"[555].

В следующем году король снова написал мэру, своему эсквайру в Лондоне, сообщая, что ему дали понять, что мост в упомянутом дворе Храма, ведущий к реке, настолько сломан и обветшал, что его клерки, служители закона и другие люди не могут больше перебраться через него и, следовательно, лишены возможности проехать по воде в Вестминстер.

"Поэтому, - продолжает он, - желая обеспечить должное средство для устранения этого зла, мы приказываем вам сделать все необходимое для ремонта упомянутого моста и покрыть расходы на него из доходов от земель и ренты, относящихся к упомянутому Храму и находящихся сейчас под вашей опекой; и когда нам сообщат о том, что сделано в этом деле, расходы будут разрешены вам в счет тех же доходов.

"Свидетельствуем сами в Вестминстере, 15-го дня января и четвертого года нашего царствования"[556].

Через два года после этого (6 Е. III, 1333 г. н. э.) король передал управление Храмом "своему любимому клерку" Уильяму де Лангфорду "и передал ему ренту и доходы от нее на срок десять лет с рентой в 24 л. в год, причем упомянутый Уильям обязался содержать все дома и владения в порядке и ремонте и передать их по истечении срока"[557].

Тем временем, однако, Папа, епископы и госпитальеры прилагали все усилия, чтобы добиться передачи имущества, в прошлом принадлежавшего тамплиерам, ордену Госпиталя Святого Иоанна. Госпитальеры обратились к королю с петицией, в которой указывали, что церковь, монастыри и другие места в Храме освящены и посвящены служению Богу, что они были несправедливо захвачены и отняты у них Хью ле Деспенсером Младшим и, благодаря его убийству, недавно перешли в руки короля, и они просили короля передать их им во владение. Король Эдуард приказал мэру Лондона, своему эсквайру в этом городе, провести расследование по поводу этих помещений.

Из этого дознания и его результатов следует, что многие из основателей церкви Темпл и многие братья ордена рыцарей-тамплиеров были похоронены в церкви и на кладбище Темпла; что епископ Ели имел в Темпле свое жилище, известное под названием палаты епископа Ели; что там была часовня, посвященная св. Томасу-а-Бекету, которая простиралась от дверей Храмового зала до древних ворот Храма; а также клуатр, который начинался у покоев епископа Эли и шел в *восточном* направлении; и что существовала стена, которая шла в северном направлении до упомянутого королевского шоссе; что в передней части кладбища к северу, граничащей с королевским шоссе, находились тринадцать домов, возведенных ранее, с согласия и разрешения магистра и братьев Храма, Роджером Бломом, посланником Храма, для хранения светильников и украшений церкви; что земля, на которой были построены эти дома, кладбище, церковь и все пространство, заключенное между часовней Св. Томаса, церковью, клуатрами и стеной, идущей в северном направлении, и все возведенные на ней здания, вместе с залом, клуатрами и часовней Святого Томаса, были освященными местами, посвященными Богу; что Хью ле Деспенсер занимал и удерживал их несправедливо, и что благодаря его отлучению и конфискации, а не иным путем, они попали в руки короля.[558]

После возвращения этой инквизиции указанные освященные места были переданы настоятелю и братьям госпиталя Святого Иоанна; и король 11 января десятого года своего правления, н. ст. 1337 года, направил свое предписание баронам Казначейства, повелевая им выяснить стоимость упомянутых освященных мест, переданных госпитальерам, и остатков Храма, и заверить это за своими печатями королю, дабы в ренте Уильяма де Лэнгфорда было сделано разумное сокращение. Из расследования, проведенного во исполнение этого предписания перед Джоном де Шордичем, бароном Казначейства, следует, что на упомянутом остатке Храма на земле, остававшейся тогда в ведении Уильяма де Лангфорда, и внутри больших ворот Храма находились еще один ЗАЛ[559] и четыре палаты, соединенные с ним, кухня, сад, конюшня и палата за большими воротами; также восемь лавок, семь из которых находились на Флит-стрит, а восьмая - в пригороде Лондона, без барной стойки Нового храма; что годовая стоимость этих магазинов варьировалась от десяти до тринадцати, пятнадцати и шестнадцати шиллингов; что фрукты из сада Храма продавались за шестьдесят шиллингов в год брутто; что семь из тринадцати домов, возведенных Роджером Бломом, имели годовую стоимость одиннадцать шиллингов каждый; и что восьмой, расположенный за воротами входа в церковь, стоил четыре марки в год. Кроме того, оказывается, что общий годовой доход храма в то время составлял 73л. 6s. 11d., равный примерно 1000 фунтов наших нынешних денег, и что Уильям де Лэнгфорд был лишен 12l. 4s. 2d. из его упомянутой ренты[560].

Через три года после принятия этой инквизиции, в тринадцатый год своего правления, н.э. 1340 года, король Эдуард Третий в обмен на сумму в сто фунтов, которую настоятель Госпиталя обещал выплатить ему на расходы по его экспедиции во Францию, пожаловал указанному настоятелю все остатки Храма, остававшиеся тогда в руках короля, в вечное владение вместе с кладбищем, монастырями и другими освященными местами указанному настоятелю и его братьям и их преемникам, королю и его наследникам для благотворительных целей.[561] Из вышеупомянутого гранта следует, что привратник Храма получал шестьдесят шиллингов и десять пенсов в год и два пенса в день жалованья, которое ему должны были выплачивать госпитальеры.

В этот период Филипп Тан был настоятелем Госпиталя; и, судя по всему, он прилагал все усилия, чтобы придать богослужению в церкви Храма то достоинство и великолепие, которым оно обладало во времена тамплиеров. Он, с единодушного согласия и одобрения всего капитула Госпиталя, пожаловал брату Хью де Личфельду, священнику, и его преемникам, опекунам Храмовой церкви, для улучшения освещения и проведения богослужений в ней, все земли, называемые Фикетсфельд, и сад, называемый Коттерелл Гарден;[562] и через два года после этого он еще раз пожаловал упомянутому Хью и его преемникам тысячу фаготов в год, которые будут вырезаться из леса Лиллестона и перевозиться в Новый Храм для поддержания огня в упомянутой церкви.[563]

Король Эдуард Третий на тридцать пятом году своего правления, в 1362 году, несмотря на передачу храма госпитальерам, воспользовался правом назначения на должность привратника и своей жалованной грамотой назначил Роджера Смолла на эту должность на срок своей жизни, в обмен на добрую службу, оказанную ему этим Роджером Смоллом[564].

Именно в этот период появляется первое отчетливое упоминание об обществе юристов в Темпле.

Поэт Чосер, родившийся в конце правления Эдуарда Второго, в 1327 году н. э., и пользовавшийся большой популярностью при дворе в царствование Эдуарда Третьего, так говорит о Мансипле, или поставщике провизии, юристов в Храме:

"В Храме служил один знатный человек,
От которого ачатуры могли бы брать пример,
чтобы быть мудрым в приобретении виталий.
Ибо платил ли он или брал по хвосту,
Алгат так ждал в своем ачате,
что всегда был в хорошем состоянии.
Не это ли Божья милость,
Чтоб сгладить задержанный ум,
Мудрость целой кучи образованных людей?"
"Мастеров у него было больше десяти,
Которые были знатны и любопытны:
Из них в том доме была доза
Достойных быть управителями ренты и лондов
Любого лорда, что в Энгллонде,
Чтобы он жил своим добром,
В чести, но если бы он был деревянным,
Или жить так страшно, как он пожелает;
И способным помочь всему миру,
В любой случай, который может выпасть или случиться;
And yet this manciple sette hir aller cappe"[565].

Таким образом, оказывается, что юристы в Храме в царствование Эдуарда Третьего имели своего поставщика провизии, как и в наши дни, и, следовательно, тогда держали коммуны, или обедали вместе в зале.

В четвертый год правления Ричарда Второго, 1381 год н. э., появляется еще более отчетливое упоминание о Храме как о месте жительства *ученых* и *сведущих* в законах.

В старинной хронике, написанной на нормандском французском языке и ранее принадлежавшей аббатству Святой Марии в Йорке, рассказывается, что мятежники под предводительством Уота Тайлера пришли в Храм, снесли дома, вошли в церковь, взяли все книги и свитки с воспоминаниями, которые находились в сундуках УЧИТЕЛЕЙ ЗАКОНА в Храме, положили их под большой дымоход и сожгли. ("Les rebels alleront a le Temple et jetteront les measons a la terre et avegheront tighles, issint que ils fairont couverture en mal array; et alleront en l'esglise, et pristeront tous les liveres et rolles de remembrances, que furent en leur huches deins le Temple de Apprentices de la Ley; et porteront en le haut chimene et les arderont."[566]) А Уолсингем, писавший в царствование Генриха Шестого, примерно через пятьдесят лет после этих событий, рассказывает, что после того, как мятежники под предводительством Уота Тайлера и Джека Строу сожгли Савойю, благородный дворец Джона Гонта, герцога Ланкастерского, они снесли дом под названием Темпл-Барр, где жили подмастерья или ученики высшей профессии юриста, из-за злобы, которую они питали к Роберту Хейлзу, магистру госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского, и сожгли многие акты, которые хранились у юристов. ("Quibus perpetratis, satis malitiose etiam locum qui vocatur Temple Barre, in quo *apprenticii juris* morabantur *nobiliores*, diruerunt, ob iram quam conceperant contra Robertum de Hales Magistrum Hospitalis Sancti Johannis Jerusalem, ubi plura munimenta, quæ Juridici in custodiâ habuerunt, igne consumpta sunt.")[567].

Однако в следующем отрывке он дает нам лучший ключ к разгадке нападения на Храм и сожжения дел и писаний, поскольку рассказывает, что в намерения мятежников входило обезглавить всех юристов, так как они думали, что, уничтожив их, они покончат с законом и таким образом смогут распоряжаться делами по своей воле и желанию. ("Ad decollandum

omnes juridicos, escaetores, et universos qui vel in lege docti fuere, vel cum jure ratione officii communicavere. Mente nempe conceperant, doctis in lege necatis, universa juxta communis plebis scitum de cætero ordinare, et nullam omnino legem fore futuram, vel si futura foret, esse pro suorum arbitrio statuenda.")

Очевидно, что юристы были непосредственными преемниками рыцарей-тамплиеров в захвате Храма, как *арендаторы* графа Ланкастера.

Пока тамплиеры томились в плену в темницах Лондона и Йорка, король Эдуард Второй выплачивал их слугам и помощникам пенсии, которые они ранее получали из казны Храма, при условии, что они продолжали выполнять услуги и обязанности, которые оказывали своим древним хозяевам. 26 ноября 1311 года он пожаловал Роберту Стайффорду, клерку, на содержание в доме Храма в Лондоне, два денье в день и пять шиллингов в год на предметы первой необходимости, при условии, что он будет служить в церкви; если же он не сможет этого делать, то должен будет получать только еду и жилье. Джеффри Талавер должен был получать в том же доме Храма три денье в день на пропитание и двадцать шиллингов в год на предметы первой необходимости до конца своей жизни; также один денье на содержание своего мальчика и пять шиллингов в год на его жалованье. Джеффри де Кейв, клерк, и Джон де Шелтон, каждый из них, также должны были получать от того же дома, за их добрые услуги, ежегодную пенсию в сорок шиллингов на срок их жизни.^[568] Некоторые из этих казначеев, в дополнение к своим различным пособиям, должны были ежегодно получать платье из разряда свободно служащих братьев ордена Храма^[569]; одну старую одежду из запасов старой одежды, принадлежащей братьям; ^[570] одну марку в год на обувь и т. д.; их сыновья также получали столько *суточных*, при условии, что они выполняли повседневную работу в доме. Эти служащие относились к классу свободных слуг; они занимали свои должности пожизненно и, не будучи членами ордена Храма, не подпадали под общий запрет братства. В обмен на то, что король предоставил им такую возможность, они должны были продолжать выполнять свою обычную работу до тех пор, пока были в состоянии.

Стоит отметить, что многие правила, обычаи и нравы общества рыцарей-тамплиеров соблюдаются в Храме и по сей день, что, естественно, позволяет сделать вывод о том, что эти доместики и прислужники древнего братства стали связаны с образовавшимся в нем юридическим обществом и передали свои услуги этому ученому органу.

Со времен Чосера и до наших дней юристы обедали вместе в античном зале, как до них это делали военные монахи; и правило их ордена, предписывающее "есть вдвоем и по двое" и "все куски отдавать в братской благотворительности домочадцам", соблюдается и по сей день, и действует с незапамятных времен. Прислуга за столом, как и во времена рыцарей-тамплиеров, по-прежнему называется *paniers*.^[571] Главные наказания Храма тоже остались такими же, как и в прежние времена. Древний тамплиер, например, за легкую провинность был "удален из общества своих братьев" и не имел права "есть с ними за одним столом"^[572], а современного тамплиера за неподобающее поведение "изгоняют из зала" и "выставляют из коммуны". Братья древнего братства за серьезные проступки, помимо вышеупомянутого наказания, лишались крова^[573] и были вынуждены спать со зверями на открытом дворе; а члены современного братства в прежние времена в качестве меры наказания временно лишались своих покоев в Храме за неподобающее поведение, и на двери навешивались висячие замки. Магистр и капитул Храма во времена рыцарей-тамплиеров пользовались правом заключения в тюрьму и изгнания из Общества, и те же наказания свободно применялись вплоть до недавнего времени Магистрами Скамьи современных обществ. До последних лет у современных тамплиеров тоже были свои чтецы, офицеры большого достоинства, в чьи обязанности входило читать и излагать ЗАКОН в зале,

во время и после еды, точно так же, как чтецы рыцарей-тамплиеров читали и излагали РЕЛИГИЮ.

Кроме того, в связи с современным сообществом существовал класс *ассоциатов*, похожий на ассоциатов древних тамплиеров[574]. Это были известные люди, которые платили большие суммы денег и делали подарки из пластин, чтобы быть принятыми в сообщество мастеров скамьи; им разрешалось обедать за столом скамьи, чтобы быть как бы почетными членами общества, но они были освобождены от обычных занятий и правил дома, и в то же время не имели права голоса в его управлении.

Превращение главного дома святейшего ордена Храма Соломона в Англии в юридический университет произошло следующим образом.

Как до, так и в течение весьма значительного периода после норманнского завоевания изучение права ограничивалось церковниками, которые поглощали всю образованность и знания эпохи.[575] В правление короля Стефана иностранное духовенство, пришедшее сюда после завоевания, попыталось ввести в этой стране древнее гражданское право Рима, как рассчитанное на усиление власти и преимущества их ордена, но получило решительное сопротивление со стороны короля и баронов, которые придерживались своих старых обычаев и порядков. Однако новый закон был введен во всех церковных судах, и духовенство стало отказываться от муниципальных трибуналов и прекращать изучение общего права. В начале правления Генриха Третьего епископом Солсберийским были опубликованы епископские конституции, запрещавшие клирикам и священникам выступать в качестве адвокатов в судах общего права. (*Nec advocati sint clerici vel sacerdotes in foro sæculari, nisi vel proprias causas vel miserabilium personarum prosequantur.*[576]) Под конец того же царствования (1254 г. н. э.) папа Иннокентий IV запретил духовенству читать общее право в английских университетах и учебных семинариях, поскольку его постановления были основаны не на *императорских конституциях*, а на *обычаях мирян*. [577].

Поскольку общее право постепенно перестало изучаться и преподаваться духовенством, которое было великим хранителем юридических знаний, как и всех других знаний в те времена, возникла необходимость в воспитании и обучении мирян для ведения судебных дел в стране; и Эдуард Первый, которого за его многочисленные правовые реформы и усовершенствования прозвали "английским Юстинианом", сделал практику общего права отдельной профессией.

В древние времена суд *Common Pleas* осуществлял исключительное управление *общим правом*, разрешал все споры, возникавшие между *подданными* и *подданными*; а в двадцатом году правления Эдуарда Первого (1292 г. н. э.) привилегия вести дела в этом суде была ограничена определенным числом ученых людей, назначенных властью. Приказом король повелел Джону де Метингему, главному судье Суда общей юрисдикции, и остальным его коллегам-судьям, чтобы они, согласно своему усмотрению, предоставили и назначили из каждого графства определенное число адвокатов и подмастерьев, лучших и наиболее способных к обучению и мастерству, для службы его суду и народу, а выбранные таким образом должны следовать его суду и вести в нем дела, и *никаких других*; Король и его совет сочли число в четыреста сорок человек достаточным для этой работы; но было оставлено на усмотрение упомянутых судей, чтобы добавить к этому числу или уменьшить его, как они сочтут нужным.[578]

В этот период в Вестминстере был учрежден Суд общих тяжб, в котором собирались профессора общего права Лондона; и примерно в период роспуска ордена Храма, судя по всему, под санкцией судей создавалось общество для обучения светских юристов для

работы в этом суде. Заброшенный монастырь рыцарей-тамплиеров, расположенный в пригороде Лондона, вдали от городского шума и суеты, и представляющий собой легкий и удобный доступ по воде к Вестминстеру, был желанным пристанищем для ученых членов этого начинающего юридического общества; и, соответственно, мы видим, что очень скоро после роспуска религиозно-военного ордена рыцарей-тамплиеров, профессора общего права Англии собрались в Храме в значительном количестве.

На шестом году правления Эдуарда Третьего (1333 г. н.э.), когда юристы только-только обосновались в монастыре Темпл и привили рыцарям-тамплиерам их старое общество для изучения практики общего права, в 1333 году, когда юристы только-только обосновались в монастыре Темпл и привлекли к себе старое поколение рыцарей-тамплиеров, создав свое общество для изучения практики общего права, судьи Суда общей юрисдикции были произведены в рыцари,^[579] что стало самым ранним случаем пожалования рыцарской чести за чисто гражданские заслуги, зафиксированным на сайте , а профессора общего права, имевшие исключительную привилегию практиковать в этом суде, приняли титул или степень FRERES SERJENS или FRATRES SERVIENTES, так что рыцари и служилые братья, подобные тем, что были в древнем ордена Храма, были самым любопытным образом возрождены и введены в профессию юриста.

Правда, слово *serviens*, *serjen* или *serjeant* применялось к профессорам права задолго до правления Эдуарда Третьего, но не для обозначения *привилегированного братства*. Оно применялось к юристам вместе со всеми, кто выполнял какую-либо работу для другого, начиная с *serviens domini regis ad legem*, который вел дела короны в суде графства, и заканчивая *serviens* или *serjen*, который ходил с тростью перед наложницей патриарха по улицам Иерусалима.^{[Священник, работавший на Господа, назывался *serjens de Dieu*, а любовник, служивший даме своей любви, - *serjens d'amour*.^[581] Именно в храмовом порядке слово *freres serjens* или *fratres servientes* означало почетный титул или степень и обозначало влиятельный привилегированный класс людей. Рыцарское *братство* Храма - *fratres servientes armigeri* или *freres serjens des armes* - относилось к категории джентльменов. Они соединяли в своих лицах монашеский и воинский характер, им выделялась одна лошадь на каждого, они носили на груди красный крест ордена Храма,^[582] участвовали во всех привилегиях братства и имели право на сан прецептора. Светские люди, не получившие рыцарского звания, часто жертвовали большие суммы денег , чтобы быть принятыми в этот высокочтимый орден.}

Братья Храма носили льняные *койфы* и красные колпаки. ^{583]} Во время церемонии принятия в братство магистр Храма надевал им на голову койфы и набрасывал на плечи белую мантию Храма; затем он заставлял их сесть на землю и давал им торжественное наставление относительно обязанностей и ответственности их профессии.^{[Их предупредили, что они должны вступить в новую жизнь, что они должны сохранять себя чистыми и незапятнанными, как белое одеяние, которое было накинуто на них и являлось эмблемой чистоты и невинности; что они должны оказывать полное и совершенное повиновение своим начальникам; что они должны защищать слабых, помогать нуждающимся, почитать стариков и делать добро бедным.}

Рыцари и сержанты общего права, с другой стороны, всегда составляли привилегированное *братство* и всегда обращались друг к другу с ласковым словом "*брат*". Любопытен и примечателен религиозный характер древней церемонии принятия в это законное братство, которая проходила в церкви, и ее поразительное сходство с древним способом приема в братство Храма.

"Capitalis Justitiarius", - говорится в старинном MS-отчете о создании сержантов в правление Генриха Седьмого, - "monstrabat eis plura bona exempla de eorum prædecessoribus, et tunc posuit les coyfes[585] super eorum capitibus, et induebat eos singulariter de capital de skarletto, et sic creati fuerunt *servientes ad legem*". В своем назидательном увещании верховный судья показывает им моральные и религиозные обязанности их профессии. "Ambulate in vocatione in quâ vocati estis.... Disce cultum Dei, *reverentiam superioris(!), misericordiam pauperi*." Он говорит им, что фрак - это *sicut vestis candida et immaculata*, эмблема чистоты и добродетели, и начинает часть своего разговора на языке Писания, использованном папами в знаменитой булле, уступившей тамплиерам их огромные духовные и мирские привилегии: "*Omne datum optimum et omne donum perfectum desursum est descendens a patre luminum, &c. &c.!*"[586].

Братьям-сержантам Храма было строго предписано "есть хлеб в тишине" и "следить за своими устами", а *братья-сержанты Закона*, как нам говорят, после своего принятия "умирали вместе с трезвым лицом и в ласковом общении".

После размещения в Храме юристы общего права продолжали быстро расти, и в период между правлениями Ричарда Второго и Генриха Шестого они разделились на две группы. "В правление короля Генриха Шестого, - говорится в документе о Храме, написанном в 9 году Карлом Первым, - они так размножились и выросли в такую огромную массу, что не могли быть удобно объединены в одно общество, да и старый зал не мог вместить такое большое количество, после чего они были вынуждены разделиться. Тогда был возведен новый зал, который сейчас является Младшим Храмовым Залом, куда прибегали различные из тех, кто раньше принимал пищу в старом зале, и со временем стали отдельным и разделенным обществом."

Из инквизиции, взятой 10. И. III. 1337 года, следует, что во времена рыцарей-тамплиеров в Храме было *два зала*, так что маловероятно, что был построен новый. Один из этих залов, нынешний Внутренний зал Темпла, был передан за год до проведения инквизиции настоятелю и братьям Госпиталя Святого Иоанна вместе с церковью, клуатрами и т. д., как уже упоминалось, в то время как другой зал оставался в руках короны и был передан госпитальерам только в 13 году по старому стилю. 13 Е. III. 1340 ГОДА. Вероятно, вскоре после этого Госпитальеры передали *оба зала* в пользование профессорам права, и эти последние, отныне обедающие отдельно и находящиеся в разных залах, в конце концов разделились на два общества, как и в настоящее время.

"Хотя и существуют два разных общества, но в разных местах они беспорядочно селятся вместе без всяких мерок и границ, чтобы их разграничить, и нижние комнаты в некоторых местах принадлежат новому дому, а верхние - старому, явный аргумент в пользу того, что оба сначала были одним домом, и ни до, ни после этого разделения они не претендовали на несколько аренд, но на одно целое пожалование. И как они разделили свой рацион, так же они были разделены и в церкви, а именно: те, что из Среднего храма, - с левой стороны, когда вы входите в нее, а те, что из старого дома, - с правой, и так это остается между ними и по сей день"[587].

Бертон, антиквар, писавший в царствование королевы Елизаветы, говорит об этом "старом доме" (Внутреннем храме) как о "матери и самом древнем из всех других домов судов, которому, - говорит он, - я должен отдать должное, будучи его членом, принятым в то же общество 20 мая 1593 года".[588] Оба общества Храма *имеют одинаковую древность*; вначале их члены обедали вместе в том или ином из старинных залов тамплиеров в зависимости от их удобства и склонности; и по сей день, в память о старом обычае, скамьи или старинные члены одного общества раз в год обедают в зале другого общества. Период

разделения обычно относят к началу правления Генриха Шестого, так как в конце этого долгого царствования существовали все нынешние *четыре* судебных инна, в которых тогда обучалось около двух тысяч студентов. Суд королевской скамьи, суд казначейства и канцелярский суд в то время посягнули на юрисдикцию суда общей юрисдикции и стали рассматривать гражданские дела между подданными, которые раньше решались только в этом суде.^[589] Вследствие этого юридический бизнес страны значительно расширился, профессия юриста стала очень почетной, а дворяне и дворянки считали ее изучение необходимой частью образования.

Сэр Джон Фортескью, который был главным судьей королевской скамьи в течение половины царствования Генриха Шестого, в своем знаменитом сочинении *de laudibus legum Angliæ* рассказывает, что в его время ежегодные расходы каждого студента-юриста составляли более 28 фунтов стерлингов, (что равнялось примерно 450 л. наших нынешних денег), что все студенты права были джентльменами по рождению и состоянию и очень дорожили своим характером и честью; что при каждом Инн оф Корт существовала академия или *гимназия*, где обучали пению, музыке, танцам и разнообразным достижениям. Право изучалось в определенные периоды и в дни праздников: после окончания церковных служб студенты занимались изучением истории и чтением Священного Писания. Там учили всему хорошему и добродетельному, пороки пресекались и изгонялись, так что рыцари, бароны и самые знатные дворяне королевства отдавали своих сыновей в Храм и другие придворные трактиры; и не столько для того, говорит он нам, чтобы они изучали закон или могли жить по профессии, сколько чтобы сформировать их манеры и уберечь их от заразы порока. "Ссоры, неподчинение и ропот неслыханны; если студент позорит себя, его изгоняют из общества; этого наказания боятся больше, чем тюрьмы и кандалов, ибо изгнанный из одного общества никогда не принимается ни в одно из других; отсюда происходит, что среди них царит постоянная гармония, величайшая дружба и всеобщая свобода общения".

Два общества Темпла теперь различаются под разными названиями - Внутренний и Средний Темпл, которые, по-видимому, были приняты в связи с частью древнего Темпла, которая, как и другая собственность рыцарей-тамплиеров, никогда не переходила в руки госпитальеров. После того как юристы Храма разделились на две части и заняли отдельные участки земли, эта часть стала называться внешним Храмом, как наиболее удаленная от города, и так упоминается в рукописи Британского музея, написанной в царствование Якова Первого. - "Третья часть, называемая *внешним Храмом*, была приобретена одним доктором Стэплтоном, епископом Эксете́ра, во времена короля Эдуарда Второго, для размещения особняка для него и его преемников, епископов этой церкви. Он назывался Эксетер-Инн до правления покойной королевы Марии, когда лорд Пэджет, ее главный государственный секретарь, получил упомянутую третью часть, называемую Эксетер-Хаус, для него и его наследников, и переоформил ее. После чего упомянутая третья часть дома тамплиеров перешла к Томасу, покойному герцогу Норфолку, и была передана им сэру Роберту Дадли, рыцарю, графу Лестеру, который завещал ее сэру Роберту Дадли, рыцарю, своему сыну, и, наконец, путем покупки перешла к Роберту, покойному графу Эссексу, который умер в царствование покойной королевы Елизаветы, и до сих пор называется Эссекс-хаус"^[590].

Когда юристы пришли в Храм, они обнаружили выгравированные на старинных зданиях гербы рыцарей-тамплиеров, которые представляли собой: на щите аргентинского цвета простой крест *gules* и (*brochant sur le tout*) святой агнец, несущий знамя ордена, над которым возвышается красный крест. Этот герб оставался эмблемой Храма до пятого года правления королевы Елизаветы, когда, к несчастью, общество Внутреннего храма, поддавшись совету и уговорам мастера Герарда Ли, члена Коллегии герольдов, отказалось от древнего и

почетного герба рыцарей-тамплиеров и приняло вместо него скачущего крылатого коня, называемого Пегасом, или, как нам объяснили, "коня, бьющего копытом по земле, или *Pegasus luna на поле argent!*". Мастер Джерард Лей, как нам рассказывают, "украсил их драгоценными камнями и планетами, и этим странным оружием он хотел обозначить, что знания, полученные в семинарии Внутреннего храма, вознесут профессоров права к высшим почестям, добавив в качестве девиза, *volat ad æthera virtus*, и он намеревался намекнуть на то, что считается более либеральными науками, давая им Пегаса, формирующего фонтан Гиппокрены, ударяя копытом о камень, как надлежашую эмблему юристов, становящихся поэтами, как Чосер и Гоуэр, которые оба были из Темпла!"

Общество Миддл Темпл, обладая лучшим вкусом, все еще сохраняет в той части Темпла, на которую распространяется его власть, широко известный и проверенный временем знак древнего ордена Темпла.

Принятие крылатого скакуна одним обществом и сохранение ягненка другим породило следующие остроумные строки.

"Вы проходите через дворы тамплиеров,
Агнца и коня показывая,
Эмблематические фигуры показывают
Достоинства их ремесла.

Из этого клиенты могут заключить.
Насколько справедлива их профессия;
Ягненок обозначает их НЕЗАВИСИМОСТЬ,
Лошадь - их ЭКСПЕДИЦИЮ.

О, счастливая Британия! Счастливый остров!
Пусть иностранные народы говорят,
Здесь правосудие без коварства,
И закон без промедленья".

ОТВЕТ.

"Несчастный человек! Откажись от этих судов,
И не доверяй таким хитрым эльфам,
Искусные эмблемы лишь показывают
Их клиенты, а не они сами.

Все это - уловки,
Все это - обман,
С помощью которых они хотят обмануть вас,
Но будьте осторожны, ведь вы - агнцы,
А они - волки, которые вас едят.

И пусть вас не введет в заблуждение мольба об отсрочке
В эти суды вас не вводите,
Ибо вы - наездники, а они
жокеи, которые на вас скачут!"

ГЛАВА XIV.

ХРАМ.

Сад Темпла - Возведение новых зданий в Темпле - Роспуск ордена госпиталя Святого Иоанна - Юридические общества становятся арендаторами короны - Возведение великолепного зала Среднего Темпла - Превращение старого зала в палаты - Передача наследства Темпла двум юридическим обществам - Их великолепный подарок Его Величеству - Их старинные порядки и обычаи, их старинные порядки и обычаи и старинное гостеприимство - их грандиозные развлечения - читательские пиры - великие рождественские праздники и реверансы - лисья охота в зале - спор с лорд-мэром - ссора с попечителем храмовой церкви.

"Плантагенет".

Великие лорды и джентльмены, что означает это молчание?

Никто не смеет ответить в случае истины?

Саффолк.

В зале Храма мы были слишком громкими: Сад здесь удобнее".

Шекспир делает сад Темпла, который и по сей день славится красотой и обилием цветов, местом выбора белых и красных роз, как значков соперничающих домов Йорков и Ланкастеров. Ричард Плантагенет и граф Сомерсет вместе со своими приверженцами выходят из зала в сад, где Плантагенет обращается к молчаливым и нерешительным зрителям:

"Раз уж вы завязали язык и так не любите говорить,

В немых знаках излагай свои мысли:

Пусть тот, кто истинный джентльмен,

И стоит на чести своего рожденья,

Если он полагает, что я говорю правду,

С этого куста сорви со мной белую розу.

Сомерсет. Пусть тот, кто не трус и не льстец,

Но смеет отстаивать партию правды,

Сорви со мной красную розу с этого шипа.

Уорвик. Я не люблю цветов; и без всякого цвета

И без всякой подлой лести,

Я срываю эту белую веревку вместе с Плантагенетом.

Саффолк. Я срываю эту красную розу с молодым Сомерсетом,

И скажу, что он был прав.

Вернон. Тогда для правды и простоты дела,

Я срываю этот бледный и девичий цветок,

Выношу свой вердикт в пользу белой розы.

Сомерсет. ... Давайте, кто еще?

Адвокат. Если только моя учеба и мои книги не ложны,
то ваш аргумент был ошибочным;
В знак этого я тоже срываю белую розу. [Сомерсету.

Уорвик. ... Сегодняшняя драка,
Разросшаяся до фракции в саду Храма,
Пошлет, между красной розой и белой,
Тысячу душ на смерть и смертельную ночь".

В библиотеке Коттона хранится рукопись, написанная в начале правления Генриха Восьмого и озаглавленная "Описание формы и манеры, как и какими порядками и обычаями поддерживается состояние феллоушипов храма Миддила, и какие у них есть способы приучать к обучению." [591] Она содержит множество любопытных сведений об управлении домом, о чтениях, мотнингах, болтингах и других упражнениях, которые раньше проводились для продвижения обучения, о различных степенях скамьи, чтецов, буфетчиков, внутренних барристеров, внешних барристеров и студентов, а также "о чартах для их мете и сушке по годам, о порядке работы дайета и о назначении их должностных лиц". Писатель сообщает нам, что в обязанности "Трезорера входило собирать с каждого члена братства дань в размере 2 ил. ил. за штуку и выплачивать из нее ренту, причитающуюся милорду Сент-Джонса за дом, в котором они живут".

"Пункт; у них нет места, где они могли бы ходить, разговаривать и совещаться, кроме как в церкви; а это место во все времена имеет не больше тишины, чем у Паулса, по причине слияния и скопления тех, кто сидит в лаве". Батлер упоминает о конференциях между адвокатами и клиентами в храмовой церкви:

"Привлекайте всевозможных свидетелей.
Которые работают в Храме под деревьями,
Или ходят по кругу с рыцарями постов,
О рыцарях со скрещенными ногами".

"Пункт; у них каждый день три мессы, произносимые одна за другой, и первая месса начинается в половине восьмого утра или около того. В праздничные дни у них торжественно поют матицы и мессы, а во время пения матиц произносят три мессы" [592].

В начале правления Генриха VIII между Темпл-гарден и рекой была построена стена; зал Внутреннего Темпла был "вычищен", были возведены различные новые палаты, а общества тратили суммы денег и вели себя так, словно они были абсолютными владельцами Темпла, а не арендаторами Госпитальеров Святого Иоанна.

В 32 году Хен. VIII. был принят парламентский акт, упраздняющий орден Госпиталя и передающий все имущество братьев в собственность короны, сохраняя права и интересы арендаторов и других лиц, владевших ими.

Два юридических общества, следовательно, теперь принадлежали короне.

В 5 году Елизаветы было начато строительство нынешнего просторного и великолепного зала Миддл Темпл, одного из самых элегантных и красивых сооружений в королевстве (старый зал был переделан в палаты), а в царствования Марии и Елизаветы были возведены различные здания и палаты во Внутреннем и Среднем Темпле за счет бенчеров и членов этих

двух обществ. Все это делалось в полной уверенности в справедливости и чести короны. Однако в царствование Якова I некий шотландец попытался получить от его величества пожалование на fee-simple или наследство Темпла, о чем стало известно двум обществам, и они немедленно подали "смиранный иск" королю и добились пожалования имущества себе. Грамотой, датированной в Вестминстере 13 августа в шестой год своего правления, 1609 г., король Яков предоставил Темпл бенчерам двух обществ, их наследникам и правопреемникам на вечные времена для проживания, приема и обучения профессоров и студентов, изучающих законы Англии, причем бенчеры должны были выплачивать указанному королю, его наследникам и правопреемникам по десять фунтов в год за особняк, называемый Внутренним Темплом, и по десять фунтов в год за Средний Темпл[593].

В знак благодарности за это пожертвование оба общества за свой счет изготовили "величественный кубок из чистого золота весом в двести унций с половиной, стоимостью в тысячу марок или около того, который со всем смиренненьем был преподнесен его величеству при дворе в Уайтхолле, в упомянутый шестой год правления его величества над королевством Англия, в качестве дара на новый год, руками упомянутого сэра Генри Маунтэга, впоследствии барона Маунтэга, виконта Мандевила, графа Манчестера, Ричарда Дастана, эск., и других выдающихся лиц обоих этих почтенных обществ, которые его величеству было угодно с величайшей благодарностью принять и получить..... На одной стороне этого кубка выгравировано изображение церкви или храма, украшенного башенками и пинаклями, а на другой стороне - алтарь, на котором изображен священный огонь, пламя пропеллера, а над пламенем выгравированы слова: *Nil nisi vobis*. Крышка этой богатой золотой чаши в верхней ее части украшена фабрикой в виде пирамиды, на которой стоит статуя военного, опирающегося левой рукой на щит или мишень римской формы; эту чашу его величественное величество, пока он жил, считал одной из самых дорогих и богатых своих драгоценностей"[594].

Некоторые из старинных постановлений и правил управления этими двумя обществами заслуживают внимания.

Из отчета о заседании парламента, состоявшемся во Внутреннем храме 15 ноября, 3 и 4 ноября по старому стилю. 1558 года, явствует, что восемь джентльменов этого дома, в предыдущем призвании к чтению, "были преданы Флиту за умышленное неповиновение и непослушание *судейской коллегии*, и были достойно изгнаны из братства этого дома, с тех пор, после их смиренной свиты и подчинения указанным судейским коллегиям этого дома, было решено, что они будут вновь приняты в братство и в общины, без уплаты каких-либо штрафов"[595].

Среди древних обычаев и обыкновений, доставшихся от рыцарей-тамплиеров, которые в течение длительного времени религиозно сохранялись и поддерживались в Храме, была восточная мода на длинные бороды. В правление Филиппа и Марии, по личной просьбе королевы, были предприняты попытки отказаться от этого освященного временем обычая и ограничить

ДЛИНУ БОРОДЫ АДВОКАТА.

22 июня, 3 и 4 Филиппа и Марии, 1557 года, было приказано, чтобы ни один из членов компаний Внутреннего и Среднего храма, под степенью рыцаря, находящихся в commons, не носил бороду более трех недель, под страхом XLs., и так вдвое больше за каждую неделю после месяца. Кроме того, от них требовалось отложить оружие, и было приказано, "чтобы ни одна из компаний, когда они будут в коммунах, не носила испанского плаща, меча и пряжки, или рапиры, или платья и шляпы, или платья, подпоясанного кинжалом;" а также, что "никто

из компаньонов, кроме рыцарей или бенхеров, не должен впредь носить на своих дублетах или шлемах никаких светлых цветов, кроме алого и пунцового; или носить верхний бархатный колпак, или какой-либо шарф, или крылья на своих платьях, белые джеркины, бускины или *бархатные туфли*, двойные манжеты на своих рубашках, перья или ленты на своих колпаках"! Что ни один адвокат не должен быть допущен ни в один из домов, и что во всех допусках впредь должно быть подразумеваемое условие, что если допущенный "будет заниматься адвокатской практикой", то он *ipso facto* будет уволен[596].

В 1 Яс. I., повинуясь повелению короля, было приказано, чтобы никто не принимался в члены обоих обществ, не являясь *джентльменом по происхождению*; - чтобы никто из джентльменов не входил в зал "в плащах, сапогах, шпорах, шпагах или кинжалах"; и было публично объявлено, что их "желтые ленты, и ушные игрушки, и короткие плащи, и оружие" были "очень неприятны и запрещены".

В 1623 году король Яков рекомендовал тщательно соблюдать старинный способ ношения шапок; король с удовольствием принял к сведению хороший порядок в доме Внутреннего храма в этом отношении. Его величество также рекомендовал отказаться от сапог, как не подходящих халатам; "ибо сапоги и шпоры, - говорит его величество, - это знаки отличия скорее гребцов, чем гражданских людей, которые должны использовать их только при верховой езде. Поэтому мы подали пример при нашем дворе, чтобы ни один сапожник не появлялся в нашем присутствии".

Современные тамплиеры в течение долгого времени полностью поддерживали древний характер и репутацию Храма в отношении роскошного и великолепного гостеприимства, хотя оленина из королевских лесов и вино из королевских погребов[597] больше не появлялись периодически в стенах старого монастыря. Сэр Джон Фортескью упоминает о празднествах и развлечениях в Темпле во времена правления Генриха VI, а некоторые античные авторы рассказывают о пышных рождественских праздниках, читательских пирах, маскарадах и роскошных развлечениях, устраиваемых для иностранных послов и даже для самой королевской семьи. По этим случаям устраивались различные драматические представления, в которых главными героями были "*маршал рыцарей-тамплиеров!*", констебль-маршал, мастер игр, лейтенант Тауэра, лесничий, властелин беззакония, король кокни и Джек Солома!

Констебль Маршал въезжал в зал в дни пиров "верхом на своем муле", одетый в полные доспехи, с гнездом перьев всех цветов на шлеме и позолоченным топором в руке. Его сопровождали алебардисты, а перед ним барабаны и фифы, шестнадцать трубачей, и он придумал какое-то развлечение, "чтобы скоротать полдень".

Хозяин дичи и лесной рейнджер были одеты в зеленый бархат и зеленый атлас, на шее у них висели охотничьи рога, с которыми они шествовали вокруг костра, "издавая три взрыва венериних голосов".

Самым замечательным из всех развлечений была *охота в зале*, когда в зал входил егерь со своим заводным рогом, таща за собой кошку, лису, кошельковую сеть и девять или десять пар гончих! Кошку и лису привязывали к концу посоха и выпускали в зал; они охотились вместе с собаками под звуки охотничьих рогов, и их убивали под решеткой!!!

Количество оленины, потребляемой на этих праздниках, особенно на пирах чтецов, было огромным. В правление королевы Марии скамьи Среднего храма распорядились, чтобы ни один читатель не проводил в зале менее пятнадцати баксов, и эта цифра обычно значительно превышалась: "Есть немного летних чтецов, - сообщается в старом отчете о

читательских пирах, составленном на основе MS, - которые за половину времени, в течение которого обычно продолжалось чтение, потратили так мало, как три десятка баксов, помимо оленины; некоторые потратили четыре десятка, некоторые сто баксов"[598] Юристы в тот золотой век завтракали "тушенкой и мальмси", а ужинали "пирожками с олениной и жареными курицами!" На ужин подавались "прекрасные и большие головы кабанов на серебряных блюдах, с минстралями, жареными лебедями, дрофами, цаплями, горлицами, индюшачьими птенцами, куропатками, гагарами и т.д. и т.п."

Следующие наблюдения о Храме и грандиозном развлечении, устроенном в нем во времена правления королевы Марии, будут прочитаны с интересом. "Прибыв в прекрасную реку Темзу, я высадился в полусотне лиг от города Лондона, что было, как я понял, в декабре прошлого года. А когда я приблизился к городу, раздался сильный выстрел из двух пушек, в таком большом количестве и такой ужасный, что потемнел весь воздух, и хотя я был в своей родной стране, но стоял пораженный, не зная, что это значит. И вот, когда я пребывал в отчаянии, возвращаться ли мне обратно или продолжать свой прежний путь, я увидел, что ко мне направляется честный гражданин, одетый в длинную одежду, идущий по шоссе, как бы прогуливаясь для отдыха, что предвещало скорее мир, чем гибель. Я спросил у него о причине этого выстрела, и он дружелюбно ответил: "Это предупредительный выстрел для офицеров констебля Маршалла из Внутреннего храма, чтобы они готовились к обеду! Почему, сказал я, он из того сословия, что не ищет других способов предупредить своих офицеров, да еще таким страшным выстрелом в столь мирном графстве? Поженитесь, сказал он, он считает себя тем лучше, что он офицер, чье имя он носит. Тогда я спросил, в каком государстве он служит, что нуждается в таком офицере. Он ответил мне, что гордость не велика по количеству, но древняя по истинному благородству; Это место, сказал он, отведено превосходнейшей принцессой, верховной правительницей всей земли, где собраны джентльмены всего королевства, которые приезжают туда, чтобы научиться править и подчиняться законам, и повиноваться ЗАКОНУ, а также выполнять все прочие упражнения тела и ума, к которым природа наиболее склонна, чтобы украшать своей речью, лицом, жестами и одеждой лицо джентльмена; и таким образом достигается и сохраняется дружба, что джентльмены всех стран в юные годы, норированные вместе в одном месте, с таким приятным порядком и ежедневными конференциями, связаны непрерывным знакомством в таком единстве умов и манер, как ни разу после не было замечено, что нет ничего более выгодного для простолюдинов.

"И после того как он рассказал мне о чести этого места, я похвалил в своем собственном представлении поллицию гувернеров, которая, казалось, сама по себе является основой хорошего commonweale. Ибо если лучшие из их людей с нежных лет впитывали в себя заповеди справедливости, то это не могло не привести к тому, что они станут выгодными людьми для мудрого содружества. Поэтому я твердо решил доказать то, что услышал в отчете.

"На следующий день я решил для своего времяпрепровождения прогуляться до этого храма и, войдя в ворота, не нашел в здании ничего дорогого; но многие приятные на вид и на вид джентльмены, и притом весьма учтивые, видели, как я проходил туда и сюда. Пройдя вперед, я вошел в церковь старинной постройки, где было много памятников благородных персон, вооруженных в рыцарских одеждах, с их котетами, окрашенными в старинные щиты, о чем я с удовольствием созерцал.....

"Вскоре мы услышали шум барабана и фейфа. Что значит этот барабан? спросил я. Он сказал, что это для того, чтобы предупредить господ домочадцев, чтобы они вернулись к комфорту; поэтому идите за мной, и вы встанете там, откуда лучше всего видно зал; и оттуда

меня привели в длинную галерею, которая тянется вдоль всего зала, за столом принца, где я увидел принца, человека высокого роста, с мужественным лицом, несколько смуглым взглядом, крепкого телосложения, и при этом приятного телосложения. На другом конце того же стола сидели послы разных князей. Перед ним стояли извозчик, сержант и виночерпий, а также множество джентльменов-путейцев, сопровождавших его персону. Лорд-распорядитель, казначей и многие другие почетные лица были помещены за боковым столом, стоящим рядом с принцем по правую руку, а за другим столом, стоящим по левую сторону, были помещены казначей домашнего хозяйства, секретарь, сержант закона принца, четыре мастера револьса, король оружия, декан капеллы и многие джентльмены, чтобы обставить все это. За другим столом, на противоположной стороне, были посажены мастер игры и его главный егерь, мастера по хозяйству, клерки зеленого сукна и чека, и еще несколько чужестранцев, чтобы обеспечить то же самое. На другой стороне, против них, начинался стол лейтенанта Тауэра, сопровождаемый несколькими капитанами пеших и стрелков. В противоположном конце зала начинался стол старшего дворецкого и пана, служителей кухни, господина повара кухни приюта, обставленный повсюду соплеменниками и охраной принца.

"Принцу подавали нежные яства, сладкие фрукты и изысканные деликатесы, сдобренные диковинной стряпней, как, казалось, несложно было сказать, для обслуживания торжества. И при каждом ходе тромпеты выкрикивали мужественные звуки смертельной войны, с шумом барабана и фейфа, со сладкой гармонией виолентов, шакбутов, рекордеров и корнетов, с другими музыкальными инструментами, как будто арфа Аполлона отбила свой удар".

После ужина готовились призы за "наклоны и повороты, и подобные рыцарские забавы, а для утешения они маскировались с красавицами с таким великолепным вооружением, как будто Аполлон и Орфей показывали свою хитрость"[\[599\]](#).

Маскарады, веселье, спектакли, еда и питье, похоже, занимали в Храме в те дни не меньше места, чем серьезное изучение закона. Сэр Кристофер Хаттон, член Внутреннего храма, снискал расположение королевы Елизаветы за свою грацию и активность в маске, которая была представлена перед ее величеством. Он стал вице-камергером, а затем и лордом-канцлером![\[600\]](#) В 1568 году трагедия "Танкред и Гисмунд", совместная постановка пяти студентов Внутреннего храма, была представлена в храме перед королевой Елизаветой и ее двором[\[601\]](#).

По случаю бракосочетания леди Елизаветы, дочери короля Якова I, принца Фредерика, курфюрста Палатина (14 февраля 1613 года), джентльмены Храма исполнили при дворе маскарад, а вскоре после этого двадцать тамплиеров были назначены барристами в честь принца Чарльза, который недавно стал принцем Уэльским, причем "расходы на это были покрыты взносами в размере xxxs, от каждого скамьи, xvs. от каждого бариста, простоявшего несколько лет, и по xs. за штуку от всех остальных джентльменов в общинах"[\[602\]](#).

Из всех спектаклей, подготовленных для развлечения английских государей, самым знаменитым был тот великолепный маскарад стоимостью до 20 000 фунтов стерлингов, представленный тамплиерами совместно с членами Линкольнс-Инн и Грейс-Инн королю Карлу I и его молодой королеве Генриетте Французской. Уайтлок в своих "Мемориалах" приводит подробный и наиболее оживленный рассказ об этом маскараде, который будет прочитан с интересом, как представляющий характерную и восхитительную демонстрацию нравов той эпохи.

Шествие от Храма до дворца Уайтхолл было самым великолепным из всех, что когда-либо видели в Лондоне. "Сто джентльменов в очень богатых одеждах, на которых почти не было видно ничего, кроме золотых и серебряных кружев, были посажены на лучших лошадях и с лучшей мебелью, которую могли позволить себе королевская конюшня и конюшни всех знатных людей города". У каждого джентльмена был паж и два лакея в ливреях, ожидавших его у лошади. Лакеи несли факелы, а паж - плащ своего господина. "Богатство их одежды и убранства, сверкающее в свете бесчисленных факелов, движение и движение их упряжных лошадей, многочисленные и нарядные ливреи их слуг, но особенно личная красота и галантность красивых молодых джентльменов, создавали самое славное и великолепное зрелище, которое когда-либо можно было увидеть в Англии."

Этих галантных тамплиеров сопровождала лучшая группа отборных музыкантов, которую мог себе позволить Лондон, а за ними следовала *антимаска* нищих и калек, которые были посажены на "самые бедные и тощие повозки, которые можно было достать из грязных телег". Повадки и наряды этих калек были подобраны самым изобретательным образом, и как у "галантных придворных трактирщиков" была своя музыка, так и у нищих и калек. Она состояла из *ключей, щипцов и гридней*, которые "щелкали и все же играли в согласии с ними". После антимаски нищих выступал оркестр труб, свистулек и инструментов, издававших ноты, похожие на птичьи, всевозможных видов, в прекрасной гармонии; они открывали "*антимаску птиц*", которая состояла из совы в кусте плюща и бесчисленного множества других птиц, собравшихся вокруг совы и глядящих на нее. "Это были маленькие мальчики, одетые в чехлы в форме этих птиц, редко подогнанные, и сидящие на маленьких лошадаках, мимо которых шли лакеи с факелами в руках, и еще были некоторые, чтобы смотреть на детей, и это было очень приятно для зрителей". Затем появился дикий, суровый оркестр северной музыки, волынки, рожки и т. д., за ним последовала "*антимаска прожекторов*", которых в свою очередь сменила вереница колесниц, запряженных четверкой лошадей, наполненных "богами и богинями", и предводительствуемых языческими жрецами. Затем следовали колесницы великих маскарадов, запряженные четверками лошадей в ряд.

Колесницы Внутреннего и Среднего храма были серебряными и голубыми. Лошади были покрыты до пят тканью, а их головы украшали огромные плюмажи из синих и белых перьев. "Факелы и горящие фламбои, которые несли по бокам каждой колесницы, делали ее светлой, как полдень..... Это было поистине великолепное зрелище".

Уайтлок дает самое оживленное описание сцены в пиршественном зале. "Он был так переполнен, - говорит он, - прекрасными дамами, сверкающими богатыми нарядами и драгоценностями, а также лордами и джентльменами высокого ранга, что королю и королеве не хватило места, чтобы войти". Молодая королева сама танцевала с маскерами и оценила их "как хороших танцоров, каких она никогда не видела!". Придворные дамы тоже "очень свободно, легко и вежливо танцевали со всеми маскарадными танцорами, когда те их выводили".

Королева Генриетта была в таком восторге от маскарада, "танцев, речей, музыки и пения", что пожелала увидеть все это *снова*! После этого лорд-мэр пригласил их величества и всех придворных в город и с большим размахом и великолепием развлекал их в зале купца Тейлора[603].

Многие из тамплиеров, которые были первыми участниками этих праздничных сцен, впоследствии взялись за оружие против своего государя. Сам Уайтлок командовал конным отрядом и вступил в несколько кровопролитных схваток с роялистскими войсками.

На следующий год после реставрации сэр Хенидж Финч, впоследствии граф Ноттингемский, с необычайной пышностью устроил праздник чтецов в большом зале Внутреннего храма. Развлечения продолжались с 4 по 17 августа.

В первый день на обеде присутствовали несколько дворян королевства и тайных советников, а также множество других его друзей; во второй - лорд-мэр, олдермены и главные граждане Лондона; на третий, который был через два дня после первого, пришла вся коллегия врачей, которые явились в своих колпаках и мантиях; На четвертом были все судьи, адвокаты и доктора гражданского права, а также все общество Doctors' Commons; на пятом развлекались архиепископы, епископы, и главы духовенства; а 15 августа его величество король Карл Второй прибыл из Уайтхолла на своей государственной барже и обедал с чтецом и всем обществом в зале. Его величество сопровождал герцог Йоркский, а также присутствовали лорд-канцлер, лорд-казначей, лорд-тайная печать, герцоги Бекингем, Ричмонд и Ормонд; лорд-камергер, графы Оссори, Бристоль, Беркс, Портленд, Страффорд, Англез, Эссекс, Бат и Карлайл; лорды Вентворт, Корнбери, де ла Варре, Джерард Брэндонский, Беркли Страттонский и Корнуоллис, контролер и вице-камергер домохозяйства его величеств; сэр Уильям Морис, один из главных государственных секретарей; граф Миддлтон, лорд-комиссар Шотландии, граф Гленкэрн, лорд-канцлер Шотландии, графы Лодердейл и Ньюбург и другие комиссары этого королевства, граф Килдэр и другие комиссары Ирландии.

С реки через стену был устроен вход в сад Темпла, и его величество при высадке с баржи был принят чтецом и лордом-главным судьей Common Pleas, а по дорожке из сада в зал шли слуги чтеца в алых плащах и белых дублетах, а над ними - скамьи, барристеры и студенты общества, "громкая музыка играла с момента высадки его величества до входа в зал, где он был принят с хх скрипками". Ужин принесли пятьдесят молодых джентльменов общества в своих платьях, "которые присутствовали на обеде все время, никто не появлялся в зале, кроме них самих".

3 ноября следующего года его королевское высочество герцог Йоркский, герцог Бекингемский, граф Дорсет и сэр Уильям Моррис, государственный секретарь, были приняты в члены общества Внутреннего храма, а герцог Йоркский был призван в адвокатуру и скамью[604].

В 8 кар. II., 1668 г., сэр Уильям Тернер, лорд-мэр Лондона, пришел на читательский пир во Внутреннем храме со своим мечом, булавой и внешними эмблемами гражданской власти, что было расценено как оскорбление общества, и лорд-мэр в результате был очень грубо обработан некоторыми из младших членов храма. Его светлость пожаловался королю, и этот вопрос был рассмотрен советом, как явствует из следующих событий

"В суде Уайтхолла, 7 апреля 1669 года,

"Представляем вашему вниманию превосходнейшее величество короля".

Н. Его Королевское Высочество герцог Йоркский.	Лорд-епископ Лондонский.
Лорд-хранитель.	Лорд Арлингтон.
Герцог Ормондский.	Лорд Ньюпорт.
Лорд Чемберлен.	Мистер Казначей.
Граф Бриджуотер.	Господин вице-камергер.
Эрл из Бата.	Господин секретарь Тревор.

Граф Крейвен.
Граф Миддлтон.

Господин канцлер Датчи.
Мистер Джон Данкомб.

"В то время как 31 марта прошлого года было приказано, чтобы жалобы лорда-мэра лондонского города на оскорбления, нанесенные его лордшипу и его офицерам, когда он был приглашен на обед к чтецу Внутреннего храма, были рассмотрены в этот день, и чтобы мистер Ходжес, мистер Уин и мистер Манди, джентльмены Внутреннего храма, на которых были поданы конкретные жалобы, были вновь рассмотрены. Mundy, gentlemen of the Inner Temple, against whom particular complaint was made, should appear before the board, when accordingly, they attended, and both parties being called in and heard by their counsel learned, and affidavits had been read against the mentioned three persons, обвиняя их в том, что они были главными действующими лицами в том беспорядке, на что они выступили в свою защиту, и представили несколько показаний под присягой, оправдывающих их по поводу в тот день, хотя они не могли смягчить вины других, которые в беспорядке оскорбляли лорда-мэра и его офицеров; и офицеры лорда-мэра, которые, как утверждается, подверглись насилию во время беспорядков, не обвинили в этом ни одного из своих конкретных лиц; учитывая это, его величеству представляется, что дело очень сильно зависит от права и привилегии носить меч лорда-мэра в Храме, которое, согласно постановлению этого совета от 24 марта прошлого года, должно быть решено путем надлежащего разбирательства в суде Вестминстер-холла; Поэтому его величество счел уместным приостановить объявление своего благоволения до тех пор, пока указанные право и привилегия не будут соответствующим образом определены на лау."

4 ноября 14 года Кар. II., его высочество Руперт принц палатинский, Томас граф Кливленд, Джослин лорд Перси, Джон лорд Беркли из Страттона, а также Генри и Бернард Говарды из Норфолка были приняты в члены Общества Внутреннего храма^[605].

Теперь мы должны завершить наши замечания о Храме кратким рассказом о ссоре с доктором Миклтвейтом, *опекуном* храмовой церкви.

После того как король Эдуард Третий ввел госпитальеров во владение Храмом, приор и глава этого ордена, назначенный на древнюю и почетную должность *кастоса*, а также священник, занимавший этот пост, проводил свою диету в том или ином зале двух юридических обществ, подобно тому как священник-хранитель ордена Храма ранее проводил свою диету в зале древних рыцарей-тамплиеров. Он занимал свое место, как и капелланы, в силу назначения настоятеля и капитула Госпиталя, без приема, учреждения или посвящения, поскольку госпитальеры обладали привилегиями, а также имуществом рыцарей-тамплиеров и были освобождены от епископальной юрисдикции. Как уже говорилось выше, *кустос* получал от настоятеля и капитула ордена Святого Иоанна тысячу фугасов в год на поддержание огня в церкви, а ренту с Фикетсфельда и Коттерелл Гарден - на улучшение освещения и обеспечение надлежащего проведения богослужений. Госпитальеры также предоставляли от двух до трех капелланов, и, судя по всему, они содержали почти такое же церковное учреждение, какое ранее содержали в Храме рыцари-тамплиеры. В 21 году Хен. VII. у этих священников были различные помещения в Храме, на восточной стороне церковного двора, часть из которых сдавалась в аренду студентам двух обществ.

Согласно разделам 9 и 10 закона 32 Hen. VIII., о роспуске ордена госпиталя св. Иоанна, предусмотрено, что Уильям Эрмстед, клерк, *смотритель* или *опекун* церкви Темпл, который там именуется "магистром Темпла", и Уолтер Лимси и Джон Винтер, капелланы, должны получать и пользоваться в течение своей жизни всеми этими особняками, стипендиями и жалованьем, а также всеми другими денежными доходами, в таком же размере и

количестве, как они имели их в то время на законных основаниях; упомянутые магистр и капелланы Храма исполняют там свои обязанности и службы, как они привыкли делать прежде, и грамоты, подтверждающие их должности и пенсии, должны быть составлены и переданы за большой печатью. Это название "магистр Храма", которое в древности обозначало настоятеля гордого и могущественного ордена рыцарей-тамплиеров в Англии, советника королей и принцев и предводителя армий, было неверно применено к простому *хранителю* или опекуну церкви Храма. Акт не содержит положений о *преемниках хранителей* и капелланов, и Эдуард Шестой после смерти Уильяма Эрмстеда передал жилые помещения, ранее принадлежавшие священнослужителям, мистеру Кейлуэю и его наследникам, после чего хранители и священнослужители *по праву* перестали иметь какие-либо жилые помещения в Храме[606].

С момента роспуска ордена Святого Иоанна и до настоящего времени *кастос*, или, как его теперь неправильно называют, "магистр Храма", назначается по жалованной грамоте короны и занимает свое место, как и в прежние времена, без церемонии приема, посвящения или введения в должность. Эти грамоты составлены в очень общих и обширных выражениях, они дают *кустосу* или магистру многое из того, на что он по праву имеет право в отличие от короны, но больше не получает, и утверждают, что дают ему многое другое, что корона не имела права предоставлять. Например, он назначен "править, управлять и надзирать за домом Нового Храма"; но корона не имела права назначать его правителем, поскольку управление всегда находилось в руках магистров скамей двух обществ, которые сменили власть магистра и главы рыцарей-тамплиеров. В этих грамотах Храм описывается как ректорский дом, которым он никогда не был, как и ничем подобным. В них говорится о передаче *опекуну* "всех и всяческих податей", но податей не было, поскольку Храм был специально освобожден от податей как религиозный дом многочисленными папскими буллами. Грамота давала *хранителю* все доходы и денежные прибыли, которыми *хранители* пользовались ранее в силу своей должности, но эти доходы были растрочены короной, а имущество, ранее пожалованное настоятелем и капитулом Святого Иоанна, а также благочестивыми людьми во времена тамплиеров на содержание священников и проведение богослужений в храмовой церкви, было передано посторонним, и *хранитель* был брошен короной на поддержку добровольных пожертвований двух обществ. Он получал, правда, жалкие гроши в размере 37l. 6s. 8 d. в год из казначейства, но за это он должен был за свой счет найти священника для обслуживания церкви, а также клерка или пономаря!

Поскольку корона сохранила в своих руках назначение *кастоса* и все старинные доходы церкви Храма, она должна была обеспечить содержание священнослужителей, как это делали госпитальеры Святого Иоанна.

"Чарджес феллоушиппа", - говорится в MS. отчете Храма, написанном в правление Хен. VIII, "на жалованье или на питье священникам - никаких; ибо их находит милорд Святого Иоанна, и те, кто из братства этого дома, не получают ничего для священников, кроме того, что у них есть восемнадцать выходных дней в году, так что жалованье каждого из них составляет xviiiid." [607]

В правление Якова Первого *кастос*, доктор Миклтвейт, выдвинул некоторые неслыханные претензии и притязания, что привело к разрыву между ним и двумя обществами. Магистры скамьи общества Внутреннего храма, возмущенные его действиями, лишили доктора места за обеденным столом и "велели ему не появляться в зале, пока за ним не пришлют". В 8 Car. I., 1633 г., доктор подал королю прошение, в котором требовал старшинства в Храме "согласно древнему обычаю, он был хозяином дома", и жаловался, что "ему и его диету отказано в месте в зале, которое всегда было у хозяина Храма, как до совершения лау,

хранящихся в Храме, так и с тех пор, когда бы он ни приходил в зал. Что титулы ему не выплачиваются, тогда как по патенту он должен иметь *omnes et omnimodas decimas.....* Что они отказывают во всей церковной юрисдикции магистру храма, который назначен королевским величеством хозяином и смотрителем дома *ad regendum, gubernandum, et officiendum domum et ecclesiam*" и т. д. Доктор переходит к длинному списку претензий, показывая, каким малым авторитетом он обладает в Храме, что его не вызывают на заседания палаты, и жалуется, что "во Внутренней палате ему не дают никакого внимания ни за его сверхнормативные проповеди днем, ни за его проповеди после полудня", и что служителям Внутренней палаты приказано не уважать магистра Храма, когда он приходит в зал.

Короткий ответ на жалобу доктора заключается в том, что у церковного *попечителя* никогда не было ничего из того, на что доктор претендовал, и не в силах короны дать ему это.

Древний *кастос*, будучи, как уже говорилось, священником ордена Храма, а затем ордена Госпиталя, был совершенным рабом своего мирского начальства и мог быть лишен своей должности, приговорен к диете из хлеба и воды и вечно заключен в тюрьму, без обращения к какой-либо власти, гражданской или церковной, если только он не мог довести свои жалобы до сведения Папы. Доктор Миклтуэйт совершенно неправильно понимал свое положение в Храме, и для него было хорошо, что хозяева скамей больше не пользовались деспотической властью древних магистра и капитула, иначе его непременно приговорили бы к покаянной камере в церкви, и он был бы не первым *custos*, помещенным в это незавидное убежище[608].

Прошение было передано лордам совета, а затем Ною, генеральному прокурору, а тем временем доктор запер церковь и забрал ключи. Общества приказали изготовить новые ключи и открыть церковь. Ной, чтобы уладить все разногласия, назначил встречу спорящим сторонам в церкви, а затем, ссылаясь на притязания доктора, заявил, что если бы он был посетителем, то поступил бы против него *tanquam elatus et superbus*.

В итоге доктор ничего не добился своим ходатайством.

Во времена Содружества, после смерти доктора Миклтуэйта, Оливер Кромвель отправил его выяснить обязанности и вознаграждение за должность "магистра Храма", как явствует из следующего письма: - "От его высочества мне было приказано...

"От его высочества мне было приказано обратиться к вам за разрешением и удовлетворением следующих вопросов.

"1. Должен ли магистр храма быть поставлен в него путем представления, или как?

"2. Обязан ли он присутствовать и проповедовать среди них в установленное время и вне его?

"3. Или если вне времени ему должен быть предоставлен помощник, то за счет ли магистра, или как иначе?

"4. Всегда ли публичная молитва в часовне может совершаться самим магистром в установленное время? И постоянно ли во время каникул она ожидается от него самого или его помощника.

"5. Каков определенный доход магистра и как он возникает?

"2. Сэр, джентльмен, которого его высочество намерен сделать магистром, - это мистер Ресберн из Ундла, достойнейший и ученый человек, пастор тамошней церкви, в которой я сам являюсь недостойным членом.

"3. Церковь готова (ради общественного блага) пощадить его на время, но не хочет расставаться с ним совсем. И в некоторых из вышеупомянутых частиц мистер Р. очень желает быть удовлетворенным; его высочество в первую очередь.

"4. Я прошу вас оставить краткий ответ на упомянутые сведения, и я призову для этого вашего слугу.

"За достопочтенного Генри Скобелла, эсквайра, теиз"[609].

Во время ремонта церкви Темпл в 1830 году рабочие обнаружили старинную печать ордена госпитальеров, которая была унесена и, судя по всему, попала в руки посторонних. На одной стороне ее изображен иерусалимский гроб со Спасителем во гробе. Во главе его возвышается крест, а над ним - скиния или часовня, с крыши которой свисают два горшка с благовониями. Вокруг печати надпись: "Fr-- Berengarii Custos Pauperum Hospitalis Jherusalem". На обороте святой изображен стоящим на коленях в молитвенной позе перед патриаршим крестом, по обе стороны от которого расположены буквы *Альфа* и *Омега*. Под первой буквой находится звезда.

Эти сведения были предоставлены мне мистером Сэвиджем, архитектором.

КОНЕЦ.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО Г. ДЖ. ПАЛМЕРОМ, САВОЙ-СТРИТ, СТРЭНД.

Сноски:

[1] Elmacin, Hist. Saracen. Евтихий.

[2] Ингульф, секретарь Вильгельма Завоевателя, один из них, утверждает, что он отправился из Нормандии с *тридцатью* спутниками, все крепкие и хорошо экипированные всадники, и что они вернулись *двадцатью* жалкими палмерами, с посохом в руке и кошельком за спиной -Baronius *ad ann.* 1064, No. 43, 56.

[3] Will. Tyr., lib. i. cap. 10, ed. 1564.

[4] Omnibus mundi partibus divites et pauperes, juvenes et virgines, senes cum junioribus, loca sancta visitaturi Hierosolymam pergerent.-Jac. de Vitriaco. *Hist. Hierosol.* cap. lxv.

[5] "Целовать святыя памятники, - говорит Вильгельм Тирский, - приходили святыя и целомудренныя вдовы, забыв о женском страхе и множестве опасностей, подстерегавших их на пути."-Lib. xviii. cap. 5.

[6] Quidam autem Deo amabiles et devoti milites, charitate ferventes, mundo renuntiantes, et Christi se servitio mancipantes in manu Patriarchæ Hierosolymitani professione et voto solemniter sese astrinxerunt, ut a prædictis latronibus, et viris sanguinum, defenderent peregrinos, et stratas publicas custodirent, more canonicorum regularium in *obedientia et castitate et sine proprio* militaturi summo regi. *Jac. de Vit. Hist. Hierosol. apud Gesta Dei per Francos*, cap. lxx. p. 1083.-
Will. Tyr. lib. xii. cap. 7. Существовало три вида бедности. Первая и самая строгая (*altissima*) не допускала владения каким бы то ни было имуществом. Вторая (*media*) запрещала владение индивидуальной собственностью, но допускала любое количество богатства при совместном использовании братством. Самым низким был случай, когда разрешалось иметь отдельную собственность на некоторые вещи, такие как пища и одежда, а все остальное было общим. Второй вид бедности (*media*) был принят тамплиерами.

[7] *Pantaleon*, lib. iii. p. 82.

[8] *D'Herbelot Bib. Orient.* p. 270, 687, ed. 1697. Вильгельм Тирский, живший в Иерусалиме вскоре после завоевания города крестоносцами, рассказывает, что халиф Омар потребовал от патриарха Софрония указать ему место, где стоял храм, разрушенный Титом, что и было сделано, халиф немедленно приступил к возведению на этом месте нового храма: "Quo postea infra modicum tempus juxta conceptum mentis suæ feliciter consummato, *quale hodie Hierosolymis esse dinoscitur*, multis et infinites ditavit possessionibus."-Will. Tyr. lib. i. cap. 2.

[9] Erant porro in eodem Templi ædificio, intus et extra ex opere musaico, Arabici idiomatis literarum vetustissima monimenta, quibus et auctor et impensarum quantitas et quo tempore opus inceptum quodque consummatum fuerit evidenter declaratur..... In hujus superioris areæ medio Templum ædificatum est, forma quidem *octogonum* et laterum totidem, tectum habens sphericum plumbo artificiose copertum.... Intus vero in medio Templi, infra interiorem columnarum ordinem *rupes* est, &c.-Will. Tyr. lib. i. cap. 2, lib. viii. cap. 3. In hoc loco, supra *rupem* quæ adhuc in eodem Templo consistit, dicitur stetisse et apparuisse David exterminator Angelus.... Templum Dominicum in tanta veneratione habent Saraceni, ut nullus eorum ipsum audeat aliquibus sordibus maculare; sed a remotis et longinquis regionibus, a temporibus Salomonis usque ad tempora præsentia, veniunt adorare.-*Jac. de Vit. Hist. Hierosol.* cap. lxxii. p. 1080.

[10] *Procopius de ædificiis Justiniani*, lib. 5.

[11] Фока считает все пространство вокруг этих зданий территорией древнего храма. 'Εν τῷ ἀρχαίῳ δαπέδῳ τοῦ περιώνυμου ναοῦ ἐκείνου τοῦ Σόλομωντος θεωρούμενος ... "Ἐξῴθεν δὲ τοῦ ναοῦ ἐστὶ περιάυλιον μέγα λιθόστρωτον τὸ παλαιόν, ὡς οἶμαι, τοῦ μεγάλου ναοῦ δάπεδον.—*Phocas descript. Terr. Sanc.* cap. xiv. Colon. 1653.

[12] Quibus quoniam neque *ecclesia* erat, neque certum habebant domicilium, Rex in Palatio suo, quod secus Templum Domini ad *australem* habet partem, eis concessit habitaculum.-Will. Tyr. lib. xii. cap. 7. А в другом месте, говоря о Храме Господнем, он говорит: Ab *Austro* vero domum habet Regiam, quæ vulgari appellatione *Templum Salomonis* dicitur.-Ib. lib. viii. cap. 3.

[13] Qui quoniam juxta Templum Domini, ut prædiximus, in Palatio regionem mansionem habent, fratres militiæ Templi dicuntur.-Will. Tyr. lib. xii. cap. 7.

[14] Est præterea Hierosolymis Templum aliud immensæ quantitatis et amplitudinis, a quo fratres militiæ Templi, *Templarii* nominantur, quod Templum Salomonis nuncupatur, forsitan ad distinctionem alterius quod specialiter Templum Domini appellatur.-*Jac. de Vit.* cap. 62.

[15] In Templo Domini abbas est et canonici regulares, et sciendum est quod aliud est Templum Domini, aliud Templum militiæ. Isti *clerici*, illi *milites*.-Hist. *Orient. Jac. de Vit. apud Thesaur. Nov. Anecd. Martene*, tom. iii. col. 277.

[16] *Will. Tyr.* lib. xii. cap. 7.

[17] Prima autem eorum professio quodque eis a domino Patriarcha et reliquis episcopis in remissionem peccatorum injunctum est, ut vias et itinera, ad salutem peregrinorum contra latronum et incursantium insidias, pro viribus conservarent.-*Will. Tyr.* lib. xii. cap. 7.

[18] *Gibbon*.

[19] *Reg. Constit. et Privileg. Ordinis Cisterc.* p. 447.

[20] *Chron. Cisterc. Albertus Miræus.* Brux. 1641. *Manricus ad ann. 1128*, cap. ii. *Act. Syn. Trec.* tom. x. edit. Labb.

[21] Ego Joannes Michaelensis, præsentis paginæ, jussu consilii ac venerabilis abbatis Clarævallensis, cui creditum ac debitum hoc fuit, humilis scribe esse, divinâ gratiâ merui.-*Chron. Cisterc.* ut sup.

[22] См. также Hoveden apud X script. page 479. Hen. Hunting. ib. page 384.

[23] *Annales Benedictini*, tom. vi. page 166.

[24] *Histoire de Languedoc*, lib. xvii. p. 407.

[25] *Hist. de l'eglise de Gandersheim. Mariana de rebus Hispaniæ*, lib. x. cap. 15, 17, 18. *Zurita anales de la corona de Aragon*, tom. i. lib. i. cap. 52. *Quarita*, tom. i. lib. ii. cap. 4.

[26] Semel et secunda, et tertio, ni fallor, petiisti a me. Hugo carrissime, ut tibi tuisque commilitonibus scriberem exhortationis sermonem, et adversus hostilem tyrannidem, quia lanceam non liceret, stilum vibrarem. *Exhortatio S. Bernardi ad Milites Templi*, ed. *Mabillon. Parisiis*, 1839, tom. i. col. 1253 - 1278.

[27] т. е. без какого-либо *отдельного* имущества.

[28] *Will. Tyr.* lib. xiii. cap. 26; *Anselmus*, lib. iii. epistolarum. epist. 43, 63, 66, 67; *Duchesne in Hist. Burg.* lib. iv. cap. 37.

[29] Miles eximius et in armis strenuus, nobilis carne et moribus, dominus Robertus cognomine Burgundio Magister militiæ Templi.-*Will. Tyr.* lib. xv. cap. 6.

[30] Vir eximius frater militiæ Templi Otto de Monte Falconis, omnes de morte suâ mœrore et gemitu conficiens, occisus est.-*Will. Tyr.* lib. xv. cap. 6.

[31] *Abulfeda*, ad ann. Hegir. 534, 539. *Will. Tyr.* lib. xvi. cap. 4, 5, 7, 15, 16, который называет Зингис, Сангун. *Abulfaradge Chron. Syr.* p. 326, 328. *Will. Tyr.* lib. xvi. cap. 14.

[32] *Odo de Diogilo*, p. 33. *Will. Tyr.* lib. xii. cap. 7; *Jac. de Vit.* cap. lxv.; *Paul. Æmil.* p. 254; *Monast. Angl.* vol. vii. p. 814.

[33] In nomine sanctæ et individuæ Trinitatis omnibus dominis et amicis suis, et Sanctæ Dei ecclesiæ filiis, Bernardus de Baliolo Salutem. Volo notum fieri omnibus tam futuris quam præsentibus, quod pro dilectione Dei et pro salute animæ meæ, antecessorumque meorum fratribus militibus de Templo Salomonis dedi et concessi Wedelee, &c. ... Hoc donum in capitulo,

quod in Octavis Paschæ Parisiis fuit feci, domino apostolico Eugenio præsentē, et ipso rege Franciæ et archiepiscopo Seuver, et Bardell et Rothomagi, et Frascumme, et fratribus militibus Templi alba chlamide indutis cxxx præsentibus.-Reg. *Kapm. S. Joh. Jerus. in Bib. Cotton. Nero E. b.* No. xx. fo. 118.

[34] *Gallia Christiana nova*, tom. i. col. 486.

[35] *Odo de Diogilo de Ludov. vii. profectio in Orientem*, p. 67.

[36] Rex per aliquot dies in Palatio Templariorum, ubi olim Regia Domus, quæ et Templum Salomonis constructa fuit manens, et sancta ubique loca peragrans, per Samariam ad Galilæam Ptolemaidam rediit..... Convenerat enim cum rege militibusque Templi, circa proximum Julium, in Syriam ad expugnationem Damasci exercitum ducere.-Otto *Frising*, cap. 58.

[37] Ludovici regis ad abbatem Sugerium epist. 58.-Duchesne *hist. franc. scrip.* tom. iv. p. 512; см. также epist. 59, ibid.

[38] *Simeonis Dunelmensis hist.* ad ann. 1148, *apud X script.*

[39] *Dugdale Baronage*, tom. i. p. 122, *Dugd. Monast.* vol. 7, p. 838.

[40] Ex regist. Hosp. S. Joh. Jerusalem in Angli in *Bib. Cotton.* fol. 289, a-b. *Dugd. Monast. Angl.* ed. 1830, vol. vii. p. 820.

[41] Ex. cod. vet. M. S. penes Anton. Wood, Oxon, fol. 14 a. lb. p. 843.

[42] *Liber Johannis Stillingflete*, M. S. in officio armorum (L. 17) fol. 141 a, Harleian M. S. No. 4937.

[43] Джеффри из Клерво отмечает, однако, что второй крестовый поход вряд ли можно назвать неудачным, поскольку, хотя он несколько не помог Святой земле, он послужил тому, что небо наполнилось мучениками.

[44] Его голова и правая рука были отрублены Нуреддином и отправлены халифу в Багдад - Abulfarag. *Chron. Syr.* p. 336.

[45] *Spicilegii Dacheriani*, tom. ii. p. 511; см. также *Will. Tyr. lib. xvii. cap. 9.*

[46] *Will. Tyr. lib. xvii. cap. 21. L'art de verifier les dates*, p. 340. *Nobiliaire de Franche-Compté*, par Dunod, p. 140.

[47] *Will. Tyr. lib. xvii. cap. 20*, ad ann. 1152.

[48] *S. Bernardi epistolæ*, 288, 289, 392, ed. Mabillon.

[49] *Anselmi Gemblacensis Chron.* ad ann. 1153. *Will. Tyr. lib. xvii. cap. 27.*

[50] Captus est inter cæteros ibi Bertrandus de Blanquefort, Magister Militiæ Templi, vir religiosus ac timens Deum. *Will. Tyr. lib. xviii. cap. 14. Registr. epist.* apud *Martene* vet. script. tom. ii. col. 647.

[51] Milites Templi circa triginta, ducentos Paganorum euntes ad nuphas verterent in fugam, et divino præsidio comitante, omnes partim ceperunt, partim gladio trucidarunt. *Registr. epist.* ut sup. col. 647.

[52] *Will. Tyr. lib. xix. cap. 8.*

[53] *Epist. xvi. S. Remensi archiepiscopo et ejus suffraganeis pro ecclesia Jerosolymitana et militibus Templi, apud Martene vet. script. tom. ii. col. 647.*

[54] *Ислам* - название магометанской религии. Слово означает буквально - предание себя Богу.

[55] Keightley's Crusaders.

[56] Достоинства Нуреддина воспеты арабским историком Бен-Шуной в его "*Раудхат Альменадхир*", Аззеддином Эбн-аль-атером, Хондемиром и в работе под названием "Цветы двух садов" Омаддеддина Катеба. См. также *Will. Tyr. lib. xx. cap. 33.*

[57] *Regula, cap. xlviii.*

[58] *Vexillum bipartitum ex Albo et Nigro quod nominant Beau-seant id est Gallicâ linguâ Bien-seant; eo quod Christi amicis candidi sunt et benigni, inimicis vero terribiles atque nigri, Jac. de Vit. Hist. Hierosol. apud Gesta Dei, cap. lxxv.* Идея вполне восточная, черное и белое у арабов всегда использовалось метафорически, в описанном выше смысле. Их обычное приветствие звучит так: "Пусть твой день будет белым", то есть пусть ты будешь счастлив.

[59] *Alwakidi Arab. Hist.* в переводе Ockley. *Hist. Сарацины.* Относится к периоду, предшествующему крестовым походам, но тот же религиозно-военный энтузиазм преобладал во время священной войны за восстановление Иерусалима.

[60] *Cinnamus, lib. iv. num. 22.*

[61] *Gesta Dei, inter regum et principum epistolas, tom. i. p. 1173, 6, 7. Hist. Franc. Script. tom. iv. p. 692, 693.*

[62] *Hist. de Saladin, par M. Marin, tom. i. p. 120, 1. Gibbon, cap. 59.*

[63] *Gesta Dei, epist. xiv. p. 1178, 9.*

[64] *De fratribus nostris ceciderunt LX. milites fortissimi, præter fratres clientes et Turcopulos, nec nisi septem tantum evasere periculum. Epist. Gaufr. Fulcherii procuratoris Templi Ludovico regi Francorum. Gesta Dei, tom. i. p. 1182, 3, 4.*

[65] *Registr. epist. apud Martene, vel script. tom. ii. col. 846, 847, 883.*

[66] "... præcipue pro fratribus Templi, vestram exoramus Majestatem ... qui quotidie moriuntur pro Domino et servitio, et per quos possumus, si quid possumus. In illis enim tota summa post Deum consistit omnium eorum, qui sano fiunt consilio in partibus orientis....". *Gesta Dei, tom. i. epist. xxi. p. 1181.*

[67] *Dominus fuit Arabiæ secundæ, quæ est Petracensis, qui locus hodie Crach dicitur, et Syriæ Sobal ... factus est Magister Militiæ Templi.-Will. Tyr. lib. xxii. cap. 5.*

[68] *Will. Tyr. lib. xviii. cap. 4, 5.*

[69] *Fratres ejusdem domus non formidantes pro fratribus suis animas ponere; cum servantibus et equitaturis ad hoc officium specialiter deputatis et propriis sumptibus retentis, tam in eundo, quam redeundo ab incursibus Paganorum defensant.-De Vertot. hist. des chev. de Malte, liv. i. preuve 9.*

[70] *Will. Tyr. lib. xx. cap. 5.*

[71] Prædicti enim Hospitalis fratres *ad imitationem* fratrum militiæ Templi, armis materialibus utentes, milites cum servientibus in suo collegio receperunt.-Jac. *de Vit.* cap. lxxv.

[72] *Will. Tyr.* lib. xx. cap. 5.

[73] Такое принятие оружия госпитальерами полностью противоречило первоначальной цели и задаче их учреждения. Папа Анастасий в булле, датированной 1154 г., замечает: "*omnia vestra sustentationibus peregrinorum et pauperum debent cedere, ac per hoc nullatenus aliis usibus ea convenit applicari.*"-De *Vertot*, liv. i. preuve 13.

[74] *Gest. Dei per Francos*, p. 1177.

[75] *Will. Tyr.* lib. xx. cap. 5. *Hoveden* in Hen. 2, p. 622. De *Vertot*, Hist. des Chevaliers de Malte, liv. ii. p. 150 - 161, ed. 1726.

[76] *Will. Tyr.* lib. xxi. cap. 29.

[77] *Will. Tyr.* lib. xx. xxi. xxii.

[78] *Omne datum optimum* et omne donum perfectum desursum est, descendens a Patre luminum, apud quem non est transmutatio, nec vicissitudinis obumbratio.

[79] *Acta Rymeri*, tom. i. ad ann. 1172, p. 30, 31, 32.

[80] *Wilcke*, Geschichte des Tempelherrenordens, vol. ii. p. 230.

[81] 3 Concil. Lat. cap. 9.

[82] *Regula*, cap. 20.

[83] Cap. 21, 22.

[84] Cap. 20, 27, из правила.

[85] *Jac. de Vit.* Hist. Orient. apud *Martene* thesaur. nov. anecdot. tom. iii. col. 276, 277.

[86] *Narratio Patriarchæ Hierosolymitani coram summo Pontifice de statu Terræ Sanctæ.* ex M. S. Cod. Bigotiano, apud *Martene* thesaur. nov. anecdot. tom. iii. col. 276, 277.

[87] *Dissertation sur les Assassins*, Académie des Inscriptions, tom. xvii. p. 127, 170. De *Guignes*, Hist. des Huns.-*Will. Tyr.* lib. xx. cap. 31.

[88] *Jac. de Vit.* Hist. Orient. lib. iii. p. 1142. *Will. Tyr.* lib. xx. cap. 32.

[89] *Adjecit etiam et alia a spiritu superbiæ*, quo ipse plurimum abundabat, dictata, quæ præsentī narrationi non multum necessarium est interserere.-*Will. Tyr.* lib. xx. cap. 32.

[90] *Will. Tyr.* lib. xxi. cap. 20, 22, 23. Абульфёда Абульфарадж, Chron. Syr. p. 379.

[91] *Capti sunt ibi de nostris*, Otto de Sancto Amando militiæ Templi Magister, homo nequaquam superbus et arrogans, spiritum furoris habens in naribus, nec Deum timens, nec ad homines habens reverentiam.-*Will. Tyr.* lib. xxi. cap. 29, Abulpharadge, Chron. Syr. p. 380, 381.

[92] *Abulpharadge*, Chron. Syr. ut sup. Menologium Cisterciense, p. 194. *Bernardus Thesaurarius* de acq. Terr. Sanc. cap. 139.

[93] Dicens non esse consuetudinis militum Templi ut aliqua redemptio daretur pro eis præter cingulum et cultellum. Chron. *Trivet* apud *Hall*, vol. i. p. 77.

[94] Eodem anno quo captus est in vinculis et squalore carceris, nulli lugendus, dicitur obiisse.- Will. Tyr. lib. xxi. cap. 29. Ib. lib. xxii. cap. 7. Gallia christiana nova, tom. i. col. 258; ibid p. 172, instrumentorum.

[95] *Abulfeda*, ad ann. 1182, 3. Will. Tyr. lib. xxii. cap. 16-20.

[96] Unde propter causas prædictas generali providentia statutum est, ut Jerosolymitanus Patriarcha, petendi contra immanissimum hostem Saladinum auxilii gratia, ad christianos principes in Europam mitteretur; sed maxime ad illustrem Anglorum regem, cujus efficacior et promptia opera sperabatur.-*Hemingford*, cap. 33; *Radulph de Diceto*, inter; *Hist. Angl. X. script.* p. 622.

[97] Concil. Magn. Brit. tom. iv. p. 788, 789.

[98] *Arnauld of Troy. Radulph de Diceto*, ut sup. p. 625.

[99] Eodem anno (1185,) Baldewinus rex Jerusalem, et Templares et Hospitalares, miserunt ad regem Angliæ Heraclium, sanctæ civitatis Jerusalem Patriarcha, et summos Hospitalis et Templi Magistros una cum vexillo regio, et clavibus sepulchri Domini, et turris David, et civitatis Jerusalem; postulantes ab eo celerem succursum qui statim ad pedes regis provoluti cum fletu magno et singultu, verba salutationis ex parte regis et principum et universæ plebis terræ Jerosolymitanæ proferebant... tradiderunt ei vexillum regium, etc. etc.-*Hoveden*, ad ann. 1185; *Radulph de Diceto*, p. 626.

[100] *Matt. Westm.* ad ann. 1185; *Guill. Neubr.* tom. i. lib. iii. cap. 12, 13. *Chron. Dunst.*

[101] *Speed.* Hist. Britain, p. 506. A. D. 1185.

[102] *Stowe's Survey; Tanner*, Notit. Monast.; *Dugd. Orig. Jurid.*

[103] *Herbert*, Antiq. Inns of Court.

[104] "Да, и часть этого тоже", - говорит сэр Уильям Дагдейл в своих "*origines juridiciales*", как явствует из первого пожалования его сэру Уильяму Пэджету, рыцарю, Pat. ii. Edward VI. p. 2.

[105] На многих старых хартиях и актах мы читаем: "Datum apud *vetus Templum Londoniæ*". См. пример в *Nichols' Leicestershire*, vol. iii. p. 959; см. также рассказ в *Matt. Par.* и *Hoveden*, о посещении королем Хью епископа Линкольна, который лежал больной от лихорадки в Старом храме и умер там, 16 ноября 1200 г. н. э.

[106] Anno ab incarnatione Domini MCLXXXV. facta est ista inquisitio de terrarum donatoribus, et earum possessoribus, ecclesiarum scil. et molendinorum, et terrarum assisarum, et in dominico habitarum, et de redditibus assisis per Angliam, per fratrem Galfridum filium Stephani, quando ipse suscepit balliam de Anglia, qui summo studio prædicta inquirendo curam sollicitam exhibuit, ut majoris notitiæ posteris expressionem generaret, et pervicacibus omnimodam nocendi rescinderet facultatem. Ex. cod. MS. in Scacc. penes Remor. Regis. fol. i. a.; *Dugd. Monast. Angl.* vol. vi. part ii. p. 820.

[107] Quorum res adeo crevit in immensum, ut hodie, trecentos in conventu habeant equites, albis chlamydis indutos: exceptis fratribus, quorum pene infinitus est numerus. Possessiones autem, tam ultra quam citra mare, adeo dicuntur immensas habere, ut jam non sit in orbe christiano

provincia quæ prædictis fratribus suorum portionem non contulerit, et regiis opulentiis pares hodie dicuntur habere copias.-Will. Tyr. lib. xii. cap. 7.

[108] Dominus Baldwinus illustris memoriæ, Hierosolymorum rex quartus, Gazam munitissimam fratribus militiæ Templi donavit, *Will. Tyr. lib. xx. cap. 21*. Milites Templi Gazam antiquam Palæstinæ civitatem reædificant, et turribus eam muniunt, *Rob. de Monte*, appen. ad chron. Sig. p. 631.

[109] *Marin. Sanut*, p. 221. *Bernard Thesaur.* p. 768. *Radulph Coggeshale*, p. 249. Hoveden, p. 636. Radulph de Diceto, ut sup. p. 623. Matt. Par. p. 142. Italia sacra, tom. iii. p. 407.

[110] Tunc Julianus Dominus Sydonis vendidit Sydonem et Belfort Templariis, *Marin. Sanut*, cap. vi. p. 221.

[111] *Atlas Marianus*, p. 156; Siciliæ Antiq., tom. iii. col. 1000.

[112] Gallia christiana nova, tom. iii. col. 118; Probat. tom. ix. col. 1067, tom. x. col. 1292, tom. xi. col. 46; *Roccus Pyrrhus*, Sicil. Antiq. tom. iii. col. 1093, 4, 5, 6, 7, &c.

[113] *Petrus Maria Campus* Hist. Placent. part ii. n. 28; *Pauli M. Paciandi* de cultu S. Johannis Bapt. Antiq. p. 297.

[114] Description et delices d'Espagne, tom. iii. p. 259; Hist. Portugal, *La Clede*, tom. i. p. 200, 202, &c.; Hispania illustrata, tom. iii. p. 49.

[115] *Annales Minorum*, tom. v. p. 247; tom. vi. p. 211, 218; tom. viii. p. 26, 27; tom. ix. p. 130, 141.-Campomanes.

[116] *Marcæ Hispanicæ*, col. 1291, 1292, 1304. Gall. christ. nov. tom. i. col. 195. *Mariana*, de reb. Hisp. lib. ii. cap. 23.

[117] *Script. rer. Germ.* tom. ii. col. 584. *Annales Minorum*, tom. vi. p. 5, 95, 177. Suevia and Vertenbergia sacra, p. 74. *Annal. Bamb.* p. 186. *Notitiæ episcopatus Middelb.* p. 11. *Scrip. de rebus Marchiæ Brandenburg*, p. 13. *Aventinus annal. lib. vii. cap. 1. n. 7.* Gall. christ. nov. tom. viii. col. 1382; tom. i. col. 1129.

[118] Constantinopolis christiana, lib. iv. p. 157.

[119] Hist. de l'Eglise de Besancon, tom. ii. p. 397, 421, 450, 474, 445, 470, 509, &c.

[120] Hist. de l'Eglise de St. Etienne à Dijon, p. 133, 137, 205. Hist. de Bresse, tom. i. p. 52, 55, 84.

[121] Hist. gen. de Languedoc, liv. ii. p. 523; liv. xvi., p. 362; liv. xvii. p. 427; liv. xxii. p. 25, 226. Gall. christ. tom. vi. col. 727. *Martene* Thesaur. anecd. tom. i. col. 575.

[122] Gall. christ. nov. tom. i. p. 32; tom. iii. col. 333; tom. ii. col. 46, 47 и 72. *La Martiniere* dict. geogr. *Martene*, ampl. collect. tom. vi. col. 226. Gloss. nov. tom. iii. col. 223.

[123] Histoire de la ville de Paris, tom. i. p. 174. Gall. christ. nov. tom. vii. col. 853.

[124] *Annales Trevir.* tom. ii. p. 91, 197, 479. *Prodromus* hist. Trevir. p. 1077. *Bertholet* hist. de Luxembourg, tom. v. p. 145. *Joh. Bapt. Antiq. Flandriæ Gandavum*, p. 24, 207. *Antiq. Bredanæ*, p. 12, 23. *Austroburgus*, p. 115. *Aub Miræi* Diplom. tom. ii. p. 1165, &c.

[125] *Dugd.* Monast. Angl. vol. vi. part 2, p. 800 - 817. *Concilia Magnæ Britanniæ*, tom. iii. p. 333 - 382. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 279, 288, 291, 295, &c.

[126] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 279, 288, 291, 297, &c.

[127] *Nichols' hist. of Leicestershire*.

[128] *Clutterbuck's hist. Hertfordshire. Chauncey*, antiq. Hert. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 133, 134. *Dodsworth*, M. S. vol. xxxv.

[129] *Morant's hist. Essex, Rymer*. tom. iii. p. 290 - 294.

[130] *Redditus omnium ecclesiarum et molendinorum et terrarum de bailliâ de Lincolnscire*. Inquis. terrar. ut sup. fol. 41 b - 48 b и 49 a. *Peck's MS. in Museo Britannico*, vol. iv. fol. 95 et seq.

[131] *Peck's MS. ut sup. fol. 95*.

[132] *Inquis. ut. sup. 58 b - 65 b*.

[133] *Inquis. terrar. ut sup. fol. 12 a - 23 a. Dodsworth MS. vol. xx. p. 65, 67, ex quodam rotulo tangente terras Templariorum. Rot. 42, 46, p. 964. Dugd. Baron. tom. i. p. 70*.

[134] *Monast. Angl. ut sup. p. 840. Hasted. hist. Kent*.

[135] *Ex cod. MS. in officio armorum, L. xvii. fol. 141 a. Calendarium Inquis. post mortem, p. 13. 18*.

[136] *Manning's Surrey. Atkyn's Gloucestershire*; и см. ссылки в *Tanner. Nash's Worcestershire*.

[137] *Bridge's Northamptonshire, vol. ii. p. 100*.

[138] *Thoroton's Nottinghamshire. Burn and Nicholson's Westmoreland. Worsley's Isle of Wight*.

[139] *Habuerunt insuper Templarii in Christianitate novem millia maneriorum ... præter emolumenta et varios proventus ex fraternitatibus et prædicationibus provenientes, et per privilegia sua accrescentes. Mat. Par. p. 615, ed. Lond. 1640*.

[140] *Amplis autem possessionibus tam citra mare quam ultra ditati sunt in immensum, villas, civitates et oppida, ex quibus certam pecuniæ summam, pro defensione Terræ Sanctæ, summo eorum magistro cujus sedes principalis erat in Jerusalem, mittunt annuatim.-Jac. de Vitruvius. Hist. Hierosol. p. 1084*.

[141] *Masculum pullum, si natus sit super terram domus, vendere non possunt sine licentiâ fratrum. Si filiam habent, dare non possunt sine licentiâ fratrum. Inquisitio terrarum, ut supr. fol. 18 a*.

[142] Тамплиеры, отводя воду, создавали большие неудобства. В 1290 году *приор и братья де Кармело* (белые монахи) пожаловались королю в парламенте на гнилостные выделения, исходящие от реки Флит, которые были настолько сильны, что перекрывали весь ладан, сжигаемый на их алтаре во время богослужения, и стали причиной смерти многих их братьев. Они просят устранить зловоние, чтобы не погибнуть и им. Братья-проповедники (черные монахи) и епископ Солсбери (чей дом стоял в Солсбери-корт) подали аналогичную жалобу; также Генри Лейси, граф Линкольн, утверждает, что тамплиеры (*ipsi de novo Templo*) перекрыли воду в реке для своих мельниц в замке Биньяр.-*Rot. Parl. vol. i. p. 60, 200*.

[143] *Ex cod. MS. in officio armorum, L. xvii. fol. 141 a. Dugd. Monast. Angl. ut sup. p. 838. Tanner, Notit. Monast*.

[144] *Dugd. Baronage. Monast. Angl. p. 800 - 844*.

[145] Власть над судами;

- [146] налагать и взимать штрафы и амерсименты со своих арендаторов;
- [147] покупать и продавать или устраивать своеобразные рынки;
- [148] судить и наказывать своих злодеев и вассалов;
- [149] судить воров и злоумышленников, принадлежащих к их поместьям и взятых в их пределах;
- [150] судить иностранных воров, захваченных в указанных поместьях, и т. д.
- [151] Cart. 11. Hen. 3. M. 33. *Dugd. Monast.* p. 844.
- [152] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 54, 298, 574, 575.
- [153] Page 431.
- [154] 13 Edward I.
- [155] 2 Inst. p. 432.
- [156] 2 Inst. p. 465.
- [157] Stat. Westr. 2, cap. 43, 13 Ed. I.
- [158] Титул Master of the Temple настолько широко применялся к начальникам западных провинций, что мы находим в греческом языке нижней империи слова Τέμπλου Μαιστῶρ. *Дюканж. Глосс.*
- [159] Также summus magister, magister generalis.
- [160] Concil. Mag. Brit. tom. ii. p. 335, 339, 340. Monast. Angl. p. 818.
- [161] Concil. Mag. Brit. tom. ii. p. 355, 356.
- [162] In cujus rei testimonium huic præsenti scripto indentato sigillum capituli nostri apposuimus.
- [163] MS. apud Belvoir. MS. *Peck's MS.* in Museo Britannico, vol. iv. p. 65.
- [164] *Nicholl's Hist. Leicestershire*, vol. iii. pl. cxxvii. fig. 947, p. 943; vol. ii. pl. v. fig. 13.
- [165] Двое из этих генеральных посетителей были похоронены в церкви Темпл.
- [166] Rot. claus. 49. H. III. m. xi. d. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 802.
- [167] L'histoire des Cisteaux, *Chrisost. Henriques*, p. 479.
- [168] Ricardus de Hastings, Magister omnium militum et fratrum Templi qui sunt in Angliâ, salutem. Notum vobis facimus quod omnis controversia quæ fuit inter nos et monachos de Kirkested... terminata et finita est assensu et consilio nostro et militum et fratrum, &c., anno ab incarnatione Domini 1155, 11 die kal. Свидетелями этого документа являются архиепископ Кентерберийский, папский легат, епископ Линкольнский и несколько аббатов. - *Lansdown MS.* 207 E, fol. 467, p. 162, 163; см. также p. 319, где он упоминается как магистр, A. D. 1161.
- [169] Et paulo post rex Angliæ fecit Henricum filium suum desponsare Margaritam filiam regis Franciæ, cum adhuc essent pueruli in cunis vagientes; videntibus et consentientibus Roberto de Pirou et Toster de Sancto Homero et Ricardo de Hastings, Templariis, qui custodiebant præfata castella, et statim tradiderunt illa castella regi Angliæ, unde rex Franciæ plurimum iratus fugavit

illos tres Templarios de regno Franciæ, quos rex Angliæ benigne suscipiens, multis ditavit honoribus.-Por. *Hoveden*, script. post Bedam, p. 492. *Guilielmi Neubrigiensis* hist. lib. ii. cap. 4, apud *Hearne*.

[170] *Life of Henry II.* tom. iv. p. 203.

[171] *Ib.* tom. ii. p. 356. Hist. quad. p. 38. *Hoveden*, 453. *Chron. Gervasii*, p. 1386, apud X script.

[172] Ricardus Mallebeench, magister omnium pauperum militum et fratrum Templi Salomonis in Angliâ, &c. ... Confirmavimus pacem et concordiam quam Ricardus de Hastings fecit cum Waltero abbate de Kirkested.-*Lansdown MS.* 207 E., fol. 467.

[173] Gaufridus, filius Stephani, militiæ Templi in Angliâ *Minister*, assensu totius capituli nostri dedi, &c., totum illud tenementum in villâ de Scamtrun quod Emma uxor Walteri Camerarii tenet de domo nostrâ, &c. *Ib.* fol. 201.

[174] *Post.*

[175] Деньги приказано выплатить "dilecto filio nostro Thesaurario domus militiæ Templi Londonien". *Acta Rymeri*, tom. i. p. 442, 4, 5. *Wilkins Concilia*, tom. ii. p. 230.

[176] *Matt. Par.* p. 381.

[177] *Matt. Par.* p. 253, 645.

[178] *Wilkins*, *Concilia Magnæ Britanniæ*, tom. ii. p. 19, 26, 93, 239, 253, 272, 292.

[179] *Bernard Thesaur.* cap. 157, apud *Muratori* script. rer. Ital. p. 792. *Cotton MS.*, Nero E. vi. p. 60, fol. 466.

[180] *Radulph de Diceto*, ut sup. p. 626. *Matt. Par.* ad ann. 1185.

[181] *Hoveden annal.* apud rer. Angl. script. post Bedam, p. 636, 637.

[182] Приведенный выше отрывок почти дословно переведен из хроники аббата Бромтона. Патриарх там говорит королю: "Hactenus gloriose regnasti, sed amodo ipse te deseret quem tu deseruisti. Recole quæ dominus tibi contulit, et qualia illi reddidisti; quomodo regi Franciæ infidus fuisti, beatum Thomam occidisti, et nunc protectionem Christianorum abjecisti. Cumque ad hæc rex excandesceret, obtulit patriarcha caput suum et collum extensum, dicens, "Fac de me quod de Thomá fecisti. Adeo libenter volo a te occidi in Anglia, sicut a Saracenis in Syria, quia tu omni Saraceno peior es. Cui rex: "Si omnes homines mei unum corpus essent, unoque ore loquerentur, talia mihi dicere non auderent. Cui ille, "Non est mirum, quia tu et non te diligunt, prædam etiam et non hominem sequitur turba ista. 'Recedere non possum, quia filii mei insurgerent in me absentem.' Cui ille, "Nec mirum, quia de diabolo venerunt, et ad diabolum ibunt. Et sic demum patriarcha navem ascendens in Galliam reversus est."-*Chron. Joan. Bromton*, abbatis Jornalensis, script. X. p. 1144, ad ann. 1185.

[183] Sed hæc omnia præfatus Patriarcha parum pendebat, sperabat enim quod esset reducturus secum ad defensionem Ierosolymitanæ terræ præfatum regem Angliæ, vel aliquem de filiis suis, vel aliquem virum magnæ auctoritatis; sed quia hoc esse non potuit, repatriaturus dolens et confusus a curiâ recessit.-*Hoveden* ut sup. p. 630.

[184] *Contin. Hist. Bell. Sacr.* apud *Martene*, tom. v. col. 606. Из *Манси* следует, что эта ценная старая хроника, ранее приписываемая Хью Плагону, является оригинальным французским произведением *Бернарда Казначей*.

[185] Quand le roi avoit offert sa corone au Temple Dominus, si avaloit uns degres qui sont dehors le Temple, et entroit en son pales au Temple de Salomon, ou li Templiers manoient. La estoient les tables por mengier, ou le roi s'asseoit, et si baron et tuit cil qui mengier voloient.-Contin. bell. sacr. apud *Martene*, tom. v. col. 586.

[186] Contin. hist. ut sup., col. 593, 4. *Bernard. Thesaur.* apud *Muratori* script. rer. Ital., tom. vii. cap. 147, col. 782, cap. 148, col. 173. Assizes de Jerusalem, cap. 287, 288. *Гиль. Neubr.* cap. 16.

[187] Vita et res gestæ Saladini by *Bohadin F. Sjeddadi*, apud *Schultens*, ex. MS. Arab. Pref.

[188] Chron. terræ Sanctæ apud *Martene*, tom. v. col. 551. Hist. Hierosol. Gest. Dei, tom. i. pt. ii. p. 1150, 1. *Geoffrey de Vinisau*f.

[189] Contin. hist. bell. sacr. ut sup., col. 599.

[190] *Muhammed F. Muhammed, N. Koreisg. Ispahan*, apud *Schultens*, p. 18.

[191] *Radulph Coggeshale*, an eye-witness, apud *Martene*, tom. v. col. 553.

[192] Chron. Terræ Sanctæ, apud *Martene*, tom. v. col. 558 и 545. Ценнейшая история.

[193] *Omad'eddin Kateb-Abou-hamed-Mohamed-Benhamed*, один из секретарей Саладина. Extraits Arabes, par *M. Michaud*.

[194] Contin. hist. bell. sacr. apud *Martene*, tom. v. col. 608. *Bernard. Thesaur.* apud *Muratori* script. rer. Ital., cap. 46. col. 791.

[195] *Bohadin*, cap. 35. *Абульфедда. Абульфараг*.

[196] *Омад'эддин Катеб* в своей книге под названием "*Фатх*" воспеваает вышеупомянутые подвиги Саладина. Extraits Arabes, *Michaud*. *Radulph Coggeshale*, Chron. Terr. Sanct. apud *Martene*, tom. v. col. 553 - 559. *Bohadin*, p. 70. *Jac. de Vit.* cap. xciv. *Guil. Neubr.* apud *Hearne*, tom. i. lib. iii. cap. 17, 18. *Chron. Gervasii*, apud X. script. col. 1502. *Abulfeda*, cap. 27. *Абульфараг*. Chron. Syr. p. 399, 401, 402. *Хондемир. Ben-Schunah*.

[197] *Geoffrey de Vinisau*f apud *Gale*, script. Antiq. Anglic. p. 15, "O zelus fidei! O fervor animi!" - говорит этот восхищенный историк, cap. xv. p. 251.

[198] *Geoffrey de Vinisau*f, ut sup. cap. v. p. 251.

[199] Epistola Terrici Præceptoris Templi de captione terræ Jerosolymitanæ, *Hoveden annal.* apud rer. Angl. script. post Bedam, p. 636, 637. *Хрон. Gervas. ib.* col. 1502. *Radulph de Diceto*, apud X. script. col. 635.

[200] Письмо Саладина к халифу *Насиру Дельдин-Иллаху Абуль Аббас Ахмед*.-*Michaud*, Extraits Arabes.

[201] Les dames de Jerusalem firent prendre cuves et mettre en la place devant le monte Cauviaire, et emplir d'eue froide, et firent lors filles entrer jusqu'au col, et couper lor treices et jeter les.-Contin. hist. bell. sacr. apud *Martene*, tom. v. col. 615.

[202] Chron. Terræ Sanctæ, *Radulphi Coggeshale*, apud *Martene*, tom. v. col. 572, 573; flentibus christianis, crines et vestes rumpentibus, pectora et capita tudentibus, говорит достойный аббат.

[203] См. выше, с. 6.

[204] Saladin ot mandé a Damas por euë rose assés por le Temple laver ... il avoit quatre chamiex ou cinq tous chargiés.-Contin. hist. Bell. Sacr. col. 621.

[205] Bohadin, cap. xxxvi., и выдержки из *Abulfeda*, apud *Schultens*, cap. xxvii. p. 42, 43. *Ib'n Alatsyr*, Michaud, Extraits Arabes.

[206] *Hoveden*, annal. apud rer. Angl. script. post Bedam, p. 645, 646.

[207] *Bohadin* apud *Schultens*, cap. xxxvi.

[208] *Ибн-Алацыр*, гист. Араб. и *Раудхатейн*, или "два сада". *Michaud*, Extraits Arabes. Excerpta ex *Abulfeda* apud *Schultens*, cap. xxvii. p. 43. Комментарий *Вилькена*. *Abulfed. hist.* p. 148.

[209] *Omad'eddin Kateb*.-*Michaud*, Extraits Arabes.

[210] *Khotbeh*, or sermonion of *Mohammed Ben Zeky*.-*Michaud*, Extraits Arabes.

[211] См. рассказ об этом замечательном камне, стр. 7, 8.

[212] *Hist. Hierosol. Gesta Dei per Francos*, tom. i. pt. ii. p. 1155.

[213] *Hoveden* ut sup. p. 646. *Schahab'eddin* in the *Raoudhatein*.-*Michaud*.

[214] *Jac. de Vit.* cap. xcv. *Vinisauf*, apud XV script. p. 257. *Trivet* ad ann. 1188, apud *Hall*, p. 93.

[215] *Radulph de Diceto* ut sup. col. 642, 643. *Matt. Par.* ad ann. 1188.

[216] *Radulph Coggleshale*, p. 574. *Hist. Hierosol.* apud *Gesta Dei*, tom. i. pars 2, p. 1165. *Radulph de Diceto* ut sup., col. 649. *Vinisauf*, cap. xxix. p. 270.

[217] *Ducange* Gloss. tom. vi. p. 1036.

[218] *Geoffrey de Vinisauf*, apud XV script. cap. xxxv. p. 427. *Rad. Coggleshale* apud *Martene*, tom. v. col. 566, 567. *Bohadin*, cap. l. to c.

[219] *Bohadin*, cap. v. vi.

[220] *L'art de verif.* tom. i. p. 297.

[221] *Hist. de la maison de Sablé*, liv. vi. chap. 5. p. 174, 175. *Cotton MS. Nero, E. vi.* p. 60. folio 466, где он назван Робертом де Самбеллом. *L'art de Verif.* p. 347.

[222] *Jac. de Vit.* cap. 65.

[223] Le roi de France ot le chastel d'Acre, ot le fist garnir et le roi d'Angleterre se herberja en la maison du Temple.-*Contin. Hist. bell. sacr.* apud *Martene*, tom. v. col. 634.

[224] *Chron. Ottonis* a S. Blazio, c. 36. apud *Scriptores Italicos*, tom. vi. col. 892.

[225] *Contin. Hist. bell. sacr.* apud *Martene*, tom. v. col. 633. *Trivet*, ad. ann. 1191. *Chron. de S. Denis*, lib. ii. cap. 7. *Vinisauf*, p. 328.

[226] *Primariam aciem deducebant Templarii et ultimam Hospitalarii, quorum utrique strenue agentes magnarum virtutum prætendebant imaginem*.-*Vinisauf*, cap. xii. p. 350.

- [227] Ibi rex præordinaverat quod die sequenti primam aciem ipse deduceret, et quod Templarii extremæ agminis agerent custodiam.-*Vinisauf*, cap. xiv. p. 351.
- [228] Deducendæ extremæ legioni præfuerant Templarii, qui tot equos eâ die Turcis irruentibus, a tergo amiserunt, quod fere desperati sunt.-Ib.
- [229] *Bohadin*, cap. cxvi. p. 189.
- [230] Singulis noctibus antequam dormituri cubarent, quidam ad hoc deputatus voce magnâ clamaret fortiter in medio exercitu dicens, Adjuva sepulchrum sanctum; ad hanc vocem clamabant universi eadem verba repetentes, et manus suas cum lacrymis uberrimis tendentes in cælum, Dei misericordiam postulantes et adjutorium.-*Vinisauf*, cap. xii. p. 351.
- [231] Ibid. cap. xxxii. p. 369.
- [232] *Bedewini* horridi, fuligine obscuriores, pedites improbissimi, arcus gestantes cum pharetris, et ancilia rotunda, gens quidem acerrima et expedita.-*Vinisauf*, cap. xviii. p. 355.
- [233] *Vinisauf*, cap. xxii. p. 360. *Bohadin*, cap. cxx.
- [234] Expedite descenderunt (Templarii) ex equis suis, et dorsa singuli dorsis sociorum habentes hærentia, facie versâ in hostes, sese viriliter defendere cœperunt. Ibi videri fuit pugnam acerrimam, ictus validissimos, tinniunt galeæ a percutientium collisione gladiatorum, igneæ exsiliunt scintillæ, crepitant arma tumultuantium, perstrepunt voces; Turci se viriliter ingerunt, Templarii strenuissime defendunt.-Ib. cap. xxx. p. 366, 367.
- [235] *Vinisauf*, cap. xxxii. p. 369.
- [236] Ib. cap. xxxvii. p. 392. *Contin. Hist. Bell. Sacr.* apud *Martene*, v. col. 638.
- [237] *Vinisauf*, lib. v. cap. 1, p. 403. Ibid. lib. vi. cap. 2, p. 404.
- [238] Ib. cap. iv. v. p. 406, 407, &c. &c.; cap. xi. p. 410; cap. xiv. p. 412. Король Ричард первым вошел в город. Tunc rex per cocleam quandam, quam forte prospexerat in domibus Templariorum solus primus intravit villam.-*Vinisauf*, p. 413, 414.
- [239] *Contin. Hist. Bell. Sacr.* apud *Martene*, tom. v. col. 641.
- [240] Concessimus omne jus, omne dominium quod ad nos pertinet et pertineat, omnem potestatem, omnes libertates et liberas consuetudines quas regia potestas conferre potest. *Cart. Ric.* 1. ann. 5, regni sui.
- [241] *Hispania Illustrata*, tom. iii. p. 59. *Hist. gen. de Languedoc*, tom. iii. p. 409. Cotton, MS. Nero E. VI. 23. i.
- [242] Castrum nostrum quod Peregrinorum dicitur, см. письмо Великого магистра *Matt. Par.* p. 312, и *Jac. de Vitruv.* lib. iii. apud *Gest. Dei*, p. 1131.
- [243] "Opus egregium, - говорит *Иаков из Бумпу*, - ubi tot et tantas effuderunt divitias, quod mirum est unde eas accipiunt."-*Hist. Orient.* lib. iii. apud *Gest. Dei*, tom. i. pars 9, p. 1131. *Martene*, tom. iii. col. 288. *Hist. capt. Damietæ*, apud *Hist. Angl. script.* XV. p. 437, 438, где он называется Castrum Filii Dei.
- [244] *Pococke*, Travels in the East, book i. chap. 15.
- [245] *Дюфрейн*, Глосс. *Archives d'Arles*. Cotton, MS. Nero E. VI.

[246] *Acta et Fœdera Rymeri*, tom. i. p. 134, ad. ann. 1203, ed. 1704.

[247] *Rigord* in *Gest. Philippi. Acta Rymeri*, tom. i. p. 165, 173.

[248] *Itinerarium regis Johannis*, составленный на основе грантов и предписаний этого монарха Томасом Даффом Харди, опубликованный Комиссией по рекордам.

[249] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 170, ad. ann. 1213.

[250] *Matt. Par.* ad. ann. 1213, p. 234, 236, 237. *Matt. Westr.* p. 271, 2. *Bib. Cotton.* Nero C. 2. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 172, 173. Король Иоанн проживал в Темпл Юэлл с 7 по 28 мая.

[251] *Teste meipso apud Novum Templum London..... Acta Rymeri*, tom. i. p. 105. ad. ann. 1214, ed. 1704.

[252] "Formam autem rei prolocutæ inter nos et ipsos, scriptam et sigillo nostro sigillatam ... in custodiam Templariorum commisimus."-*Literæ Regis sorori suæ Reginæ Berengariæ*, ib. p. 194.

[253] *Berengaria Dei gratiâ, quondam humilis Angliæ Regina. Omnibus, &c. salutem.... Hanc pecuniam solvet in domo Novi Templi London.* ib. p. 208, 209, ad. ann. 1215.

[254] *Matt. Par.* p. 253, ad. ann. 1215.

[255] *Monast. Angl.* vol. vi. part ii.

[256] *Ital. et Raven. Historiarum Hieronymi Rubei*, lib. vi. p. 380, 381, ad ann. 1217. ed. Ven. 1603.

[257] *Jac. de Vittr.* lib. iii. ad. ann. 1218. *Gesta Dei*, tom. i. 1, pars 2, p. 1133, 4, 5.

[258] *Gall. Christ. nov.* tom. ii. col. 714, tom. vii. col. 229.

[259] *Jac. de Vittr. Hist. Orient.* ut sup. p. 1138. *Bernard Thesaur.* apud Muratori, cap. 190 - 200.

[260] *Epist. Magni Magistri Templi* apud *Matt. Par.* p. 312, 313.

[261] Наш историк, Джеймс де Витри; впоследствии он стал одним из заложников. *Contin. Hist.* apud *Martene*, tom. v. col. 698.

[262] *Matt. Par.* ad ann. 1222, p. 314. См. также другое письмо, p. 313.

[263] *Actum London in domo Militiæ Templi*, II. kal. Octob. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 234, ad ann. 1219.

[264] *Acta Rymeri*, tom. i. ad ann. 1223, p. 258.

[265] *Mittimus ad vos dilect. nobis in Christo, fratrem Alanum Marcell Magistrum militiæ Templi in Angliâ, &c. ... Teste meipso apud Novum Templum London coram Domino Cantuar-archiepiscopo, Huberto de Burgo justitiario et J. Bath-Sarum episcopis.* *Acta Rymeri*, tom. i. p. 270, ad ann. 1224.

[266] *Ib.* p. 275.

[267] *Ib.* p. 311, 373, 380.

[268] *Sanut*, lib. iii. c. x. p. 210.

[269] *Cotton*, MS. Nero E. VI. p. 60. fol. 466. Nero E. VI. 23. i.

[270] Cecidit autem in illo infausto certamine illustris miles Templarius, Anglicus natione, Reginaldus de Argentomio, eâ die Balcanifer; ... indefessus vero vexillum sustinebat, donec tibiæ cum cruribus et manibus frangerentur. Solus quoque eorum Preceptor priusquam trucidaretur, sexdecim hostium ad inferos destinavit.-Matt. *Par.* p. 443, ad ann. 1237.

[271] A *Clerkenwelle* domo sua, quæ est Londoniis, per medium civitatis, clypeis circiter triginta detectis, hastis elevatis, et prævio vexillo, versus pontem, ut ab omnibus videntibus, benedictionem obtinerent, perrexerunt eleganter. Fratres verò inclinatis capitibus, hinc et inde caputiis depositis, se omnium precibus commendaverunt.-Matt. *Par.* p. 443, 444.

[272] Et eodem anno (1239) ... passi sunt Judæi exterminium magnum et destructionem, eosdem arctante et incarcerante, et pecuniam ab eisdem extorquente Galfrido Templario, Regis speciali consiliario.-Matt. *Par.* p. 489, ad ann. 1239.

[273] In ipsâ irâ aufugavit fratrem Rogerum Templarium ab officio eleemosynariæ, et a curiâ jussit elongari.-Ib.

[274] *Rymer*, tom. i. p. 404.

[275] Post.

[276] *Matt. Par.* p. 615.

[277] *Michaud* Extraits Arabes, p. 549.

[278] *Steph. Baluz.* Miscell., lib. vi. p. 357.

[279] *Marin Sanut*, p. 217.

[280] *Matt. Par.* p. 631 - 633, ad ann. 1244. Huic scripto originali, quod erat hujus exemplum, appensa fuerunt duodecim sigilla.

[281] *Matt. Par.* p. 618-620.

[282] Cotton MS. Nero E. VI. p. 60, fol. 466, vir discretus et circumspectus; in negotiis quoque bellicis peritus.

[283] Hospitalarii et Templarii milites neophitos et manum armatam cum thesauro non modico illuc ad consolationem et auxilium ibi commorantium festinanter transmiserunt. Epist. Pap. Innocent IV.

[284] *Matt. Par.* p. 697, 698.

[285] Literæ Soldani Babylonie ad Papam missæ, a quodam Cardinali ex Arabico translatae.-Matt. *Par.* p. 711.

[286] Ibid. p. 733.

[287] *Matt. Par.* p. 735.

[288] Ib. in additamentis, p. 168, 169.

[289] Quant les Templiers virent-ce, il se penserent que il seroient honniz se il lessaient le Compte d'Artois aler devant eulz; si ferirent des esperons qui plus plus, et qui miex miex, et chasserent les Turcs. Hist. de San Louis par *Jehan Sire de Joinville*, p. 47.

[290] Nec evasit de totâ illâ gloriosâ militiâ nisi duo Templarii.-Matt. *Par.* ad ann. 1250. Chron. *Nangis*, p. 790.

[291] Et à celle bataille frere Guillaume le Mestre du Temple perdi l'un des yex, et l'autre avoit il perdu le jour de quaresm pernant, et en fu mort ledit seigneur, que Dieux absoille.-*Joinville*, p. 58.

[292] Et sachez que il avoit bien un journal de terre dariere les Templiers, qui estoit si chargé de pyles que les Sarrazins leur avoient lanciées, que il n'i paroît point de terre pour la grant foison de pyles.-Ib.

[293] *Joinville*, p. 95, 96.

[294] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 474, ad ann. 1252.

[295] *Matt. Par.* ad ann. 1254, p. 899, 900.

[296] ... Mandatum est Johanni de Eynfort, camerario regis London, quod sine dilatione capiat quatuor dolia boni vini, et ea liberet Johanni de Suwerk, ponenda in cellaria Novi Templi London. ad opus nuntiorum ipsorum.-*Acta Rymeri*, tom. i. p. 557, ad ann. 1255.

[297] Et mandatum est Ricardo de Muntfichet, custodi forestæ Regis Essex, quod eadem forestâ sine dilatione capiat X. damos, et eos usque ad Novum Templum London cariari faciat, liberandos prædicto Johanni, ad opus prædictorum nuntiorum.-Ib.

[298] *Acta Rymeri*, p. 557, 558.

[299] MCCLVI. morut frère Renaut de Vichieres Maistre du Temple. Apres lui fu fait Maistre frère Thomas Berard.-*Contin. hist.* apud *Martene*, tom. v. col. 736.

[300] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 698, 699, 700.

[301] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 730, 878, 879, ad ann. 1261.

[302] Furent mors et pris, et perdirent les Templiers tot lor hernois, et le commandeur du Temple frère Matthieu le Sauvage.-*Contin. hist. bell. sacr.* ut sup. col. 737. *Marin Sanut*, cap. 6.

[303] *Marin Sanut Torsell*, lib. iii. pars 12, cap. 6, 7, 8. *Contin. hist. bell. sacr.* apud *Martene*, tom. v. col. 742. См. также Abulfed. Hist. Arab. apud Wilkens, p. 223. *De Guignes*, Hist. des Huns, tom. iv. p. 141.

[304] *Michaud*, Extraits Arabes, p. 668.

[305] *De Vertot*, liv. iii. Preuve. xiii. См. также epist. ccccii. apud *Martene* thesaur. anec. tom. ii. col. 422.

[306] Facta est civitas tam famosa quasi solitudo deserti.-*Marin Sanut*, lib. iii. pars. 12, cap. 9. *De Guignes*, Hist. des Huns, tom. iv. p. 143. *Contin. Hist.* apud *Martene*, tom. v. col. 743. *Abulpharag.* Chron. Syr. p. 546. *Michaud*, Extraits Arabes, p. 681.

[307] *Marin Sanut* ut sup. cap. 11, 12. *Contin. Hist.* apud *Martene*, col. 745, 746.

[308] En testimoniaunce de la queu chose, a ceo testament avons fet mettre nostre sel, et avoms pries les honorables Bers frere Hue, Mestre de l'Hospital, et frere Thomas Berard, Mestre du Temple, ke a cest escrit meisent ausi lur seus, etc. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 885, 886, ad ann. 1272.

[309] Trivet ad ann. 1272. Walsingham, p. 43. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 889, ad ann. 1272, tom. ii. p. 2.

[310] Monast. Angl., vol. vi. part 2, p. 800-844.

[311] MCCLXXIII. a viii. jors d'Avri morut frere Thomas Berart, Maistre du Temple le jor de la notre dame de Mars, et fu fait Maistre a xiii. jors de May, frere Guillaume de Bieaujeu qui estoit outre *Commendeor* du Temple en Pouille, et alerent por lui querire frere Guillaume de Poucon, qui avait tenu lieu de Maistre, et frere Bertrand de Fox; et frere Gonfiere fu fait *Commendeor* gran tenant lieu de Maistre.-Contin. Hist. apud *Martene*, tom. v. col. 746, 747. Это самый ранний из известных мне случаев применения термина "командир" к высшим должностным лицам Храма.

[312] *Acta Rymeri*, tom. ii. p. 34, ad ann. 1274.

[313] Contin. hist. bell. sacr. apud *Martene*, tom. v. col. 748.

[314] Жизнь Малека Мансура Келауна. *Michaud*, Extraits Arabes, p. 685, 686, 687.

[315] De excidio urbis Aconis apud *Martene* vet. script. tom. v. col. 767.

[316] Знаменитый Абуль-феда, принц Хамы, по имени Амод-эд-дин, (Столп религии), великий историк и астроном, руководил перевозкой военных двигателей из Хасн-эль-Акры в Сен-Жан-д'Акр.

[317] Ex ipsis fratrem monachum Gaudini elegerunt ministrum generalem. De excidio urbis Acconis apud *Martene*, tom. v. col. 782.

[318] Videntes pulchros Francorum filios ac filias, manus his injecerunt.-*Abulfarag*, Chron. Syr. p. 595. Maledicti Saraceni mulieres et pueros ad loca domus secretiora ex eisdem abusuri distrahere conabantur, turpibus ecclesiam obscœnitatibus cum nihil possent aliud maculantes. Quod videntes christiani, clausis portis, in perfidos viriliter irruerunt, et omnes a minimo usque ad maximum occiderunt, muros, turres, atque portas Templi munientes ad defensam.-De excid. Acconis ut sup. col. 782. *Marin Sanut* ut sup. cap. xxii. p. 231.

[319] Per totam noctem illam, dum fideles vigilarent contra perfidorum astutiam, domum contra eos defensuri, fratrum adjutorio de thesauris quod potuit cum sacrosanctis reliquiis ecclesiæ Templi, ad mare salubriter deportavit. Inde quidem cum fratribus paucis auspiciato remigio, in Cyprum cum cautelâ transfretavit.-De excid. Acconis, col. 782.

[320] De excidio urbis Acconis apud *Martene*, tom. v. col. 757. *De Guignes*, Hist. des Huns, tom. iv. p. 162. *Michaud*, Extraits Arabes, p. 762, 808. *Abulfarag*. Chron. Syr. p. 595. Wilkens, Comment. Abulfed. Hist. p. 231-234. *Марин. Sanut Torsell*, lib. iii. pars 12, cap. 21.

[321] *Raynald*, tom. xiv. ad ann. 1298. Cotton MS. Nero E. vi. p. 60. fol. 466.

[322] *Marin Sanut Torsell*. lib. iii. pars. 13, cap. x. p. 242. *De Guignes*, Hist. des Huns, tom. iv. p. 184.

[323] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 575, 576-579, 582, tom. ii. p. 250. *Martene*, vet. script. tom. vii. col. 156.

[324] *Acta Rymeri*, tom. ii. p. 683. ad ann. 1295.

[325] Chron. *Данмоу*. *Анналы св. Августина*. *Рапин*.

[326] Ipse vero Rex et Petrus thesaurum ipsius episcopi, apud Novum Templum Londoniis reconditum, ceperunt, ad summam quinquaginta millia librarum argenti, præteraurum multum,

jocalia et lapides preciosos..... Erant enim ambo præsentes, cum cistæ frangerentur, et adhuc non erat sepultum corpus patris sui.-*Hemingford*, p. 244.

[327] *Chron. Trivetii*, ad ann. 1298. *Hemingford*, vol. i. p. 159.

[328] Данте называет его *il mal di Francia*, Del. Purgat. cant. 20, 91.

[329] Questo Papa fue huomo molto cupido di moneta, e fue lussurioso, si dicea che tenea per amica la contessa di Paragordo, bellissima donna!!! *Villani*, lib. ix. cap. 58. Fuit nimis cupiditatibus deditus.... Sanct. Ant. Flor. de Concil. Vien. tit. 21. sec. 3. Circa thesauros colligendos insudavit, говорит *Найтон* apud X script. col. 2494. *Fleuri*, l. 92. p. 239. *Chron. de Namgis*, ad ann. 1305.

[330] *Rainald*. tom. xv. ad ann. 1306, n. 12. *Fleuri*, Hist. Eccles. tom. xix. p. 111.

[331] *Bal. Pap. Aven.* tom. ii. p. 176.

[332] *Bal. Pap. Aven.* tom. i. p. 99. Sexta Vita, Clem. V. apud *Baluz*, tom. i. col. 100.

[333] Hist. de la Condemnation des Templiers.-*Dupuy*, tom. ii. p. 309.

[334] *Mariana Hispan.* Illustr. tom. iii. p. 152. *Le Gendre* Hist. de France, tom. ii. p. 499.

[335] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 18. ad ann. 1307.

[336] Les forfaits pourquoi les Templiers furent ars et condamnez, pris et contre eux approuvez. *Chron. S. Denis*. Sexta vita, Clem. V. *Dupuy*, p. 24. edition de 1713.

[337] Liv. ii. chap. 106, chez *Dupuy*.

[338] Sexta vita, Clem. V. col. 102.

[339] Ostendens duo ossa quod dicebat illa esse quæ ceciderunt de talis suis. *Processus contra Templarios*. *Raynouard* Monumens Historiques, p. 73, ed. 1813.

[340] In quibus tormentis dicebat se quatuor dentes perdidisse. Ib. p. 35.

[341] Fuit quæstionibus ponderibus appensis in genitalibus, et in aliis membris usque ad exanimationem. Ib.

[342] Tres des Chart. Templiers, cart. 3, n. 20.

[343] Dat. apud Redyng, 4 die Decembris. Consimiles litteræ diriguntur Ferando regi Castellæ et Ligionis, consanguineo regis, domino Karolo, regi Siciliæ, et Jacobo regi Aragoniæ, amico Regis. *Acta Rymeri*, tom. iii. ad ann. 1307, p. 35, 36.

[344] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 37, ad ann. 1307.

[345] Dat. Pictavis 10, kal. Dec. *Acta Rymeri*, tom. iii. ad ann. 1307, p. 30-32.

[346] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 34, 35, ad ann. 1307.

[347] Ibid. p. 34, 35.

[348] Ibid. p. 45.

[349] *Knyghton*, apud X. script. col. 2494, 2531.

[350] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 83.

- [351] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 101, 2, 3.
- [352] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 110, 111. *Vitæ paparum Avenion*, tom. ii. p. 107.
- [353] *Ibid.* tom. iii. p. 121, 122.
- [354] *Ibid.* p. 168.
- [355] *Ibid.* p. 168, 169.
- [356] *Ibid.* p. 174.
- [357] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 173, 175.
- [358] *Rainald*, tom. xv. ad ann. 1306.
- [359] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 346, 347.
- [360] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 178, 179.
- [361] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 304-311.
- [362] *Processus contra Templarios*, *Dugd. Monast. Angl.* vol. vi. part 2, p. 844-846 ed. 1830.
- [363] Оригинальный проект этих обвинительных статей, с исправлениями и изменениями, сохранился в *Tresor des Chartres Raynouard*, *Monumens Historiques*, p. 50, 51. Судебный процесс против тамплиеров в Англии сохранился в MS. в Британском музее, Harl. No. 252, 62, f. p. 113; No. 247, 68, f. p. 144. Биб. Cotton Julius, b. xii. p. 70; а также в Бодлианской библиотеке и Ашмолеанском музее. Основная их часть была опубликована Уилкинсом в *Concilia Magnæ Britanniæ*, tom. ii. p. 329-401, и Дагдейлом в *Monast. Angl.* vol. vi. part 2. p. 844-848.
- [364] *Actum in Capella infirmariæ prioratus Sanctæ Trinitatis præsentibus*, etc. *Concilia Magnæ Britanniæ*, tom. iii. p. 344. *Ibid.* p. 334-343.
- [365] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 305-308.
- [366] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 312-314.
- [367] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 194, 195.
- [368] *Ibid.* p. 182.
- [369] Et ad evidentius præmissorum testimonium reverendus in Christo pater dominus Willielmus, providentiâ divinâ S. Andreæ episcopus, et magister Johannes de Solerio prædicti sigilla sua præsentī inquisitioni appenderunt, et eisdem sigillis post subscriptionem meam eandem inquisitionem clausurunt. In quorum etiam firmitus testimonium ego Willielmus de Spottiswod auctoritate imperiali notarius qui prædictæ inquisitioni interfui die, anno, et loco prædictis, testibus præsentibus supra dictis, signum meum solitum eidem apposui requisitus, et propriâ manu scripsi rogatus.-*Acta contra Templarios. Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 380, 383.
- [370] *Act. in ecclesiâ parochiali S. Dunstani prope Novum Templum*.-*Ib.*, p. 349.
- [371] *Acta contra Templarios. Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 350, 351, 352.
- [372] *Acta Rymeri*, tom. iii. ad ann. 1310. p. 202, 203.

[373] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 179, 180. *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 373 - 380.

[374] Terrore tormentorum confessi sunt et *mentiti*.-*Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 365, 366, 367.

[375] *Depositiones Templariorum in Provinciâ Eboracensi*.-*Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 371-373.

[376] Eodem anno (1310) XIX. die Maii apud Eborum in ecclesiâ cathedrali, ex mandato speciali Domini Papæ, tenuit dominus Archiepiscopus concilium provinciale. Prædicavitque et erat suum themea; *omnes isti congregati venerunt tibi*, factoque sermone, recitavit et legi fecit *sequentem bullam horribilem contra Templarios*, &c. &c. *Hemingford* apud *Hearne*, vol. i. p. 249.

[377] Processus observatus in concilio provinciali Eboracensi in ecclesiâ beati Petri Ebor. contra Templarios celebrato A. D. 1310, ex. reg. Will. Grenefeld Archiepiscopi Eborum, fol. 179, p. 1.-*Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 393.

[378] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 367.

[379] *Acta contra Templarios*. *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 358.

[380] *Joan. can. Sanct. Vict. Contin. de Nangis* ad ann. 1310. Ex secundâ vitâ *Clem. V.* p. 37.

[381] Хрон. *Cornel. Zanfliet*, apud *Martene*, tom. v. col. 159. *Bocat. de cas. vir. illustr. lib. 9. chap. xxi. Raynouard*, *Monumens historiques. Dupuy*, *Condemnation des Templiers*.

[382] *Vit. prim. et tert. Clem. V. col. 57, 17. Bern. Guac.* apud *Muratori*, tom. iii. p. 676. *Contin. Chron. de Nangis* ad ann. 1310. *Raynouard*, p. 120.

[383] *Raynouard*, p. 155.

[384] Inhibuisti ne contra ipsas personas et ordinem per *quæstiones* ad inquirendum super eisdem criminibus procedatur, quamvis iidem Templarii diffiteri dicuntur super eisdem articulis veritatem.... Attende, quæsumus, fili carissime, et prudenti deliberatione considera, si hoc tuo honori et saluti conveniat, et statui congruat regni tui. Апх. секрет. Ватикан. Registr. literar. curiæ anno 5 domini Clementis Papæ 5.-*Raynouard*, p. 152.

[385] *Acta Rymeri*, tom. iii. ad ann. 1310, p. 224.

[386] *Ib.*, p. 224, 225. claus. 4. E. 2. M. 22.

[387] Et si per hujusmodi arctationes et separationes nihil aliud, quam prius, vellent confiteri, quod extunc *quæstionarentur*; ita quod *quæstiones* illæ fierent ABSQUE MUTILATIONE ET DEBILITATIONE PERPETUA ALICUJUS MEMBRI, ET SINE VIOLENTA SANGUINIS EFFUSIONE.-*Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 314.

[388] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 227, 228.

[389] Cum nuper, OB REVERENTIAM SEDIS APOSTOLICÆ, concessimus prælati et inquisitoribus ad inquirendum contra ordinem Templariorum, et contra Magnum Præceptorem ejusdem ordinis in regno nostro Angliæ, quod iidem prælati et inquisitores, de ipsis Templariis et eorum corporibus IN QUÆSTIONIBUS, et aliis ad hoc convenientibus ordinent et faciant, quoties voluerint, id quod eis secundum legem ecclesiasticam, videbitur faciendum, &c.-Teste rege apud Linliscu in Scotiâ, 23 die Octobris. *Ibid.* tom. iii. p. 228, 229.

[390] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 229.

[391] *Ibid.* p. 230.

[392] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 231.

[393] *Ibid.* p. 231, 232.

[394] *Ibid.* tom. iii. p. 232-235.

[395] *Acta contra Templarios, Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 368-371.

[396] Suspicio (quæ loco testis 21, in MS. allegatur,) probare videtur, quod omnes examinati in aliquo dejeraverunt (pejeraverunt,) ut ex inspectione processuum apparet.-MS. Bodl. Oxon. f. 5. 2. *Concil.* tom. ii. p. 359.

[397] Этот рыцарь был подвергнут пыткам в парижском храме братьями св. Доминика в присутствии великого инквизитора, и он сделал свое признание, когда страдал на дыбе; после этого он отозвал его, а затем под пытками отказался от своего отзыва, несмотря на это, инквизитор заставил несчастного вместе с другими поставить свою подпись под следующим допросом: "Interrogatus utrum *vi vel metu carceris aut tormentorum* immiscuit in suâ depositione aliquam falsitatem, dicit *quod non!*"

[398] *Acta contra Templarios.-Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 358-364.

[399] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 364.

[400] Vobis, præfati vicecomites, mandamus quod illos, quos dicti prælati et inquisitores, seu aliquis eorum, cum uno saltem inquisitore, deputaverint ad supervidendum quod dicta custodia bene fiat, id supervidere; et corpora dictorum Templariorum in QUÆSTIONIBUS et aliis ad hoc convenientibus, ponere; et alia, quæ in hac parte secundum legem ecclesiasticam fuerint facienda, facere permittatis. Claus. 4, E. 2. m. 8. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 290.

[401] *M. S. Bodl. F. 5, 2. Concil.* p. 364, 365. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 228, 231, 232.

[402] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 383-387.

[403] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 388, 389.

[404] Acta fuerunt hæc die et loco prædictis, præsentibus patribus antedictis, et venerandæ discretionis viris magistris Michael de Bercham, cancellario domini archiepiscopi Cantuar.... et me Ranulpho de Waltham, London, episcoporum notariis publicis.-*Acta contra Templarios. Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 387, 388.

[405] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 390, 391.

[406] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 394-401.

[407] *Concilia Hispaniæ*, tom. v. p. 233. [407] *Zurita*, lib. v. c. 73. 101. *Mariana*, lib. xv. cap. 10. *Mutius*, chron. lib. xxii. p. 211. *Raynouard*, p. 199-204.

[408] Ut det Templariis audientiam sive defensionem. In hac sententiâ concordant omnes prælati Italiæ præter unum, Hispaniæ, Theutoniæ, Daniæ, Angliæ, Scotiæ, Hiberniæ, etc. etc., ex secund. vit. Clem. V. p. 43.-*Rainald* ad ann. 1311, n. 55. *Walsingham*, p. 99. *Antiq. Britann.*, p. 210.

[409] *Muratorii* collect. tom. iii. p. 448; tom. x. col. 377. *Mariana*. tom. iii. p. 157. *Raynouard*, p. 191, 192.

[410] *Raynouard* ut supra. Tertia vita Clem. V.

- [411] Pro executoribus testamenti Wilielmi de la More, quondam Magistri militiæ Templi in Anglia, claus 6. E. 2. m. 15. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 380.
- [412] Registr. Hosp. S. Joh. Jerus. *Cotton MS.* Nero E. vi. 23. i. Nero E. vi. p. 60. fol. 466.
- [413] *Lansdown*, MS. 207. E. vol. v. fol. 317.
- [414] *Ib.*, fol. 284.
- [415] *Ib.*, fol. 162, 163, 317.
- [416] *Ib.*, fol. 467.
- [417] *Ib.*, fol. 201.
- [418] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 134, ad ann. 1203. Он был одним из тех, кто советовал королю Иоанну подписать Magna Charta.-*Matt. Par.*, p. 253-255.
- [419] *Ib.*, p. 258, 270. *Matt. Par.*, p. 314.
- [420] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 342, 344, 345. Его наняли для переговоров о браке между королем Генрихом Третьим и прекрасной Элеонорой Прованской.
- [421] *Matt. Par.*, p. 615, et in additamentis, p. 480.
- [422] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 340.
- [423] *Ib.*, p. 339, 341, 344.
- [424] *Ib.*, p. 335, 343. *Prynne*, collect 3, 143.
- [425] *Acta Rymeri*, tom. i. part iii. p. 104.
- [426] In vilissimo carcere, ferro duplici constrictus, jussus est recludi, et ibidem, donec aliud ordinatum extiterit, reservari; et interim visitari, ad videndum si vellet *alterius aliqua confiteri*!-*Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 393.
- [427] *Processus contra Templarios. Dupuy*, p. 128, 139. *Raynouard*, p. 60.
- [428] *Villani*, lib. viii. cap. 92. *Contin. Chron. de Nangis*, ad ann. 1313. *Pap. Mass.* in Philip. pulchr. lib. iii. p. 393. *Mariana de reb. Hisp.* lib. xv. cap. 10. *Dupuy*, ed. 1700, p. 71. *Chron. Corn. Zanfliet* apud *Martene*, tom. v. col. 160. *Raynouard*, p. 209, 210.
- [429] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 323, 4, 5, ad ann. 1312.
- [430] *Zurita*, lib. v. c. 101. Institut. milit. Christi apud *Henriquez*, p. 534.
- [431] *Annales Minorum. Gall. Christ. nov. Aventinus, Annal. De Vertot*, liv. 3.
- [432] *Fuller's Hist. Holy War*, book v. ch. iii.
- [433] *Dupuy*, p. 179, 184.
- [434] *Essai sur les mœurs, &c.*, tom. ii. p. 242.
- [435] Nihil ad nos unquam pervenit nisi modica bona mobilia. Epist. ad Philip, 2 non. Май, 1309. *Raynouard*, p. 198. *De Vertot*, liv. iii.
- [436] *Raynouard*, 197, 198, 199.

[437] Распределение земель тамплиеров находится среди неупорядоченных записей в Кабинете памяти королевы, а различные счета шерифов - в третьем сундуке в Трубной канцелярии.

[438] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 130, 134, 139, 279, 288, 290, 1, 2, 297, 321. *Додсворт*. MS. vol. xxxv. p. 65, 67.

[439] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 292, 3, 4, 5.

[440] *Ib.* tom. iii. p. 299.

[441] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 303.

[442] *Ib.*, tom. iii. p. 326, 327.

[443] *Ib.*, tom. iii. p. 337.

[444] Cart. 6. E. 2. No. 4. 41.

[445] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 409, 410.

[446] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 451.

[447] *Ib.*, p. 451, 454, 455, 457, 459-463. *Dugd. Monast. Angl.*, vol. vi. part 2. p. 809.

[448] *Rolls of Parliament*, vol. ii. p. 41.

[449] *Dugd. Monast. Angl.*, vol. vi. part 2, p. 849, 850. *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 499.

[450] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 956-959, ad ann. 1322.

[451] *Statutes at Large*, vol. ix. Appendix, p. 23.

[452] *Rolls of Parliament*, vol. ii. p. 41. No. 52.

[453] *Monast. Angl.*, p. 810.

[454] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 472.

[455] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii.

[456] *Walsingham*, p. 99.

[457] *Monast. Angl.*, vol. vi. part ii. p. 848.

[458] *Pat.* 4, E. 2, p. 2; m. 20. *Dugdale*, Hist. Warwickshire, vol. i. p. 962, ed. 1730.

[459] *Dublin Review* for May, 1841, p. 301.

[460] См. выше, p. 80. 10 марта, перед отъездом из этой страны, Ираклий освятил церковь госпитальеров в Клеркенвелле и алтари святого Иоанна и святой Марии. Ex registr. S. John Jerus. in Bib. Cotton, fol. 1.

[461] Факсимиле этой надписи было точно обрисовано мистером Джео. Холмс, антиквар, и было опубликовано Страйпом в 1670 году. Самая ранняя копия, которую мне удалось найти, находится в рукописной истории Темпла в библиотеке Внутреннего Темпла, предположительно написанной в начале правления Карла Первого Джоном Уайлдом, эсквайром, членом общества и чтецом поста в 1630 году.

- [462] Tempore quoque sub eodem (A. D. 1240) dedicata est nobilis ecclesia, structuræ aspectabilis Novi Templi *Londinensis*, præsentē Rege et multis regni Magnatibus; qui eodem die, scilicet die Ascensionis, completis dedicationis solemniis, convivium in mensâ nimis laute celebrarunt, sumptibus Hospitaliorum.-Matt. *Par.* ad ann. 1240, p. 526, ed. 1640.
- [463] Большой бассейн, подобный тому, что был в церкви Темпл, можно увидеть в церкви Коулинг, Кент. *Archæologia*, vol. xi. pl. xiv. p. 320.
- [464] *Ib.* p. 347 - 359.
- [465] *Acta contra Templarios*. Concil. Mag. Brit. tom. ii. p. 336, 350, 351.
- [466] *Jac. de Vit.* De Religione fratrum militiæ Templi, cap. 65.
- [467] *Processus contra Templarios*, apud Dupuy, p. 65; ed. 1700.
- [468] См. план этой часовни и храмовой церкви в *vetusta monumenta* Общества антикваров.
- [469] Acta fuerunt hæc in capellâ juxta ecclesiam, apud Novum Templum London, ex parte Australi ipsius ecclesiæ sitâ, coram reverendis patribus domino archiepiscopo et episcopis, &c. &c. Acta *Rymeri*, tom. ii. p. 193, ad ann. 1282.
- [470] Anecdotes and Traditions published by the *Camden Society*. No. clxxxi. p. 110.
- [471] De tribus Capellanis inveniendis, apud Novum Templum, Londoniarum, pro animâ Regis Henrici Tertii. Ex regist. Hosp. S. Johannis Jerus. in Angliâ. Bib. Cotton, f. 25. a.
- [472] *Ibid.* 30. b.
- [473] *Acta contra Templarios*. Concil. Mag. Brit., tom. ii. p. 383.
- [474] E registro mun. eviden. Prior. Hosp. Sanc. Joh. fol. 23, b.; fo. 24, a.
- [475] *Nicholls' Hist. Leicestershire*, vol. iii. p. 960, note. *Malcolm*, Londinium Redivivum, vol. ii. p. 294.
- [476] *Burton's Leicestershire*, p. 235, 236.
- [477] Monumens de la monarchie Française, par *Montfaucon*, tom. ii. p. 184, plate p. 185. Hist. de la Maison de Dreux, p. 86, 276.
- [478] *Ducange*. Gloss. tom. iii. p. 16, 17; ed. 1678, verb. *Oblati*.
- [479] *Peck*. MS. vol. iv. p. 67.
- [480] Plurimique nobiles apud eos humati fuerunt, quorum imagines visuntur in hoc Templo, tibiis in crucem transversis (sic enim sepulti fuerunt quotquot illo sæculo nomina bello sacro dedissent, vel qui ut tunc temporis sunt locuti crucem suscepissent). E quibus fuerunt Guilielmus Pater, Guilielmus et Gilbertus ejus filii, omnes marescalli Angliæ, comitesque Pembrochiæ.-Camden's *Britannia*, p. 375.
- [481] *Stow's Survey*.
- [482] MS. Inner Temple Library, No. 17. fol. 402.
- [483] *Origines Juridicales*, p. 173.
- [484] *Nicholls' Leicestershire*, vol. iii. p. 960.

[485] "In porticu ante ostium ecclesiæ occidentale". Слово porticus, означающее "место для прогулок, окруженное колоннами", точно соответствует внешнему круговому проходу, окружающему круглую башню церкви.

[486] Было выражено некоторое удивление по поводу того, что женские чучела оказались в таком любопытном положении. Следует помнить, что во время крестовых походов женщины часто сражались на поле боя, и это вызывало одобрение.

[487] *Hoveden* apud rer. Anglicar. script. post Bedam, p. 488. *Dugdale's Baronage*, vol. i. p. 201. Lel. Coll. vol. i. 864.

[488] *Monast. Angl.*, vol. i. p. 444 - 464.

[489] *Dugd. Bar.*, vol. i. p. 202. *Selden*, tit. hon. p. 647.

[490] *Trivet* annales apud Hall, p. 12, 13, ad ann. 1143. *Guill. Neubr.* lib. i. cap. ii. p. 44, ad ann. 1143. *Hoveden*, p. 488, Hist. Minor. Matt. Par. in bib. reg. apud S. Jacobum.

[491] *Henry Huntingdon*, lib. viii. Rer. Anglicar. script. post Bedam, p. 393. *Chron. Gervasii*, apud script. X. col. 1360. *Radulph de Diceto*, ib. col. 508. Vir autem iste magnanimus, velut equus validus et infrænus, maneria, villas, cæteraque, proprietatem regiam contingentes, invasit, igni combussit, &c. &c. MS. in Bibl. Arund., A. D. 1647, a. 43. cap. ix., в настоящее время находится в библиотеке Королевского общества. *Annales Dunstaple* apud Hearne, tom. i. p. 25.

[492] Vasa autem altaris aurea et argentea Deo sacrata, capas etiam cantorum lapidibus preciosis ac opere mirifico contextas, casulas cum albis et cæteris ecclesiastici decoris ornamentis rapuit, &c. MS. ut sup. Gest. reg. Steph. p. 693, 694.

[493] De vitâ sceleratâ et condigno interitu Gaufridi de Magnavilla.-Guill. *Neubr.* lib. i. cap. xi. p. 44 - 46. Генрих Хантингдонский, живший в царствование короля Стефана и поддерживавший переписку с аббатом Рамзи, так рассказывает об этом чудесном явлении, очевидцем которого он себя объявляет. Dum autem ecclesia illa pro castello teneretur, ebullivit sanguis a parietibus ecclesiæ et claustris adjacentis, indignationem divinam manifestans; sceleratorum exterminationem denuntians, quod quidem multi viderant, et ego ipse quidem meis oculis inspexi! *Script. post Bedam.* lib. viii. p. 393, ed. 1601, Francfort. Ховеден, писавший вскоре после этого, скопировал этот рассказ. *Annales*, ib. p. 488.

[494] *Guill. Neubr.* ut sup. p. 45, 46. *Chron. Gervasii*, apud X. script. col. 1360. *Annal. S. Augustin.* *Trivet* ad ann. 1144, p. 14. *Chron. Brompton*, col. 1033. *Hoveden*, ut sup. p. 488.

[495] Grew mad with much anger.

[496] Peter Langtoft's Chronicle, vol. i. 123, by Robert of Brunne, translated from a MS. in the Inner Temple Library, Oxon. 1725.

[497] In pomærio suo veteris, scilicet Templi apud London, canali inclusum plumbeo, in arbore torvâ suspenderant. *Antient MS. de fundatione cœnobii Sancti Jacobi de Waldena*, fol. 43, a. cap. ix. no. 51, в Библиотеке Королевского общества.

[498] Cumque Prior ille, corpus defunctum deponere, et secum Waldenam transferre satageret, Templarii caute premeditati, statim illud tollentes, in cimiterio Novi Templi ignobili satis tradiderunt sepulturæ.-Ib.

[499] A. D. MCLXIII, sexto kal. Octobris, obiit Galfridus de Mandeuil, comes Essexiæ, fundator primus hujus monasterii de Walden, cujus corpus jacet Londoniis humatum, apud Temple-bar in

porticu ante ostium ecclesie occidentale. MS. в библиотеке Королевского общества, обозначенный № 29, озаглавленный *Liber de fundatione Sancti Jacobi Apostoli de Waldenâ*. *Kommon*, MS. Vesp. E. vi. fol. 25.

[500] Ховеден говорит о нем как о человеке в высшей степени честном, но нерелигиозном. *Erat autem summæ probitatis, sed summæ in Deum obstinationis, magnæ in mundanis diligentie, magnæ in Deum negligentie. Hoveden ut supra.*

[501] Это было углубление, вырубленное в мелу, колоколообразной формы и точно круглое, тридцать футов в высоту и семьдесят футов в диаметре. Боковые стороны этого любопытного убежища были украшены изображениями распятий, святых, мучеников и исторических фрагментов, которые благочестивая и эксцентричная леди, как предполагается, вырезала для своего развлечения. См. необычный отчет об открытии в 1742 году пещеры леди Ройзии в Ройстоне, опубликованный доктором *Стакли*. Кембридж, 1795.

[502] *Camden's Britannia*, ed. 1600, p. 375.

[503] *Tradidit Willielmo Marescallo, familiari suo, crucem suam Jerosolymam deferendam. Hoveden ad ann. 1183, apud rer. Anglic. script. post Bedam, p. 620.*

[504] *Chron. Joan Brompton*, apud X. script. col. 1158. *Hoveden*, p. 655, 666.

[505] *Selden's Tit. of Honour*, p. 677.

[506] *Hoveden*, p. 659, 660. *Radulf de Diceto*, apud X. script. p. 659.

[507] *Matt. Par.*, p. 196. *Hoveden*, p. 792. *Dugdale Baronage*, tom. i. p. 601.

[508] *Trivet*, p. 144. *Gul. Britt.*, lib. vii. *Ann. Waverley*, p. 168.

[509] *Matt. Par.*, p. 237.

[510] *Matt. Par.*, p. 253-256, ad ann. 1215.

[511] См. его красноречивое обращение к епископам и баронам в защиту молодого короля: *Hemingford*, lib. iii. cap. 1. p. 562, apud *Gale XV. script.*

[512] *Matt. Par.*, p. 289, ad ann. 1216. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 216.

[513] *Hemingford*, p. 565, 568. "Эти вольности, четко изложенные в письменном виде, мы посылаем вам, наши верные подданные, запечатанные печатью нашего верного Уильяма Маршалла, графа Пембрука, хранителя нас и нашего королевства, поскольку у нас до сих пор нет никакой печати". *Acta Rymeri*, tom. i. part 1. p. 146, ed. 1816. *Thomson*, on *Magna Charta*, p. 117, 130. Все хартии и грамоты были скреплены печатью графа-маршала, "*Rectoris nostri et regni, eo quod nondum sigillum habuimus*". *Acta Rymeri*, tom. i. p. 224, ed. 1704.

[514] *Matt. Par.*, p. 292-296.

[515] Мэтью Пэрис свидетельствует о большом превосходстве английских моряков над французскими даже в те дни - *ibid.* p. 298. *Trivet*, p. 167-169.

[516] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 219, 221, 223.

[517] *Dugd. Baronage*, tom. i. p. 602, A. D. 1219. *Willielmus senior, mareschallus regis et rector regni, diem clausit extremum, et Londini apud Novum Templum honorifice tumulatur, scilicet in*

ecclesiâ, in Ascensionis die videlicet xvii. calendas Aprilis.-Matt. *Par.* p. 304. *Ann. Dunstaple*, ad ann. 1219. ЭНН. *Waverley*.

[518] Miles strenuissimus et per universum orbem nominatissimus.-Chron. *T. Wikes* apud *Gale*, script. XV. p. 39.

[519] *Monast. Angl.*, p. 833, 834, 837, 843.

[520] MS. Bib. Cotton. *Vitellius*, F. 4. *Monast. Angl.*, tom. i. p. 728, ed. 1655.

[521] *Matt. Par.*, p. 182. ad ann. 1196.

[522] *Hoveden* apud rer. Anglicar. script. post *Bedam*, p. 811.

[523] *Matt. Par.* p. 254, 262. *Lel. col. vol. i.* p. 362.

[524] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 224, ad ann. 1217.

[525] *Dugd. Baronage*, vol. i. p. 545, 546.

[526] *Monast. Angl.*, vol. vi. part ii. p. 838, 842.

[527] *Matt. Par.* p. 254, 256. *Lel. col. vol. i.* p. 841.

[528] *Matt. Par.* p. 317, ad ann. 1223.

[529] *Matt. Par.* p. 366. *Ann. Dunst.* p. 99. 134, 150.

[530] Eodem tempore, A. D. 1231, mense Aprili, Willielmus, Marescallus comes Pembrochiæ, in militiâ vir strenuus, in dolorem multorum, diem clausit extremum, et Londoniis apud Novum Templum sepultus est, juxta patrem suum, XVII calend. Maii. Rex autem qui eum indissolubiliter dilexit, cum hæc audivit, et cum vidisset, corpus defuncti pallâ coopertum, ex alto trahens suspiria, ait, Heu, heu, mihi! nonne adhuc penitus vindicatus est sanguis beati Thomæ Martyris.-*Matt. Par.* p. 368.

[531] *Dugd. Monast. Angl. ut sup.* p. 820.

[532] Margaretam puellam elegantissimam matrimonio sibi copulaverat.-*Matt. Par.*, p. 432, 404.

[533] *Matt. Par.* p. 483.

[534] *Ib.* p. 431, 483, 516, 524.

[535] In crastino autem delatum est corpus Londinum, fratre ipsius prævio, cum tota sua familia comitante, juxta patrem suum et fratrem tumultandum.-*Ib.* p. 565. ad ann. 1241.

[536] *Dugd. Monast. Angl.*, p. 833.

[537] "Paucis ante evolutis annis, post mortem omnium suorum filiorum, videlicet, quando dedicata est ecclesia Novi Templi, inventum est corpus sæpedicti comitis quod erat insutum corio taurino, integrum, putridum tamen et prout videri potuit detestabile."-*Matt. Par.* p. 688.

Несомненно, это должно быть интерполяцией какого-то сумасброда. Последний из Пемброков умер в 1245 г., в то время как, согласно собственным данным Мэтью Париса, восточная часть церкви была освящена в 1240 г., p. 526.

[538] *Mill's Catalogues*, p. 145. *Speed*, p. 551. *Sandford's Genealogies*, p. 92, 93, 2nd edition.

[539] Ex Registr. Hosp. S. Joh. Jerus. in Angliâ, in *Bib. Cotton*, fol. 25 a.

[540] Ib.

[541] *Nicolas*, Testamenta Vetusta, p. 6.

[542] P. 899, 900.

[543] Ante, p. 255.

[544] *Joan Sarisburiensis*. Polycrat. lib. vi. cap. 1.

[545] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 296, 297.

[546] Cart. vi. E. 2. n. 41. *Trivet*. cont., p. 4. *T. de la More*, p. 593.

[547] Pat. 8. E. 2. m. 17. Храм описывается в нем как "de feodo Thomæ Comitis Lancastriæ, et de honore Leicestrie".

[548] Processus contra comitem Lancastriæ. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 936. *Lel.* coll. vol. i. p. 668. *Ла Мор*, *Уолсингем*.

[549] Cart. 15. E. II. m. 21. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 940.

[550] *Dugd.* Baron., vol. i. p. 777, 778.

[551] Rot. Escaet. 1. E. III.

[552] *H. Knyghton*, apud X. script. col. 2546. 7. *Lel.* Itin. vol. vi. p. 86. *Walsingham*, 106.

[553] Claus. 4. E. III. m. 9. *Acta Rymeri*, tom. iv. p. 461.

[554] В те времена в каждом графстве и в различных крупных городах был эскейтор: в обязанности этого чиновника входило конфисковать в руки короля все земли, принадлежащие короне, по получении предписания *De diem clausit extremum*, предписывающего ему собрать жюри для расследования стоимости земель, выяснения, кто является ближайшим наследником покойного, ренты и службы, которыми они владели, и т. д. и т. п.

[555] Claus 3. E. III. m. 6. d. *Acta Rymeri*, tom. iv. p. 406.

[556] Claus. 4. E. III. m. 7. *Acta Rymeri*, tom. iv. p. 464.

[557] Pat. 6. E. III. p. 2. m. 22. в оригинале, apud Rolls Garden ex parte Remembr. Thesaur.

[558] Rot. Escaet. 10. E. 3. 66. Claus 11 E. 3. p. 1. m. 10.

[559] Sunt etiam ibidem claustrum, capella Sancti Thomæ, et quædam platea terræ eidem capellæ annexata, cum una aula et camera supra edificata, quæ sunt loca sancta, et Deo dedicata, et dictæ ecclesiæ annexata, et eidem Priori per idem breve liberata..... Item dicunt, quod præter ista, sunt ibidem in custodia Wilielmi de Langford infra Magnam Portam dicti Novi Templi, extra metas et disjunctiones prædictas, una aula et quatuor cameræ, una coquina, unum gardinum, unum stabulum, et una camera ultra Magnam Portam prædictam, &c.

[560] In memorandis Scacc. inter recorda de Termino Sancti Hilarii, 11. E. 3. in officio Remembratoris Thesaurarii.

[561] Pat. 12. E. 3. p. 2. m. 22. *Dugd.* Monasticon, vol. vii. p. 810, 811.

[562] Ex registr. Sancti Johannis Jerus. fol. 141. a. *Dugd.* Monast., tom. vi. part 2, p. 832.

[563] Ibid. ad ann. 1341.

[564] Rex omnibus ad quos &c. salutem. Sciatis quod de gratiâ nostrâ speciali, et pro bono servitio quod Rogerus Small nobis impendit et impendat in futuro, concessimus ei officium *Janitoris Novi Templi* London Habend. &c. pro vitâ suâ &c. pertinend. &c. omnia vada et feoda &c. eodem modo qualia Robertus Fetyt defunct. Qui officium illud ex concessione domini Edwardi nuper regis Angliæ patris nostri habuit.... Teste meipso apud Westm. 5 die Aprilis, anno regni nostri 35. Pat. 35. E. 3. p. 2. m. 33.

[565] Пролог к "Кентерберийским рассказам". Жалование подмастерьев Храма, temp. Hen. VIII. составляло xxxvis. viiid. в год. Биб. *Хлопок*. Vitellius, c. 9. f. 320, а.

[566] Annal. Olim-Sanctæ Mariæ Ebor.

[567] *Walsing.* 4 Ric. 2. ad ann. 1381. Hist. p. 249, ed. 1603.

[568] Rot. claus 5. E. 2. m. 19. Acta *Rymeri*, tom. iii. p. 292, 293, 294.

[569] Unam robam per annum de secta liberorum servientium, et quinque solidos per annum, et deserviat quamdiu poterit loco liberi servientis in domo prædictâ. Ib. m. 2. Acta *Rymeri*, tom. iii. p. 331, 332.

[570] Quolibet anno ad Natale Domini unum vetus indumentum de veteribus indumentis fratrum, et quolibet die 2 denarios pro victu garcionis sui, et 5 solidos per annum per stipendiis ejusdem garcionis, sed idem garcio deserviet in domo illâ. Ib.

[571] Томас из Уотропа на суде над тамплиерами в Англии не смог дать отчет о приеме некоторых братьев в орден, quia erat *panetarius* et vacabat circa suum officium. *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 355. Tunc panetarius mittat comiti duos panes atque vini sextarium.... Ita appellabant officialem domesticum, qui mensæ panem, mappas et manutergia subministrabat. *Ducange*, Gloss. verb. panetarius.

[572] *Regula Templariorum*, cap. lxvii. ante p. 25.

[573] *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 371 - 373, ante, p. 235.

[574] *Dugd. Orig. Jurid.*, p. 212.

[575] Nullus clericus nisi causidicus. Will. Malm., lib. iv. f. 69. *Radulph de Diceto*, apud Hist. Angl. Script. Antiq., lib. vii. col. 606, из которого следует, что главные юстиции и странствующие судьи были все *священниками*.

[576] *Spelm. Concil.*, tom. ii. ad ann. 1217.

[577] Innocentius, &c. ... Præterea cum in Angliæ, Scotiæ, Walliæ regnis, causæ laicorum non imperatoriis legibus, sed laicorum consuetudinibus decidentur, fratrum nostrorum, et aliorum religiosorum consilio et rogatu, statuimus quod in prædictis regnis *leges sæculares* de cætero non legantur. *Matt. Par.*, p. 883, ad ann. 1254, et in additamentis, p. 191.

[578] Et quod ipsi quos ad hoc elegerint, curiam sequantur, et se de negotiis in eadem curia intromittant, et alii non. Et videtur regi et ejus concilio, quod septies viginti sufficere poterint, &c.- *Rolls of Parl.* 20. E. 1. vol. i. p. 84, No. 22.

[579] *Dugd. Orig. Jurid.*, cap. xxxix. p. 102.

[580] Ante, p. 118. Булавоносцы, звонари, воры, тюремщики, судебные приставы, общественные палачи и все лица, выполнявшие определенную работу для другого, назывались *servientes*, *serjens* или *serjeants*. -Дюканж Глосс.

[581] *Pasquier's Researches*, liv. viii. cap. 19.

[582] *Will. Tyr.*, lib. i. p. 50, lib. xii. p. 814.

[583] *Dugd. Hist. Warwickshire*, p. 704.

[584] Et tunc Magister Templi dedit sibi mantellum, et imposuit pileum capiti suo, et tunc fecit eum sedere ad terram, injungens sibi, &c.-*Acta contra Templarios. Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 380. См. также p. 335.

[585] Предполагается, что коиф был впервые введен клерикальными практиками общего права, чтобы скрыть *тонзуру* тех священников, которые практиковали в суде общей юрисдикции, несмотря на церковный запрет. Но это было не так. На ранних портретах наших судей они изображены с коифами гораздо большего размера, чем те, которые сейчас носят сержанты-судьи, гораздо большего, чем было бы необходимо, чтобы скрыть *просто церковную тонзуру*. Покрытие для этой цели было бы просто абсурдным. Старинные коифы сержантов представляли собой небольшие льняные или шелковые чепчики, плотно прилегающие к макушке головы. Этот своеобразный чепец повсеместно носят на Востоке, где люди бреют головы и стригут волосы. В Европу он был завезен рыцарями-тамплиерами и стал отличительным знаком их ордена. От *брадобреев* Храма он перешел к *брадобреям* закона.

[586] Ex cod. MS. apud sub-thesaurarium Hosp. Medii Templi, f. 4. a. *Dugd. Orig. Jurid.* cap. 43, 46.

[587] MS. in Bib. Int. Temp. No. 17. fo. 408.

[588] *Burton's Leicestershire*, p. 235.

[589] После того, как суды Королевской скамьи и Казначейства путем законодательной фикции привлекли к себе огромную часть гражданских дел, которые первоначально велись только в Common Pleas, степень *serjeant-at-law*, с ее исключительной привилегией практиковать в последнем названном суде, не была востребована, как прежде. Поэтому адвокаты или барристеры Королевской скамьи и Экскавалера в разное время получали предписание принять на себя степень *койфа* и перенести свою практику в Common Pleas.

[590] *Malcom. Lond. Rediviv.*, vol. ii. p. 282.

[591] MS. *Bib. Cotton. Vitellius*, c. 9, fol. 320, a.

[592] MS. *Bib. Cotton*, c. 9, fol. 320, a.

[593] *Hargrave*, MS. No. 19, 81. f. 5. fol. 46.

[594] MS. in Bib. In. Temp., No. 19, fol.

[595] In. Temp. Ad. Parliament, ibm. XV. die Novembris Anno Philippi et Mariæ tertio et quarto, coram Johe Baker Milite, Nicho Hare Milite, Thoma Whyte Milite, et al. MS. Bib. In. Tem. Div. 9, shelf 5, vol. xvii. fol. 393.

[596] Ex registr. In. Temp., f. 112, 119, b. Med. Temp., f. 24, a. *Dugd.*, Orig. Jurid., p. 310, 311.

[597] Ante, p. 180.

[598] *Dugd. Orig. Jurid.* p. 316. *Herbert Antiq.*, p. 223 - 272.

[599] *Leigh's Armorie*, fol. 119. ed. 1576.

[600] *Naunton's Fragmenta Regalia*, p. 248.

[601] *Chalmer's Dict. Biograph.*, vol. xvii. p. 227.

[602] *Dugd. Orig. Jurid.*, p. 150. Ex registro Hosp. In. Temp. f. 123.

[603] *Whitelock's Memorials*, p. 18-22. Ed. 1732.

[604] *Dugd. Orig.* p. 157. *Biog. Brit.* vol. xiv. p. 305.

[605] *Dugd. Orig.* p. 158.

[606] *Harleian MS.*, No. 830.

[607] MS. Bib. *Cotton.* Vitellius, c. 9. fol. 320 a.

[608] См. допрос брата Радульфа де Бартон, священника ордена Храма и смотрителя церкви Храма, перед папскими инквизиторами в Лондоне - *Concil. Mag. Brit.*, tom. ii. p. 335, 337, ante, p. 221, 222.

[609] *Peck, Desiderata Curiosa*, lib. xiii. p. 504, 505. Прим. ред. 1779.